

СИЦИЯ

Е. А. ИСАЕВА, Ж. В. КЛИМЕНКО,
О. К. БЫЦЬКО, А. О. МЕЛЬНИК
ИНТЕГРИРОВАННЫЙ КУРС

ЛИТЕРАТУРА

(РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ)

7

УДК 821.161.1.09+821(100).09](075.3)

ББК 83.3(2Рос)я721+83.3(0)я721

I-73

*Рекомендовано Министерством образования и науки Украины
(приказ Министерства образования и науки Украины
от 20.07.2015 г. № 777)*

Авторы разделов:

Е. А. Исаева, доктор педагогических наук, профессор: «Приглашение к сотрудничеству»; «Страницы прошлого читаю...» («По былинам сего времени»); «Проникая в тайны баллады» («В. А. Жуковский», «Р. Л. Стивенсон»); «Из золотого фонда русской литературы» («А. С. Пушкин», «М. Ю. Лермонтов», «Н. В. Гоголь»); «Постигая суть рассказа и новеллы» («А. П. Чехов», «О. Генри», «А. Конан Дойл»); «Чтобы знать и помнить...»; «Стоит ли верить в чудеса...» («А. Грин»); «Познаем себя через книгу»;

Ж. В. Клименко, доктор педагогических наук, профессор: «Проникая в тайны баллады» («А. Мицкевич»); «Из золотого фонда русской литературы» («И. С. Тургенев»); «Постигая суть рассказа и новеллы» («Дж. Олдридж»); «Стоит ли верить в чудеса...» («А. Азимов»);

О. К. Быцько: «Из золотого фонда русской литературы» («М. Ю. Лермонтов», «Н. В. Гоголь»);

А. О. Мельник, кандидат педагогических наук, доцент: «Страницы прошлого читаю...» («Из древнерусской литературы»); «Стоит ли верить в чудеса...» («Д. Амонд»).

Исаева Е. А.

I-73 Интегрированный курс «Литература (русская и зарубежная)»: учеб. для 7 кл. общеобразоват. учеб. заведений с обучением на рус. яз. / Е. А. Исаева, Ж. В. Клименко, О. К. Быцько, А. О. Мельник. — Харьков: СИЦИА, 2015. — 352 с.: ил.

ISBN 978-966-2542-91-2.

УДК 821.161.1.09+821(100).09](075.3)

ББК 83.3(2Рос)я721+83.3(0)я721

© Е. А. Исаева, Ж. В. Клименко,
О. К. Быцько, А. О. Мельник, 2015

ISBN 978-966-2542-91-2

© Издательство «СИЦИА», 2015

К ВЕРШИНАМ ИСКУССТВА СЛОВА

ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Каждый книжный том —
Это только путь к тому.
Что в тебе самом.

Герман Гессе, немецкий писатель

ДОРОГИЕ НАШИ ЧИТАТЕЛИ!

Наше совместное путешествие в мир литературы продолжается... В «летописи эпох», представленной в фольклорных и литературных произведениях, которые вы будете читать в этом учебном году, всё объединяется вокруг проблемы ЧЕЛОВЕКА, его представлений о жизненном предназначении, ценностях и нравственных ориентирах.

Погружаясь в литературные произведения, мы часто мысленно вступаем в диалог с их создателями, героями, изображёнными в них, и каждый из нас по-своему разгадывает тайнопись, созданную на языке искусства. А это значит, что, читая, мы также ПОЗНАЁМ И СЕБЯ.

А ещё... чтение истинных произведений литературы облагораживает нас, привносит в наши души и сердца настоящую ВЕРУ в ДОБРО и СВЕТ, МИР и СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ведь, как подчёркивал выдающийся исследователь литературы Д. С. Лихачёв, «самая большая ценность, которой награждает человека искусство, — это ценность доброты. Награждённый даром понимать искусство, человек становится нравственно лучше, а, следовательно, и счастливее».

Надеемся, что, погружаясь в мир литературных произведений, вы сами сможете убедиться в правильности этих слов. На страницах нашего учебника вы найдёте не только художественные тексты, которые вы будете читать и обсуждать в классе, но и те, которые рекомендованы для внеклассного и семейного чтения.

Желаем вам новых встреч и открытий, радости общения с вершинами искусства слова!

*С глубоким уважением и надеждой
на взаимопонимание*

Авторы

Приглашение к сотрудничеству	3
Книга и чтение в нашей жизни	6
«СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ЧИТАЯ...»	
<i>По былинам сего времени</i>	8
<i>Из тайников искусства слова.</i>	
Понятие о былине и былинном стихе	8
Илья Муромец и Соловей Разбойник	10
<i>Из тайников искусства слова.</i>	
Понятие о гиперболе и постоянном эпитете	20
Из древнерусской литературы <i>(для внеклассного и семейного чтения).</i>	22
Ермолай-ЕРАЗМ: история о всепобеждающей любви, или «Повесть о Петре и Февронии Муромских»	22
Повесть о Петре и Февронии Муромских.	26
ПРОНИКАЯ В ТАЙНЫ БАЛЛАДЫ	
Василий Андреевич ЖУКОВСКИЙ: светлая душа	39
Светлана	42
<i>Из тайников искусства слова.</i>	
Понятие о балладе	47
Адам МИЦКЕВИЧ: великий поэт польской нации	48
Свитязь	52
Роберт Льюис СТИВЕНСОН: «Я радостно жил...»	59
Вересковый мёд	61
ИЗ ЗОЛОТОГО ФОНДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
Александр Сергеевич ПУШКИН: новый Прометей	66
Узник	69
Птичка	70
«Цветок засохший, безуханный...»	71
«Если жизнь тебя обманет...»	72
Станционный смотритель	72
Метель	83
<i>Из тайников искусства слова.</i>	
Понятие о композиции художественного произведения	94
Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ: певец Кавказа	96
Кавказ (Хотя я судьбой на заре моих дней...)	99
Мцыри (В сокращении)	100
<i>Из тайников искусства слова.</i>	
Понятие о поэме и лирическом монологе	116
Николай Васильевич ГОГОЛЬ: дорога к дому	118
Тарас Бульба (Главы из повести)	121

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ: живописец крестьянской жизни <i>(для внеклассного и семейного чтения)</i>	161
Бежин луг <i>(В сокращении)</i>	163
ПОСТИГАЯ СУТЬ РАССКАЗА И НОВЕЛЛЫ	
Антон Павлович ЧЕХОВ: «Его врагом была пошлость»	174
Толстый и тонкий	177
<i>Из тайников искусства слова.</i> Понятие об антитезе.	
Художественная деталь в литературном произведении	179
Хамелеон	181
О. ГЕНРИ (Уильям Сидней ПОРТЕР):	
«Нести добро и радость людям...»	184
Дары волхвов	185
<i>Из тайников искусства слова.</i> Понятие о новелле	191
Последний лист	192
Артур КОНАН ДОЙЛ: мастер тайн и загадок	199
Голубой карбункул	201
<i>Из тайников искусства слова.</i>	
Понятие о детективной литературе. Цикл произведений	220
Джеймс ОЛДРИДЖ: рыцарь выбора	222
Последний дюйм <i>(В сокращении)</i>	225
«ЧТОБЫ ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ...»	
<i>(для внеклассного и семейного чтения)</i>	
«Строки, опалённые войной...»	247
Анна Андреевна АХМАТОВА: победившая судьбу...	252
Клятва	254
«А вы, мои друзья последнего призыва...»	255
Константин Михайлович СИМОНОВ:	
«Всю жизнь любил он рисовать войну...»	256
Жди меня	257
СТОИТ ЛИ ВЕРИТЬ В ЧУДЕСА? или РОМАНТИЧЕСКАЯ	
ФАНТАСТИКА И ФАНТАСТИЧЕСКАЯ РОМАНТИКА	
Александр Грин (Александр Степанович ГРИНЕВСКИЙ):	
создатель удивительной страны	260
Алые паруса <i>(В сокращении)</i>	262
<i>Из тайников искусства слова.</i> Понятие о символе	292
Айзек АЗИМОВ: предсказатель будущего	294
Профессия <i>(В сокращении)</i>	297
Дэвид АМОНД:	
«Я всегда знал, что хотел быть писателем...»	324
Скеллиг <i>(Отрывки)</i>	326
Познаём себя через книгу	349
Словарик литературоведческих терминов	350

Ты ищешь знаний, мудрости земной,
Ты ищешь смысла жизни во Вселенной?
Найди на полке книгу и раскрой
Источник мысли чистый, вдохновенный...

Алио Мирцхулава, грузинский поэт

КНИГА И ЧТЕНИЕ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Кто перестаёт читать, тот перестаёт думать.

Дени Дидро (1713–1784), французский писатель, философ

✓ Царство книг действительно может быть названо морем — такое оно бескрайнее... Такие чудеса можно в нём найти.

Иоганн Вольфганг Гёте (1749–1832), немецкий поэт и государственный деятель

✓ ... Станным и неестественным кажется человек, который существует без книги.

Тарас Шевченко (1814–1861), украинский поэт, художник, общественный деятель

✓ Какое богатство мудрости и добра заразительного рассыпано по книгам всех народов и времён.

Лев Толстой (1828–1910), русский писатель и мыслитель

✓ Если я привёл вас туда, где вы раньше не бывали, то убедитесь в правильности пути и двигайтесь дальше. Но, может быть, моя попытка была тщетной? И в этом нет ничего страшного, пусть даже мои усилия и ваше время были потрачены зря... Однако думать и говорить о книгах всегда прекрасно, к чему бы это ни привело.

Артур Конан Дойл (1859–1930), английский писатель

Прокомментируйте прочитанное. Подыщите самостоятельно и обсудите со своими одноклассниками другие высказывания о роли книги и чтения в жизни человека.

«СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ЧИТАЯ...»

Найдётся ли такой человек, на которого не произвела бы впечатления древность, засвидетельствованная и удостоверенная столькими славнейшими памятниками?

*Марк Туллий Цицерон,
древнеримский политик и философ*

Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости.

Александр Пушкин

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✓ **обогатить** свои знания о фольклоре;
- ✓ **понять**, что такое былина и в чём особенность былинного стиха;
- ✓ **узнать**, как в былинном эпосе отразились народные представления о человеке и смысле его жизни;
- ✓ **научиться** выразительно читать былины;
- ✓ **прочитать** произведение древнерусской литературы «Повесть о Петре и Февронии Муромских» и задуматься, в чём его смысл;
- ✓ **найти ответ на вопрос**, зачем современному человеку нужно знать произведения древности.

Вспомните, что такое фольклор.

Объясните, почему фольклор считают сокровищницей народного опыта.

Какие произведения устного народного творчества вы уже читали? Расскажите о них.

ПО БЫЛИНАМ СЕГО ВРЕМЕНИ

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О БЫЛИНЕ И БЫЛИННОМ СТИХЕ

Особое место среди произведений устного народного творчества занимают песни-сказания, повествующие о героическом событии или примечательном факте. Такие произведения, созданные народом, называются **былинами**.

Былины были способом передачи от поколения к поколению древних верований и представлений о мире, каких-либо исторических сведений. Всё, о чём повествовалось в былинах, воспринималось как правда, как реально происходившие когда-то в далёком прошлом события. И, действительно, эти произведения устного народного творчества повествуют нам о многих исторических фактах. Так, певцы в былинах рассказывали о географии и пейзажах Древней Руси («раздольице чисто поле»), изображали борьбу древнего государства против степняков-кочевников. Исследователи отмечают, что былины донесли до нас имена реально существующих лиц:

Владимира Святославовича и Владимира Мономаха, Добрыни, Садко, Ильи Муромца и многих других. Но вместе с тем реальные образы и картины в былинах неотделимы от фантастического вымысла. Так, Добрыня Никитич побивает огненного змея, Соловей Разбойник сидит на семи дубах и свистом губит всё живое, а новгородский гуслир Садко за свою игру получает богатство от морского царя. Время действия былин также особенное. Поэтому Илья, отправляясь в путь, «заутреню стоял во Муроме, а й к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град».

В былинах воспеваются мощь и сила народа. Главные герои былин — богатыри, наделённые исключительными способностями, которыми не обладает обычный человек: невиданной силой, безграничной отвагой и храбростью, бесстрашием, беззаветным мужеством и стойкостью. Самые известные из богатырей — это Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович.

Таким образом, **былины** — произведения устного народного творчества, созданные в форме песни-сказания, которые повествуют о героическом событии или каком-либо примечательном историческом факте.

Разновидность перифмованного стиха, с помощью которого создана былина, называется **былинным стихом**.

Каждый такой стих содержит примерно одинаковое число ударений (обычно четыре), что придаёт былине торжественное звучание.

Исполняли былины певцы-сказители. Предполагается, что в древности былины исполняли под аккомпанемент струнного музыкального инструмента — гусли. Позже былины стали исполнять без музыкального сопровождения. Древние сказители произносили былины речитативом, немного нареспев. Для того чтобы научиться сказывать былины, необходимо было долго учиться. Такое мастерство передавалось от родителей к детям, а потом и к внукам и часто становилось достоянием семьи. Сказители знали лишь сюжет былины, а дальше, владея определённым набором повторяющихся эпизодов, создавали при каждом новом произнесении новое произведение. Таким образом, каждое исполнение былины ста-

новилось процессом её создания, а каждый её исполнитель был её творцом. Поэтому в былинах много всевозможных повторений различных слов, строк и даже целых эпизодов. Повторения придают былинной речи особую плавность и напевность. Так, в былинке «Илья Муромец и Соловей Разбойник» четыре раза описывается страшный свист Соловья, и от таких повторений крик разбойника кажется ещё ужаснее.

В народе былины называли *старинами*, то есть песнями о действительных событиях далёкого прошлого. Эти произведения устного народного творчества своё теперешнее название — былины — получили в 1830-х годах от собирателя и исследователя фольклора Ивана Петровича Сахарова, который заимствовал это название из древнего памятника литературы — «Слова о полку Игореве» («Начнём же эту песнь по былинам сего времени...»).

1. Какие произведения устного народного творчества называются былинами?
2. Что такое былинный стих? Расскажите, в чём заключалась особенность исполнения былин в древности.
3. Как в старину назывались былины? Объясните почему.
4. Раскройте историю современного названия этого вида произведений устного народного творчества.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как чёрна ворона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица чёрный ворон не пролётыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великойей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конём топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.

Иван Билибин.
Илья Муромец
(1900)

Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
 Выходили мужички да тут черниговски
 И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
 Ай зовут его в Чернигов воеводою.
 Говорит-то им Илья да таковы слова:
 — Ай же мужички да вы черниговски!
 Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
 Укажите мне дорожку прямоезжую,
 Прямоезжую да в стольный Киев-град.
 Говорили мужички ему черниговски:
 — Ты, удаленький дородный добрый молодец,
 Ай ты, славный богатырь да святорусский!
 Прямоезжая дорожка заколодела,
 Заколодела дорожка, замуравела.
 Ай по той ли по дорожке прям оезжею
 Да й пехотою никто да не прохаживал,
 На добром коне никто да не проезживал.
 Как у той ли то у Грязи-то у Черной,
 Да у той ли у берёзы у поклапяя,
 Да у той ли речки у Смородины,
 У того креста у Леванидова
 Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,
 Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын.
 А то свищет Соловей да по-соловьему,
 Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному,
 И от его ли то от посвиста соловьего,
 И от его ли то от покрика звериного
 Те все травушки-муравы уплетаются,
 Все лазоревы цветочки осыпаются,

Темны лесушки к земле все приклоняются, —
 А что есть людей — то все мертвы лежат.
 Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть вёрст,
 А й окольно ей дорожкой — цела тысяча.

Он спустил добра коня да й бога тырского,
 Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
 Его добрый конь да богатырский
 С горы на гору стал перескакивать,
 С холмы на холмы стал перемахивать,
 Мелки реченьки, озерка промеж ног пускал.
 Подъезжает он ко речке ко Смородине,
 Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
 Да ко тою ко берёзе ко поклапя,
 К тому славному кресту ко Леванидову.
 Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
 Закричал злодей-разбойник по-звериному —
 Так все травушки-м уравы уплеталися,
 Да й лазоревы цветочки осыпалися,
 Темны лесушки к земле все приклонилися.

Виктор Васнецов.
 Илья Муромец
 (фрагмент картины
 «Богатыри»)

Его добрый конь да богатырский
 А он на корни да спотыкается —
 А й как старый-от казак да Илья Муромец
 Берёт плеточку шелковую в белу руку,
 А он бил коня да по крутым рёбрам,
 Говорил-то он, Илья, таковы слова:
 — Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
 Али ты идти не хошь, али нести не можь?
 Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
 Не слышал ли посвиста соловьяго,
 Не слышал ли покрика звериного,
 Не видал ли ты ударов богатырских?

А й тут старья казак да Илья Муромец
 Да берёт-то он свой тугой лук разрывчатый,
 Во свои берёт во белы он во ручушки.
 Он тетивочку шелковеньку натягивал,
 А он стрелочку калёную накладывал,
 Он стрелил в того-то Соловья Разбойника,
 Ему выбил право око со косицею,

Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
 Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
 Он повёз его по славну по чисту полю,
 Мимо гнёздышка повёз да соловьиного.
 Во том гнёздышке да соловьином
 А случилось быть да и три дочери,
 А й три дочери его любимых.
 Больша дочка — эта смотрит во окошечко косявчато,
 Говорит она да таковы слова:
 — Едет-то наш батюшка чистым полем,
 А сидит-то на добром коне,
 А везёт он мужичища-деревенщину

Да у правого у стремени прикована.
 Поглядела как другая дочь любимая,
 Говорила-то она да таковы слова:
 — Едет батюшка раздольцем чистым полем,
 Да й везёт он мужичища-деревенщину
 Да й ко правому ко стремени прикована, —
 Поглядела его меньша дочь любимая,
 Говорила-то она да таковы слова:
 — Едет мужичище-деревенщина,
 Да й сидит мужик он на добром коне,
 Да й везёт-то наш батюшка у стремени,
 У булатного у стремени прикована —
 Ему у выбито-то право око со косицею.

Говорила-то й она да таковы слова:
 — А й же мужевья наши любимые!
 Вы берите-ко рогатины звериные,
 Да бегите-ко в раздольце чисто поле,
 Да вы бейте мужичища-деревенщину!

Эти мужевья да их любимые,
 Зятевь-то есть да соловьиные,
 Похватили как рогатины звериные,
 Да и бежали-то они да й во чисто поле
 Ко тому ли к мужичище-деревенщине,
 Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.

Говорит им Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
 — Ай же зятевь мои любимые!

Иван Билибин.
 Илья Муромец
 и Соловей
 Разбойник (1940)

Побросайте-ка рогатины звериные,
 Вы зовите мужика да деревенщину,
 В своё гнёздышко зовите соловьиное,
 Да кормите его ествшушкой сахарною,
 Да вы пойте его питьецом медвяным,
 Да й дарите ему дары драгоценные!

Эти зятевья да соловьиные
 Побросали-то рогатины звериные,
 А й зовут мужика да й деревенщину
 Во то гнёздышко да соловьиное.

Соловей Разбойник
 (лубок², XIX век)

Да й мужик-то деревенщина не слушался,
 А он едет-то по славному чисту полю
 Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град
 Он приехал-то во славный стольный Киев-град
 А ко славному ко князю на широкий двор.
 А й Владимир-князь он вышел со Божьей церкви,
 Он пришёл в палату белокаменну,
 Во столовую свою во горенку,
 Он сел есть да пить да хлеба кушати,
 Хлеба кушати да пообедати.
 А й тут старья казак да Илья Муромец
 Становил коня да посередь двора,
 Сам идёт он во палаты белокаменны.
 Проходил он во столовую во горенку,
 На пята он дверь-то поразмахивал¹.
 Крест-от клал он по-писаному,
 Вёл поклоны по-учёному,
 На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
 Самому князю Владим иру в особину,
 Ещё всем его князьям он подколанным.

Тут Владимир-князь стал молодца выпрашивать:
 — Ты скажи-тко, ты откулешний, дородный добрый молодец,
 Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
 Величают, удалого, по отчеству?

Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
 — Есть я с славного из города из Муром а,

¹ На пята он дверь-то поразмахивал — распахивал настежь дверь.

² Лубок — изображения с подписью, отличающиеся простотой и доступностью образов. В конце XIX века лубок возродился в виде комиксов.

Из того села да Карачарова,
 Есть я старья казак да Илья Муромец,
 Илья Муромец да сын Иванович.
 Говорит ему Владимир таковы слова:
 — Ай же старья казак да Илья Муромец!
 Да й давно ли ты повыехал из Мурома
 И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?
 Говорил Илья он таковы слова:
 — Ай ты славныя Владимир стольно-киевский!
 Я стоял заутреню христосскую во Муроме,
 Ай к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
 То моя дорожка призамешкалась.
 А я ехал-то дорожкой прямо ездею,
 Прямоездею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
 Ехал мим о эту Грязь да мимо Чёрную,
 Мимо славну реченьку Смородину,
 Мимо славную берёзу ту покляпаю,
 Мимо славный ехал Леванидов крест.

Говорил ему Владимир таковы слова:
 — Ай же мужичища-деревенщина,
 Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
 Во глазах, мужик, да насмехаешься!
 Как у славного у города Чернигова
 Нагнано тут силы много множество —
 То пехотою никто да не прохаживал
 И на добром коне никто да не проезживал,
 Туда серый зверь да не прорыскивал,
 Птица чёрный ворон не пролётывал.
 Ай у той ли то у Грязи-то у Чернойей,
 Да у славной у речки у Смородины,
 Ай у той ли у берёзы у покляпя,
 У того креста у Леванидова
 Соловей сидит Разбойник Одихмантьев сын.
 То как свищет Соловей да по-соловьему,
 Как кричит злодей-разбойник по-звериному —
 То все травушки-муравы уплетаются,
 А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
 Темны лесушки к земле все приклоняются,
 А что есть людей — то все мертвы лежат.

Богатырь
 Илья Муромец
 и Соловей
 Разбойник
 (лубок, XVIII век)

Говорил ему Илья да таковы слова:
 — Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
 Соловей Разбойник на твоём дворе.

Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.
То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорёшенько вставал да на резвы ножи,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко ты, собака, по-звериному.

Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский.
— Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловья да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.
Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во полсвиста соловьяго,
Закричи-тко ты во полкрика звериного.

Говорил-то ему Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
— Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались.
Да не ходят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да й по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина —
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да й уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному.

Говорил Илья тут князю он Владимиру:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
Ты поди в свою столовую во горенку.
Наливай-то чару зелена вина.

Ты не малую стопу — да полтора ведра,
 Подноси-тко к Соловью к Разбойнику. —
 То Владимир-князь да стольно-киевский,
 Он скоренько шёл в столову свою горенку,
 Наливал он чару зелена вина,
 Да не малу он стопу — да полтора ведра,
 Разводил медами он стоялыми,
 Приносил-то он ко Соловью Разбойнику.
 Соловей Разбойник Одихмантьев сын
 Принял чарочку от князя он одной ручкой,
 Выпил чарочку ту Соловей одним духом.

Евгений Шитиков
 Илья Муромец —
 былинный богатырь
 (1981)

Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
 Закричал Разбойник по-звериному —
 Маковки на теремах покривились,
 А околени во терем ах рассыпались.
 От него, от посвиста соловьего,
 А что есть-то людюшек — так все мертвы лежат,
 А Владимир-князь-от стольно-киевский
 Куньей шубонькой он укрывается.

А й тут старый-от казак да Илья Муромец,
 Он скорешенько садился на добра коня,
 А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
 И он срубил ему да буйну голову.
 Говорил Илья да таковы слова:
 — Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
 Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
 Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
 Тебе полно-тко вдовить да жён молодых,
 Тебе полно-тко спускать-то сиротать да малых детушек!
 А тут Соловью ему й славу поют,
 А й славу поют ему век по веку!

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Понравилось ли вам прочитанное? Обоснуйте своё мнение.
2. Докажите, что произведение устного народного творчества «Илья Муромец и Соловей Разбойник» — это былина.
3. Расскажите, кто такой Илья Муромец. Каким вы его представляете?

4. Рассмотрите репродукции картин Михаила Врубеля и Виктора Васнецова. Совпали ли ваши представления о богатыре с увиденным на полотнах?

Михаил Врубель.
Богатырь (1898–1899)

Виктор Васнецов.
Богатырский скак (1914)

5. Какие подвиги совершил богатырь? Почему его так любит народ?
6. Найдите в тексте и прочитайте, как описывается вражья сила в битве под Черниговом. Обратите внимание на звуковые повторы и определите их роль.
7. Как вы думаете, почему Илья Муромец отказался стать воеводой у черниговских мужичков? Как это характеризует главного героя?
8. Объясните, почему Илья Муромец стремился в стольный Киев-град.
9. Расскажите о встрече богатыря с Соловьём Разбойником. Охарактеризуйте, как повёл себя Илья Муромец в этой ситуации.
10. Как сказитель былины выразил своё отношение к Илье Муромцу? Аргументируйте свой ответ цитатами из текста.
11. Письменно составьте план былины.
12. Выразительно прочитайте эпизод встречи Ильи Муромца с Владимиром. С помощью каких слов и выражений раскрывается отношение народа к богатырю и князю?
13. Найдите в былине повторяющиеся строки. Определите их назначение.

14. Проведите небольшое исследование: из текста былины выпишите устаревшие слова, с помощью словаря определите их значение и подберите современные аналоги этих слов.
15. Сравните былинного богатыря Илья Муромца с персонажем народной сказки «Иван — крестьянский сын и чудо-юдо». Что объединяет этих героев?
16. Подумайте, какие качества богатыря-воина возвеличивает народ в этой былине. Аргументируйте свой ответ примерами из текста.

Читателю XXI столетия на заметку

Существует предположение, что Илья Муромец — лицо историческое. По сегодняшний день ведутся споры, откуда же родом Илья Муромец: из украинского села Моровск Козелецкого района Черниговской области или из-под российского города Муром. Если принять во внимание летопись о бытии богатыря, в которой говорится, что он из Киева на ужин домой попевал, то версия об украинском происхождении Ильи Муромца имеет большую степень вероятности, т.к. за это время можно было как раз доскакать до села Моровск.

Предполагают, что после славных побед Илья Муромец удалился на покой в Киево-Печерскую лавру. В XVII столетии его причислили к лику святых. Мощи святого до сих пор находятся в Киево-Печерской лавре. Там же есть и чудодейственная икона святого. Был проведён научный анализ мощей. Сенсацией стало подтверждение не только личности богатыря, но даже того, что в молодости Илья Муромец был парализован, а затем чудесным образом исцелился.

Скульптура Ильи Муромца в Чернигове (2014).
Автор — Андрей Стеценко

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЯ О ГИПЕРБОЛЕ И ПОСТОЯННОМ ЭПИТЕТЕ

Описание в былинах особенных событий и особенных героев требовало и особенной формы. Поэтому в произведениях этого вида устного народного творчества мы встречаемся с намеренными преувеличениями, которые помогают ярче описать действительность. Так, например, сила богатырей преувеличена до невероятных размеров: Илья Муромец одним только взмахом руки валит наземь полчища врагов. Такие художественные преувеличения называются **гиперболой**.

Гипербола (от греческого слова — *преувеличение*) — средство художественного изображения, основанное на преувеличении.

В былинах гиперболе отводится особая роль. С помощью этого средства художественного изображения передаётся тяжесть и высокая цена богатырского оружия, огромные расстояния, которые с лёгкостью преодолевает богатырский конь, и многое другое.

Как и в других произведениях устного народного творчества, изображаемые в былинах предметы и образы отличались своими постоянными качествами. Так, поле всегда — «чистое», конь — «добрый», богатырь — «сильный, могучий», а вражья сила обязательно — «поганая». Такие образные определения (эпитеты) называются постоянными эпитетами.

Постоянный эпитет — закреплённое за каким-либо предметом образное определение.

1. Расскажите, что такое гипербола. Приведите примеры из прочитанной былины.
2. Объясните, какие эпитеты мы называем постоянными. Найдите в прочитанной вами былине постоянные эпитеты.

Читателю XXI столетия на заметку

Чтобы почувствовать красоту былинных стихов, необходимо научиться их выразительно читать. Былины читаются речитативом, немного нараспев, но без пения. Необходимо учить, что каждый былинный стих содержит в себе приблизительно одно и то же число ударений (обычно четыре). Чтобы выдержать это правило, сказители былин нередко растягивали и стягивали слова. Например, «Птица чёрный ворон не пролётывал» (вместо «не пролётывает»). С целью сохранения ритма в стих вставлялись дополнительные слоги, например, «А ъ окольной дорожкой — цела тысяча» или «Его добрый конь да богатырский». Обратите внимание также, что, хотя рифмы в былинах нет, но встречающиеся однородные окончания слов («уплелись — осыпались») также помогают создать напевность при чтении былин.

Диалог искусств

Устное народное творчество всегда вызывало интерес у представителей разных видов искусств. Так, в историю мирового изобразительного искусства навсегда вошло огромное полотно известного русского художника **Виктора Михайловича Васнецова** «Богатыри». У этого произведения, над которым мастер работал 25 лет, было ещё и другое название: «На Киевской заставе». Художник так изобразил защитников родины, что они стали настоящим художественным воплощением силы духа и воинской доблести.

Виктор Васнецов.
Богатыри
(1881–1906)

ИЗ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Читателю XXI столетия на заметку

Главным источником наших знаний о жизни Древней Руси являются летописи. Слово «летопись» означает «описание годов», «писание по летам». Это историческое повествование, текст которого был разделён на главы, посвящённые событиям одного года.

И хотя произведения древнерусской литературы иногда далеки от реальных исторических событий, эти тексты порой являются единственным источником сведений о событиях далёкого прошлого.

ИСТОРИЯ О ВСЕПОБЕЖДАЮЩЕЙ ЛЮБВИ, или «ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ»

«Повесть о Петре и Февронии Муромских» является одним из шедевров древнерусской мысли и литературы, и имя автора её должно стоять в ряду самых видных писателей русского средневековья.

Руфина Дмитриева, российский литературовед

На семи холмах, что возвышаются на левом берегу Оки, раскинулся красивый город — Муром.

Но известен он не только своей красотой, но и древней историей. Первое упоминание об этом городе можно найти в «Повести временных лет».

Славится Муром своими былинами, песнями и преданиями. Но ничто не может затмить удивительную старинную легенду муромского края о чудесных деяниях святых Петра и Февронии. Их жизнь — это история всепобеждающей супружеской любви, история преданности и мудрости. Подобного трогательного и поэтического сказания не найти во всей древнерусской литературе.

Прототипами легендарных персонажей были князь Давид Юрьевич, правивший Муромом в начале XIII века, и его жена. Со временем подлинные события, обрастая легендами и притчами, приобрели сказочные черты. В XVI веке эту историю в литературной форме изложил древнерусский писатель Ермолай-Еразм.

Кто же такой Ермолай-Еразм? Что нам известно об авторе одного из величайших произведений древнерусской литературы?

К сожалению, биографических сведений о писателе сохранилось немного. Точная дата и место его рождения до наших дней не дошли. Известно, что Ермолай-Еразм был православным мыслителем, священником и писателем эпохи Ивана Грозного. Исследователи считают, что Ермолай жил в 40-е годы XVI века в Пскове, где и проявились его литературный талант и образованность. В начале 50-х годов писатель Ермолай-Еразм был приглашён в Москву и назначен священником одного из кремлёвских соборов. В московский период Ермолаем было написано несколько произведений, связанных с историческим прошлым Древней Руси. Вскоре Ермолай-Еразм ушёл в монастырь, отсюда и двойное имя: Ермолай — данное при рождении, Еразм — полученное при вступлении в монашество.

Ермолай-Еразм участвовал в составлении известного в Древней Руси сборника «Великие Четы-Минеи». В этом сборнике по порядку месяцев и дней излагались рассказы о жизни святых православной церкви.

Ермолаю-Еразму выпало создать житие о муромских святых Петре и Февронии. Полное название произведения

звучит так: «*Повесть о житии новых муромских святых чудотворцев, благоверного¹, и преподобного², и достойного похвалы князя Петра, названного в иночестве³ Давидом, и супруги его, благоверной, и преподобной, и достойной похвалы княгини Февронии, названной в иночестве Ефросинией*». Но в заветный сборник повесть так и не попала. Она не вписывалась в рамки жития — произведения, в котором рассказывается о жизни и духовном подвиге святых. Как же случилось, что высокообразованный священник Ермолай-Еразм нарушил правила написания жития? Всё дело в устных легендах и преданиях, которые оказали на писателя такое сильное влияние, что Ермолай-Еразм создал оригинальное произведение, похожее больше на сказку, нежели на описание жизни святых. Только конец повести, где автор рассказывает о благочестивой кончине Петра и Февронии, напоминает о житийном повествовании.

В «Повести о Петре и Февронии Муромских» рассказывается история любви между князем и крестьянкой. Сочувствие автора героине, восхищение её умом, благородством в трудной борьбе против всемогущих бояр, не желающих примириться с её крестьянским происхождением, придаёт произведению черты лиризма и поэтичности.

Известный исследователь древнерусской литературы Дмитрий Сергеевич Лихачёв сравнивает Февронию с «тихими ангелами» одной из самых известных православных икон — «Троицы» Андрея Рублёва, а произведение относит к особому стилю в изображении человека — эмоциональной умиротворённости.

«Повесть о Петре и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма знали и читали с большим увлечением. А её главных героев — Петра и Февронию — любили и почитали как святых покровителей любви и брака. Неразлучные святые и сегодня оберегают современные семьи, и читатели XXI века по-прежнему увлечены историей о всепобеждающей любви, которая преодолевает все препятствия, встающие у неё на пути.

¹ *Благоверный* — прославляемый церковью за праведную жизнь.

² *Преподобный* — подобный Христу.

³ *Иночество* — монашество.

1. Расскажите, что нам известно об Ермолае-Еразме.
2. Какова история написания «Повести о Петре и Февронии Муромских»?
3. Найдите в тексте статьи и прочитайте полное название повести. Что вы ожидаете от произведения с таким названием?

Узнаём о выдающейся личности

Дмитрий Сергеевич ЛИХАЧЁВ (1906–1999) — выдающийся литературовед, переводчик, крупный общественный деятель, мудрый человек. Дмитрий Сергеевич — автор многих трудов, посвящённых изучению литературы и искусства Древней Руси. Его перу принадлежат одни из лучших исследований таких литературных памятников, как «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве». Современники называли Д. С. Лихачёва «великим островом русской культуры».

Особое место в наследии Дмитрия Сергеевича Лихачёва занимает книга «Письма о добром и прекрасном». Учёный щедро делится с молодыми читателями своими размышлениями о том, что кажется важным ему самому: о смысле жизни, мудрости, красоте, совести, справедливости, дружбе, любви, культуре. На страницах «Писем...» вы найдёте ответы на волнующие вас вопросы: как не быть смешным? как справиться с завистью? как прожить долгую и счастливую жизнь?

«...Нужно продолжать накапливать в жизни добро, накапливать всё то, что способствует созиданию. И тогда человек будет счастлив, тогда он будет сознавать, что он живёт не зря», — таково завещание академика Лихачёва.

*Анатолий Васильев.
Портрет Дмитрия
Сергеевича Лихачёва
(1989)*

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

Есть в Русской земле город, называемый Муром. Рассказали мне, что правил им когда-то добрый князь по имени Павел. Ненавидя всякое добро в роде человеческого, дьявол наслал в терем княгини Павловой летучего змея. [...]

Князь задумался, что сделать со змеем, и не мог придумать. Потом сказал жене:

— Сколько ни думаю, не могу придумать, как мне справиться с этим нечистым духом. Я той смерти не знаю, какую ему можно учинить. Вот как мы сделаем. Когда будет он с тобою говорить, спроси-ка ты хитро и лукаво его самого об этом: не знает ли этот оборотень-змея, от чего ему смерть суждена. [...]

Княгиня обрадовалась словам своего мужа и подумала: «Хорошо, когда б это сбылось».

Вот прилетел к ней оборотень-змея, она заговорила с ним о том, о другом льстиво и лукаво, храня в памяти своей добрый умысел, и, когда он расхвастался, спросила смиренно и почтительно, восхваляя его:

— Ты ведь всё знаешь, наверное, и то знаешь, какова и от чего суждена тебе кончина?

И тут великий обманщик сам был обманут лестью красивой женщины, — и сам не заметил, как выдал свою тайну:

— Смерть мне суждена от Петрова плеча, от Агрикова меча¹.

Княгиня, услышав эту загадку, твердо запомнила её; когда змей улетел, пересказала мужу, как он ей ответил. Князь выслушал и задумался, что это значит: «Смерть от Петрова плеча, от Агрикова меча?»

Был у него родной брат, князь по имени Пётр. Призвал он его в ближайšie дни и рассказал о змее и его загадке. Князь Пётр, услышав, что змей назвал его именем того, кто с ним покончит, мужественно решился одолеть его. Но смущала его мысль, что ничего не знает об Агрикове мече.

Покров с изображением
Петра и Февронии
(изготовлен в мастерской
царицы Ирины Годуновой
в 1593 году)

¹ Агриков меч — волшебный меч, которым обладал сказочный богатырь Агрикан.

Он любил молиться в малолюдных церквах. Пришёл он как-то один в загородную церковь Воздвижения, что в женском монастыре. Тут подошёл к нему подросток, служка церковный, и сказал:

— Князь! Хочешь, покажу тебе Агриков меч?

Тотчас вспомнил князь о своём решении и поспешил за служкой:

— Где он, дай взгляну!

Служка повёл его в алтарь¹ и показал щель в алтарной стене между кирпичами: в глубине щели лежал меч. Доблестный князь достал этот меч и вернулся в княжий двор. Рассказал он брату, что теперь уже готов, и с того дня ждал удобного времени — убить летучего змея.

Он каждый день приходил спросить о здравии брата своего и заходил потом к снохе² по тому же чину.

Раз побывал он у брата и сразу от него пошёл на княгинину половину³. Вошёл и видит: сидит с княгиней брат, князь Павел. Вышел он от неё и повстречал одного из свиты князя:

— Скажи мне, что за чудо такое: вышел я от брата к снохе моей, оставил его в своей светлице и нигде не задержался, а захожу к княгине — он там сидит; изумился я, как же он раньше меня успел туда? Приблизжённый князь отвечает:

— Не может этого быть, господин мой! Никуда не отлучался князь Павел из покоев своих, когда ты ушёл от него.

Тогда князь Пётр понял, что это колдовство лукавого змея. Пошёл опять к старшему брату и спрашивает:

— Когда ты вернулся сюда? Я от тебя вот только что ходил в покой княгини твоей, нигде ни на минуту не задерживался и, когда вошёл туда, увидел тебя рядом с нею. Я был изумлён, как ты мог оказаться там раньше меня. Оттуда сразу же пошёл я сюда, а ты опять, не понимаю как, опередил меня и раньше меня здесь оказался.

Тот же говорит:

— Никуда я из горницы своей не выходил, когда ты ушёл к княгине, и сам у неё не был. Тогда князь Пётр объяснил:

— Это чары лукавого змея: он передо мною принимает твой образ, чтобы я не подумал убить его, почитая тебя, своего брата. Теперь уж ты отсюда никуда не выходи, а я пойду туда биться со змеем, и если Бог поможет, так и убью лукавого змея.

Взял он заветный Агриков меч и пошёл в покои своей снохи, опять увидел возле неё змея в образе брата, но теперь он был уже

¹ *Алтáрь* — восточная, главная часть храма, в которой находится престол.

² *Сноха́* — жена брата.

³ В древнерусских хоромы помещения делились на две половины: мужскую и женскую.

твёрдо уверен, что это не брат, а оборотень-змея, и поразил его мечом. В тот же миг змей принял свой настоящий вид, забился в предсмертных судорогах и издох. Но струи крови чудовища обрызгали тело князя Петра, и от этой поганой крови он покрылся струпами¹, потом язвами и тяжело заболел. Он призывал всех врачей своего княжества, чтобы исцелили его, но ни один не мог его вылечить.

Прослышал он, что в Рязанской земле много лекарей, и велел отвезти себя туда, потому что болезнь его очень усилилась, и он не мог уже сидеть на коне. Привезли его в Рязанскую землю, и разослал он свою дружину² во все концы искать лекарей.

Один из его дружинников завернул в деревню Ласково. Подъехал он к воротам какого-то дома — никого не видно; взошёл на крыльцо — словно никто и не слышит; открыл дверь и глазам не верит: сидит за ткацким станом девушка, одна в доме, а перед нею скачет-играет заяц.

И молвит девушка:

— Плохо, когда двор без ушей, а дом без глаз.

Молодой дружинник не понял её слов и говорит:

— Где же хозяин этого дома?

Девушка отвечает:

— Отец и мать пошли взаимны плакать, а брат ушёл сквозь ноги смерти в глаза глядеть.

Юноша опять не понял, о чём она говорит, удивился и тому, что увидел, и тому, что услышал:

— Ну скажи ты, что за чудеса! Вошёл я к тебе — вижу, работаешь за станом, а перед тобой заяц пляшет. Заговорила ты, — и странных речей твоих я никак не пойму. Сперва ты сказала: «Плохо, когда двор без ушей, а дом без глаз!» Про отца и мать своих сказала: «Пошли взаимны плакать», а про брата: «Сквозь ноги смерти в глаза глядеть», и ни единого слова я тут не понял.

Улыбнулась девушка и сказала:

— Ну чего уж тут не понять? Подъехал ты ко двору и в дом вошёл, а я сию неприбранная, гостя не встречаю. Был бы пёс во дворе, почуял бы тебя издали, лаял бы: вот и были бы у двора уши. А кабы в доме моём было дитя, увидело бы тебя, как ты через двор шёл, и мне бы сказало: вот был бы и дом с глазами. Отец и мать пошли на похороны и там плачут, а когда они помрут, другие над ними плакать будут: значит, сейчас они свои слёзы взаимны проливают. Сказала я, что брат мой (как и отец) — бортник, в лесу они собирают по деревьям мёд диких пчёл. Вот и сейчас брат ушёл бортничать, залезет на

¹ Струп — корочка, покрывающая поверхность раны.

² Дружина — княжеское войско.

дерево как можно повыше и вниз поглядывает, как бы не сорваться, ведь кто сорвался, тому конец! Потому я и сказала: «Сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

— Вижу, мудрая ты девица, — говорит юноша, — а как же звать тебя?

— Зовут меня Феврония.

— А я из дружины муромского князя Петра. Тяжело болеет наш князь — весь в язвах. Он своей рукой убил оборотня, змея летучего, и где обрызгала его кровь змеиная, там и струпья явились. Искал он лекаря в своём княжестве, многие его лечили, никто не вылечил. Приказал сюда себя привезти: говорят, здесь много искусных целителей. Да не знаем мы, как их звать и где они живут, вот и ходим, спрашиваем о них.

Феврония подумала и говорит:

— Только тот может князя твоего вылечить, кто себе его потребует.

Дружинник спрашивает:

— Как это говоришь, что себе потребует князя моего? Для того, кто его вылечит, князь Пётр не пожалеет никаких богатств. Ты скажи мне имя его, кто он и где живёт.

— Приведи князя твоего сюда. Если он добросердечен и не высокомерен, то будет здоров, — ответила Феврония.

Вернулся дружинник к князю и всё ему подробно рассказал, что видел и слышал. Князь Пётр приказал отвезти его к этой мудрой девушке.

Привезли его к дому Февронии. Князь послал к ней слугу своего спросить:

— Скажи, девушка, кто это хочет меня вылечить? Пусть исцелит меня от язв — и получит богатую мзду¹.

А она прямо и говорит:

— Я сама буду лечить князя, но богатств от него никаких не требую. Скажи ему от меня так: если не буду его супругой, не надо мне и лечить его.

Вернулся слуга и доложил князю всё, что сказала девушка. Князь Пётр не принял всерьёз её слов, он подумал: «Как это мне, князю, жениться на дочери бортника?» И послал к ней сказать:

— В чём же тайна врачевства твоего, начинай лечить. А если вылечишь, возьму тебя в жёны.

Посланный передал ей слова князя; она взяла небольшую плошку, зачерпнула из дежи² хлебной закваски, дунула на неё и говорит:

¹ *Мзда* — плата, вознаграждение.

² *Дежа* — кадка для закваски хлеба.

— Истопите вашему князю баню, а после бани пусть мажет по всему телу свои язвы и струпья, но один струп пусть оставит непомазанным. И будет здоров!

И принесли князю эту мазь. И велел он истопить баню, но, прежде чем довериться её снадобью, решил князь испытать её мудрость хитрыми задачами. Запомнились ему её мудрые речи, которые передал первый его слуга. Послал ей малый пучок льна и велел передать: «Коли хочет эта девушка супругой моей стать, пусть покажет нам мудрость свою. Если она и вправду мудрая, пусть из этого льна сделает мне рубаху, портки¹ и полотенце за то время, пока я буду в бане париться».

Слуга принёс ей пучок льна и передал княжий наказ. Она велела слуге:

— Заберись-ка на эту печь, сними с грядки² сухое поленце, принеси сюда.

Слуга послушно достал ей полено. Отмерила она одну пядь и говорит:

— Отсеки этот кусок от поленца.

Он отрубил. Тогда она говорит:

— Возьми эту чурочку, отнеси князю своему и скажи от меня: «За то время, пока я пучок льну очешу, пусть князь из этой чурочки делает мне ткацкий стан и все снаряды, чтобы выткать полотно ему на бельё».

Слуга отнёс князю чурочку и пересказал речи девушки. Князь посмеялся и послал его назад:

— Иди скажи девушке, что нельзя из такой малой чурки в такое малое время столько изделий приготовить.

Слуга передал слова князя. Феврония только того и ждала.

— Ну, спроси тогда его, разве можно из такого пучка льна взрослому мужчине за то время, пока он в бане попарится, выделать и рубашку, и портки, и полотенце?

Слуга пошёл и передал ответ князю. Выслушал князь и подивился: ловко ответила.

После этого сделал он, как велела девушка: помылся в бане и помазал все язвы и струпья её мазью, а один струп оставил непомазанным. Вышел из бани — и болезни не чувствует, а наутро глядит — всё тело чисто и здорово, только один струп остался, что он не помазал, как велела девушка. Изумился он быстрому исцелению. Однако не захотел взять её в жёны из-за низкого её рода и послал ей богатые дары. Она даров не приняла.

¹ *Портки* — штаны.

² *Грядка* — здесь: полка для сушки поленьев.

Уехал князь Пётр в свою вотчину¹, в город Муром, совсем здоровым. Но оставался на теле у него один струп, оттого что не помазал его целебной мазью, как наказывала девушка. Вот от этого-то струпа и пошли по всему телу новые струпы и язвы с того самого дня, как уехал он от Февронии. И опять тяжело заболел князь, как и в первый раз.

Пришлось вернуться к девушке за испытанным лечением. Добрались до её дому, и как ни стыдно князю было, послал к ней опять просить исцеления.

Она, нимало не гневаясь, говорит:

— Если станет князь моим супругом, то будет совсем исцелён.

Тут уж он твёрдое слово дал, что возьмёт её в жёны. Она, как и прежде, дала ему закваски и велела выполнить то же самое лечение. Князь совсем вылечился и женился на ней. Таким-то чином стала Феврония княгиней.

Приехали они в отчину князя, в город Муром, и жили благочестиво, блюдя Божии заповеди.

Когда же умер в скором времени князь Павел, стал князь Пётр самодержавным правителем в своём городе.

Бояре муромские не любили Февронию, поддавшись научению жён своих, а те её ненавидели за низкий род. Но славилась она в народе добрыми делами своими.

Раз пришёл один ближний боярин к князю Петру, чтоб поссорить его с женой, и сказал:

— Ведь она из-за стола княжеского каждый раз не по чину выходит. Перед тем как встать, всегда собирает она со скатерти крошки, как голодная.

Захотел князь Пётр проверить это и приказал раз накрыть ей стол рядом с собой. Когда обед подошёл к концу, она, как с детства привыкла, смахнула крошки в горсть. Князь взял её за руку, велел раскрыть кулачок и видит: на ладони у неё благоуханная смирна² и фимиам³. С того дня он больше уже её не испытывал.

Прошло ещё время, и пришли к нему бояре, гневные и мятежные:

— Мы хотим, князь Пётр, праведно тебе служить, как нашему самодержцу, но не хотим, чтобы Феврония была княгиней над нашими жёнами. Если хочешь остаться у нас на княжем столе, возьми дру-

¹ *Вотчина* — земельные владения князя.

² *Смирна* — благоухающая трава миррового дерева, растущего в Аравии и Эфиопии. Была одним из даров волхвов родившемуся Иисусу.

³ *Фимиам* — благовонное вещество для курения. Фимиамом кадят престолу, иконам, другим святыням и людям.

гую княгиню, а Феврония, получив изрядное богатство, пусть идёт от нас, куда хочет.

Князь Пётр всегда был спокойного нрава и без гнева и ярости ответил им:

— Скажите-ка сами об этом княгине Февронии, послушаем, что она вам на это скажет.

Мятежные бояре, потеряв всякий стыд, устроили пиршество, и, когда хорошо выпили, развязались у них языки и начали отрицать они её чудесный дар исцеления, которым Бог наградил её не только при жизни, но и по смерти. Под конец пира собрались они возле князя с княгиней и говорят:

— Госпожа княгиня Феврония! От всего города и от боярства говорим тебе: дай нам то, о чём мы тебя попросим.

Она ответила:

— Возьмите, чего просите.

Тогда бояре в один голос закричали:

— Мы все хотим, чтоб князь Пётр был владыкой над нами, а наши жёны не хотят, чтоб ты правила ими. Возьми богатства, сколько хочешь, и уезжай, куда тебе угодно.

Она им и говорит:

— Я обещала вам, что получите то, чего просите. А теперь обещайте вы дать мне то, чего я у вас попрошу.

Бояре же, недогадливые, обрадовались, думая, что легко от неё откупятся, и поклялись:

— Что ни попросишь, сразу же беспрекословно отдадим тебе!

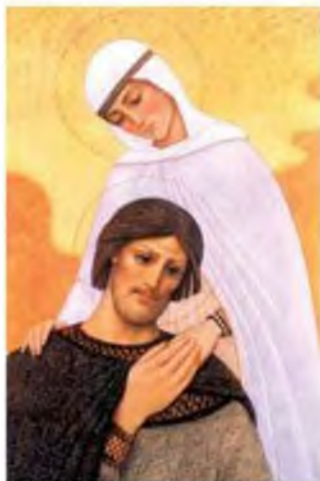
Княгиня и говорит:

— Ничего мне от вас не надо, только супруга моего, князя Петра.

Подумали бояре и говорят:

— Если князь Пётр сам того захочет, ни слова перечить не будем.

Злобные их души озарились дьявольской мыслью, что вместо князя Петра, если он уйдёт с Февронией, можно поставить другого самодержца, и каждый из них втайне надеялся стать этим самодержцем.

*Александр Простев.
Княгиня Февронья
утешает князя Петра
(2010)*

Князь Пётр не мог нарушить заповедь Божию ради самодержавства. Ведь сказано: «Кто прогонит жену, не обвинённую в прелюбодеянии¹, и женится на другой, тот сам станет прелюбодеем». Поэтому князь Пётр решил отказаться от княжества.

Бояре приготовили им большие суда, потому что под Муромом протекает река Ока, и уплыли князь Пётр с супругою своею на этих судах.

Среди приближённых был с ними на судне один человек со своей женой. Соблазняемый бесом, этот человек не мог наглядеться на княгиню Февронию, и смущали его дурные помыслы. Она угадала его мысли и говорит как-то ему:

— Зачерпни-ка воды с этой стороны судна и испей её.

Он сделал это.

— Теперь зачерпни с другой стороны и испей. Испил он опять.

— Ну как? Одинакова на вкус или одна слаще другой?

— Вода как вода, и с той стороны и с этой.

— И женское естество одинаково. Почему же, забывая свою жену, ты о чужой помышляешь?

И понял боярин, что она читает чужие мысли, не посмел больше предаваться грешным помыслам.

Плыли они весь день до вечера, и пришла пора причалить к берегу на ночлег. Вышел князь Пётр на берег, ходит по берегу и размышляет: «Что теперь с нами будет, не напрасно ли я сам лишил себя самодержавства?»

Прозорливая же Феврония, угадывая его мысли, говорит ему:

— Не печалься, князь, милостивый Бог и жизни наши строит, он не оставит нас в унижении.

Тут же на берегу слуги готовили княжеский ужин. Срубили несколько деревьев, и повар повесил на двух суковатых рассошках² свои котлы. После ужина проходила княгиня Феврония по берегу мимо этих рассошек, благословила их и говорит:

— Пусть вырастут из них наутро деревья с ветками и листвою!

Так и сбылось. Встали утром, а на месте рассошек большие деревья шумят листвою. И только хотели люди собирать шатры и утварь, чтобы переносить их на суда, прискакало посольство из города Мурома челом бить князю:

— Господин наш князь! Мы пришли к тебе от всего города, не оставь нас, сирот твоих, вернись в свою вотчину. Мятажные вельможи муромские друг друга перебили, каждый хотел стать самодержцем, и все от меча погибли. А остальные вельможи и весь народ молят тебя: «Князь, господин наш, прости, что прогневали мы

¹ *Прелюбодеяние* — супружеская измена.

² *Рассошка* — ствол или ветка дерева с развилиной.

тебя! Говорили тебе лихие бояре, что не хотят, чтоб княгиня Феврония правила жёнами нашими, но теперь нет уж их, все мы однодушно тебя с Февронией хотим, и любим, и молим, не покидайте рабов своих!»

И вернулись князь Пётр и княгиня Феврония в Муром. Правили они в городе своём по законам Божиим и были милостивы к своим людям, как чадолюбивые отец и мать. Со всеми были равно сердечны, не любили только спесивых и грабительствующих, не жадны были к земным богатствам, но для вечной жизни богатели. Истинными пастырями¹ города они были, не яростью и страхом правили, а истиной и справедливостью. Странствующих принимали, голодных кормили, нищих одевали, несчастных от гонений избавляли.

Когда приблизилась их кончина, они молили Бога, чтобы в один час переселиться в лучший мир. И завещали, чтобы похоронили их в одной большой каменной гробнице с перегородкой посредине. В одно время облачились они в иноческие одежды и приняли монашество. Князя Петра называли в иночестве Давидом, а Февронию — Евфросинией.

Перед самой кончиной княгиня Феврония вышивала покров² с ликами Святых на престольную чашу для собора.

Приняв иночество, князь Пётр, названный теперь Давидом, послал сказать ей: «О сестра Евфросиния! Близка моя кончина, но жду тебя, чтобы вместе покинуть этот мир».

Она ответила: «Подожди, господин мой, сейчас дошью покров для Святой церкви».

И во второй раз прислал князь сказать: «Недолго могу ждать тебя».

И в третий раз послал: «Отхожу из этого мира, не могу больше ждать!»

Княгиня-инокиня в это время вышивала последний покров, уже вышила лик святого и руку, а одежды его ещё не вышила и, услышав зов супруга своего, воткнула иглу, замотала вокруг неё нитку и послала сказать князю Петру — в иночестве Давиду, — что и она готова.

В пятницу, 20 июня, отдали они оба душу Богу.

После их кончины церковнослужители решили положить тело князя Петра в соборной церкви Пречистой Богородицы в Муроме, а тело княгини Февронии — в загородном женском монастыре, в церкви Воздвижения животворящего креста, так как нельзя, дескать, мужа и жену положить в одном гробе, раз они стали иноками. Сделали для них отдельные гробницы и похоронили святого Петра в городском соборе, а святую Февронию в другой гробнице в загородной Воздвиженской церкви. А ту двойную каменную гробницу,

¹ Пастырь — защитник и спаситель.

² Покров — здесь: вышитое покрывало для нужд церковной службы.

что они велели сделать себе ещё при жизни, оставили пустою в том же городском соборе.

Но на другой день утром увидели, что отдельные их гробницы пусты, а святые тела князя и княгини покоятся в той общей гробнице, которую они велели сделать для себя перед смертью. И те же неразумные люди, что пытались при жизни разлучить их, нарушили их покой после смерти: они снова перенесли святые тела в особые гробницы. И на третье утро увидели опять тела князя и княгини в общей гробнице. После этого больше уже не смели трогать их святые тела, и так и остались они в соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы, где сами велели себя похоронить.

Мощи¹ их даровал Бог городу Мурому во спасение: всякий, кто с верою приходит к гробнице с их мощами, получает исцеление.

Перевод с древнерусского Бориса Ларина

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Поделитесь своими впечатлениями о прочитанном. Какие фрагменты повести вам больше всего понравились? Почему?
2. Расскажите о причине болезни князя Петра. Кто смог его исцелить?
3. Прочитайте выразительно эпизоды, в которых Феврония загадывает загадки. Как это характеризует девушку?
4. Как вы думаете, почему Пётр не исцелился в первый раз? Может быть, Февронии не хватило мудрости?
5. В каких ситуациях герои повести проявляют мудрость?
6. Почему Пётр не бросил свою жену ради княжения? Как вы думаете, легко ли было князю принять такое решение? Расскажите, как Феврония поддержала своего супруга.
7. Перечитайте финал повести. Как в нём выражается всепобеждающая сила взаимной любви Петра и Февронии?
8. Какое место в повести занимает диалог персонажей? Докажите, что при помощи диалога создаётся напряжённость повествования. Подготовьте выразительное чтение в лицах диалогов повести.
9. Как вы думаете, почему автор не описывает внешность Петра и Февронии? Нарисуйте словесный портрет и охарактеризуйте главных героев произведения.

¹ *Мощи* — останки святого человека, обладающие, по религиозным представлениям, чудесной, исцеляющей силой.

10. Назовите силы, противоборствующие в этом произведении. Охарактеризуйте поступки и манеру поведения героев, представляющих эти силы.
11. По мнению исследователей, в произведении объединены два фольклорных сюжета: об огненном змее и мудрой деве. Сравнив «Повесть о Петре и Февронии Муромских» с русской народной сказкой «Никита Кожемяка» и украинской народной сказкой «Мудра дівчина», определите особенности использования Ермолаем-Еразмом фольклорных сюжетов.
12. Определите тему и идею «Повести о Петре и Февронии Муромских».
13. На основе текста повести постарайтесь назвать жизненные ценности древнерусского человека. Как вы думаете, актуальны ли они в наши дни?

Читателю XXI столетия на заметку

Уже более семи столетий православные христиане почитают память святых благоверных князей Петра и Февронии Муромских. 8 июля по церковному календарю отмечают День Петра и Февронии — покровителей семейного счастья, любви и верности. Старинный обычай — праздновать помолвку в День Петра и Февронии сохранился и до наших дней.

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ В РАЗДЕЛЕ «СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ЧИТАЯ...»

1. Перечитайте эпиграфы к разделу «Страницы прошлого читая...». Согласны ли вы с такими утверждениями? Аргументируйте свою позицию.
2. Какие события «давно минувших лет» открылись для вас в этом разделе?
3. Какие страницы величавого мира древности произвели на вас особое впечатление? Обоснуйте свой ответ.
4. Объясните, что такое былина.
5. Знаете ли вы этих былинных персонажей? Назовите их полные имена (*Илья ...*, *Добрыня ...*, *Алёша ...*, *Микула ...*, *Соловей ...*).

6. Подумайте, чем былина отличается от сказки, а что в них общего.
7. Раскройте понятие былинного стиха.
8. Найдите постоянные эпитеты и гиперболы в прочитанных вами былинах. Определите их роль.
9. Письменно подготовьте сочинение по картине В. Васнецова «Богатыри», используя следующие слова и выражения (*могучий богатырь, седая окладистая борода, лукавый взор, палица булатная сорока пудов, щит, кольчуга, шлем узорчатый, рукавицы боевые, тугой лук, калёные стрелы, бескрайние просторы, ковыль, седые валуны, покрытые лесом холмы, буйные травы, свинцовые тучи, степной ветер*).
10. На примере «Повести о Петре и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма прокомментируйте слова Д. С. Лихачёва: «*Прошлое должно служить современности*».
11. Кто из героев сражался с оборотнем-змеем:
 - а) Илья Муромец; б) князь Пётр; в) князь Павел.
12. Что сближает князя Петра с древнерусскими богатырями? Чем они отличаются?
13. Назовите героинь русских народных сказок, на которых похожа Феврония. В чём проявляется это сходство?
14. Докажите, что «Повесть о Петре и Февронии Муромских» — произведение литературное, а не фольклорное.
15. Работая в группах, выполните следующие творческие задания (*на выбор*):
 - а) нарисуйте кадры диафильма к одной из прочитанных былин, подпишите их цитатами из текста;
 - б) подготовьте сообщение на тему: «*Отражение былинного творчества в изобразительном (или музыкальном) искусстве*»;
 - в) составьте кроссворд из незнакомых для вас ранее слов, которые вы узнали, прочитав былинку;
 - г) напишите вступительную статью к сборнику «Русские народные былины»;
 - д) проведите исследование на тему: «*Общее и различное в русских народных былинах и украинских народных думах*», о его результатах расскажите в классе;
 - е) продумайте вопросы литературной викторины по прочитанным вами в этом разделе произведениям.
16. А. С. Пушкин утверждал, что «*уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости*». А как вы считаете? Свой ответ обоснуйте.

ПРОНИКАЯ В ТАЙНЫ БАЛЛАДЫ

Блискавка, що нагло освітлює
найглибші тайники людської душі...
Іван Франко, український письменник

Ей бесконечное присуще,
Хотя живёт в пределах дней.
И рождена в житейской гуще,
И всё ж вознесена над ней.
Лев Озеров, российский поэт

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✓ **открыть** для себя произведения Василия Андреевича Жуковского, Адама Мицкевича и Роберта Льюиса Стивенсона;
- ✓ **понять**, что такое баллада;
- ✓ **расширить уже полученные знания** об оригинале и переводе;
- ✓ **развить** умения выразительного чтения поэтических произведений;
- ✓ **сформировать** собственное впечатление о прочитанных текстах.

**Василий Андреевич
ЖУКОВСКИЙ**
(1783–1852)

Пример добрых дел есть лучшее,
что мы можем даровать тем, кто живёт
вместе с нами; память добрых дел есть
лучшее, что можем оставить тем, кто
будет жить после нас.

Василий Жуковский

СВЕТЛАЯ ДУША

«Его стихов пленительная сладость пройдёт веков завистливую даль...». Эти строчки Александр Пушкин посвятил своему другу и литературному наставнику — русскому поэту Василию Андреевичу Жуковскому, творчество которого привлекает нашего современника своей искренностью и мудростью.

В. А. Жуковский родился в селе Мищенское Белёвского уезда Тульской губернии. Будущий поэт был сыном богатого помещика Афанасия Ивановича Бунина и пленной турчанки, крепостной Сальхи. Отчество и фамилию он получил от своего крёстного отца, Андрея Григорьевича Жуковского, бедного дворянина, жившего в усадьбе Буниных. Растили и воспитывали Василия в семье Буниных как родного сына. К нему, наравне с другими детьми, приставили няnek, гувернёров. Позже он учился в Туле и Москве и получил достойное образование. К 1797 году относятся его первые опубликованные поэтические опыты.

В русской литературе Жуковский во многом был первым. В своих произведениях он сумел раскрыть всю сложность человеческих чувств и переживаний. Благодаря блистательным переводам открыл русскому читателю многих зарубежных писателей. Литературные переводы В. А. Жуковского обогатили, по словам известного поэта и критика того времени

Петра Вяземского, многими «завоеваниями и дух, и формы, и пределы нашей поэзии». Большинство переводов Василия Андреевича считаются непревзойдёнными до сих пор.

Василий Андреевич не только сам был замечательным поэтом, но и обладал редким даром педагога, не навязывавшего своего мнения, своих литературных пристрастий, но так много сделавшего на этой ниве. Известность Жуковского-поэта послужила причиной того, что в течение многих лет он был наставником царского наследника Александра II, отменившего впоследствии крепостное право. Вероятно, и освобождение крестьян, и личное благородство царя-освободителя в немалой степени были результатом воспитания Василия Андреевича. Но чины и звания не ослепляли Жуковского.

Своё положение и влияние он часто использовал, чтобы помочь друзьям, среди которых особое место принадлежало А. С. Пушкину. Они познакомились в 1815 году в Царскосельском лицее. В шестнадцатилетнем юноше Жуковский угадал будущую славу России, её поэтический гений. Несмотря на разницу в возрасте, их связывала нежная дружба и взаимное уважение на протяжении всей жизни.

Василий Андреевич хлопотал за многих писателей, осуждённых за свои свободолюбивые мысли, способствовал освобождению из крепостной неволи Тараса Шевченко. Для этого известный художник Карл Брюллов нарисовал портрет Жуковского (репродукцию которого вы видели на предыдущей странице). Эта картина была разыграна в лотерею, и полученные деньги обеспечили великому Кобзарю свободу. Василий Андреевич искренне радовался каждому новому таланту, которому он мог помочь, всю жизнь следуя принципу: «я... должен возвысить, образовать свою душу и сделать всё, что могу для других».

1. Подготовьте сообщение о русском поэте В. А. Жуковском.
2. Что вам известно о дружбе Василия Андреевича и Александра Сергеевича Пушкина?
3. Расскажите о роли В. А. Жуковского в жизни Т. Г. Шевченко.

Диалог искусств

Плавные контуры рисунков и акварелей украшают путевые альбомы В. А. Жуковского. С годами его отточенные наброски делались всё ёмче и выразительней. И это не случайно. Живопись, любовь к которой поэт сохранял на протяжении всей жизни, он называл «родной сестрой поэзии». Зарисовки многих мест и стран, куда занесла его судьба, стали иллюстрациями книги путешествия собственной жизни.

Фрагменты рисунков *Василия Жуковского*

М. А. Протасова (1811)

Вид с луга на гору (1821)

Читателю XXI столетия на заметку

Василия Андреевича Жуковского, своего доброго друга и «спасителя», Тарас Шевченко вспоминал во многих своих сочинениях: в повести «Художник», «Дневнике», автобиографии, письмах. Украинский Кобзарь посвятил ему свою знаменитую поэму «Катерина».

СВЕТЛАНА

А. А. Воейковой¹

Раз в крещенский вечерок
 Девушки гадали:
 За ворота башмачок,
 Сняв с ноги, бросали;
 Снег пололи; под окном
 Слушали; кормили
 Счётным курицу зерном;
 Ярый воск топили;
 В чашу с чистою водой
 Клали перстень золотой,
 Серьги изумрудны;
 Расстилали белый плат
 И над чашей пели в лад
 Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
 В сумраке тумана —
 Молчалива и грустна
 Милая Светлана.
 «Что, подруженька, с тобой?
 Вымолви словечко;
 Слушай песни круговой;
 Вынь себе колечко.
 Пой, красавица: «Кузнец,
 Скуй мне злат и нов венец,
 Скуй кольцо златое;
 Мне венчаться тем венцом,
 Обручаться тем кольцом
 При святом налое²».

«Как могу, подружки, петь?
 Милый друг далёко;
 Мне судьбина умереть
 В грусти одинокой.

Год промчался — вести нет;
 Он ко мне не пишет;
 Ах! а им лишь красен свет,
 Им лишь сердце дышит.
 Иль не вспомнишь обо мне?
 Где, в какой ты стороне?
 Где твоя обитель?
 Я молюсь и слезы лью!
 Утоли печаль мою.
 Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
 Белой пеленою;
 И на том столе стоит
 Зеркало с свечою;
 Два прибора на столе.
 «Загадай, Светлана;
 В чистом зеркала стекле
 В полночь, без обмана
 Ты узнаешь жребий свой:
 Стукнет в двери милый твой
 Лёгкою рукою;
 Упадёт с дверей запор;
 Сядет он за свой прибор
 Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
 К зеркалу садится;
 С тайной робостью она
 В зеркало глядится;
 Тёмно в зеркале; кругом
 Мёртвое молчанье;
 Свечка трепетным огнём
 Чуть лиёт сиянье...

¹ Произведение посвящено Александре Андреевне Протасовой (1795–1829), в замужестве Воейковой, племяннице В. А. Жуковского, которую впоследствии стали называть Светланой.

² *Налой (аналой)* — высокий столик с покатым верхом для икон и богослужебных книг.

Робость в ней волнует грудь,
 Страшно ей назад взглянуть,
 Страх туманит очи...
 С треском пыхнул огонёк,
 Крикнул жалобно сверчок,
 Вестник полуночи.

Подпёршился локотком,
 Чуть Светлана дышит...
 Вот... легохонько замком
 Кто-то стукнул, слышит;
 Робко в зеркало глядит:
 За её плечами
 Кто-то, чудилось, блестит
 Яркими глазами...
 Занялся от страха дух...
 Вдруг в её влетает слух
 Тихий, лёгкий шёпот:
 «Я с тобой, моя краса;
 Укротились небеса;
 Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
 Простирает руки.
 «Радость, свет моих очей,
 Нет для нас разлуки.
 Едем! Поп уж в церкви ждёт
 С дьяконом, дьячками;
 Хор венчальну песнь поёт;
 Храм блестит свечами».
 Был в ответ умильный взор;
 Идут на широкий двор,
 В ворота тесовы;
 У ворот их санки ждут:
 С нетерпеньем кони рвут
 Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
 Пышут дым ноздрями;

От копыт их поднялась
 Вьюга над санями.
 Скачут... пусто всё вокруг.
 Степь в очах Светланы:
 На луне туманный круг;
 Чуть блестят поляны.
 Сердце вещее дрожит;
 Робко дева говорит:
 «Что ты смолкнул, милый?»
 Ни полслова ей в ответ:
 Он глядит на лунный свет,
 Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
 Топчут снег глубокий...
 Вот в сторонке божий храм
 Виден одинокий;
 Двери вихорь отворил;
 Тьма людей во храме;
 Яркий свет паникадил¹
 Тускнет в фимиаме;
 На середине чёрный гроб;
 И гласит протяжно поп:
 «Буди взята могилой!»
 Пуще девица дрожит,
 Кони мимо; друг молчит,
 Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
 Снег валит клоками;
 Чёрный вран², свистя крылом,
 Вьётся над санями;
 Ворон каркает: п е ч а л ь!
 Кони торопливы
 Чутко смотрят в чёрну даль,
 Подымая гривы;
 Брезжит в поле огонёк;
 Виден мирный уголок,
 Хижинка под снегом.

¹ *Паникадило* — люстра со свечами в церкви.

² *Вран* — ворон.

Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.

Что ж? В избушке гроб; накрыт
Белою запоной¹;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольёт дрожащий свет,
То опять затмится...
Всё в глубоком, мёртвом сне,

Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Лёгкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси² тихо сел,
Обнял их крылами.

Смогло всё опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвец шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...
Что же девица?... Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Лёгкие он крыла;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишённый силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг её — мертвец!
Ах!...и пробудилась.

¹ *Запона* — покров.

² *Перси* — грудь.

Где ж?... У зеркала, одна
 Посреди светлицы;
 В тонкий занавес окна
 Светит луч денницы;
 Шумным бьёт крылом петух,
 День встречая пеньем;
 Всё блестит... Светланин дух
 Смутен сновиденьем.
 «Ах! ужасный, грозный сон!
 Не добро вещает он —
 Горькую судьбину;
 Тайный мрак грядущих дней,
 Что сулишь душе моей,
 Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
 Под окном Светлана;
 Из окна широкий путь
 Виден сквозь туманы;
 Снег на солнышке блестит,
 Пар алеет тонкий...
 Чу!.. в дали пустой гремит
 Колокольчик звонкий;
 На дороге снежный прах;
 Мчат, как будто на крылах,
 Санки-кони рьяны;
 Ближе: вот уж у ворот;
 Статный гость к крыльцу идёт...
 Кто?... Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
 Прорицатель муки?
 Друг с тобой; всё тот же он
 В опыте разлуки;
 Та ж любовь в его очах,
 Те ж приятны взоры;
 Те ж на сладостных устах
 Милы разговоры.

Отворяйся ж, божий храм;
 Вы летите к небесам,
 Верные обеты¹;
 Соберитесь, стар и млад;
 Сдвинув звонки чаши, в лад
 Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
 На мою балладу:
 В ней большие чудеса,
 Очень мало складу.
 Взором счастливый твоим,
 Не хочу и славы;
 Слава — нас учили — дым;
 Свет — судья лукавый.
 Вот баллады толк моей:
 «Лучший друг нам в жизни сей
 Вера в провиденье.
 Благ зиждителя² закон:
 Здесь несчастье — лживый сон;
 Счастье — пробужденье».
 О! не знай сих страшных снов
 Ты, моя Светлана...
 Будь, создатель, ей покров!
 Ни печали рана,
 Ни минутной грусти тень
 К ней да не коснётся;
 В ней душа как ясный день;
 Ах! да пронесётся
 Мимо — бедствия рука;
 Как приятный ручейка
 Блеск на лоне луга,
 Будь вся жизнь её светла,
 Будь весёлость, как была,
 Дней её подруга.

¹ *Обёт* — торжественное обещание, обязательство.

² *Зиждитель* — основатель, создатель.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Понравилось ли вам прочитанное? Свой ответ обоснуйте.
2. Какие знания народной жизни, обычаи и традиции русского народа нашли своё отражение в произведении В. А. Жуковского? Свой ответ подтвердите примерами из текста.
3. Проследите по тексту, с помощью каких художественных средств поэт «переносит» читателя в мир таинственного и невероятного.
4. Определите роль пейзажных описаний в развитии сюжета произведения.
5. Ознакомьтесь с информацией, представленной в рубрике «Из тайников искусства слова». Докажите, что «Светлана» В. А. Жуковского — это баллада.
6. Проследите, как строится сюжет баллады. Что предвещает таинственный и страшный сон героини? Чем заканчивается произведение? Какую мысль утверждает автор такой неожиданной развязкой? Обоснуйте свой ответ.
7. Рассмотрите репродукции картин Карла Брюллова «Гадающая Светлана» и Константина Васильева «Ожидание». Какими строчками из баллады их можно подписать?

Карл Брюллов.
Гадающая Светлана (1836)

Константин Васильев.
Ожидание (1976)

8. Объясните, как вы понимаете строки:

*Улыбнись, моя краса, В ней большие чудеса,
На мою балладу; Очень мало складу.*

9. Что сближает балладу В. А. Жуковского с произведениями русского фольклора? Свой ответ аргументируйте конкретными примерами из текста.
10. Какие особенности народной разговорной речи сохранены в балладе? Как вы считаете, какую цель при этом преследовал автор?
11. Выразительно прочитайте произведение в классе. Обратите внимание на особенности передачи при чтении душевных переживаний героини.

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О БАЛЛАДЕ

Баллада — это небольшое сюжетное стихотворение, в основе которого чаще всего лежит какой-то необычный случай.

Особенность баллады — это стремительное развитие сюжета. Главная тема в таких произведениях — столкновение человека с судьбой, роком. Сюжет, как правило, посвящён изображению каких-либо таинственных событий в мире и судьбе человека.

Баллада возникла в XII столетии в фольклорном творчестве Прованса (часть Франции). Первоначально этим словом обозначалась песня, которой сопровождалась танцы, поэтому баллада часто исполнялась под аккомпанемент какого-нибудь музыкального инструмента. Во Франции балладой называлась популярная придворная поэзия. В Англии широкое распространение получили баллады о народном герое Робин Гуде. В литературе подражание народной балладе стало очень популярным в конце XIII — начале XIX веков.

1. Расскажите, что вам известно из истории возникновения баллад.
2. Назовите главные признаки произведений этого жанра.

**Адам
МИЦКЕВИЧ**
(1798–1855)

Нет имени более дорогого для польского сердца, нет имени польского писателя, более любимого за пределами Польши, чем имя Мицкевича.

Максим Рыльский

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ ПОЛЬСКОЙ НАЦИИ

Говоря о значении Адама Мицкевича для польской и мировой культуры, многие сравнивают его с Пушкиным и Шевченко. Так же, как и эти великие писатели, он ярко воплотил в своих произведениях думы и стремления родного народа, так же, как и они, с необыкновенной проникновенностью и глубиной открыл его душу целому миру. «Самым великим поэтом польской нации» назвал Мицкевича Иван Франко.

Родился будущий поэт **24 декабря 1798** года на хуторе Заосье в Новогрудском уезде Литовской губернии Российской империи (современная территория Беларуси). В семье поэта царил атмосфера любви к польской культуре, польскому языку. В это время Польша не существовала как единое государство, а была разделена между Австрией, Пруссией и Россией, и многие представители польской интеллигенции своей главной задачей считали пробуждение польского народа к борьбе за независимость.

В доме Мицкевичей часто звучали народные песни, сказки и легенды, исторические рассказы о славном былом Польши, некогда бывшей частью могущественного государства — Речи Посполитой. Отец будущего поэта, мечтавший об освобождении отчизны, прививал и детям патриотизм и свободолюбие. Именно эти чувства стали определяющими во всей жизни

Адама Мицкевича. Ещё во время учёбы в университете города Вильно (ныне Вильнюс) он становится активным участником тайных польских патриотических организаций. Согласно их уставам, члены общества должны были любить родной язык, хранить и популяризировать национальную культуру, сочувствовать обездоленным.

Судьба распорядилась так, что большую часть жизни поэту довелось провести вдали от Польши: за участие в работе подпольных организаций он отбывал ссылку в России, путешествовал по Украине, жил во Франции, Италии, Швейцарии, Германии, Турции. Он выучил несколько языков, в том числе русский, английский, французский и немецкий, но все свои произведения писал на родном польском. И куда бы Адама Мицкевича ни забрасывали жизненные пути, он везде думал о так любимой им Польше, мечтал о том счастливом времени, когда она обретёт независимость. Яркое свидетельство тому — его поэтическое творчество, пронизанное патриотическими и свободолюбивыми мыслями.

Они звучат уже в ранних произведениях Мицкевича, в частности в его знаменитых балладах, написанных на основе фольклора, в том числе и украинского. Одну из них — *«Свистязь»* — поэту навеяла легенда о не покорившихся врагу защитниках древнего города. Мицкевич использовал её, чтобы высказать, с одной стороны, ненависть к врагам, захватившим его отчизну, а с другой — воспеть мужество борцов за независимость родной земли.

Тема любви к отчизне, борьбы за свободу и национальное единство — центральная в творчестве Мицкевича, она звучит в поэмах *«Пан Тадеуш»*, *«Гражина»*, *«Дзяды»*, *«Конрад Валленрод»* и многих стихотворениях. Так, в стихотворении *«Ода к молодости»* юный поэт призывал:

*Друзья молодые! Вставайте разом!
Счастье всех — наша цель и дело.
В единстве мощь, в упоенье разум.
Друзья молодые! Вставайте смело!*

Пламенные поэтические строки Адама Мицкевича близки не только полякам, но и другим народам, прошедшим в своей истории сложный путь борьбы за независимость. По-особому

дороги они украинскому народу, познавшему горечь поражения и радость обретения долгожданной независимости. Указывая на мировое значение творчества великого поляка, его современник, великий француз Виктор Гюго отмечал: «Писать о Мицкевиче — значит говорить о прекрасном... о справедливости, которой он был рыцарем, о долге, которого был героем, о свободе, которой был апостолом, об освобождении, которого был пророком».

1. Объясните, почему Мицкевича сравнивают с Пушкиным и Шевченко.
2. Какая тема стала центральной в творчестве поэта?
3. Прокомментируйте высказывание В. Гюго о великом польском поэте.
4. Подготовьте сообщение на тему «Мицкевич и Украина» (по сведениям из рубрики «У литературной карты мира» и дополнительным источникам).
5. Воспользовавшись материалами рубрики «Читателю XXI столетия на заметку», расскажите, что вы знаете об озере Свитязь.

У литературной карты мира

Мицкевич побывал во многих городах Украины. Ныне памятники великому польскому поэту можно увидеть во Львове, Одессе, Ивано-Франковске, Трускавце, Дрогобыче. Два месяца он путешествовал по Крыму. Мицкевич был очарован роскошной природой полуострова, что отражено в написанном им знаменитом цикле «Крымские сонеты» («Алушта ночью», «Бахчисарай», «Аюдаг» и другие). В сонете «Пилигрим» поэт так описал крымскую землю:

*Передо мной страна волшебной красоты,
Здесь и небо ясное, здесь так прекрасны лица.*

Памятник Адаму Мицкевичу во Львове (1904) считается одним из самых красивых памятников поэту в мире. Автор — Антон Попель

Читателю XXI столетия на заметку

Интересно, что существует два озера с названием Свитязь, о которых сложено множество преданий, легенд и поверий. Одно из них — самое большое пресноводное и самое глубокое озеро в Украине, живописный уголок нашей родины, расположенный в Волинской области.

Недалеко от хутора Заосье, в котором родился Адам Мицкевич, есть ещё одно таинственное озеро, носящее название Свитязь (ранее Свитезь). В разные времена территория, на которой оно находится, принадлежала разным государствам: Великому княжеству Литовскому, Речи Посполитой, Российской империи. Ныне озеро называют жемчужиной Беларуси. Согласно одной из легенд, во времена первого великого литовского князя Миндовга (XIII в.) на месте озера стоял могучий и красивый город Свитязь, в котором правил благородный князь Туган. Однажды, во время войны с русскими князьями, Миндовг вызвал свитязскую дружину на помощь в обороне Новогрудка. Туган, подчиняясь своему долгу, оставил город на женщин (среди них была и его красавица дочь), стариков и детей. Стоило воинам покинуть родные дома, как на город напали враги. Жители решили оказать сопротивление, но, не имея возможности удержать город, они стали поджигать свои дома. Дочь князя, решившая, что лучше умереть, чем сдать врагу, попросила у неба забрать людей живыми. В этот момент город провалился в озеро, которое образовалось на его месте. А все его жители превратились в белые цветы, прозванные в народе «царями». Враги же, которые прикасались к этим чудо-цветам, умирали.

Поэт часто бывал в этих краях и знал не только легенду, но и народное поверье, согласно которому на берегах озера появляются водяные нимфы, прозванные народом свитязянками. Это поверье легло в основу ещё одной баллады польского писателя — «Свитязянка».

Скульптура свитязянки на знаменитом озере установлена в начале XXI века.

Автор — Владимир Теребун

СВИТЯЗЬ

Михалу Верещাকে¹

Когда ты держишь в Новогрудок путь,
Плужинским проезжая бором²,
Над озером дай коням отдохнуть,
Окинь его любовным взором.

Ты видишь Свитязь. Гладь воды ясна,
Как лёд, недвижна и блестяща,
И вокруг неё, как чёрная стена,
Стоит таинственная чаща.

Когда в ночи проходишь той тропой,
Ты видишь небо в тёмных водах,
И звёзды — под тобой и над тобой,
И две луны на синих сводах.

И не поймёшь: вода ли в вышину
Уходит зеркалом бездонным
Иль опустилось небо в глубину
И там блестит зеркальным лоном.

Не знаешь, то вершина или дно
Во мраке берега пропали,
И кажется, с мирами заодно
Плывёшь в неведомые дали.

Прозрачен воздух, ясен небосклон,
И тот обман отраден взору.
Но если ты не храбрецом рождён,
Не ездит тут в ночную пору.

Такого начудесит сатана,
Таких накрутит штук бесовских!
И вспомнить — страх! Всю ночь лежишь без сна,
Послушав былей стариковских!

На озере Свитязь

¹ *Михал Верещэ́ка* — брат возлюбленной А. Мицкевича Марыли Верещэ́ки.

² *Плужинским проезжая бором...* — *Плужины* — имение, в котором жил Верещэ́ка.

То, словно люди в страхе гомонят,
Из бездны шум идёт великий,
Валит столбами дым, гремит набат,
Оружья звон и женщин крики.

Вдруг дым пропал, стихает гром и звон,
И только смутно шепчут ели,
И, словно над покойником псалом,
В пучине жалостно запели.

Что это значит? Кто ж ответ вам даст?
На дне ведь люди не бывали.
Болтают всякое — кто что горазд,
А правда есть ли в том? Едва ли.

Плужинский пан, тот самый пан, чей дед
И прадед Свитязью владели,
И сам всё думал и держал совет:
Как разобраться в этом деле?

С заказом в город он послал людей,
Большие сделал там закупки,
И мастeryт уж невод в сто локтей
И строят парусные шлюпки.

Тут я сказал: «Бог да поможет вам,
Ему усердно помолитесь».
Пан дал на мессу, в Цирин¹ съездил сам,
И ксёндз² приехал с ним на Свитязь.

На берег вышел, свой надел орнат³,
Всё окропил и помолился.
Нам подал знак, гребцы взмахнули в лад —
И с шумом невод погрузился.

Уходит вглубь, и поплавки за ним,
Как будто под водой и дна нет.
Канаты напряглись, мы все глядим;
Неужто ничего не тянет?

¹ *Цирин* — городок вблизи Новогрудка.

² *Ксёндз* — католический священник в Польше.

³ *Орнат* — плащ католического священника.

Но невод тяжко из воды идёт,
 Так тяжко, словно тащит глыбу.
 Сказал бы, — да поверит ли народ, —
 Какую выловили рыбу.

Не рыбу, нет, — болтать не стану зря, —
 Из волн красавица явилась.
 Уста — кораллы, щёки как заря.
 Вода с кудрей льняных струилась.

На всех тут страх напал. Иной бежит,
 Иной стоит белее мела.
 Она под воду скрыться не спешит
 И молвит ласково и смело:

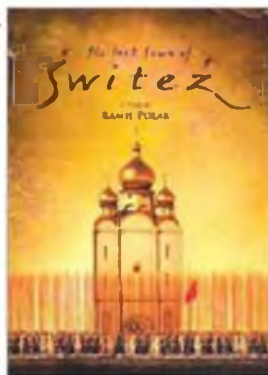
«О юноши! То знает весь народ:
 Никто в задоре безрассудном
 Веслом не смел коснуться этих вод —
 Он потонул бы вместе с судном.

Ты, дерзкий, также и твои челны
 Истлели б скоро под волнами,
 Но здесь твой дед и прадед рождены,
 И ты единой крови с нами.

Так знай, хоть любопытство — ваш порок,
 Но вы призвали Божье имя,
 И быль об этом озере вам Бог
 Устами огласит моими.

Когда-то здесь, где тростники шуршат,
 Где царь-травой покрыты мели,
 Кипела жизнь, стоял обширный град,
 Строенья крепкие белели.

Красавиц много было в граде том,
 Мужей, искусных в деле бранном.
 И Свितязью владел тот княжий дом,
 Что славен доблестным Туганом¹.

Постер анимационного
 фильма
 «Затерянный город
 Свितязь»
 (режиссёр
 Камиль
 Полак, 2010)

¹ Туга́н — имя князя, проживавшего в Тугановичах, родовом имении Верещаков.

Кругом леса в ту пору не росли,
Желтела на полях пшеница,
И Новогрудок виден был вдали —
Литвы цветущая столица.

Но русский царь войной пошёл на нас,
И осадил он град Мендога¹.
И обуяла в этот грозный час
Литву великая тревога.

С гонцом письмо литовский государь
Шлёт моему отцу Тугану:
«Ты выручал наш стольный град и встарь,
Спеши, ударь по вражью стану!»

Туган прочёл — и приказал скликать
Мужей для воинской потехи.
И собралось охочих тысяч пять,
При каждом — конь и все доспехи.

Труба гремит — и пыль столбом взвилась:
То скачет рать за княжьим стягом.
Но вижу, вдруг остановился князь
И в замок воротился шагом.

Он говорит: «Могу ль губить своих,
Чтоб князю дать помощь в брани?
У Свитязи ведь нет валков иных,
Как только крепость нашей длани.

Но если в битву мы не все пойдём —
Друзьям не будет обороны.
А все пойдём — как защитить свой дом,
Где наши дочери и жёны?»

И я в ответ: «Отец! Послушай дочь:
Ступай! Над нами власть господня.
Мне снилось, ангел огненный всю ночь
Летал над городом сегодня.

¹ *И осадил он град Мендога* — имеется в виду Новогрудок, столица Миндовга — литовского князя, правившего в XII в.

Мечом он Свитязь очертил твою,
Златыми осенил крылами
И мне сказал: «Пока отцы в бою,
Не бойтесь, чада, — я над вами».

И внял Туган, — за войском он спешит.
Но вот уже и ночь настала.
И вдруг раздался грохот, стук копыт,
И крик «ура», и звон металла.

Таранами по стенам замка бьют,
Стреляют ядрами по сводам.
И дети, старцы, женщины бегут —
Весь двор заполнился народом.

Кричат: «Скорей ворота на запор!
Спасите! Русь валит за нами!
Пусть лучше смерть, но только не позор!
Убьём, убьём друг друга сами!»

И яростью сменяется их страх, —
Приносят факелы, солому,
Сокровища сжигают на кострах,
Огнём грозят гнезду родному.

«Кто убежит — будь проклят!» Я — во двор.
Унять хочу их — не умею.
Благодарят поднявшего топор,
Торопятся подставить шею.

Но что преступней: жизнь и честь губя,
Отдаться под ярем кровавый
Иль душу погубить, убив себя?
И я вскричала: «Боже правый!»

Ты видишь, нам не совладать с врагом,
К тебе взываем, погибая:
Пусть лучше нас убьёт небесный гром,
Укроет мать-земля сырая!»

И белизна внезапно разлилась,
Закрыла мир, как покрывало.
Я опустила очи, изумясь...
И подо мной земли не стало.

Взгляни на луг прибрежный: это Бог
Избавил слабых от расправы:
Он дев и жён безгрешных уберёг,
Их обратил в цветы и травы.

Подобно белым бабочкам, цветы
Парят над спящею водою.
Напоминают свежестью листвы
Зелёную под снегом хвою.

Так белый цвет безгрешности своей
Они хранят в веках нетленным.
Не оскорбит их пришлый лиходея
Прикосновением презренным.

То был царю и всем врагам урок:
Победу праздную над нами,
Иной из них хотел сплести венок,
Иной — украсить шлем.

Но лишь к цветам притронулись они,
Свершилось чудо правой мести:
В недуге страшном скорчились одни,
Других застигла смерть на месте.

Хоть всё уносит времени поток,
Но был народ не забывает:
Поёт о чуде, и простой цветок
Он царь-травую называет».

Так молвит нам — и прочь плывёт она,
И тонут сети, шлюпки тонут.
Летит на берег с грохотом волна,
Деревья в пуще дико стонут.

Как бездна, хлябь разверзлась перед ней,
Она исчезла в тёмном чреве,
И с той поры никто до наших дней
Не слышал о прекрасной деве.

*Юлиан Фалат.
Святая (1907)*

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Словесно нарисуйте картину, которая возникла в вашем воображении после прочтения первых десяти строф баллады.
2. Выразительно прочитайте описание озера Свистязь. Какие художественные средства помогают нам представить его?
3. Почему это озеро одновременно и притягивает, и отталкивает? Подтвердите ответ цитатами.
4. Подготовьте пересказ на тему «Тайна озера, поведанная русалкой».
5. Догадались ли вы, кем была явившаяся из волн красавица? Если да, то что стало для вас подсказкой?
6. Чем объясняется готовность защитников города добровольно принять смерть? Что они считают позором?
7. Можно ли назвать их патриотами? Аргументируйте свой ответ.
8. Найдите в балладе описание белых цветов, в которые превратились защитницы Свистязи. Какими художественными средствами подчёркнута их красота?
9. Почему народная фантазия превратила «дев и жён безгрешных» в цветы и травы? Как вы думаете, символом чего является царь-трава?
10. Какие строчки из баллады вы предложили бы сделать эпиграфом к уроку? Объясните свой выбор.
11. Сравните народную легенду об озере Свистязь с балладой Мицкевича. Что в них общего, а что различного?
12. Определите сюжетные элементы баллады. Какую роль в произведении выполняет экспозиция?
13. Какие две части можно выделить в балладе?
14. От чьего имени ведётся повествование в произведении?
15. Можно ли это произведение назвать фантастическим? Обоснуйте свой ответ.
16. Посмотрите анимационный исторический фильм «Затерянный город Свистязь» (режиссёр и автор сценария Камилль Полак, Польша – Канада, 2010) и сравните его с текстом баллады.

Кадр из мультфильма
«Затерянный город Свистязь»

**Роберт Льюис
СТИВЕНСОН**
(1850–1894)

Будем по мере возможности учить народ силе. И будем помнить, что уроки должны звучать бодро и воодушевленно, должны укреплять в людях мужество.

Роберт Льюис Стивенсон

«Я РАДОСТНО ЖИЛ...»

Английский писатель Роберт Льюис Бэлфур Стивенсон многим поколениям подростков разных стран известен как автор непревзойдённого романа о пиратах «*Остров сокровищ*».

Шотландец по происхождению, он родился в Эдинбурге в семье морского инженера, смотрителя маяков. Мальчик с детства страдал тяжёлой болезнью лёгких. «Детство моё, — вспоминал Стивенсон, — честно говоря, было безрадостным. Я постоянно температурил, бредил, не мог спать». Были моменты, когда казалось, что он не выживет. На помощь пришли книги. Мир литературы, подаривший маленькому Лу многочисленные приключения книжных героев, не только помогал приобрести бодрость духа и силу воли, но и открывал безграничные просторы для собственных фантазий. «У меня в кармане, — говорил Стивенсон, — всегда были две книжки, одну я читал, в другой писал». Во время прогулок он подыскивал подходящие слова для описания того, что видел, или придумывал диалоги, в которых сам принимал участие, а удачные реплики записывал; садясь отдохнуть, читал, делал пометки. Так литературная карьера стала смыслом его жизни.

Вышедший в 1883 году первый роман Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ» имел грандиозный успех. Со времён книги о Робинзоне Крузо ни одно произведение в Англии не пользовалось таким спросом среди читателей. Но Стивенсон

был не только великолепным прозаиком, но и прекрасным поэтом.

Один из самых популярных поэтических сборников «*Детский цветник стихов*» был создан им во время обострения болезни. Появление этого сборника вызвало массу восторженных откликов, настолько неподдельно искренним и детским казался голос, звучащий в нём. «Эти жизнерадостные стихи сочинил тот, чья жизнь легка», — прозвучало в одной из рецензий. Лишь близкие друзья писателя знали, при каких обстоятельствах были написаны многие стихотворения сборника.

В последние годы жизни Стивенсон по рекомендации врачей покинул родину и поселился вместе с семьёй на острове Самоа в Тихом океане. В то время на Самоа шёл активный раздел земель между Британией, Америкой и Германией. Писатель включился в яростную борьбу за права местного населения и приобрёл на этом поприще настоящую славу среди аборигенов. Он стал национальным героем острова. После смерти Стивенсона островитяне, следуя завещанию писателя похоронить его здесь же, недалеко от своего нового дома, работали сутки без передышки, прорубая дорожку к вершине горы, чтобы тело их героя *Туситалу* (что на местном диалекте означает «сказитель») было захоронено на следующий день с полными церемониальными почестями.

Но сердце писателя навсегда осталось в его любимой, далёкой Шотландии.

*Там, где в небо громоздятся скалы,
Где у стариков румянец алый,
А во взгляде девушек — покой,
Где клубится тишина густая
И, в ущельях дальних замирая,
Музыка её течёт рекой¹.*

1. Расскажите о жизни и творчестве Р. Л. Стивенсона.
2. Какие события и факты биографии писателя произвели на вас наибольшее впечатление? Объясните почему.
3. Знакомы ли вы уже с какими-либо произведениями Р. Л. Стивенсона? Расскажите об этом в классе.

¹ Перевод с английского *Игнатия Ивановского*.

ВЕРЕСКОВЫЙ МЁД

Из вереска¹ напиток
Забыл давным-давно.
А был он слаще мёда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьёй
Малютки-медовары
В пещерах под землёй.

Пришёл король шотландский,
Безжалостный к врагам.
Погнал он бедных пиктов²
К скалистым берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом,
Лежал живой на мёртвом
И мёртвый — на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветёт,
Но некому готовить
Вересковый мёд.

В своих могилках тесных,
В горах родной земли,
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо:
«Опять в краю моём
Цветёт медвяный вереск,
А мёда мы не пьём!»

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет. —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнёс.

Сидел король шотландский
Не шевелясь в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждёт.
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мёд! —

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король.
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю.
Выдам заветную тайну! —
Карлик сказал королю.

¹ *Вёреск* — низкий вечнозелёный кустарник с мелкими листьями и лилово-розовыми цветками.

² *Пикты* — древний народ, населявший Британские острова. История происхождения пиктов окружена множеством мифов, легенд и выдумок.

Голос его воробыный
 Резко и чётко звучал:
 — Тайну давно бы я выдал,
 Если бы сын не мешал!
 Мальчику жизни не жалко,
 Гибель ему нипочём.
 Мне продавать свою совесть
 Совестно будет при нём.
 Пускай его крепко свяжут
 И бросят в пучину вод —
 И я научу шотландцев
 Готовить старинный мёд! —
 Сильный шо тландский воин
 Мальчика крепко связал

И бросил в открытое море
 С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись.
 Замер последний крик.
 И эхом ему ответил
 С обрыва отец-старик:

— Правду сказал я, шо тландцы,
 От сына я ждал беды:
 Не верил я в стойкость юных,
 Не бреющих бороды.

А мне костёр не страшен.
 Пускай со мной умрёт
 Моя святая тайна —
 Мой вересковый мёд!

Перевод с английского Самуила Маршака

Андрей Харшак. Из иллюстраций к балладе «Вересковый мёд» (1987)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Расскажите о своих впечатлениях о прочитанном.
2. Проведите небольшое исследование и узнайте, какая фольклорная легенда стала основой этого произведения. О результатах исследования расскажите в классе.

3. Определите жанр произведения. Свой ответ аргументируйте примерами из текста.
4. Как вы считаете, правильно ли поступил старый медовар? Обоснуйте свой ответ.
5. Раскройте главную мысль баллады.
6. Как вы считаете, можно ли «последних медоваров» считать героями? Аргументируйте свою позицию.
7. Подготовьтесь к выразительному чтению произведения в классе.
8. Прочитайте отрывок баллады «Heather Ale» в оригинале:

*Summer came in the country,
Red was the heather bell;
But the manner of the brewing
Was none alive to tell.
In graves that were like children's
On many a mountain head,
The Brewsters of the Heather
Lay numbered with the dead.*

Виталий Волович. Из иллюстраций
к балладе «Вересковый мёд» (1962)

9. Как вы думаете, чем можно объяснить, что в переводе слово «эль»¹ заменено на «мёд»? Передаёт ли перевод содержание и атмосферу оригинала? Свой ответ обоснуйте.
10. Попробуйте сделать собственный перевод.
11. Рассмотрите иллюстрации к произведению. Такими ли вы представляли героев баллады?

Диалог искусств

Один из создателей и членов легендарной английской музыкальной группы «Битлз» Джон Леннон говорил, что лучшие его песни навеяны очарованием и красотой поэзии Роберта Льюиса Стивенсона.

¹ Эль — вид традиционного английского пива.

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ В РАЗДЕЛЕ «ПРОНИКАЯ В ТАЙНЫ БАЛЛАДЫ»

1. Расскажите, какие «тайны поэтической строки» открылись вам в этом разделе.
2. С творчеством каких поэтов и из каких стран вы познакомились?
3. Какие из прочитанных произведений этого раздела понравились вам больше всего? Свой ответ обоснуйте.
4. Объясните, что такое баллада.
5. Какие художественные детали произведения В. А. Жуковского «Светлана» подсказывают нам, что оно принадлежит к русской литературе?
6. Можно ли утверждать, что идея баллады А. Мицкевича «Свितязь» выражена такими словами: «*Пусть лучше смерть, но только не позор!*» Обоснуйте свой ответ.
7. Докажите, что баллада «Свितязь» написана на основе фольклорного произведения.
8. Сформулируйте тему и идею баллады «Свитязь».
9. Представьте себя художником-иллюстратором. Какие три иллюстрации вы бы нарисовали к произведению А. Мицкевича? Объясните свой выбор.
10. Раскройте смысл названия баллады Р. Л. Стивенсона «Вересковый мёд».
11. Самостоятельно найдите и посмотрите мультипликационный фильм «Вересковый мёд». Удалось ли режиссёру Ирине Гурвич передать атмосферу произведения Р. Л. Стивенсона? Аргументируйте свой ответ.
12. Работая в группах, подготовьте следующие творческие задания (*на выбор*):
 - а) иллюстрации к балладе В. А. Жуковского «Светлана»;
 - б) рекламный проект для радио к балладе А. Мицкевича «Свитязь»;
 - в) режиссёрский комментарий к постановке баллады Р. Л. Стивенсона «Вересковый мёд» в театре;
 - г) буктрейлер¹ к одной из баллад, прочитанных в этом разделе.
13. Прочитайте эпитафии к этому разделу. Объясните, как вы их понимаете. Обоснуйте, почему И. Франко сравнил баллады с «МОЛНИЯМИ».

¹ Буктрейлер — короткий видеоролик о книге, созданный для её популяризации.

ИЗ ЗОЛОТОГО ФОНДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гениальная литература живёт вечно.
Михаил Булгаков, русский писатель

Последнее слово всегда остаётся за последующими поколениями. Именно им решать, кто награждён бессмертием в веках.

Оноре де Бальзак, французский писатель

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✓ **углубить знания о творчестве** Александра Сергеевича Пушкина, Михаила Юрьевича Лермонтова, Николая Васильевича Гоголя и Ивана Сергеевича Тургенева;
- ✓ **понять**, что такое композиция литературного произведения;
- ✓ **узнать**, что называется поэмой и лирическим монологом;
- ✓ **осмыслить**, в чём заключаются особенности героической повести;
- ✓ **расширить уже полученные знания** о рифме и строфе, двухсложных размерах, роли пейзажа и портрета в художественном произведении;
- ✓ **задуматься**, чем произведения русской литературы XIX века привлекают читателей многих стран мира.

Расскажите, что вам уже известно о жизни и творчестве А. С. Пушкина.

Какие события биографии поэта произвели на вас особое впечатление?

Прочитайте наизусть ваше любимое произведение А. С. Пушкина.

**Александр
Сергеевич
ПУШКИН**
(1799–1837)

Пушкин — это целый мир, а познание мира бесконечно, это процесс непрерывных открытий. Есть открытия, которые становятся всеобщими, но ведь каждый открывает и «своего Пушкина» — это открытия для себя, и они продолжаются всю жизнь.

Борис Мейлах, российский литературовед

НОВЫЙ ПРОМЕТЕЙ

Пушкинский современник, русский писатель, литературный критик и публицист Александр Бестужев-Марлинский назвал его Прометеем: «Новый Прометей, он похитил небесный огонь и, обладая оным, своенравно играет сердцами». В 15 лет он напишет первые вольнолюбивые строки: «Кипит в груди свобода...». Свобода навсегда останется одной из главных тем его поэзии. Поэтому его действительно можно назвать Прометеем, ведь он своими поэтическими откровениями и неустанными поисками новых форм разжигал огонь человеческих чувств. Все эти слова о нём, об Александре Сергеевиче Пушкине...

Первые вольнолюбивые стихи вчерашнего лицеиста вызвали взрыв. В то время поэту приписывали почти все антиправительственные поэтические произведения, которые распространялись устно и в списках. Друг Пушкина Иван Пущин приводит слова императора Александра I о поэте:

«...он наводнил Россию возмутительными стихами». Весной 1820 года самодержец принимает решение сослать Пушкина в Сибирь. Но просьбы Николая Михайловича Карамзина, Василия Андреевича Жуковского и других увенчиваются успехом: север удаётся заменить югом, ссылку — «служебным переводом».

Пушкин выехал из Петербурга на юг 6 мая 1820 года. Через Могилёв и Киев он прибыл к месту новой службы — в Екатеринослав (ныне Днепрпетровск). После бурной, насыщенной всевозможными событиями жизни в Петербурге в Екатеринославе поэт заскучал, к тому же ещё серьёзно заболел. В это же время через Екатеринослав на Кавказ следовала семья легендарного героя Отечественной войны 1812 года генерала Раевского. По его просьбе Пушкина отпустили вместе с ними на кавказские воды.

Поэт был окружён вниманием и заботой семьи Раевских. Он купался в источниках, поднимался в горы, с большим интересом познавал обычаи и традиции кавказских народов. Поэт познакомился с гордыми и независимыми людьми, для которых главное — сила духа и свобода. Всё это очень впечатлило Пушкина и ещё больше укрепило свободололюбивое настроение его поэзии. Н. В. Гоголь, лично знавший и любивший А. С. Пушкина, так охарактеризовал роль Кавказа в жизни и творчестве поэта: «Судьба как нарочно забросила его туда [...]. Кавказ вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые ещё тяготели на свободных мыслях».

После Кавказа Пушкин вместе с Раевскими отправился в Крым. Феодосия, Гурзуф, Бахчисарай, Симферополь... Пребывание на «благословенной Тавриде», как называли в древности Крым, обогатило творчество поэта новыми темами и образами.

Осенью 1820 года Пушкин переехал на новое место службы в Кишинёв, а летом 1823 года — в Одессу. Много разных событий произошло в этот период жизни А. С. Пушкина. Но главное, что ссылка на юг (1820–1824) не укротила и не смирила его. Она укрепила поэта в правоте своих убеждений, придала ему ещё большую твёрдость.

Этому способствовали и исторические события, происходившие вокруг. Европа 20-х годов XIX столетия была охвачена пожаром революций: восстание в Италии, борьба за

национальную свободу в Греции (в этой борьбе участвовал кумир молодого Пушкина — английский поэт Байрон), революция в Испании. Всё это не могло не волновать поэта и, закономерно, находит отражение в его произведениях. Пушкин чувствует себя борцом-изгнанником. Главной темой этого периода остаётся свобода. В послании к другу Антону Дельвигу он утверждает: «*Одна свобода мой кумир*».

Прикоснёмся и мы к этому великому источнику мысли и вдохновения, к этому гиганту слова, имя которого Александр Сергеевич Пушкин.

1. Что нового вы узнали об А. С. Пушкине?
2. Расскажите, за что поэт был отправлен в ссылку.
3. Объясните, почему А. А. Бестужев-Марлинский назвал Пушкина «Новым Прометеем». А вы согласны с таким утверждением? Обоснуйте свой ответ.
4. Проведите небольшую краеведческую работу: самостоятельно найдите информацию о пребывании А. С. Пушкина в одном из городов, которые он посетил во время южной ссылки (*на ваш выбор*). О результатах своего исследования расскажите в классе.

У литературной карты мира

Более года (с 3 июля 1823 г. по 31 июля 1824 г.) А. С. Пушкин жил в Одессе. Это был последний год кожной ссылки поэта. В Одессе Пушкин был, по его собственному определению, на положении «ссылочного невольника». К счастью благодарных потомков, сохранился дом, в котором поэт жил в 1823 году, — бывшая Северная гостиница (сейчас здесь находится Литературно-мемориальный музей А. С. Пушкина (ул. Пушкинская, 13)).

У входа в музей вас встретит сам Александр Сергеевич. Кажется, что он очень сосредоточен. Может быть, он кого-то ждёт или именно сейчас у него рождаются новые бессмертные строки...

Памятник-скульптура А. С. Пушкину возле музея в Одессе (1999). Авторы — А. П. Токарев и В. Л. Глазырин

УЗНИК

Сижу за решёткой в темнице сырой.
 Вскормлённый в неволе орёл молодой,
 Мой грустный товарищ, махая крылом,
 Кровавую пищу клюёт под окном.
 Клюёт, и бросает, и смотрит в окно,
 Как будто со мною задумал одно.
 Зовёт меня взглядом и криком своим
 И вымолвить хочет: «Давай улетим!
 Мы вольные птицы: пора, брат, пора!
 Туда, где за тучей белеет гора,
 Туда, где синеют морские края,
 Туда, где гуляем лишь ветер... да я!...»

Георгий Никольский. Иллюстрация к стихотворению «Узник» (1960)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Расскажите, что вы представляли и чувствовали, когда читали стихотворение «Узник».
2. Почему именно орла поэт рисует рядом с узником? Какие ассоциации вызывает у нас слово «орёл»?
3. Подготовьтесь к выразительному чтению произведения: обратите внимание, какое чувство является преобладающим в каждом четверостишии; определите, как меняется настроение каждой строфы; подумайте, с какой интонацией нужно читать слова молодого орла.
4. Определите главную мысль стихотворения.

Читателю XXI столетия на заметку

Давайте вместе проанализируем, как меняется настроение в стихотворении «Узник». С этой целью обратимся сначала к истории создания произведения.

Когда А. С. Пушкин, будучи в южной ссылке, был переведён на службу в Кишинёв, ему пришлось посетить местную тюрьму (острог). На тюремном дворе он увидел двух ручных орлов, у которых, чтобы они не могли улететь, были подрезаны крылья. Это грустное зрелище поразило воображение поэта. Наблюдение над жалкой жизнью в неволе гордых птиц вызвало у него размышления о судьбе человека, о своей участи в ссылке. Нахлынувшие чувства и переживания нашли отражение в стихотворении.

«Сижу за решёткой в темнице сырой...» — первые слова произведения, и чувство грусти и безысходности захватывают нас. Обида за человека усиливается, когда мы видим, что рядом с узником находится орёл, «вскормлённый в неволе». Но уже начиная со слов: «Зовёт меня взглядом и криком своим», на смелую тоскливому настроению приходит мужественная интонация, утверждающая призыв к свободе. Поэт убеждён: орёл и человек созданы быть свободными, а неволя — это противоестественное состояние, и с ней нельзя смириться. Устами орла поэт призывает: «Пора, брат, пора...». Пора на свободу...

Гордые слова о стремлении к воле, прозвучавшие в стихотворении «Узник», нашли отклик в сердцах соотечественников. Поэтому неудивительно, что это произведение приобрело популярность в народе, стало песней свободы.

ПТИЧКА

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Елена Шишицова. Иллюстрация к стихотворению «Птичка» (2013)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Объясните, как вы поняли стихотворение «Птичка».
2. Подумайте, что объединяет это произведение и стихотворение «Узник». Аргументируйте свой ответ конкретными примерами.
3. Подготовьтесь к выразительному чтению этого произведения в классе.

Цветок засохший, безуханный,
Забутый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

Где цвёл? когда? какой весною?
И долго ль цвёл? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукой?
И положен сюда зачем?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какие настроения и чувства вызвало у вас стихотворение?
2. Проследите по тексту, с помощью каких изобразительно-выразительных средств языка поэт запечатлел свои мысли и чувства.
3. Сформулируйте главную мысль стихотворения.
4. Ознакомьтесь с информацией, представленной в рубрике «Читателю XXI столетия на заметку». Согласны ли вы с утверждением, что поэт старался раскрыть мир цветов? Свой ответ обоснуйте.
5. Выразительно прочитайте произведение в классе.

Читателю XXI столетия на заметку

Стихотворение «Цветок засохший, безуханный...» было написано Пушкиным осенью. Это пора прощания с живыми цветами, которые не подвластны ни снегу, ни морозу, ибо они вошли в

книгу, гербарий, альбом, чтобы пробуждать в человеке мечты и сладкие раздумья о былом в тихие зимние вечера у камина.

В своих стихах Пушкин не только упоминал цветы, но старался раскрыть их мир. Цветы смиряли души его тревогу, укрепляли в нём дух волшебника.

По Семёну Гейченко

«ЕСЛИ ЖИЗНЬ ТЕБЯ ОБМАНЕТ...»

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт,
Что пройдёт, то будет мило.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какое настроение утверждает это произведение? Подтвердите свой ответ строчками из текста.
2. Проследите по тексту, как ритм произведения помогает передать оптимистическое отношение к жизни, восплаемое в стихотворении.
3. Выразительно прочитайте стихотворение «Если жизнь тебя обманет...».

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ¹

Коллежский регистратор²,
Почтовой станции диктатор.

Князь Вяземский

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался³? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение,

¹ Повесть входит в цикл «Повести Белкина».

² *Коллежский регистратор* — гражданский чин невысокого класса в таблице о рангах в дореволюционной России.

³ *Бранивался* — ссорился, ругался.

грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подъячим¹ или по крайней мере муромским разбойникам? Будем, однако, справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, ограждённый своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шуточно князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днём, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителя. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принуждён он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздражённого постояльца. Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдаёт ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут — колокольчик!.. и фельдъегерь² бросает ему на стол свою подорожную!.. Вникнем во всё это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Ещё несколько слов: в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных смотрителей представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые³. Из их разговоров (коиими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса, следующего по казённой надобности.

¹ *Подъячий* — помощник дьяка (дьяк — должностное лицо, ведущее дела какого-нибудь учреждения).

² *Фельдъегерь* — военный или правительственный посыльный для разности деловых бумаг.

³ *Сребролюбие* (устар.) — жадность к деньгам.

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия зрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нём-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, ехал на перекладных¹ и платил прогоны² за две лошади. Вследствие сего зрители со мною не церемонились, и часто брал я с бою то, что, во мнении моём, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие зрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп³ обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай*, ввелось в употребление другое, например: *ум ума почитай*? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь к моей повести.

День был жаркий. В трёх верстах от станции*** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на станцию, первая забота была поскорее переодеться, вторая спросить себе чаю. «Эй, Дуня! — закричал зритель, — поставь самовар да сходи за сливками». При сих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота её меня поразила. «Это твоя дочка?» — спросил я зрителя. «Дочка-с, — отвечал он с видом довольного самолюбия, — да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать». Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына: в первой почтенный старик в колпаке и шляфорке⁴ отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окружённый ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасёт свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние.

¹ ...*ехал на перекладных* — то есть меняя лошадей, пересаживаясь на каждой станции.

² *Прогоны* — проездные деньги.

³ *Холоп* — в крепостной России — крестьянин. слуга.

⁴ *Шляфóр(ка)* (устар.) — халат, спальная одежда.

Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлафорке выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях: в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочёл я приличные немецкие стихи. Всё это доньше сохранилось в моей памяти, также как и горшки с бальзамином, и кровать с пёстрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зелёный сюртук с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ящиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведённое ею на меня; она потупила большие голубые глаза: я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу её стакан пуншу¹; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроём начали беседовать, как будто век были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мне всё не хотелось расстаться с зрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я остановился и просил у ней позволения её поцеловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев, с тех пор, как этим занимаюсь, но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого зрителя и обрадовался при мысли, что увижу её снова. Но, подумал я, старый зритель, может быть, уже сменён: вероятно, Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также мелькнула в моём уме. и я приближался к станции *** с печальным предчувствием.

Лошади стали у почтового домика. Вошед в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов, и всё кругом показывало ветхость и небрежение. Зритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покамест собирался он переписать мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно небритого лица, на сгорбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. «Узнал ли ты меня? — спросил я его, — мы с тобою старые знакомые». — «Может статься, — отве-

¹ Пунш — алкогольный напиток из рома.

чал он угрюмо, — здесь дорога большая; много проезжих у меня перебивало». — «Здорова ли твоя Дуня?» — продолжал я. Старик нахмурился. «А Бог её знает». — отвечал он. «Так, видно, она замужем?» — сказал я. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса, и продолжал шёпотом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш разрешит язык моего старого знакомого.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что ром прояснил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и тронула.

«Так вы знали мою Дуню? — начал он. — Кто же и не знал её? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили её, та платочком, та серёжками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать, аль отужинать, а в самом деле только чтоб на неё подолье поглядеть. Бывало, барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала. А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житьё? Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать». Тут он стал подробно рассказывать мне своё горе. Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлиновывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в черкесской шапке, в военной шинели, окутанный шалью, вошёл в комнату, требуя лошадей. Лошади все были в разгоне. При сём известии путешественник возвысил было голос и нагайку; но Дуня, привыкшая к таковым сценам, выбежала из-за перегородки и ласково обратилась к проезжему с вопросом: не угодно ли будет ему чего-нибудь покушать? Появление Дуни произвело обыкновенное своё действие. Гнев проезжего прошёл; он согласился ждть лошадей и заказал себе ужин. Сняв мокрую, косматую шапку, отпутав шаль и сдёрнув шинель, проезжий явился молодым, стройным гусаром с чёрными усиками. Он расположился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью. Подали ужинать. Между тем лошади пришли, и смотритель приказал, чтоб тотчас, не кормя, запрягали их в кибитку проезжего; но, возвратясь, нашёл он молодого человека почти без памяти лежащего на лавке: ему сделалось дурно, голова разболелась, невозможно

было ехать... Как быть! смотритель уступил ему свою кровать, и положено было, если больному не будет легче, на другой день утром послать в С *** за лекарем.

На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом в город за лекарем. Дуня обвязала ему голову платком, намоченным уксусом, и села с своим шитьём у его кровати. Больной при смотрителе охал и не говорил почти ни слова, однако ж выпил две чашки кофе и, охая, заказал себе обед. Дуня от него не отходила. Он поминутно просил пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленного лимонада. Больной обмакивал губы и всякий раз, возвращая кружку, в знак благодарности слабою своею рукою пожимал Дунюшкину руку. К обеду приехал лекарь. Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки и по-русски объявил, что ему нужно одно спокойствие и что дни через два ему можно будет отправиться в дорогу. Гусар вручил ему двадцать пять рублей за визит, пригласил его отобедать; лекарь согласился; оба ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольны друг другом.

Прошёл ещё день, и гусар совсем оправился. Он был чрезвычайно весел, без умолку шутил то с Дунею, то с смотрителем; насвистывал песни, разговаривал с проезжими, вписывал их подорожные в почтовую книгу, и так полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем. День был воскресный; Дуня собиралась к обедне. Гусару подали кибитку. Он простился с смотрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дунею и вызвался довести её до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении... «Чего же ты боишься? — сказал ей отец, — ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви». Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок¹, ямщик свистнул, и лошади поскакали.

Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление, и что тогда было с его разумом. Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел и пошёл сам к обедне. Подходя к церкви, увидел он, что народ уже расходился, но Дуни не было ни в ограде, ни на паперти². Он поспешно вошёл в церковь: священник выходил из алтаря; дьячок гасил свечи, две старушки молились ещё в углу, но Дуни в церкви не было. Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что

¹ *Облучок* — приспособление, на котором сидит ямщик.

² *Паперть* — крыльцо перед входом в церковь.

не бывала. Смотритель пошёл домой ни жив ни мёртв. Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветрености молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила её крёстная мать. В мучительном волнении ожидал он возвращения тройки, на которой он отпустил её. Ямщик не возвращался. Наконец к вечеру приехал он один и хмелён, с убийственным известием: «Дуня с той станции отправилась далее с гусаром».

Старик не снёс своего несчастья: он тут же слёг в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. Бедняк занемог сильной горячкою; его свезли в С*** и на его место определили на время другого. Тот же лекарь, который приезжал к гусару, лечил и его. Он уверил смотрителя, что молодой человек был совсем здоров и что тогда ещё догадывался он о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки. Правду ли говорил немец, или только желал похвастаться дальновидностью, но он нимало тем не утешил бедного больного. Едва оправаясь от болезни, смотритель выпросил у С*** почтмейстера отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова о своём намерении, пешком отправился за своею дочерью. Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург. Ямщик, который вёз его, сказывал, что всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте. «Авось, — думал смотритель, — приведу я домой заблудшую овечку мою». С этой мыслию прибыл он в Петербург, остановился в Измайловском полку, в доме отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца, и начал свои поиски. Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живёт в Демутовом трактире. Смотритель решился к нему явиться.

Рано утром пришёл он в его переднюю и просил доложить его высокоблагородию, что старый солдат просит с ним увидеться. Военный лакей, чистя сапог на колодке, объявил, что барин почивает и что прежде одиннадцати часов не принимает никого. Смотритель ушёл и возвратился в назначенное время. Минский вышел сам к нему в халате, в красной скуфье¹. «Что, брат, тебе надобно?» — спросил он его. Сердце старика закипело, слёзы навернулись на глазах, и он дрожащим голосом произнёс только: «Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую Божескую милость!..» Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повёл в кабинет и запер за собою дверь. «Ваше высокоблагородие! — продолжал старик, — что с возу упало, то пропало; отдайте мне по крайней мере

¹ Скуфья — остроконечная бархатная чёрная или фиолетовая мягкая шапочка у православных священников.

бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погубите ж её понапрасну». — «Что сделано, того не воротить», — сказал молодой человек в крайнем замешательстве. — виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе её? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось». Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава свёрток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти- и десятирублёвых смятых ассигнаций. Слезы опять навернулись на глазах его, слёзы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошёл... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: «Пошёл!..». Смотритель за ним не погнался. Он решился отправиться домой на свою станцию, но прежде хотел хоть раз ещё увидеть бедную свою Дуню. Для сего дни через два воротился он к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней и хлопнул двери ему под нос. Смотритель постоял, постоял — да и пошёл.

В этот самый день, вечером, шёл он по Литейной, отслужив молебен у Всех Скорбящих. Вдруг промчались перед ним щегольские дрожжи¹, и смотритель узнал Минского. Дрожжи остановились перед трёхэтажным домом, у самого подъезда, и гусар вбежал на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула в голове смотрителя. Он воротился и, поравнявшись с кучером: «Чья, брат, лошадь? — спросил он. — не Минского ли?» — «Точно так, — отвечал кучер, — а что тебе?» — «Да вот что: барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а я и позабудь, где Дуня-то его живёт». — «Да вот здесь, во втором этаже. Опоздал ты, брат, с твоей запиской; теперь уж он сам у неё». — «Нужды нет, — возразил смотритель с неизъяснимым движением сердца, — спасибо, что надоумил, а я своё дело сделаю». Ис с этим словом пошёл он по лестнице.

Двери были заперты; он позвонил, прошло несколько секунд в тягостном для него ожидании. Ключ загремел, ему отворили. «Здесь стоит Авдотья Самсоновна?» — спросил он. «Здесь, — отвечала молодая служанка, — зачем тебе её надобно?» Смотритель, не отвечая, вошёл в залу. «Нельзя, нельзя! — закричала вслед ему служанка, — у Авдотьи Самсоновны гости». Но смотритель, не слушая,

¹ *Щегольские дрожжи* — нарядный лёгкий экипаж.

шёл далее. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошёл к растворённой двери и остановился. В комнате, прекрасно убранной. Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своём английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая чёрные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный зритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался. «Кто там?» — спросила она, не подымая головы. Он всё молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковёр. Испуганный Минский кинулся её подымать и, вдруг увидя в дверях старого зрителя, оставил Дуню и подошёл к нему, дрожа от гнева. «Чего тебе надобно? — сказал он ему, стиснув зубы, — что ты за мною всюду крадёшься, как разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошёл вон!» — и, сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришёл к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но зритель подумал, махнул рукой и решился отступить. Через два дня отправился он из Петербурга обратно на свою станцию и опять принялся за свою должность. «Вот уже третий год. — заключил он, — как живу я без Дуни и как об ней нет ни слуху, ни духу. Жива ли, нет ли, Бог её ведаёт. Всяко случается. Не её первую, не её последнюю сманил проезжий повеса¹, а там подержал, да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голю кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согласишься да пожелаешь ей могилы...».

Таков был рассказ приятеля моего, старого зрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он своею полою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева². Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего выпянул он пять стаканов в продолжении своего повествования; но как бы то ни было они сильно тронули моё сердце. С ним расставшись, долго не мог я забыть старого зрителя, долго думал я о бедной Дуне...

Недавно ещё, проезжая через местечко***, вспомнил я о моём приятеле: я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый зритель?» — никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. Я решился посетить знакомую сторону, взял вольных лошадей и пустился в село Н.

¹ *Повеса* — молодой человек, проводящий время в развлечениях, бездельник.

² Стихотворение И. Дмитриева «Карикатура».

Мстислав Добужинский. Из иллюстраций к повести (1905)

Самсон Вырин в доме Минского

Дуня на могиле отца

Это случилось осенью. Серенькие тучи покрывали небо, холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и жёлтые листья со встречных деревьев. Я приехал в село при закате солнца и остановился у почтового домика. В сени (где некогда поцеловала меня бедная Дуня) вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель с год как помер, что в доме его поселился пивовар, а что она жена пивоварова. Мне стало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром. «Отчего ж он умер?» — спросил я пивоварову жену. «Спился, батюшка», — отвечала она. «А где его похоронили?» — «За околицей, подле покойной хозяйки его». — «Нельзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же нельзя. Эй, Ванька! полно тебе с кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему смотрителеву могилу».

При сих словах оборванный мальчик, рыжий и кривой, выбежал ко мне и тотчас повёл меня за околицу.

— Знал ты покойника? — спросил я его дорогой.

— Как не знать! Он выучил меня дудочки вырезать. Бывало (царство ему небесное!), идёт из кабака, а мы-то за ним: «Дедушка, дедушка! орешков!» — а он нас орешками и наделяет. Всё, бывало, с нами возится.

— А проезжие вспоминают ли его?

— Да ноне мало проезжих; разве заседатель завернёт, да тому не до мёртвых. Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу.

— Какая барыня? — спросил я с любопытством.

— Прекрасная барыня, — отвечал мальчишка; — ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с чёрной моською; и как ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: «Сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести её. А барыня сказала:

«Я сама дорогу знаю». И дала мне пятак серебром — такая добрая барыня!..

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не ограждённое, усеянное деревянными крестами, не осенёнными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища.

— Вот могила старого смотрителя, — сказал мне мальчик, вспрыгнув на груды песка, в которую врыт был чёрный крест с медным образом.

— И барыня приходила сюда? — спросил я.

— Приходила, — отвечал Ванька, — я смотрел на неё издали. Она легла здесь и лежала долго. А там барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром — славная барыня!

И я дал мальчишке пятак и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Заинтересовало ли вас прочитанное? Обоснуйте свой ответ.
2. Какие чувства вызывает у вас рассказ о жизни станционного смотрителя?
3. Какой вам представляется жизнь героев в тот период, когда рассказчик впервые попал на станцию?
4. Найдите в тексте и прочитайте, чем были обклеены стены обитатели Самсона Вырина и его дочери. Как вы думаете, для чего понадобилось автору это описание? Случайно ли оно? Свой ответ обоснуйте.
5. Расскажите, что произошло с главными героями произведения после приезда на станцию молодого гусара?
6. Как вы думаете, почему Дуня покинула отца и не исполнила свой дочерний долг? А как вы оцениваете поступок девушки?
7. Какие изменения в жизни Самсона Вырина заметил рассказчик во время своего второго визита? Проследите по тексту, как портрет героя и описание его жилья подчёркивают эти изменения.
8. Выразительно прочитайте сцену встречи Вырина с Минским в Петербурге. С помощью каких художественных средств автор передаёт душевное состояние станционного смотри-

теля? Как главный герой отреагировал на деньги, которые дал ему Минский? Как этот поступок характеризует Вырина?

9. Как вы считаете, зачем Дуня приехала на станцию, почему она идёт на кладбище, о чём думает она на могиле отца? Аргументируйте свои мысли.
10. Подумайте, можно ли историю Дуни сопоставить с историей блудного сына. Обоснуйте свою точку зрения.
11. Определите жанр прочитанного произведения.
12. Рассмотрите помещённые в учебнике иллюстрации к повести. Удалось ли художнику передать чувства, которые возникли у вас при чтении произведения?
13. Почему, узнав о приезде Дуни на станцию, рассказчик не жалел уже ни о том, что приехал, ни о деньгах? Свой ответ обоснуйте.

МЕТЕЛЬ¹

Николай Пискарев.
Метель (1937)

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокой...
Вот, в сторонке божий храм
Виден одинокой.
.....
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьётся над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Воздымая гривы...

Жуковский

В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своём поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р^{***}. Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно ездили к нему поесть, попить, поиграть по пяти копеек в бостон с его женою, а некоторые для того, чтоб поглядеть на дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу. Она считалась богатой невестою, и многие прочили её за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на французских романах, и следственно была влюблена. Предмет, избранный ею, был бедный

¹ Повесть входит в цикл «Повести Белкина».

армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне. Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию, и что родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нём и думать, а его принимали хуже, нежели отставного заседателя.

Наши любовники были в переписке, и всякой день видались наедине в сосновой роще или у старой часовни. Там они клялись друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предположения. Переписываясь и разговаривая таким образом, они (что весьма естественно) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей препятствует нашему благополучию, то нельзя ли нам будет обойтись без неё? Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку, и что она весьма понравилась романтическому воображению Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка сделалась тем живее. Владимир Николаевич в каждом письме умолял её предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые конечно будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: «Дети! придите в наши объятия».

Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побега было отвергнуто. Наконец она согласилась: в назначенный день она должна была не ужинать и удалиться в свою комнату под предлогом головной боли. Девушка её была в заговоре; обе они должны были выйти в сад через заднее крыльцо, за садом найти готовые сани, садиться в них и ехать за пять вёрст¹ от Ненарадова в село Жадрино, прямо в церковь, где уж Владимир должен был их ожидать.

Накануне решительного дня, Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бельё и платье, написала длинное письмо к одной чувствительной барышне, её подруге, другое к своим родителям. Она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой проступок неодолимою силою страсти, и оканчивала тем, что блаженнейшею минутою жизни почтёт она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших её родителей. Запечатав оба письма тульской печаткою, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью, она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала; но и тут ужасные мечтания поминутно её пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться,

¹ *Верста* — мера длины, равная 1,06 км.

отец останавливал её, с мучительной быстротою тащил её по снегу и бросал в тёмное, бездонное подземелие... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил её пронзительным голосом поспешать с ним обвенчаться... другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим. Наконец она встала, бледнее обыкновенного и с непритворной головою болью. Отец и мать заметили её беспокойство: их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? — раздирали её сердце. Она старалась их успокоить, казаться весёлою, и не могла. Наступил вечер. Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла её сердце. Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми особами, со всеми предметами, её окружавшими.

Подали ужинать; сердце её сильно забилося. Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с отцом и матерью. Они её поцеловали и, по обыкновению, благословили: она чуть не заплакала. Пришед в свою комнату, она кинулась в кресла и залилась слезами. Девушка уговаривала её успокоиться и ободриться. Всё было готово. Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую девическую жизнь... На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали: всё казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием. Скоро в доме всё утихло и заснуло. Маша укуталась шалью, надела тёплый капот¹, взяла в руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Они сошли в сад. Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу. Они насилу дошли до конца сада. На дороге сани дожидались их. Лошади, прозябнув, не стояли на месте; кучер Владимира расхаживал перед оглоблями², удерживая ретивых. Он помог барышне и её девушке усесться и уложить узлы и шкатулку, взял вожжи, и лошади полетели. Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся к молодому нашему любовнику.

Целый день Владимир был в разъезде. Утром был он у жадринского священника; насилу с ним уговорился; потом поехал искать свидетелей между соседними помещиками. Первый, к кому

¹ *Капот* — здесь: женская домашняя одежда свободного покроя, род халата.

² *Оглобля* — одна из двух круглых жердей, укреплённых концами на передней оси экипажа и служащих для запряжки лошадей.

явился он, отставной сорокалетний корнет¹ Дравин, согласился с охотою. Это приключение, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусарские проказы. Он уговорил Владимира остаться у него отобедать, и уверил его, что за другими двумя свидетелями дело не станет. В самом деле тотчас после обеда явились землемер Шмит в усах и шпорах, и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в уланы². Они не только приняли предложение Владимира, но даже клялись ему в готовности жертвовать для него жизнью. Владимир обнял их с восторгом и поехал домой приготавливаться.

Уже давно смеркалось. Он отправил своего надёжного Терешку в Ненарадово с своею тройкою и с подробным, обстоятельным наказом, а для себя велел заложить маленькие сани в одну лошадь, и один без кучера отправился в Жадрино, куда часа через два должна была приехать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут.

Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего неувидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снега; небо слилось с землею. Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались. Владимир старался только не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более получаса, а он не доезжал ещё до Жадринской рощи. Прошло ещё около десяти минут; рощи всё было не видать. Владимир ехал по полю, пересечённым глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, не смотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир остановился: начал думать, припоминать, соображать, и уверился, что должно было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а поля не было конца. Всё сугробы, да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их подымал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться.

Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда. Приближаясь, увидел он рощу. Слава Богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около рощи, надеясь тотчас попасть на знакомую

¹ *Корнет* — в царской армии: офицерский чин.

² *Улан* — в царской армии: военный.

дорогу или объехать рощу кругом: Жадрино находилось тотчас за нею. Скоро нашёл он дорогу, и въехал во мрак дерев, обнажённых зимою. Ветер не мог тут свирепствовать: дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владимир успокоился.

Но он ехал, ехал, а Жадрина было не видать; роще не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им. Он ударил по лошади; бедное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и через четверть часа пошло шагом, не смотря на все усилия несчастного Владимира.

Мало-помалу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слёзы брызнули из глаз его; он поехал наудачу. Погода утихла, тучи расходились, перед ним лежала равнина, усталая белым волнистым ковром. Ночь была довольно ясна. Он увидел невдалеке деревушку, состоящую из четырёх или пяти дворов. Владимир поехал к ней. У первой избушки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться. Через несколько минут деревянный ставень поднялся, и старик высунул свою седую бороду. «Что те надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече: вёрст десяток будет». При сём ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговорённый к смерти.

«А отколе ты?» — продолжал старик. Владимир не имел духа отвечать на вопросы. «Можешь ли ты, старик, — сказал он, — достать мне лошадей до Жадрина?» — «Каки у нас лошади, — отвечал мужик. «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будет угодно». — «Постой», — сказал старик, опуская ставень. — «я те сына вышлю; он те проводит». Владимир стал дожидаться. Не прошло минуты, он опять начал стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. «Что те надо?» — «Что ж твой сын?» — «Сей час выйдет. обувается. Али ты прозяб? Взойди погреться». — «Благодарю, высылай скорее сына».

Ворота заскрипели; парень вышел с дубиною, и пошёл вперёд, то указывая, то отыскивая дорогу, занесённую снеговыми сугробами. «Который час?» — спросил его Владимир. «Да уж скоро рассветёт» — отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова.

Пели петухи и было уже светло, как достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику. На дворе тройки его не было. Какое известие ожидало его!

Но возвратимся к добрым ненарадковским помещикам и посмотрим, что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли в гостиную. Гаврила Гаврилович в колпаке и байковой куртке, Прасковья Петровна в шафорке на вате. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, каково её здоровье и как она почивала. Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что она-де сейчас придёт в гостиную. В самом деле дверь отворилась и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» — спросил Гаврила Гаврилович. «Лучше, папенька», — отвечала Маша. «Ты верно, Маша, вчерась угорела», — сказала Прасковья Петровна. «Может быть, маменька», — отвечала Маша.

День прошёл благополучно, но в ночь Маша занемогла. Послали в город за лекарем. Он приехал к вечеру и нашёл больную в бреду. Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба.

Никто в доме не знал о предположенном побеге. Письма, накануне ею написанные, были сожжены; её горничная никому ни о чём не говорила, опасаясь гнева господ. Священник, отставной корнет, усатый землемер и маленькой улан были скромны, и не даром Терешка кучер никогда ничего лишнего не высказывал, даже и во хмелю. Таким образом тайна была сохранена более, чем полудюжиною заговорщиков. Но Марья Гавриловна сама, в беспрестанном бреду, высказывала свою тайну. Однако ж её слова были столь несообразны ни с чем, что мать, не отходившая от её постели, могла понять из них только то, что дочь её была смертельно влюблена во Владимира Николаевича, и что вероятно любовь была причиною её болезни. Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конём не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание.

Между тем барышня стала выздоравливать. Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича. Он был напуган обыкновенным приёмом. Положили послать за ним, и объявить ему неожиданное счастье: согласие на брак. Но каково было изумление ненадеждовских помещиков, когда в ответ на их приглашение получили они от него полусумасшедшее письмо! Он объявлял им, что нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остаётся единую надеждою. Через несколько дней узнали они, что Владимир уехал в армию. Это было в 1812 году.

Долго не смели объявить об этом выздоравливающей Маше. Она никогда не упоминала о Владимире. Несколько месяцев уже спустя, нашед имя его в числе отличившихся и тяжело раненых под Бородиным, она упала в обморок, и боялись, чтоб горячка её не возвратилась. Однако, слава Богу, обморок не имел последствий.

Другая печаль её посетила: Гаврила Гаврилович скончался, оставя её наследницей всего имения. Но наследство не утешало её; она разделяла искренно горечь бедной Прасковьи Петровны, клялась никогда с нею не расставаться; обе они оставили Ненародово, место печальных воспоминаний, и поехали жить в ***ское поместье.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды. Мать иногда уговаривала её выбрать себе друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владимир уже не существовал: он умер в Москве, накануне вступления французов. Память его казалась священной для Маши; по крайней мере она берегла всё, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для неё. Соседи, узнав обо всём, дивились её постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторгостествовать над печальной верностью этой девственной Артемизы¹.

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоёванные песни: *Vive Henri-Quatre*², тирольские вальсы и арии из *Жоконда*³. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками⁴, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и

Николай Ярыгин.
Книжная закладка
по мотивам
повести «Метель»
(1980)

¹ *Артемиза (Артемиды)* — в греческой мифологии богиня плодородия и охоты.

² «*Да здравствует Генрих Четвёртый!*» — из комедии французского поэта, драматурга Шарля Коллэ «Генрих IV на охоте».

³ «*Жоконда, или Искатель приключений*» — французская комическая опера Н. Изуара.

⁴ *Отрок* (устар.) — мальчик-подросток.

восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество! Как сладки были слёзы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него, какая была минута!

Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен когда, встречая победителей, кричали они: ура!

И в воздух чепчики бросали¹.

Кто из тогдашних офицеров не сознаётся, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградой?.. В это блистательное время Марья Гавриловна жила с матерью в *** губернии, и не видала, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был ещё сильнее. Появление в сих местах офицера было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было в его соседстве.

Мы уже сказывали, что, не смотря на её холодность, Марья Гавриловна всё по-прежнему окружена была искателями. Но все должны были отступить, когда явился в её замке раненый гусарской полковник Бурмин, с Георгием² в петлице и с интересной бледностию, как говорили тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При нём обыкновенная задумчивость её оживлялась. Нельзя было сказать, чтоб она с ним кокетничала; но позт, заметя её поведение, сказал бы:

Se amor non и, che dunque?..³

Бурмин был, в самом деле, очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый. Поведение его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и следовали. Он казался нрава тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он ужасным повесою, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовольствием извиняла шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера.

¹ Строчка из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

² Орден святого Георгия.

³ *Если это не любовь, так что же?* — из сонета итальянского поэта Франческо Петрарки (1304–1374).

Но более всего... (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало её любопытство и воображение. Она не могла не сознаваться в том, что она очень ему нравилась; вероятно и он, с своим умом и опытностью, мог уже заметить, что она отличала его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и ещё не слыхала его признания? Что удерживало его? робость, неразлучная с истинною любовью, гордость или кокетство хитрого волокиты? Это было для неё загадкою. Подумав хорошенько, она решила, что робость была единственной тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностию и, смотря по обстоятельствам, даже нежностию. Она приготавливала развязку самую неожиданную и с нетерпением ожидала минуты романтического объяснения. Тайна, какого роду ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Её военные действия имели желаемый успех: по крайней мере, Бурмин впал в такую задумчивость, и чёрные глаза его с таким огнём останавливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка. Соседи говорили о свадьбе, как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь её наконец нашла себе достойного жениха.

Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая гранпасьянс, как Бурмин вошёл в комнату и тотчас осведомился о Марье Гавриловне. «Она в саду, — отвечала старушка, — подите к ней, а я вас буду здесь ожидать». Бурмин пошёл, а старушка перекрестилась и подумала: авось дело сегодня же кончится!

Бурмин нашёл Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа. После первых вопросов, Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговор, усиливая таким образом взаимное замешательство, от которого можно было избавиться разве только внезапным и решительным объяснением. Так и случилось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положения, объявил, что искал давно случая открыть ей своё сердце, и потребовал минуты внимания. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза в знак согласия.

«Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно...» (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову ещё ниже), «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно...» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St.-Preux¹). «Теперь уже поздно противиться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ

¹ Сен-Прё (Франц.) — герой эпистолярного романа французского писателя Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза» (1761).

отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне ещё остаётся исполнить тяжёлую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» — «Она всегда существовала, — прервала с живостию Марья Гавриловна, — я никогда не могла быть вашею женою...» — «Знаю, — отвечал он ей тихо, — знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года сетований... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения: мысль, что вы бы согласились сделать моё счастье, если бы... молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнейшее создание... я женат!»

Марья Гавриловна взглянула на него с удивлением.

«Я женат, — продолжал Бурмин, — я женат уже четвёртый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!»

«Что вы говорите? — воскликнула Марья Гавриловна, — как это странно! Продолжайте, я расскажу после... но продолжайте, сделайте милость».

— В начале 1812 года, — сказал Бурмин, — я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя вёрстами. Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне. Буря не утихала; я увидел огонёк, и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» — закричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. «Помилуй, где ты замешкался? — сказал мне кто-то, — невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скорее». Я молча выпрыгнул из саней и вошёл в церковь, слабо освещённую двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в тёмном углу церкви; другая тёрла ей виски. «Слава Богу, — сказала эта, — насилу вы приехали. Чуть было вы барышню не уморили». Старый священник подошёл ко мне с вопросом: «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка», — отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показала мне не дурна... Непонятная, непростительная ветренность... я стал подле неё перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас об-

венчали. «Поцелуйтесь», — сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное своё лицо. Я хотел было её поцеловать... Она вскрикнула: «Ай, не он! не он!» — и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку¹ и закричал: «Пошёл!»

— Боже мой! — закричала Марья Гавриловна, — и вы не знаете, что сделалось с бедной вашею женою?

— Не знаю, — отвечал Бурмин, — не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул, и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко, и которая теперь так жестоко отомщена.

— Боже мой, Боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку, — так это были вы! И вы не узнаете меня?

Бурмин побледнел... и бросился к её ногам...

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. В какой исторический период происходят события, описанные в повести? Расскажите, что вам известно об этом времени.
2. От имени одного из героев повести (*на выбор*) расскажите, что произошло одной зимней ночью.
3. Раскройте смысл названия повести. Какую роль сыграла метель в жизни героев повести?
4. Проследите по тексту, как пейзажные зарисовки в произведении подсказывают читателю, что что-то произойдёт с героями повести.
5. Как Владимир пытается бороться с превратностями погоды и судьбы? А как вы считаете, нужно ли бороться со своей судьбой? Аргументируйте ответ.
6. Охарактеризуйте главных героев повести, дав собственную оценку их поступкам и поведению.
7. Как вы думаете, с какой целью в тексте повести несколько раз упоминается об увлечении героини французскими романами? Как это увлечение характеризует героиню?
8. Проследите по тексту, как относится автор к главным героям произведения.

¹ Кибитка — в старину: крытая дорожная повозка.

9. Найдите в тексте и выразительно прочитайте, что поведал Марье Гавриловне Бурмин.
10. Как вы думаете, почему, объясняясь с Марьей Гавриловной, Бурмин называет себя «несчастнейшим существом»?
11. Какое значение в жизни героев повести имели брачные узы? Свой ответ аргументируйте.
12. Проведите самостоятельное исследование, какую роль в развязке представленной любовной истории сыграл случай.
13. Объясните смысл эпиграфа произведения. Знакомы ли вам эти строчки? Сопоставьте эти произведения А. С. Пушкина и В. А. Жуковского.
14. Докажите, что прочитанное произведение — повесть.
15. Воспользовавшись современными медиа-средствами, прослушайте вальс Г. В. Свиридова к повести А. С. Пушкина «Метель». Какое настроение передано этой музыкой? Какие страницы пушкинской повести можно проиллюстрировать с помощью этого музыкального произведения?

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О КОМПОЗИЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Построение художественного произведения, соотнесённость и взаимодействие всех его компонентов, расположение его частей в определённой последовательности называется **композицией**.

Однако композицию нельзя рассматривать только как последовательность глав, сцен и т.д. Композиция передаёт взаимодействие всех персонажей, сцен, эпизодов произведения, которое определяется логикой изображения, замыслом писателя. Иначе говоря, композиция — это внутренняя организация, целостная система определённых способов художественного изображения.

Таковыми основными способами изображения являются описания (портретные, пейзажные, интерьерные), характеристики (непосредственная авторская, «со стороны» — другими

персонажами, самохарактеристика), речь персонажа, авторские рассуждения, всевозможные отступления и т.д.

Так, например, описание метели в одноимённой повести А. С. Пушкина не только вызывает напряжённый интерес читателя к произведению, но и позволяет многограннее показать его героев, раскрыть замысел писателя.

1. Раскройте понятие композиции художественного произведения.
2. Проанализируйте особенности композиции одной из повестей А. С. Пушкина (*на выбор*).

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ

1. Расскажите о пребывании А. С. Пушкина на юге.
2. Проведите конкурс выразительного чтения наизусть стихотворений А. С. Пушкина.
3. Подготовьте сообщение о музыкальных произведениях, созданных на основе пушкинских творений.
4. Разгадайте, что зашифровано в ребусе. Какое отношение это слово имеет к творчеству А. С. Пушкина?

Я=Е ,

5. На примере одной из прочитанных повестей А. С. Пушкина раскройте понятие композиции.
6. В группах выполните одно из следующих заданий:
 - а) подготовьте сообщение на тему: «А. С. Пушкин и Украина»;
 - б) нарисуйте иллюстрации к прочитанным произведениям А. С. Пушкина;
 - в) составьте викторину по произведениям А. С. Пушкина;
 - г) подготовьте мультимедийную презентацию на тему: «Произведения А. С. Пушкина в различных видах искусств».
7. Расскажите о памятных местах вашего региона, связанных с именем А. С. Пушкина.

Назовите известные вам стихотворения и вольные переводы М. Ю. Лермонтова. Какие поэтические строки вы можете процитировать?

Над какими проблемами размышляет поэт на страницах своих произведений?

Что вам известно о жизненном пути М. Ю. Лермонтова?

**Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ**
(1814–1841)

...Мой гений сплёл себе венок
В ущелинах кавказских скал.

Михаил Лермонтов

ПЕВЕЦ КАВКАЗА

«**К**аждый заново для себя открывает Лермонтова. Гений его настолько всеобъемлющ и многосторонен, что эти открытия будут продолжаться всю жизнь». Давайте прислушаемся к этим словам русского поэта Сергея Наровчатова и продолжим открывать для себя мир Михаила Юрьевича Лермонтова.

Вам уже известно, что воспитанием и образованием будущего поэта занималась его бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева. Она делала всё, чтобы внук смог получить прекрасное домашнее образование и развиваться физически. Он читал в оригинале на трёх языках, брал уроки живописи, играл на фортепьяно, флейте и скрипке. Знал много стихов, а с четырнадцати лет начал писать их сам.

В 1827 году Елизавета Алексеевна с внуком переехала в Москву. Домашние педагоги превосходно подготовили Михаила к экзаменам: он сразу был зачислен в четвёртый класс Университетского благородного пансиона, а в 1830 г. — и в Московский университет.

В этот период Лермонтов много читает. Его ответы отличаются глубиной и продуманностью, но стать лучшим учеником ему мешал скверный характер. Свободолюбивые, порой дерзкие речи будущего поэта не нравились профессорам университета. В 1832 году по собственному желанию он оставляет учёбу и переезжает в Петербург. Он хотел продолжить образование в университете, но выяснив, что обучение придётся начинать заново, с первого курса, решает не терять два года и поступает в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в которой он проучился до 1834 года.

В эти годы Михаил Юрьевич Лермонтов формировался как поэт. Он активно пишет лирические стихотворения, поэмы и драмы. Особое значение в творчестве поэта приобретает кавказская тема.

Интерес Лермонтова к Кавказу не случаен. С детства воображение мальчика волновали рассказы очевидцев Кавказской войны¹, картины битв с черкесами². Сюда, в «суровый край свободы», бабушка трижды привозила его для лечения. Путешествие на лошадях из родового имения в Тарханах (Пензенской губернии) на Кавказ длилось около трёх недель. Наконец взору открывалась величественная картина: белоснежные «вершины диких гор», орлы, гордо парящие по бескрайним просторам неба, воинственные всадники в мохнатых шапках и бурках. «Чудный мир тревог и битв» будоражил воображение мальчика. Первые детские впечатления от природы и людей Кавказа будущий поэт воплотил не в слове, а с помощью крашеного воска и акварели — лепил горы и черкесов, рисовал кавказские виды.

«...Кавказ с ранних лет вошёл в сознание Лермонтова как край свободы и чести, как родина благородных и возвышенных страстей», — подчёркивал литературовед Ираклий Андроников. Десятилетним подростком он встретил здесь свою

¹ *Кавказская война (1817–1864)* — военные действия между российскими войсками и горцами (народы Чечни, горного Дагестана, Северо-Западного Кавказа), развернувшиеся в процессе завоевания Российской империей Северного Кавказа.

² *Черкёсы* — здесь (устар.): общее название народностей, населявших Северный Кавказ.

первую любовь в образе прелестной голубоглазой девочки. Музыка Кавказа зазвучала в душе мальчика «песней отчизны», голосом рано утраченной матери, эхом свободы. Навсегда полюбил он его величественную природу, легенды и песни горцев, их зажигательные танцы, скачки джигитов... Величественному Кавказу с благодарностью посвятит он многие свои произведения. «Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство моё; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю о вас да о небе», — так поэтично признаётся в любви к Кавказу М. Ю. Лермонтов.

С Кавказом неразрывно связана и дальнейшая судьба поэта. Дважды его по указке царя отправляли служить в действующую армию, подальше от столицы. Здесь рождаются замыслы его знаменитых творений: «Мцыри», «Дары Терека», «Кинжал» и др. «...На недоступных вершинах Кавказа, венчанных вечным снегом, находит он свой Парнас¹...», — сказал о Лермонтове его современник, литературный критик Виссарион Григорьевич Белинский.

Последняя поездка в страну «синих гор» оказалась для поэта роковой: 15 июля 1841 года М. Ю. Лермонтов был убит на дуэли. Трагедия произошла в Пятигорске, у подножия горы Машук. Величественный и непокорный Кавказ обагрился кровью своего певца...

1. Расскажите о годах учения поэта.
2. Какую роль в судьбе М. Ю. Лермонтова сыграл Кавказ? Прокомментируйте эпиграф к статье о поэте.

Диалог искусств

Из всех существующих портретных изображений М. Ю. Лермонтова наиболее впечатляющим является его единственный сохранившийся до наших дней автопортрет, репродукцию которого вы можете видеть на с. 96. Лермонтов изобразил себя на

¹ *Парнас* — высокая гора в Греции, на которой, по представлениям древних греков, жили Аполлон и музы; (*перен.*) мир поэзии и поэтов.

фоне Кавказских гор, в военной форме, в бурке, с кинжалом на поясе — символом благородства и внутренней свободы. Именно на Кавказе отточил он свой поэтический клинок. Поражают полные печали большие глаза вдохновенного певца Кавказа.

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.
Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомня тот взор:
Люблю я Кавказ!

*Михаил Лермонтов.
Вид Крестовой горы
из ущелья близ Коби
(1837–1838)*

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какими чувствами и переживаниями наполнено произведение? Свой ответ обоснуйте.
2. Какие жизненные впечатления поэта отразились в стихотворении «Кавказ»?
3. Проследите по тексту, какие художественно-изобразительные средства помогают поэту выразить глубину переживаний.
4. Обоснуйте, с какой целью автор прибегает к повтору поэтической строки (рефрену)? Подумайте, с какой интонацией нужно читать эти повторы.
5. Найдите в произведении примеры употребления устаревших слов (архаизмов). Какое звучание они придают тексту стихотворения?
6. Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения в классе.

Читателю XXI столетия на заметку

Одна из лучших живописных работ М. Ю. Лермонтова «Кавказский вид с саклей»¹ (фрагмент репродукции этой картины на с. 96) связана с замыслом его поэмы «Мцыри». Картина была написана с натуры во время путешествия поэта по Грузии в 1837 году. [...]

Лермонтов остановился в Мцхете — древней столице Грузии. По легенде, там он встретил одинокого монаха (бэри), горца по происхождению, который поведал поэту историю своей трагической судьбы. Именно она легла в основу сюжета поэмы «Мцыри».

По Ираклию Андроникову

МЦЫРИ²

(В сокращении)

Вкушая, вкусих мало мёда,
и се аз умираю.
1-я Книга Царств³

1

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц⁴ благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков⁵ за нас. [...]

¹ *Сакля* — название жилища кавказских горцев.

² *Мцыри* (груз.) — 1) послушник, т. е. человек, живущий в монастыре и готовящийся принять монашество; 2) пришелец, чужеземец.

³ «Вкушая, вкусих мало мёда, и се аз умираю» — попробовал немного мёду и вот я умираю. Слова из Библии.

⁴ *Кадильница* — сосуд для благовонных курений во время церковной службы.

⁵ *Иноки* — то же, что монахи.

2

Однажды русский генерал
 Из гор к Тифлису проезжал;
 Ребёнка пленного он вёз.
 Тот занемог, не перенёс
 Трудов¹ далёкого пути;
 Он был, казалось, лет шести,
 Как серна гор, пуглив и дик
 И слаб и гибок, как тростник.
 Но в нём мучительный недуг
 Развил тогда могучий дух
 Его отцов. Без жалоб он
 Томился, даже слабый стон
 Из детских губ не вылетал,
 Он знаком пищу отвергал
 И тихо, гордо умирал.
 Из жалости один монах
 Больного призрел, и в стенах
 Хранительных остался он,
 Искусством дружеским спасён.
 Но, чужд ребяческих утех,
 Сначала бегал он от всех,
 Бродил безмолвен, одинок,
 Смотрел, вздыхая, на восток,
 Гоним неясною тоской
 По стороне своей родной.
 Но после к плену он привык,
 Стал понимать чужой язык,
 Был окрещён святым отцом
 И, с шумным светом незнаком,
 Уже хотел во цвете лет
 Изречь монашеский обет²,
 Как вдруг однажды он исчез
 Осенней ночью. Тёмный лес
 Тянулся по горам кругам.
 Три дня все поиски по нём
 Напрасны были, но потом
 Его в степи без чувств нашли

Михаил Лермонтов.
 Воспоминания о Кавказе
 (1838)

¹ *Труды* — здесь: трудности, мучения.

² *Обёт* — торжественное обещание. *Изречь монашеский обет* — принять монашество, стать монахом.

И вновь в обитель¹ принесли.
 Он страшно бледен был и худ
 И слаб, как будто долгий труд,
 Болезнь иль голод испытал.
 Он на допрос не отвечал
 И с каждым днём приметно вял.
 И близок стал его конец;
 Тогда пришёл к нему чернец
 С увещеваньем и мольбой;
 И, гордо выслушав, больной
 Привстал, собрав остаток сил,
 И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
 Сюда пришёл, благодарю.
 Всё лучше перед кем-нибудь
 Словами облегчить мне грудь;
 Но людям я не делал зла,
 И потому мои дела
 Немного пользы вам узнать,
 А душу можно ль рассказать?
 Я мало жил, и жил в плену.
 Таких две жизни за одну,
 Но только полную тревог,
 Я променял бы, если б мог.
 Я знал одной лишь думы власть,
 Одну — но пламенную страсть:
 Она, как червь, во мне жила,
 Изгрызла душу и сожгла.
 Она мечты мои звала
 От келий душных и молитв
 В тот чудный мир тревог и битв,
 Где в тучах прячутся скалы,
 Где люди вольны, как орлы.
 Я эту страсть во тьме ночной
 Вскормил слезами и тоской;
 Её пред небом и землёй
 Я ныне громко признаю
 И о прощенье не молю.

*Виктор Замирайло.
 Из иллюстраций к поэме
 «Мцыри» (1914)*

¹ Обитель — монастырь.

4

Старик! я слышал много раз,
 Что ты меня от смерти спас —
 Зачем?.. Угрюм и одинок,
 Грозой оторванный листок,
 Я вырос в сумрачных стенах
 Душой дитя, судьбой монах.
 Я никому не мог сказать
 Священных слов «отец» и «мать».
 Конечно, ты хотел, старик,
 Чтоб я в обители отвык
 От этих сладостных имён, —
 Напрасно: звук их был рождён
 Со мной. И видел у других
 Отчизну, дом, друзей, родных,
 А у себя не находил
 Не только милых душ — могил!
 Тогда, пустых не тратя слёз,
 В душе я клятву произнёс:
 Хотя на миг когда-нибудь
 Мою пылающую грудь
 Прижать с тоской к груди другой,
 Хоть незнакомой, но родной.
 Увы! теперь мечтанья те
 Погибли в полной красоте,
 И я как жил, в земле чужой
 Умру рабом и сиротой. [...]

*Леонид Пастернак.
 Иллюстрация
 к поэме «Мцыри» (1891)*

6

Ты хочешь знать, что видел я
 На воле? — Пышные поля,
 Холмы, покрытые венцом
 Дерев, разросшихся кругом,
 Шумящих свежее толпой,
 Как братья в пляске круговой.
 Я видел груды тёмных скал,
 Когда поток их разделял.
 И думы их я угадал:
 Мне было свыше то дано!
 Простёрты в воздухе давно
 Объяты каменные их,
 И жаждут встречи каждый миг;

Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтиться никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курился, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком.
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залётных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней... [...]

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трёх блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц¹ лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен

¹ Ниц — ничком.

Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?.

9

Бежал я долго — где, куда?
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал, и наконец, устав,
Прилёг между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж тёмным небом и землёй,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал,
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуёй блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

Голова Мщери
(гравюра на дереве Фёдора
Константинова, 1957)

10

Внизу глубоко подо мной
Поток усиленный грозой
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудью камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок

Сырые шевельнул листы;
 Дохнули сонные цветы,
 И, как они, навстречу дню
 Я поднял голову мою...
 Я осмотрелся; не таю:
 Мне стало страшно; на краю
 Грозящей бездны я лежал,
 Где выл, крутясь, сердитый вал;
 Туда вели ступени скал;
 Но лишь злой дух по ним шагал,
 Когда, низверженный с небес,
 В подземной пропасти исчез.

11

Кругом меня цвел Божий сад;
 Растений радужный наряд
 Хранил следы небесных слез,
 И кудри виноградных лоз
 Вились, красуясь меж дерев
 Прозрачной зеленью листов;
 И грозды полные на них,
 Серег подобье дорогих,
 Висели пышно, и порой
 К ним птиц летал пугливый рой
 И снова я к земле припал
 И снова вслушиваться стал
 К волшебным, странным голосам;
 Они шептались по кустам,
 Как будто речь свою вели
 О тайнах неба и земли;
 И все природы голоса
 Сливались тут; не раздался
 В торжественный хваленья час
 Лишь человека гордый глас.
 Всё, что я чувствовал тогда,
 Те думы — им уж нет следа;
 Но я б желал их рассказать,
 Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
 В то утро был небесный свод
 Так чист, что ангела полёт
 Прилежный взор следить бы мог;
 Он так прозрачно был глубок,
 Так полон ровной синевой!

Мария Орлова-Мочалова.
 Иллюстрация
 к поэме «Мцыри»
 (1930-ые года)

Я в нём глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал.
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг — голос — лёгкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имён
Произносить был приучён.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух её поёт.

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.

И беден был её наряд;
 И шла она легко, назад
 Изгибы длинные чадры¹
 Откинув. Летние жары
 Покрыли тенью золотой
 Лицо и грудь её; и зной
 Дышал от уст её и щёк.
 И мрак очей был так глубок,
 Так полон тайнами любви,
 Что думы пылкие мои
 Смутились. Помню только я
 Кувшина звон, — когда струя
 Вливалась медленно в него,
 И шорох... больше ничего.
 Когда же я очнулся вновь
 И отлила от сердца кровь,
 Она была уж далеко;
 И шла, хоть тише, — но легко,
 Стройна под ношею своей,
 Как тополь, царь её полей!
 Недалеко, в прохладной мгле,
 Казалось, приросли к скале
 Две сакли дружною четой;
 Над плоской кровлею одной
 Дымок струился голубой.
 Я вижу будто бы теперь,
 Как отперлась тихонько дверь...
 И затворилась опять!..
 Тебе, я знаю, не понять
 Мою тоску, мою печаль;
 И если б мог, — мне было б жаль:
 Воспоминанья тех минут
 Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурен,
 Я лег в тени. Отрадный сон
 Сомкнул глаза невольно мне...
 И снова видел я во сне
 Грузинки образ молодой.

Василий Поляков. Иллюстрация
 к поэме «Мшцри» (1900)

¹ *Чадра* — традиционная лёгкая накидка мусульманок, закрывающая женщину с головы до пят.

И странной сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объятая жадные раскрыв.
Мир тёмный был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонёк
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —
Пройти в родимую страну —
Имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник¹, спутанный плющом:
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом чёрных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста.
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на деревья;
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес.

¹ Терновник — низкий колючий кустарник.

Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слёзы, слёзы потекли
В неё горячею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь тёмный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лёг,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нём
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путём...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
 Врага почуял он, и вой
 Протяжный, жалобный как стон
 Раздался вдруг... и начал он
 Серdito лапой рыть песок,
 Встал на дыбы, потом прилёг,
 И первый бешеный скачок
 Мне страшной смертью грозил...
 Но я его предупредил.
 Удар мой верен был и скор.
 Надёжный сук мой, как топор,
 Широкий лоб его рассёк...
 Он застонал, как человек,
 И опрокинулся. Но вновь,
 Хотя лила из раны кровь
 Густой, широкою волной,
 Бой закипел, смертельный бой!

18

Ко мне он кинулся на грудь:
 Но в горло я успел воткнуть
 И там два раза повернуть
 Моё оружие... Он завыл,
 Рванулся из последних сил,
 И мы, сплетясь, как пара змей,
 Обнявшись крепче двух друзей,
 Упали разом, и во мгле
 Бой продолжался на земле.
 И я был страшен в этот миг;
 Как барс пустынный, зол и дик,
 Я пламенел, визжал, как он;
 Как будто сам я был рождён
 В семействе барсов и волков
 Под свежим пологом лесов.
 Казалось, что слова людей
 Забыл я — и в груди моей
 Родился тот ужасный крик,
 Как будто с детства мой язык
 К иному звуку не привык...
 Но враг мой стал изнемогать,
 Метаться, медленней дышать,
 Сдавил меня в последний раз...

*Василий Поляков.
 Иллюстрация
 к поэме «Мицыри» (1900)*

Зрачки его недвижимых глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном:
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Ещё они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрёл я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой

Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Ещё в сомненье погружён,
Я думал — это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут всё ясно стало мне...
О, я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про лёгких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слёз, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда. [...]

24

Так я найден и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничьё
На имя тёмное моё.

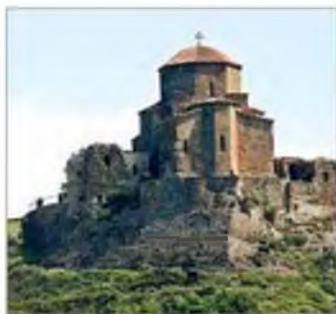
25

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему.

И он прожёт свою тюрьму
 И возвратится вновь к тому,
 Кто всем законной чередой
 Даёт страданье и покой...
 Но что мне в том? — пускай в рай,
 В святом, заоблачном краю
 Мой дух найдёт себе приют...
 Увы! — за несколько минут
 Между крутых и тёмных скал,
 Где я в ребячестве играл,
 Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
 И, верь, тебе не долго ждать,
 Ты перенести меня вели
 В наш сад, в то место, где цвели
 Акаций белых два куста...
 Трава меж ними так густа,
 И свежий воздух так душист,
 И так прозрачно-золотист
 Играющий на солнце лист!
 Там положить вели меня.
 Сияньем голубого дня
 Упьюся я в последний раз.
 Оттуда виден и Кавказ!
 Быть может, он с своих высот
 Привет прощальный мне пришлёт,
 Пришлёт с прохладным ветерком...
 И близ меня перед концом
 Родной опять раздастся звук!
 И стану думать я, что друг
 Иль брат, склонившись надо мной,
 Отёр внимательной рукой
 С лица кончины холодный пот
 И что вполголоса поёт
 Он мне про милую страну...
 И с этой мыслью я засну,
 И никого не прокляну!...»

Монастырь Джвари в Грузии,
 где предположительно
 происходят все основные
 события поэмы

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Понравилась ли вам поэма «Мцыри»? Чем именно? Какие эпизоды более всего взволновали?
2. Внимательно прочитайте первую строфу поэмы. Какую роль она играет в тексте произведения? О каких событиях недавнего для Лермонтова прошлого в ней идёт речь?
3. Что вы узнали о судьбе героя поэмы? Какие изобразительно-выразительные средства языка помогают ярче представить юного горца? В чём противоречивость этого образа?
4. Как ведёт себя Мцыри, возвращённый в монастырь после неудачной попытки побега? О чём, по вашему мнению, просит чернец умирающего?
5. Раскаялся ли Мцыри в содеянном? Как герой произведения поясняет причину своего побега? Какой жизни он ищет? Обоснуйте свою точку зрения.
6. оправдались ли ожидания Мцыри на воле? Какими впечатлениями он обогатился?
7. Проследите по тексту, какую роль в поэме играют картины природы. Что роднит с ней лермонтовского героя?
8. Какие воспоминания порождают в сознании беглеца кавказские виды?
9. Прочитайте сцену схватки героя с барсом. Какова роль этого эпизода в поэме? Как она характеризует Мцыри? Зачем, на ваш взгляд, М. Ю. Лермонтов ввёл этот традиционный восточный сюжет в свою поэму?
10. Почему умирает Мцыри? Какой ответ даёт нам автор в эпиграфе к своей поэме? Является ли смерть героя его поражением?
11. Каким вы увидели главного героя поэмы Лермонтова? Подберите цитаты и составьте, опираясь на них, словесное описание образа.
12. Выскажите своё отношение к Мцыри. А как к нему относится сам автор? Аргументируйте свой ответ цитатами из текста.
13. Что роднит Мцыри с другими образами известных вам стихотворений поэта?
14. Определите особенности композиции поэмы «Мцыри». Почему большая часть повествования является лирическим монологом героя?
15. Как вы считаете: почему рассказу о судьбе Мцыри предшествует описание разрушенного монастыря?

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О ПОЭМЕ И ЛИРИЧЕСКОМ МОНОЛОГЕ

Вы, конечно же, обратили внимание, что произведение «Мцыри» М. Ю. Лермонтова отличается от уже известных вам стихотворений поэта и объёмом, и своим повествовательным характером, и наличием развёрнутого сюжета, и созданием яркого образа главного героя. Такое произведение называется поэмой.

Поэма — достаточно большое по объёму стихотворное произведение с развёрнутым сюжетом, в котором изображаются значительные события и яркие характеры.

История побега Мцыри вложена автором в уста самого героя, который излагает свои мысли и чувства по поводу увиденного и пережитого, поясняет причины своих поступков, высказывает своё отношение к жизни и смерти, свободе и неволе, родине и чужбине, рассказывает о нахлынувших на него воспоминаниях при виде Кавказских гор.

Развёрнутая речь героя художественного произведения, обращённая к себе или собеседникам, в которой он выражает свои чувства и мысли по поводу каких-либо событий, называется **лирическим монологом**.

В лирическом произведении монолог, как правило, не требует незамедлительного ответа, не прерывается репликами других действующих лиц. Лирический монолог является важным средством передачи духовного и эмоционального мира героя произведения.

1. Действительно ли «Мцыри» является поэмой? Докажите или опровергните эту мысль.
2. Найдите лирические монологи в тексте произведения и определите их значение.

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ

1. «Не только гениальный поэтический дар, но и великая устремлённость, могучая творческая воля, непрестанное горение помогли ему наполнить творчеством каждый миг его краткой жизни», — так написал о Михаиле Юрьевиче Лермонтове исследователь его творчества Ираклий Андроников. Расскажите о жизненных впечатлениях М. Ю. Лермонтова, повлиявших на создание произведений «Кавказ» и «Мцыри».
2. Подтвердите или опровергните мысль литературоведа У. Р. Фохта о поэме М. Ю. Лермонтова, заключающуюся в том, что главная идея произведения «Мцыри» — *«в утверждении активного, деятельного отношения к жизни, полноты её, достигаемой в борьбе за свободу, в верности идеалу свободы даже в трагических условиях поражения»*.
3. Первоначально поэма М. Ю. Лермонтова имела заголовок «Бэри» (по-грузински — монах). Как вы считаете: какое название — «Бэри» или «Мцыри» — более соответствует сути художественного произведения?
4. Как вы думаете, с какой целью первоначальный эпиграф к поэме — французское выражение *«У каждого есть только одно отечество»* — автор заменяет цитатой из Библии? Подумайте, как это повлияло на изменение авторской трактовки образа Мцыри.
5. Подготовьте мультимедийную презентацию на тему: *«Образы поэмы М. Ю. Лермонтова “Мцыри” в картинах русских художников»*.
6. Известный критик В. Г. Белинский так откликнулся на появление поэмы: *«...Что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри! Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. <...>...Несмотря на незрелость идеи и некоторую натянутость в содержании “Мцыри”, — подробности и изложение этой поэмы изумляют своим исполнением. Можно сказать без преувеличения, что поэт брал цвета у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, грохот у громов, гул у ветров, — что вся природа сама несла и подавала ему материалы, когда писал он эту поэму»*. Согласны ли вы с изложенной оценкой поэмы «Мцыри»? Какие аргументы «за» и «против» вы бы привели, если б могли поговорить с критиком Белинским?
7. Проведите исследование на тему *«Кавказ в жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова и Т. Г. Шевченко»*. О результатах исследования расскажите в классе.

Расскажите, что вам известно о Н. В. Гоголе. Вспомните прочитанные вами ранее произведения Н. В. Гоголя. Какие впечатления оставили они в вашей душе? Как вы думаете, чем обусловлено то, что в своём творчестве Н. В. Гоголь часто обращался к украинской теме?

**Николай Васильевич
ГОГОЛЬ**
(1809–1852)

Моё сердце всегда останется привязанным к священным местам родины.

Николай Гоголь

ДОРОГА К ДОМУ

«Наш бессмертный Гоголь» — так говорил о своём знаменитом земляке Тарас Григорьевич Шевченко. Силой судьбы и исторических реалий XIX века Николаю Васильевичу Гоголю предназначено было стать великим писателем двух народов — украинского и русского.

Гоголь говорил, что ландшафт¹, наблюдаемый ребёнком с детства, определяет его взгляд на мир. Взгляды Гоголя сформировали степные просторы Украины — Малороссии, как её называли в Российской империи; Казацкой Земли², как называл её сам Гоголь.

Мир Гоголя берёт начало на Миргородщине, славящейся своим героическим прошлым. Именно здесь, в Великих Сорочинцах, 1 апреля 1809 г. суждено было появиться на

¹ Ландшафт — общий вид местности; пейзаж.

² Казацкая Земля — земля казаков. Казак (в украинском языке: козак, козаки) — в Украине XV–XVIII веков свободный человек, всадник, рыцарь, член военного товарищества. Казацкие товарищества вели борьбу с крымскотатарскими, турецкими и польскими завоевателями.

свет будущему великому писателю, здесь в отцовском имении Васильевке, «на хуторе близ Диканьки», прошло его детство.

Не раз потом бричка или коляска Гоголя останавливалась у крыльца родного дома, где всё для него дышало родиной, где пахло степными травами в маленьком домике бабушки Татьяны Семёновны — наследницы известных казацких фамилий.

Отсюда в конце 1828 г., после окончания Нежинской гимназии высших наук, Гоголь отправится в холодный Петербург с намерением послужить отечеству. Со студенческих лет увлекаясь историей, он задумывает роман «Гетьман» о руководителе народного восстания первой половины XVII в. Вскоре начинающий писатель отошлёт в родную Васильевку альманах¹ «Северные цветы» со своей «Главой из исторического романа», а затем и прославившие его «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Неожиданный успех «украинских» повестей укрепил национальное чувство Гоголя. Интерес писателя к истории становится всё более профессиональным. Он преподаёт историю в Патриотическом институте, даёт частные уроки, работает на кафедре всеобщей истории Петербургского университета. В письме другу и земляку, известному ботанику, историку и этнографу М. А. Максимовичу в ноябре 1833 г. Гоголь сообщает: «Теперь я принялся за историю нашей единственной, бедной Украины. <...> Мне кажется... что я скажу много того, чего до меня не говорили». Такой интерес к истории Украины обусловлен был ещё и тем, что Гоголь принадлежал к древнему казацкому роду, сведения о котором восходят к Остапу Гоголю, сподвижнику Петра Дорошенко².

В марте 1835 г. выходит в свет ещё один «украинский» сборник Гоголя «Миргород». Картина мирной жизни старосветских помещиков в одноимённой повести сменяется в сборнике величественным повествованием о героическом про-

¹ *Альмана́х* — непериодический литературный сборник с произведениями разных писателей.

² *Дороше́нко Пётр* — в 1666–1676 гг. гетман Украины; боролся за объединение Украины «под одной булавой» (т.е. под властью единого гетмана).

шлом Руси-Украины¹, сражающейся за свою независимость. Это была повесть «Тарас Бульба».

В 1836 году Гоголь покидает Петербург и едет в Европу. Вдали от родины писатель создаёт новую редакцию «Тараса Бульбы», работает над пьесой из жизни Запорожья². Украина снова зовёт к себе своего великого сына...

Убедиться в том, что Украине Н. В. Гоголь посвящал не только свои мысли и чувства, но и многие свои произведения, вы сможете, прочитав повесть «Тарас Бульба».

1. Подумайте, почему статья о Н. В. Гоголе называется «Дорога к дому». Предложите своё название статьи. Аргументируйте свой выбор.
2. Прокомментируйте эпиграф к статье учебника.
3. Что вы узнали об украинских корнях великого писателя? Найдите дополнительные сведения об известных предках Гоголя и расскажите об этом в классе.
4. Расскажите, как проявлялся интерес писателя к истории Украины.

У литературной карты мира

В одном из самых красивых уголков современного Киева, на Русановке, возвышается памятник Николаю Васильевичу Гоголю. Монумент был установлен в канун 1500-летнего юбилея столицы. Лицо писателя обращено в сторону днепровских холмов, где раскинулся Старый город — Киев, который он знал и любил.

Памятник Гоголю в Киеве (1982). Автор — А. П. Скобликов

¹ Такое название восходит ко временам Киевского государства Украина-Русь. Словом «Русь» изначально называлась земля вокруг Киева, но с расширением Киевского государства это название распространилось на всю украинскую территорию, а со временем и почти на всю восточную Европу. Во времена Н. В. Гоголя территория нынешней Украины называлась Русью, Русской землёй, Малороссией и лишь изредка Украиной.

² Запорожье — здесь: Запорожская Сечь, организация украинского казачества.

ТАРАС БУЛЬБА

(Главы из повести)

I

— А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии? — Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших домой к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, ещё смотрившие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого ещё не касалась бритва. Они были очень смущены таким приёмом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

— Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько, — продолжал он, поворачивая их. — какие же длинные на вас свитки¹! Экие свитки! Таких свиток ещё и на свете не было. А побеги который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлёпнется ли он на землю, запутавшись в полы.

— Не смейся, не смейся, батьку! — сказал наконец старший из них.

— Смотри ты, какой пышный! А отчего ж бы не смеяться?

— Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-Богу, поколочу!

— Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька?.. — сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Как же хочешь ты со мною биться? разве на кулаки?

— Да уж на чём бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говорил Тарас Бульба, засучив рукава, — посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали насаживать друг другу тумачи и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступаая.

— Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! — говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая ещё обнять ненаглядных детей своих. — Дети приехали домой, больше году их не видали, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

— Да он славно бьётся! — говорил Бульба, остановившись. — Ей-Богу, хорошо! — продолжал он, немного оправляясь, — так, хоть

¹ *Свитка* — название устаревшей мужской и женской верхней длинной распашной одежды из домотканого сукна. Разновидность кафтана.

бы даже и не пробовать. Добрый будет козак¹! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся! — И отец с сыном стали целоваться. — Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил; никому не спускай! А всё-таки на тебе смешное убранство: что это за верёвка висит? А ты, бейбас², что стоишь и руки опустил? — говорил он, обращаясь к младшему, — что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

— Вот ещё что выдумал! — говорила мать, обнимавшая между тем младшего. — И придёт же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати с лишком лет и ровно в сажень ростом), ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

— Э, да ты мазунчик, как я вижу! — говорил Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она — баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? вот ваша мать! Это всё дрянь, чем набивают головы ваши; и академия, и все те книжки, буквари, и философия — всё это казна що, и плевать на всё это! — Здесь Бульба пригнал в строку такое слово, которое даже не употребляется в печати. — А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука так наука! Там вам школа; там только наберётесь разуму.

— И всего только одну неделю быть им дома? — говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха мать. — И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них! [...]

[...] Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но услыша о таком страшном для неё решении, она не могла удержаться от слёз; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, — и никто бы не мог описать всей безмолвной силы её горести, которая, казалось, трепетала в глазах её и в судорожно сжатых губах.

Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжёлый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожаращах, в виду гроз-

¹ *Козак* (в современном русском языке — *казак*, в украинском — *козак*, *козаки*). Н. В. Гоголь, подчёркивая национальный колорит произведения, использует именно украинский вариант написания этого слова.

² *Бейбас* — здесь: дурак.

ных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле мирный славянский дух и завелось козачество — широкая, разгульная замашка русской природы, — и когда все поречья, перевозки, прибрежные пологие и удобные места усеялись козаками, которым и счёту никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: «Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак» (что маленький пригорок, там уж и козак). Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. Уже известно всем из истории, как их вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от неукротимых набегов, грозивших её опрокинуть. [...]

[...] Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямоотой своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Вечно неугомонный, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в сёла, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлин с дыма. Сам со своими козаками производил над ними расправу и положил себе правилом, что в трёх случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары не уважили в чём старшин и стояли пред ними в шапках, когда поглумились над православием и не почтили предковского закона и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства. Теперь он тешил себя заранее мыслью, как он явится с двумя сыновьями своими на Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привёл к вам!»; как представит их всем старым, закалённым в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел было отправить их одних. Но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна

упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, наведывался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе и в голове его ещё бродил хмель, однако ж не забыл ничего. Даже отдал приказ напоить коней и всыпать им в ясли крупной и лучшей пшеницы и пришёл усталый от своих забот.

— Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что Бог даст. Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.

Ночь ещё только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор; всё, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей.

Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчёсывала гребнем их молодые, небрежно включённые кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собствен-

Евгений Кибрик.

Из иллюстраций к повести
«Тарас Бульба» (1943–1945)

ною грудью, она возрастила, взлелеяла их — и только на один миг видит их перед собою «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждёт вас?» — говорила она, и слёзы остановились в морщинах, изменивших её когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, — и уже суровый прельститель её покидал её для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нём не бывало слуху. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь её была? Она терпела оскорбления, даже по-

бои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безжённых рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и её прекрасные свежие щёки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, всё, что есть нежного и страстного в женщине, всё обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Её сыновей, её милых сыновей берут от неё, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может быть, при первой битве татарин срубит им головы и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюёт хищная подорожная птица; а за каждую каплю крови их она отдала бы себя всю. Рыдая, глядела она им в очи, когда всемогущий сон начинал уже смыкать их, и думала: «Авось либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд; может быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил».

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул чашток, окружавший двор. Она всё сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, во все не была утомлена и внутренне желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребёнка; красные полосы ясно сверкнули на небе.

Бульба вдруг проснулся и вскошил. Он очень хорошо помнил всё, что приказывал вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напойте коней! А где стара? (Так он обыкновенно называл жену свою.) Живее, стара, готовь нам есть: путь лежит великий!

Бедная старушка, лишённая последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила всё, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные¹ красные, с серебряными подковами; шаровары шириною в Чёрное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись

¹ Сафьянные — изготовленные из тонкой и мягкой козьей или овечьей кожи, специально выделанной и окрашенной в яркий цвет.

золотым очкуром¹; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками, для трубки. Казакин² алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам. Их лица, ещё мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели: молодые чёрные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под чёрными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать как увидела их, и слова не могла промолвить, и слёзы остановились в глазах её.

— Ну, сыны, всё готово! нечего мешкать! — произнёс наконец Бульба. — Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, детей своих! — сказал Бульба. — Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то — пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде, и на земле спасает.

Мать, слабая, как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

— Пусть хранит вас... Божья мать... Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе... — Далее она не могла говорить.

— Ну, пойдём, дети! — сказал Бульба.

У крыльца стояли осёдланные кони. Бульба вскочил на своего Чёрта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Тарас был чрезвычайно тяжёл и толст.

Когда увидела мать, что уже и сыны её сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности: она схватила его за стремя, она прилипла к седлу его и с отчаяньем в глазах не выпускала его из рук своих. Два дюжих козака взяли её бережно и унесли в хату. Но когда выехали они за ворота, она со всею лёгкостью дикой козы, несообразной её летам, выбежала за ворота, с непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственною горячностью; её опять увели.

Молодые козаки ехали смутно и удерживали слёзы, боясь отца, который, со своей стороны, был тоже несколько смущён, хотя ста-

¹ *Очкур* — пояс, стягивающий штаны, шаровары.

² *Казакин* — в русской и украинской моде XIX — начала XX веков: верхняя распашная одежда, вид короткого кафтана.

рался этого не показывать. День был серый, зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад. Они, проехавши, оглянулись назад; хутор их как будто ушёл в землю; только видны были над землёй две трубы скромного их домика да вершины деревьев, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг ещё стлался перед ними, — тот луг, по которому у они могли припомнить всю историю своей жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нём чернобровую козачку, боязливо перелетавшую через него с помощью своих свежих, быстрых ног. Вот уже один только шест над колодцем с привязанным вверху колесом от телеги одиноко торчит в небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и всё собою закрыла. — Прощайте и детство, и игры, и все, и всё!

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Поделитесь своими впечатлениями от прочитанного. Какие картины, изображённые в ней, вы представили наиболее ярко? Что вас особенно взволновало, запомнилось?
2. Рассмотрите иллюстрацию Тараса Григорьевича Шевченко к повести Гоголя. Какой фрагмент произведения запечатлён на ней? Что можно сказать о каждом из героев, глядя на рисунок Кобзаря? Отвечает ли изображение членов семьи Тараса на рисунке тому, как они описаны в повести? Обсудите свой ответ.

3. Выразительно прочитайте в лицах сцену приезда сыновей Тараса. Постарайтесь передать душевное состояние каждого участника диалога.

4. О каких «удалых временах» украинской истории идёт речь в произведении? Как «бранное, трудное время» повлияло на формирование характера полковника Бульбы?
5. Обоснуйте, почему Тарас Бульба решает срочно везти сыновей на Запорожье.
6. Прочитайте, как преобразились бурсаки в казацком наряде. Какое впечатление на вас производит эта картина? Проследите, с помощью каких изобразительно-выразительных средств автор представляет портрет молодых казаков. Что можно сказать о вкусах и нравах запорожцев, исходя из данного описания?
7. Как в повести представлен образ матери Остапа и Андрия? Какую роль играет образ матери в повествовании? Почему, по вашему мнению, она, единственная из семьи Тараса, не названа по имени?
8. Как автор передаёт душевное состояние матери накануне отъезда её сыновей на Сечь? Удалось ли художнику Евгению Кибрику воссоздать его на рисунке (см. с. 124)? Аргументируйте свой ответ.

II

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протёкшие лета, о которых всегда плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемерли, какие живут ещё. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почётные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступавшие в бурсу¹, дики, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того своё поприще, что в первый год ещё бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения,

¹ Бурса — подготовительные классы духовной семинарии, а также общежитие при духовных учебных заведениях.

он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержат его в монастырских службах целые двадцать лет и не поклялся наперёд, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю учёность и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал наряду с лучшими. Тогдашний род учения страшно расходился с образом жизни: эти схоластические¹, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались к времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни. Учившиеся им ни к чему не могли привязать своих познаний, хотя бы даже менее схоластических. Самые тогдашние учёные более других были невежды, потому что вовсе были удалены от опыта. Притом же это республиканское устройство бursы, это ужасное множество молодых, дюжих, здоровых людей — всё это должно было им внушить деятельность совершенно вне их учебного занятия. Иногда плохое содержание, иногда частые наказания голодом, иногда многие потребности, возбуждающиеся в свежем, здоровом, крепком юноше, — всё это, соединившись, рождало в них ту предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье. Голодная бурса рыскала по улицам Киева и заставляла всех быть осторожными. Торговки, сидевшие на базаре, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, семечки из тыкв, как орлицы детей своих, если только видели проходившего бурсака. Консул², долженствовавший, по обязанности своей, наблюдать над подведомственными ему сотоварищами, имел такие страшные карманы в своих шароварах, что мог поместить туда всю лавку зазевавшейся торговли. Эти бурсаки составляли совершенно отдельный мир: в круг высший, состоявший из польских и русских дворян, они не допускались. Сам воевода, Адам Кисель, несмотря на оказываемое покровительство академии, не вводил их в общество и приказывал держать их строже. Впрочем, это наставление было вовсе излишне, потому что ректор и профессоры-монахи не жалели лоз и плетей, и часто ликторы³ по их приказанию пороли своих консулов так жестоко, что те несколько недель почёсывали свои шаровары. Многим из них это было вовсе ничего и казалось немного крепче хорошей водки с перцем: другим наконец сильно надоедали такие беспрестанные

¹ *Схоластика* — здесь: знания, оторванные от жизни, основывающиеся на отвлечённых рассуждениях, не проверяемых опытом.

² *Консул* — старший из бурсаков, избираемый для наблюдения за поведением своих товарищей.

³ *Ликторы* — помощники консула.

припарки, и они убегали на Запорожье, если умели найти дорогу и если не были перехватываемы на пути. Остап Бульба, несмотря на то, что начал с большим старанием учить логику и даже богословие, никак не избавлялся неумолимых розг. Естественно, что всё это должно было как-то ожесточить характер и сообщить ему твёрдость, всегда отличавшую козаков. Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях — обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых, приходивших под знамёна предприимчивого бурсака, и никогда, ни в каком случае, не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере, никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развитые. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжёлый и сильный характер. Он был изобретательнее своего брата: чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда с помощью изобретательного ума своего умел увёртываться от наказания. Тогда как брат его Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. Потребность любви вспыхнула в нём живо, когда он перешёл за восемнадцать лет. Женщина чаще стала представляться горячим мечтам его; он, слушая философические диспуты, видел её поминутно, свежую, черноокою, нежную. Пред ним беспрерывно мелькали её сверкающие, упругие перси, нежная, прекрасная, вся обнажённая рука; самое платье, облипавшее вокруг её девственных и вместе с тем мощных членов, дышало в мечтах его каким-то невыразимым сладострастием. Он тщательно скрывал от своих товарищей эти движения страстной юношеской души, потому что в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать козаку о женщине и любви, не отведав битвы. Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединённом закоулке Киева, потопленном в вишнёвых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне и дома были выстроены с некоторою прихотливостию. Один раз, когда он зазе-

вался, наехала почти на него колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с пристрашными усами хлынул его довольно исправно бичом. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию схватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадам, они рванули — и Андрий, к счастью успевший отхватить руку, шлёпнулся на землю, прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой ещё не видывал отроду: черноглазую и белую, как снег, озарённый утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу её ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на неё, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою ещё более замазывался. Кто была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая толпою, в богатом убранстве, стояла за воротами, окружив игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом. Наконец он узнал, что это была дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостью, он пролез чрез частокол в сад, взлез на дерево, которое раскидывалось ветвями на самую крышу дома: с дерева перелез он на крышу и через трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнести ни одного слова; но когда заметила, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости пошевелить рукою, когда узнала в нём того же самого, который хлопнулся перед её глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было страшного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. Красавица была ветрена, как полячка, но глаза её, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как постоянство. Бурсак не мог пошевелить рукою и был связан, как в мешке, когда дочь воеводы смело подошла к нему, надела ему на голову свою блистательную диадему, повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку¹ с фестонами², вышитыми золотом. Она убирала его и делала с ним тысячу разных глупостей с развязностию дитяти, которою отличаются ветреные полячки и которая повергла бедного бурсака в ещё большее смущение. Он представлял смешную фигуру, раскрывши

¹ Шемизётка — накидка.

² Фестоны — декоративный элемент в одежде.

рот и глядя неподвижно в её ослепительные очи. Раздавшийся в это время удверей стук испугал её. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только беспокойство прошло, она кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывести его в сад и оттуда отправить через забор. Но на этот раз бурсак наш не так счастливо перебрался через забор: проснувшийся сторож хватил его порядочно по ногам, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улице, покамест быстрые ноги не спасли его. После этого проходить возле дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Он встретил её ещё раз в костёле: она заметила его и очень приятно усмехнулась, как давнему знакомому. Он видел её вскользь ещё один раз, и после этого воевода ковенский скоро уехал, и вместо прекрасной черноглазой полячки выглядывало из окон какое-то толстое лицо. Вот о чём думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего.

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зелёные объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только казачьи чёрные шапки одни мелькали между её колосьями.

— Э, э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли? — сказал наконец Бульба, очнувшись от своей задумчивости. — Как будто какие-нибудь чернецы! Ну, разом все думки к нечистому! Берите в зубы люльки, да закурим, да пришпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами!

И козаки, принагнувшись к коням, пропали в траве. Уже и чёрных шапок нельзя было видеть: одна только струя сжимаемой травы показывала след их быстрого бега.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Всё, что смутно и сонно было на душе у козаков, вмиг слетело; сердца их вострепнулись, как птицы.

Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство до самого Чёрного моря, было зелёною, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытапывали их. Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелёно-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; жёлтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесённый Бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно

стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался Бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною чёрною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем... Чёрт вас возьми, степи, как вы хороши!..

Наши путешественники останавливались только на несколько минут для обеда, причём ехавший с ними отряд из десяти козаков слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера.

Вечером вся степь совершенно переменалась. Всё пёстрое пространство её охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нём, и она становилась тёмно-зелёною; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-тёмному, как будто исполнскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками лёгкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыбался по верхушкам травы и чуть дотрагивался до щёк. Вся музыка, звучавшая днём, утихала и сменялась другою. Пёстрые суслики выползали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединённого озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котёл, в котором варили себе кулиш; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, козаки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звёзды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, весь их треск, свист, стрекотанье, — всё это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем воздухе и убаюкивало дремлющий слух. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянною блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и тёмная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-

розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летали по тёмному небу.

Путешественники ехали без всяких приключений. [...]

[...] Наконец они миновали предместье и увидели несколько разбросанных куреней¹, покрытых дёрном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панове!» — «Здравствуйте и вы!» — отвечали запорожцы. Везде, по всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все они были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украину!

Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки: он держал в руках её и медленно зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов: в середине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши шапку чёртом и вскинувши руками. Он кричал только: «Живее играйте, музыканты! Не жалей, Фома, горелки православным христианам!» И Фома, с подбитым глазом, мерял без счёту каждому пристававшему по огромнейшей кружке. Около молодого запорожца четверо старых вырабатывали довольно мелко ногами, вскидывались, как вихорь, на сторону, почти на голову музыкантам, и, вдруг опустившись, неслись вприсядку и били круто и крепко своими серебряными подковами плотно убитую землю. Земля глухо гудела на всю округу, и в воздухе далече отдавались гопаки и тропачки, выбиваемые звонкими подковами сапогов. Но один всех живее вскрикивал и летел вслед за другими в танце. Чуприна развевалась по ветру, вся открыта была сильная грудь; тёплый зимний кожух был надет в рукава, и пот градом лил с него, как из ведра. «Да сними хоть кожух! — сказал наконец Тарас. — Видишь, как парит!» — «Не можно!» — кричал запорожец. «Отчего?» — «Не можно; у меня уж такой нрав: что скину, то пропью». А шапки уж давно не было на молодце, ни пояса на кафтане, ни шитого платка; всё пошло куда следует. Толпа росла;

¹ Курень — в XVI–XVIII вв.: тип подразделения (батальон), численностью в несколько сот казаков.

к танцующим приставали другие, и нельзя было видеть без втренного движенья, как всё отдирало танец самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо свет и который, по своим мощным изобретателям, назван козачком.

— Эх, если бы не конь! — вскрикнул Тарас, — пустился бы, право, пустился бы сам в танец!

А между тем в народе стали попадаться и степенные, уважаемые по заслугам всею Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. Остап и Андрий слышали только приветствия: «А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолуп!» — «Откуда Бог несёт тебя, Тарас?» — «Ты как сюда зашёл, Долото?» — «Здорово, Кирдяга! Здорово, Густый! Думал ли я видеть тебя, Ремень?» И витязи, собравшиеся со всего разгульного мира восточной России, целовались взаимно; и тут понесли вопросы: «А что Касьян? Что Бородавка? Что Колопер? Что Пидсышок?» И слышал только в ответ Тарас Бульба, что Бородавка повешен в Толопане, что с Колопера содрали кожу под Кизикирменом, что Пидсышкова голова посолена в бочке и отправлена в самый Царьград. Понурил голову старый Бульба и раздумчиво говорил: «Добрые были козаки!»

III

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военной школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны. Промежутки козаки почитали скучным заниматься изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем в степях и лугах; всё прочее время отдавалось гульбе — признаку широкого разлёта душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то непрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремёслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность и добытое добро не перешло ещё в руки торговшей и шинкарей. Это общее пиршество имело в себе что-то околдовывающее. Оно не было сборищем бражников, напивавшихся с горя, но было просто бешеное разгулье весёлости. Всякий приходящий сюда позабывал и бросал всё, что дотеле его занимало. Он, можно сказать, плевал на своё прошедшее и беззаботно предавался воле и товариществу таких же, как сам, гуляк,

не имевших ни родных, ни угла, ни семейства, кроме вольного неба и вечного пира души своей. Это производило ту бешеную весёлость, которая не могла бы родиться ни из какого другого источника. [...]

Эта странная республика была именно потребностью того века. Охотники до военной жизни, до золотых кубков, богатых парчей¹, дукатов² и реалов³ во всякое время могли найти здесь работу. Одни только обожатели женщин не могли найти здесь ничего, потому что даже в предместье Сечи не смела показываться ни одна женщина. Остапу и Андрию казалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечь гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил: откуда эти люди, кто они и как их зовут. Они приходили сюда, как будто бы возвращаясь в свой собственный дом, из которого только за час пред тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому; который обыкновенно говорил:

— Здравствуй! Что, во Христа веруешь?

— Верую! — отвечал приходивший.

— И в Троицу Святую веруешь?

— Верую!

— И в церковь ходишь?

— Хожу!

— А ну, перекрестись!

Пришедший крестился.

— Ну, хорошо, — отвечал кошевой⁴, — ступай же в который сам знаешь курень.

Этим оканчивалась вся церемония. [...]

Остап и Андрий кинулись со всею пылкостью юношей в это разгульное море и забыли вмиг и отцовский дом, и бурсу, и всё, что волновало прежде душу, и предались новой жизни. Всё занимало их: разгульные обычаи Сечи и немногосложная управа и законы, которые казались им иногда даже слишком строгими среди такой своейвольной республики. Если козак провинился, украл какую-нибудь безделицу, это считалось уже поношением всему козачеству: его, как бесчестного, привязывали к позорному столбу и клали возле него дубину, которою всякий проходящий обязан был нанести ему удар, пока таким образом не забивали его насмерть. Не платившего должника приковывали цепью к пушке, где должен был он сидеть

¹ *Парча́* — ткань из шёлка с узором, выполненным металлическими нитями с золотом, серебром или их сплавами с другими металлами.

² *Дукаты́* — название серебряных и золотых монет.

³ *Реа́лы* — дорогие монеты.

⁴ *Кошево́й* — воинский начальник, руководитель коша (стана), выбиравшийся ежегодно.

до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не решился его выкупить и заплатить за него долг. Но более всего произвела впечатленья на Андрия страшная казнь, определённая за смертоубийство. Тут же, при нем, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключающий тело им убиенного, и потом обоих засыпали землёю. Долго потом всё чудился ему страшный обряд казни и всё представлялся этот заживо засыпанный человек вместе с ужасным гробом.

Скоро оба молодые козака стали на хорошем счету у козаков. Часто вместе с другими товарищами своего куреня, а иногда со всем куренем и с соседними куренями выступали они в степи для стрельбы несметного числа всех возможных степных птиц, оленей и коз или же выходили на озёра, реки и протоки, отведённые по жребию каждому куреню, закидывать невода, сети и тащить богатые тони на продовольствие всего куреня. Хотя и не было тут науки, на которой пробуется козак, но они стали уже заметны между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всём. Бойко и метко стреляли в цель, переплывали Днепр против течения — дело, за которое новичок принимался торжественно в козацкие круги.

Но старый Тарас готовил другую им деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь — настоящего дела хотел он. Он всё придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться как следует рыцарю. [...]

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. О чём думали три казака, молчаливо ехавшие по бескрайней украинской степи?
2. Сравните графические портреты Остапа и Андрия работы Евгения Кибрика. Какие особенности внешности и характеров героев стремился передать художник?

Остап

Андрий

3. Расскажите о времени пребывания сыновей Тараса в Киевской академии. Как проявились различия их характеров в период обучения?
4. Как изменилось поведение Андрия в последние годы учёбы? Чем они были вызваны? Расскажите историю знакомства Андрия с полячкой. Как вы думаете, почему дочь воеводы произвела на бурсака такое сильное впечатление?
5. Подготовьте выразительное чтение описания украинской степи. Какие сменяющие друг друга картины природы рисует автор? Проследите, как меняются в них краски, звуки и запахи, характерные для степных просторов, вид земли и неба.
6. Проследите, какие изобразительно-выразительные средства языка помогают писателю передать красоту украинской степи.
7. Почему рассказу о Запорожской Сечи предшествует описание степи? Чем является степь для героев повести? Обсудите свой ответ.
8. Какая картина природы сменяет в повести виды украинских степей? Что общего между этими различными пейзажными зарисовками?
9. Прокомментируйте строки: *«Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украину»*. Кому принадлежат эти слова?
10. Что узнали Остап и Андрий о Запорожской Сечи: её устройстве, нравах, законах, занятиях запорожцев и обитателей предместья?
11. Как проявили себя братья, попав в пучину «разгульного моря» Сечи? Каким было отношение Тараса к занятиям сыновей?

V

[...] Остап уже занялся своим делом и давно отошёл к куреням. Андрий же, сам не зная отчего, чувствовал какую-то духоту на сердце. Уже козаки окончили свою вечерю, вечер давно потухнул; июльская чудная ночь обняла воздух; но он не отходил к куреням, не ложился спать и глядел неволью на всю бывшую пред ним картину. На небе бесчисленно мелькали тонким и острым блеском звёзды. Поле далеко было занято раскиданными по нём возами с висячими мазницами, облитыми дёгтем, со всяким добром и провиантом, набранным у врага. Возле телег, под телегами и подале

от телег — везде были видны разметавшиеся на траве запорожцы. Все они спали в картинных положениях: кто подмостив себе под голову куль, кто шапку, кто употребивши просто бок своего товарища. Сабля, ружьё-самопал, короткочубучная трубка с медными бляхами, железными провёртками и огнивом были неотлучно при каждом козаке. Тяжёлые волю лежали, подвернувши под себя ноги, большими беловатыми массаами и казались издали серыми камнями, раскиданными по отлогостям поля. Со всех сторон из травы уже стал подыматься густой храп спящего воинства, на который отзывались с поля звонкими ржаннями жеребцы, негодующие на свои спутанные ноги. А между тем что-то величественное и грозное примешалось к красоте июльской ночи. Это были зарева вдали догоравших окрестностей. [...] Обложенный город, казалось, уснул. Шпицы, и кровли, и частокол, и стены его тихо вспыхивали отблесками отдалённых пожарищ. Андрий обошёл козацкие ряды. Костры, у которых сидели сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа спали, перекусивши саламаты¹ и галушек во весь козацкий аппетит. Он подивился немного такой беспечности, подумавши: «Хорошо, что нет близко никакого сильного неприятеля и некого опасаться». Наконец и сам подошёл он к одному из возов, взлез на него и лёг на спину, подложивши себе под голову сложенные назад руки; но не мог заснуть и долго глядел на небо. Оно всё было открыто пред ним: чисто и прозрачно было в воздухе. Гущина звёзд, составлявшая Млечный Путь, поясом переходившая по небу, вся была залита светом. Временами Андрий как будто позабывался, и какой-то лёгкий туман дремоты заслонял на миг пред ним небо, и потом оно опять очищалось и вновь становилось видно.

В это время, показалось ему, мелькнул пред ним какой-то странный образ человеческого лица. Думая, что это было простое обаяние сна, которое сейчас же рассеется, он открыл больше глаза свои и увидел, что к нему точно наклонилось какое-то измождённое, высохшее лицо и смотрело прямо ему в очи. Длинные и чёрные, как уголь, волосы, неприбранные, растрёпанные, лезли из-под тёмного, наброшенного на голову покрывала. И странный блеск взгляда, и мертвенная смуглота лица, выступавшего резкими чертами, заставили бы скорее подумать, что это был призрак. Он схватился невольно рукой за пицаль и произнёс почти судорожно:

— Кто ты? Коли дух нечистый, сгинь с глаз; коли живой человек, не в пору завёл шутку. — убью с одного прицела!

В ответ на это привидение приставило палец к губам и, казалось, молило о молчании. Он опустил руку и стал взглядываться в него внимательней. По длинным волосам, шее и полуобнажённой

¹ *Саламата* — каша из ржаной, ячменной или пшеничной муки.

смуглой груди распознал он женщину. Но она была не здешняя уроженка. Всё лицо было смугло, изнурено недугом; широкие скулы выступали сильно над опавшими под ними щеками; узкие очи подымались дугообразным разрезом кверху, и чем более он всматривался в черты её, тем более находил в них что-то знакомое. Наконец он не вытерпел и спросил:

— Скажи, кто ты? Мне кажется, как будто я знал тебя или видел где-нибудь?

— Два года назад тому в Киеве.

— Два года назад... в Киеве... — повторил Андрий, стараясь перебрать всё, что уцелело в его памяти от прежней бурсацкой жизни. Он посмотрел ещё раз на неё пристально и вдруг вскрикнул во весь голос:

— Ты — татарка! служанка панночки. воеводиной дочки!..

— Чшш! — произнесла татарка, сложив с умоляющим видом руки, дрожа всем телом и оборотя в то же время голову назад, чтобы видеть, не проснулся ли кто-нибудь от такого сильного вскрика, произведённого Андрием.

— Скажи, скажи, отчего, как ты здесь? — говорил Андрий, почти задыхаясь, шёпотом, прерывавшимся всякую минуту от внутреннего волнения. — Где панночка? жива ли ещё она?

— Она тут, в городе.

— В городе? — произнёс он, едва опять не вскрикнувши, и почувствовал, что вся кровь вдруг прихлынула к сердцу. — Отчего ж она в городе?

— Оттого, что сам старый пан в городе. Он уже полтора года как сидит воеводой в Дубне.

— Что ж, она замужем? Да говори же, какая ты странная! Что она теперь?..

— Она другой день ничего не ела.

— Как?..

— Ни у кого из городских жителей нет уже давно куска хлеба, все давно едят одну землю.

Андрий остолбенел.

— Панночка видала тебя с городского валу вместе с запорожцами. Она сказала мне: «Ступай скажи рыцарю: если он помнит меня, чтобы пришёл ко мне; а не помнит — чтобы дал тебе кусок хлеба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видеть, как при мне умрёт мать. Пусть лучше я прежде, а она после меня. Проси и хватай его за колени и ноги. У него также есть старая мать, — чтоб ради её дал хлеба!»

Много всяких чувств пробудилось и вспыхнуло в молодой груди козака.

— Но как же ты здесь? Как ты пришла?

— Подземным ходом.

— Разве есть подземный ход?

— Есть.

— Где?

— Ты не выдашь, рыцарь?

— Клянусь крестом святым!

— Спустиась в яр и перейдя проток, там, где тростник.

— И выходит в самый город?

— Прямо к городскому монастырю.

— Идём, идём сейчас!

— Но, ради Христа и святой Марии, кусок хлеба!

— Хорошо, будет. Стой здесь, возле воза, или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидит, все спят; я сейчас ворочусь.

И он отошёл к возам, где хранились запасы, принадлежавшие их куреню. Сердце его билось. Всё минувшее, всё, что было заглушено нынешними козацкими биваками¹, суровой бранною жизнью, — всё всплыло разом на поверхность, потопивши, в свою очередь, настоящее. Опять вынырнула перед ним, как из тёмной морской пучины, гордая женщина. Вновь сверкнули в его памяти прекрасные руки, очи, смеющиеся уста, густые тёмно-ореховые волосы, курчаво распавшиеся по грудям, и все упругие, в согласном сочетанье созданные члены девического стана. Нет, они не погасли, не исчезли в груди его, они посторонились только, чтобы дать на время простор другим могучим движениям; но часто, часто смущался ими глубокий сон молодого козака, и часто, проснувшись, лежал он без сна на одре, не умея истолковать тому причины. [...]

VI

Андрей едва двигался в тёмном и узком земляном коридоре, следуя за татаркой и таща на себе мешки хлеба.

— Скоро нам будет видно, — сказала проводница, — мы подходим к месту, где поставила я светильник.

[...] Наконец перед ними показалась маленькая железная дверь. «Ну, слава Богу, мы пришли», — сказала слабым голосом татарка, приподняла руку, чтобы постучать, — и не имела сил.

Андрей ударил вместо неё сильно в дверь; раздался гул, показавший, что за дверью был большой простор. Гул этот изменялся, встретив, как казалось, высокие своды. Через минуты две загремели ключи, и кто-то, казалось, сходил по лестнице. Наконец дверь

¹ *Бивак* — расположение войск вне мест постоянного пребывания.

отперлась; их встретил монах, стоявший на узенькой лестнице, с ключами и свечой в руках.

[...] Здесь татарка указала Андрию остаться, отворила дверь в другую комнату, из которой блеснул свет огня. Он услышал шёпот и тихий голос, от которого всё потряслось у него. Он видел сквозь растворившуюся дверь, как мелькнула быстро стройная женская фигура с длинною роскошною косою, упадавшею на поднятую кверху руку. Татарка возвратилась и сказала, чтобы он взошёл. Он не помнил, как взошёл и как затворилась за ним дверь. В комнате горели две свечи; лампада теплилась перед образом; под ним стоял высокий столик, по обычаю католическому, со ступеньками для преклонения коленей во время молитвы. Но не того искали глаза его. Он повернулся в другую сторону и увидел женщину, казалось, застывшую и окаменевшую в каком-то быстром движении. Казалось, как будто вся фигура её хотела броситься к нему и вдруг остановилась. И он остался также изумлённым пред нею. Не такую воображал он её видеть: это была не она, не та, которую он знал прежде; ничего не было в ней похожего на ту, но вдвое прекраснее и чудеснее была она теперь, чем прежде. Тогда было в ней что-то неоконченное, недовершённое, теперь это было произведение, которому художник дал последний удар кисти. Та была прелестная, ветреная девушка; эта была красавица — женщина во всей развившейся красе своей. Полное чувство выразалось в её поднятых глазах, не отрывки, не намёки на чувство, но всё чувство. Ещё слёзы не успели в них высохнуть и облекли их блистающею влагою, проходившею душу. Грудь, шея и плечи заключились в те прекрасные границы, которые назначены вполне развившейся красоте; волосы, которые прежде разносились лёгкими кудрями по лицу её, теперь обратились в густую роскошную косу, часть которой была подобрана, а часть разбросалась по всей длине руки и тонкими, длинными, прекрасно согнутыми волосами упала на грудь. Казалось, все до одной изменились черты её. Напрасно силился он в них отыскать хотя одну из тех, которые носились в его памяти, — ни одной! Как ни велика была её бледность, но она не помрачила чудесной красоты её; напротив, казалось, как будто придала ей что-то стремительное, неотразимо победоносное. И ощутил Андрий в своей душе благоговейную боязнь и стал неподвижен перед нею. Она, казалось, также была поражена видом козака, представшего во всей красе и силе юношеского мужества, который, казалось, и в самой неподвижности своих членов уже обличал развязную вольность движений; ясною твёрдостью сверкал глаз его, смелою дугою выгнулась бархатная бровь, загорелые щёки блистали всею яркостью девственного огня, и как шёлк, лоснился молодой чёрный ус.

— Нет, я не в силах ничем возблагодарить тебя, великодушный рыцарь, — сказала она, и весь колебался серебряный звук её голоса. — Один Бог может возблагодарить тебя; не мне, слабой женщине...

Она потупила свои очи; прекрасными снежными полукружьями надвинулись на них веки, окраённые длинными, как стрелы, ресницами. Наклонилось всё чудесное лицо её, и тонкий румянец оттенил его снизу. Ничего не умел сказать на это Андрий. Он хотел бы выговорить всё, что ни есть на душе, — выговорить его так же горячо, как оно было на душе, — и не мог. Почувствовал он что-то заградившее ему уста: звук отнялся у слова; почувствовал он, что не ему, воспитанному в бурсе и в бранной кочевой жизни, отвечать на такие речи, и вознегодовал на свою козацкую натуру.

В это время вошла в комнату татарка. Она уже успела нарезать ломтями принесённый рыцарем хлеб, несла его на золотом блюде и поставила перед своею панною. Красавица взглянула на неё, на хлеб и возвела очи на Андрия — и много было в очах тех. Сей умилённый взор, выказавший изнеможенье и бессилье выразить обнявшие её чувства, был более доступен Андрию, чем все речи. Его душе вдруг стало легко; казалось, всё развязалось у него. Душевные движенья и чувства, которые дотоле как будто кто-то удерживал тяжкою уздою, теперь почувствовали себя освобождёнными, на воле и уже хотели излиться в неукротимые потоки слов, как вдруг красавица, оборотясь к татарке, спокойно спросила:

— А мать? Ты отнесла ей?

— Она спит.

— А отцу?

— Отнесла. Он сказал, что придёт сам благодарить рыцаря.

Она взяла хлеб и поднесла его ко рту. С неизъяснимым наслаждением глядел Андрий, как она ломала его блистающими пальцами своими и ела; и вдруг вспомнил о бесновавшемся от голода, который испустил дух в глазах его, проглотивши кусок хлеба. Он побледнел и, схватив её за руку, закричал:

— Довольно! не ешь больше! Ты так долго не ела, тебе хлеб будет теперь ядовит.

И она опустила тут же свою руку, положила хлеб на блюдо и, как покорный ребёнок, смотрела ему в очи. И пусть бы выразило чьё-нибудь слово... но не властны выразить ни резец, ни кисть, ни высоко-могучее слово того, что видится иной раз во взорах девы, ниже того умилённого чувства, которым объёмлется глядящий в такие взоры девы.

— Царица! — вскрикнул Андрий, полный и сердечных, и душевных, и всяких избытков. — Что тебе нужно? чего ты хочешь?

прикажи мне! Задай мне службу самую невозможную, какая только есть на свете. — я побегу исполнять её! Скажи мне сделать то, чего не в силах сделать ни один человек. — я сделаю, я погублю себя. Погублю, погублю! и погубить себя для тебя, клянусь святым крестом, мне так сладко... но не в силах сказать того! У меня три хутора, половина табунов отцовских — мои, всё, что принесла отцу мать моя, что даже от него скрывает она, — всё моё. Такого ни у кого нет теперь у козаков наших оружия, как у меня: за одну рукоять моей сабли дают мне лучший табун и три тысячи овец. И от всего этого откажусь, кину, брошу, сожгу, затоплю, если только ты вымолвишь одно слово или хотя только шевельнёшь своею тонкою чёрною бровью! Но знаю, что, может быть, несу глупые речи, и некстати, и найдёт всё это сюда, что не мне, проведшему жизнь в бурсе и на Запорожье, говорить так, как в обычае говорить там, где бывают короли, князья и всё что ни есть лучшего в вельможном рыцарстве. Вижу, что ты иное творенье Бога, нежели все мы, и далеки пред тобою все другие боярские жёны и дочери-девы. Мы не годимся быть твоими рабами, только небесные ангелы могут служить тебе.

С возрастающим изумлением, вся превратившись в слух, не проронив ни одного слова, слушала дева открытую сердечную речь, в которой, как в зеркале, отражалась молодая, полная сил душа. И каждое простое слово сей речи, выговоренное голосом, летевшим прямо с сердечного дна, было облечено в силу. И выдалось вперёд всё прекрасное лицо её, отбросила она далеко назад досадные волосы, открыла уста и долго глядела с открытыми устами. Потом хотела что-то сказать и вдруг остановилась и вспомнила, что другим назначением ведётся рыцарь, что отец, братья и вся отчизна его стоят позади его суровыми мстителями, что страшны облегшие город запорожцы, что лютой смерти обречены все они со своим городом... И глаза её вдруг наполнились слезами; быстро она схватила платок, шитый шелками, набросила себе на лицо его, и он в минуту стал весь влажен; и долго сидела, забросив назад свою прекрасную голову, сжав белоснежными зубами свою прекрасную нижнюю губу, — как бы внезапно почувствовав какое укушение ядовитого гада. — и не снимая с лица платка, чтобы он не видел её сокрушительной грусти.

— Скажи мне одно слово! — сказал Андрий и взял её за атласную руку. Сверкающий огонь пробежал по жилам его от сего прикосновенья, и жал он руку, лежавшую бесчувственно в руке его.

Но она молчала, не отнимала платка от лица своего и оставалась неподвижна.

— Отчего же ты так печальна? Скажи мне, отчего ты так печальна? Бросила прочь она от себя платок, отдёрунула належавшие на очи

длинные волосы косы своей и вся разлилася в жалостных речах, выговаривая их тихим-тихим голосом, подобно когда ветер, поднявшись прекрасным вечером, пробежит вдруг по густой чаще приводного тростника: зашелестят, зазвучат и понесутся вдруг унывно-тонкие звуки, и ловит их с непонятной грустью остановившийся путник, не чуя ни погасающего вечера, ни несущихся весёлых песен народа, бредущего от полевых работ и жнив, ни отдалённого тархатанья где-то проезжающей телеги.

— Не достойна ли я вечных сожалений? Не несчастна ли мать, родившая меня на свет? Не горькая ли доля пришлась на часть мне? Не лютый ли ты изо всего шляхетства, богатейших панов, графов и иноземных баронов и все, что ни есть цвет нашего рыцарства. Всем им было вольно любить меня, и за великое благо всякий из них пошёл бы любовь мою. Стоило мне только махнуть рукой, и любой из них, красивейший, прекраснейший лицом и породой, стал бы моим супругом. И ни к одному из них не причаровала ты моего сердца, свирепая судьба моя; а причаровала моё сердце, мимо лучших витязей земли нашей, к чуждому, к врагу нашему. За что же ты, пречистая Божья мать, за какие грехи, за какие тяжкие преступления так неумолимо и беспощадно гонишь меня? В изобилии и роскошном избытке всего текли дни мои; лучшие, дорогие блюда и сладкие вина были мне снедью. И на что всё это было? к чему оно всё было? К тому ли, чтобы наконец умереть лютою смертью, какой не умирает последний нищий в королевстве? И мало того, что осуждена я на такую страшную участь; мало того, что перед концом своим должна видеть, как станут умирать в невыносимых муках отец и мать, для спасенья которых двадцать раз готова бы была отдать жизнь свою; мало всего этого: нужно, чтобы перед концом своим мне довелось увидеть и услышать слова и любовь, какой не видала я. Нужно, чтобы он речами своими разодрал на части моё сердце, чтобы горькая моя участь была ещё горше, чтобы ещё жалче было мне моей молодой жизни, чтобы ещё страшнее казалась мне смерть моя и чтобы ещё больше, умирая, попрекала я тебя, свирепая судьба моя, и тебя — прости моё прегрешение. — святая Божья мать!

И когда затихла она, безнадежное, безнадежное чувство отразилось в лице её: ноющею грустью заговорила всякая черта его, и всё, от печально поникшего лба и опустившихся очей до слёз, застывших и засохнувших по тихо пламеневшим щекам её, — всё, казалось, говорило: «Нет счастья на лице сём!»

— Не слыхано на свете, не можно, не быть тому, — говорил Андрий, — чтобы красивейшая и лучшая из жён понесла такую горькую часть, когда она рождена на то, чтобы пред ней, как пред святыней, преклонилось всё, что ни есть лучшего на свете. Нет, ты не

умрёшь! Не тебе умирать! Клянусь моим рождением и всем, что мне мило на свете, ты не умрёшь! Если же выйдет уже так и ничем — ни силой, ни молитвой, ни мужеством — нельзя будет отклонить горькой судьбы, то мы умрём вместе; и прежде я умру, умру перед тобой, у твоих прекрасных коленей, и разве уже мёртвого меня разлучат с тобой.

— Не обманывай, рыцарь, и себя и меня, — говорила она, качая тихо прекрасной головой своей, — знаю и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе.

— А что мне отец, товарищи и отчизна! — сказал Андрий, встряхнув быстро голову и выпрямив весь прямой, как надречная осокорь¹, стан свой. — Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! Никого, никого! — повторил он тем же голосом и сопроводив его тем движением руки, с каким упругий, несокрушимый козак выражает решимость на дело, неслыханное и невозможное для другого.

— Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне её в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для неё всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моём, понесу её, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из козаков вырвет её оттуда! И всё, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!

На миг остолбенева, как прекрасная статуя, смотрела она ему в очи и вдруг зарыдала, и с чудною женскою стремительностью, на какую бывает только способна одна безрасчётно великодушная женщина, созданная на прекрасное сердечное движение, кинулась она к нему на шею, обхватив его снегоподобными, чудными руками, и зарыдала. В это время раздались на улице неясные крики, сопровождаемые трубным и литаврным звуком. Но он не слышал их. Он слышал только, как чудные уста обдавали его благовонной теплотой своего дыханья, как слёзы её текли ручьями к нему на лицо и спустившиеся все с головы пахучие её волосы опутали его всего своим тёмным и блистающим шёлком.

В это время вбежала к ним с радостным криком татарка. — Спасены, спасены! — кричала она, не помня себя. — Наши вошли в город, привезли хлеба, пшена, муки и связанных запорожцев.

Но не слышал никто из них, какие «наши» вошли в город, что привезли с собою и каких связали запорожцев. Полный не на земле вкушаемых чувств, Андрий поцеловал в сии благовонные уста, прильнувшие к щеке его, и безответны были благовонные уста. Они

¹ *Осокорь* — серебристый тополь.

отозвались тем же, и в сем обоюдносильном поцелуе ощутилось то, что один только раз в жизни даётся чувствовать человеку.

И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви Божьей! Украине не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать её. Вырвет старый Тарас седой клоч волос из своей чуприны и проклянёт и день и час, в который породил на позор себе такого сына. [...]

Тарас Бульба
с сыновьями

Василь Лопата.
Из иллюстраций
к повести
«Тарас Бульба» (1999)

Андрей и панночка

IX

[...] Полковники ободрились и готовились дать сражение. Тарас уже видел то по движенью и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказы, уставил в три таборы курени, обнеси их возами в виде крепостей, — род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум куреням повелел забраться в засаду: убил часть поля острыми кольями, изломанным оружием, обломками копьев, чтобы при случае нагнать туда неприятельскую конницу. И когда всё было сделано как нужно, сказал речь козакам, не для того, чтобы ободрить и освежить их, — знал, что и без того

крепки они духом, — а просто самому хотелось высказать всё, что было на сердце.

— Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чём стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь — и там люди! также божий человек, и разговоришься с ним, как со своим; а как дойдёт до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их. Перенимают чёрт знает какие бусурманские обычаи: гнушаются языком своим: свой со своим не хочет говорить; свой своего продаёт, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который жёлтым чёботом своим бьёт их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведётся так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышинной натуры их!

Так говорил атаман и, когда кончил речь, всё ещё потрясал посеребрившеюся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошел далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы

в землю; слеза тихо накатывалась в старых очах; медленно отирали они её рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывальыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудрённого горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почувявшего молодою жемчужною душою на вечную радость старцам родителям, родившим их.

А из города уже выступало неприятельское войско, гремя в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окружённые несметными слугами. Толстый полковник отдавал приказы. И стали наступать они тесно на козацкие таборы, грозя, нацеливаясь пищалями¹, сверкая очами и блеща медными доспехами. Как только увидели козаки, что подошли они на ружейный выстрел, все разом грянули в семипядные пищали, и, не перерывая, все палили они из пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в непрерывный гул; дымом затянуло всё поле, а запорожцы всё палили, не переводя духу: задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на неприятеля, не могшего понять, как стреляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великим дымом, обнявшим то и другое воинство, не видно было, как то одного, то другого не ставало в рядах; но чувствовали ляхи, что густо летели пули и жарко становилось дело; и когда попятились назад, чтобы посторониться от дыма и оглядеться, то многих недосчитались в рядах своих. А у козаков, может быть, другой-третий был убит на всю сотню. И всё продолжали палить козаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. [...]

[...] И рванулись снова козаки так, как бы и потерь никаких не терпели. Уже три только куренных атамана осталось в живых. Червонели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из козацких и вражьих тел. Взглянул Тарас на небо, а уж по небу потянулась вереница кречетов. Ну, будет кому-то пожива! А уж там подняли на копьё Метельцю. Уже голова другого Пысаренка, завертевшись, захлопала очами. Уже подломился и бухнулся о землю начетверо изрубленный Охрим Гуска. «Ну!» — сказал Тарас и махнул платком. Понял тот знак Остап и ударил сильно, вырвавшись из засады, в конницу. Не выдержали сильного напору ляхи², а он их гнал и нагнал прямо на место, где были убиты в землю копья и обломки копьев. Пошли спотыкаться и падать кони и лететь через их головы ляхи.

¹ *Пища́ли* — название огнестрельного оружия.

² *Лях* — в старину слово, употреблявшееся для обозначения западно-славянских племён — полян (поляков).

А в это время корсунцы, стоявшие последние за возами, увидевши, что уже достанет ружейная пуля, грянули вдруг из самопалов. Все сбились и растерялись ляхи, и приободрились козаки. «Вот и наша победа!» — раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и крылись разбитые ляхи. «Ну, нет, ещё не совсем победа!» — сказал Тарас, глядя на городские ворота, и сказал он правду.

Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все как один бурые аргамачи¹. Впереди других понёсся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели чёрные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понёсся, как молодой борзой пёс, красивейший, быстрейший и младший всех в стае. Атукнул на него опытный охотник — и он понёсся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись набок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорожку, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как?.. Своих?.. Своих, чёртов сын, своих бьёшь?..» Но Андрий не различал, кто пред ним был, свои или другие какие; ничего не видел он. Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри, и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и всё, что создано для безумных поцелуев.

«Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его!» — кричал Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстрейших козаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо наперерез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи. Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспевать за ним. А козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенку, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: пред ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен... Так школьник,

¹ *Аргамачи* — в старину: название породистых лошадей.

неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части; и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв и упадает бессильная ярость. Подобно ему, в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

— Ну, что ж теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи.

Но ничего не знал, что на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

— Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

Андрий был безответен.

— Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребёнок, слез он с коня и остановился ни жив ни мёртв перед Тарасом.

— Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружьё.

Бледен как полотно был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чьё-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мёртвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жён очарованья, всё ещё выражало чудную красоту; чёрные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты.

— Чем бы не козак был? — сказал Тарас, — и станом высокий, и чернобровый, и лицо как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!

— Батько, что ты сделал? Это ты убил его? — сказал подъехавший в это время Остап.

Тарас кивнул головою.

Пристально поглядел мёртвому в очи Остап. Жалко ему стало брата, и проговорил он тут же:

— Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растаскали бы его тела хищные птицы.

— Погребут его и без нас! — сказал Тарас, — будут у него плакальщики и утешницы!

И минуты две думал он, кинуть ли его на расхищенье волкам-сыромахам или пощадить в нём рыцарскую доблесть, которую храбрый должен уважать в ком бы то ни было. Как видит, скачет к нему на коне Голокопытенко:

— Беда, атаман, окрепли ляхи, прибыла на подмогу свежая сила!..

Не успел сказать Голокопытенко, скачет Вовтузенко:

— Беда, атаман, новая валит ещё сила!..

Не успел сказать Вовтузенко, Пысаренко бежит бегом, уже без коня:

— Где ты, батьку? Ищут тебя козаки. Уж убит куренной атаман Невыльчий, Задорожний убит, Черевиченко убит. Но стоят козаки, не хотят умирать, не увидев тебя в очи; хотят, чтобы взглянул ты на них перед смертным часом!

— На коня, Остап! — сказал Тарас и спешил, чтобы застать ещё козаков, чтобы поглядеть ещё на них и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана.

Но не выехали они ещё из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и меж деревьями везде показались всадники с саблями и копьями. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» — кричал Тарас, а сам, схвативши саблю наголо, начал честить первых попавшихся на все боки. А на Остапа уже наскочило вдруг шестеро; но не в добрый час, видно, наскочило: с одного полетела голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьём в ребро третьего; четвёртый был поотважней, уклонился головой от пули, и попала в конскую грудь горячая пуля, — вздыбился бешеный конь, грянулся о землю и задавил под собою всадника. «Добре, сынку!.. Добре, Остап!.. — кричал Тарас. — Вот я следом за тобою!..» А сам всё отбивался от наступавших. Рубится и бьётся Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит всё вперёд на Остапа и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмеро разом. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» Но уж одолевают Остапа; уже один накинул ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. «Эх, Остап, Остап!.. — кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречных и поперечных. — Эх, Остап, Остап!..» Но как тяжёлым камнем хватило его самого в ту же минуту. Всё закружилось и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули пред ним головы, копыта, дым, блески огня, сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Расскажите, как случилось, что Андрий перешёл на сторону врага. Почему, по вашему мнению, Андрий последовал за татаркой, а не стал действовать как-то иначе?
2. Прочитайте в лицах сцену объяснения Андрия с прекрасной полячкой. В чём трагизм изображённой ситуации? Как автор оценивает поступок молодого казака?
3. Почему Андрий стал на путь предательства? Прав ли он, делая выбор в пользу девушки? Обменяйтесь мнениями с товарищами. Аргументируйте свою точку зрения.
4. Подготовьте выразительное чтение речи наказного атамана Тараса Бульбы, произнесённой перед решающим сражением. Какие острые для украинского народа проблемы поднимает он? Приведите слова, в которых наиболее ярко проявляется вера старого казака в боевое товарищество. В чём злободневность сердечных слов Тараса Бульбы?
5. Какие качества проявило в сражениях запорожское товарищество? Приведите примеры. За что сражаются и умирают казаки? Какую роль в боях под Дубно сыграл наказной атаман Тарас Бульба?
6. Сопоставьте описания Остапа и Андрия в бою. С помощью каких образительно-выразительных средств языка характеризует автор своих героев? Приведите примеры.
7. Почему Тарас Бульба убивает своего сына Андрия? Дайте оценку поступку старого казака.
8. Украинская исследовательница Э. В. Кирилюк утверждает, что поступок Тараса не «придуман» автором, а вытекает из логики развития характера этого героя, его поведение «во всех проявлениях обусловлено особенностями его индивидуальности и тех обстоятельств, в которых он действует. Любое другое решение противоречило бы характеру, разрушало бы образ. Гоголь показал трагизм, безысходность ситуации». А вы как считаете, мог ли Тарас поступить иначе? Аргументируйте свой ответ.
9. Внимательно рассмотрите иллюстрации украинского художника Василя Лопаты к повести. Проследите, с помощью каких деталей художник подчёркивает украинский колорит произведения Н. В. Гоголя.

XI

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народ валил туда со всех сторон. В тогдашний грубый век это составляло одно из занимательнейших зрелищ не только для черни, но и для высших классов. Множество старух, самых набожных, множество молодых девушек и женщин, самых трусливых, которым после всю ночь грезилась окровавленные трупы, которые кричали спросонья так громко, как только может крикнуть пьяный гусар, не пропускали, однако же, случая полюбопытствовать.

[...] Толпа вдруг зашумела, и со всех сторон раздались голоса: «Ведут... ведут!.. козаки!..»

Они шли с открытыми головами, с длинными чубами; бороды у них были отпущены. Они шли не боязливо, не угрюмо, но с какою-то тихою горделивостью; их платья из дорогого сукна изнашивались и болтались на них ветхими лоскутьями; они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шёл Остап.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел на него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжёлую чашу. Он глянул на своих, поднял руку вверх и произнёс громко:

— Дай же, Боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!

После этого он приблизился к эшафоту¹.

— Добре, сынку, добре! — сказал тихо Бульба и уставил в землю свою седую голову.

Палач сдёрнул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки. и... Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вёл ещё кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества. Напрасно некоторые, немногие, бывшие исключениями из века, являлись противниками сих ужасных мер. Напрасно король и многие рыцари, просветлённые умом и душой, представляли, что подобная жестокость наказаний может только разжечь мщение козацкой нации. Но власть короля и умных мнений была ничто перед беспорядком и дерзкой волею государственных магнатов, которые своею необдуманностью, непостижимым отсутствием всякой дальновидности, детским самолюбием

¹ Эшафот — сооружение для проведения казней.

и ничтожною гордостью превратили сейм¹ в сатиру на правление. Остап выносил терзания и пытки, как исполин². Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их послышался среди мёртвой толпы отдалёнными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!»

Но когда подвели его к последним смертным мукам, — казалось, как будто стала подаваться его сила. И повёл он очами вокруг себя: боже, все неведомые, все чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушения слабой матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя в белые груди; хотел бы он теперь увидеть твёрдого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи:

— Батько! где ты! Слышишь ли ты?

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул.

Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа.

Янкель побледнел как смерть, и когда всадники немного отделились от него, он со страхом оборотился назад, чтобы взглянуть на Тараса; но Тараса уже возле него не было: его и след простыл.

XII

Отыскался след Тарасов. Сто двадцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украины. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивший на добычу или на угон за татарами. Нет, поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, — поднялась отмстить за посмеянье прав своих, за позорное унижение своих нравов, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унию³. [...]

«Это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапу!» — приговаривал только Тарас. И такие поминки по Остапу отправлял он в каждом

¹ *Сейм* — историческое название шляхетского представительного собрания в Королевстве Польском, позднее также в Великом княжестве Литовском.

² *Исполин* — человек очень высокого роста, крупного телосложения.

³ *Уния* — союз (общность) государств, возглавляемый одним монархом.

селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше, чем обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили козаки просёлочными дорогами от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали казаков. Но Потоцкий на сей раз был достоин возложенного поручения; неутомимо преследовал он их и настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для роздыха оставленную развалившуюся крепость.

Над самой кручей у Днестра-реки виднелась она своим оборванным валом и своими развалившимися останками стен. Щебнем и разбитым кирпичом усеяна была верхушка утёса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то, с двух сторон, прилегающих к полю, обступил его коронный гетьман¹ Потоцкий. Четыре дни бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и камнями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробились было уже козаки, и, может быть, ещё раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьи́м ляхам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную сопутницу на морях, и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки². «Эх, старость, старость!» — сказал он, и заплакал дебели́ый старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «Попалась ворона! — кричали ляхи. — Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать». И присудили, с гетьманского разрешенья, спечь его живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздём прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отовсюду был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костёр. Но не на костёр глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки: ему с высоты всё было видно как на ладони.

— Занимайте, хлопцы, занимайте скорее, — кричал он, — горку, что за лесом: туда не подступят они!

Но ветер не донёс его слов.

¹ Н. В. Гоголь использует украинский вариант написания этого слова.

² *Гайдю́ки* — вооружённые повстанцы.

— Вот, пропадут, пропадут ни за что! — говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал:

— К берегу! к берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козаками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который переверотил всё в глазах его.

[...] Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли вёслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Что, взяли, чёртовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Постойте же, придёт время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чувт дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилаь ему!

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Немалая река Днестр, и много на ней заводьев, речных густых камышей, отмелей и глубоководных мест; блестит речное зеркало, оглашённое звонким ячаньем лебедей, и гордый гоголь¹ быстро несётся по нём, и много куликов², краснозобых курухтанов и всяких иных птиц в тростниках и на побережьях. Козаки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно гребли вёслами, осторожно минули отмели, всполошивая подымавшихся птиц, и говорили про своего атамана.

*Евгений Кибрик.
Казнь Тараса Бульбы
(1943)*

¹ *Гбгаль* — птица семейства утиных.

² *Кулик*, *курухтан* — разновидность прибрежной птицы.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Прочитайте описание пленных запорожцев, идущих на казнь. Прокомментируйте прочитанное.
2. Как ведёт себя Остап на лобном месте? Почему в свой последний час он вспоминает отца и обращается к нему? А кого перед смертью вспоминал его брат Андрий? Прокомментируйте это.
3. Прекратили ли Тарас свою борьбу после гибели сыновей? За что борется старый казак? Обоснуйте свой ответ.
4. Расскажите историю борьбы с врагом и пленения Тараса. Почему для него так важно было найти люльку?
5. Выразительно прочитайте сцену казни Тараса Бульбы. Как проявил себя старый казак в этой трагической ситуации?
6. Украинская исследовательница литературы В. И. Мацапура утверждает: *«в том, что украинский казак прославляет “товарищество” в русской земле, нет ничего нелогичного. Гоголевское слово “русский” не следует понимать в его современном значении. В контексте повести о прошлом Украины, об украинском казачестве, написанной со знанием украинского фольклора и украинской истории, слово это приобретает условный характер, является особенностью представлений писателя о запорожцах и Запорожской Сечи»*. Прокомментируйте это высказывание.

Читателю XXI столетия на заметку

Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» надёжно вошла в сокровищницу мировой литературы. Ещё при жизни писателя появились многочисленные переводы произведения на европейские языки. Так, в 1845 г. книга была издана на французском языке в переводе Луи Виардо при участии русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Вскоре повесть появилась в немецком, чешском, датском переводах.

В 1850 г. благодаря переводческой деятельности Петра Гловацкого гоголевские герои заговорили на польском и украинском языках. Такой была дорога к дому «Тараса Бульбы».

Диалог искусств

«Тарас Бульба» нашёл своё воплощение и в музыкальном искусстве. Особой популярностью пользуется опера известного украинского композитора **Николая Васильевича Лысенко** «Тарас Бульба». Созданная ещё в 1890 году, она с успехом идёт на сценах современных театров.

К экранизации этого произведения обращались немецкие, английские, чешские, французские, итальянские, американские и, конечно же, российские и украинские кинематографисты.

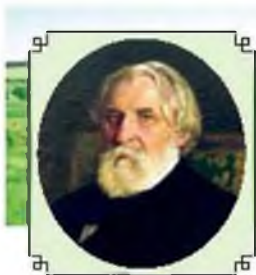
А начиная с 1991 года, под стенами Дубенского замка в Ровенской области ежегодно проводится рок-фестиваль «**“Тарас Бульба”**: Фестиваль впертого духу».

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ

1. Назовите приметы «бранного, трудного времени», запечатлённого на страницах произведения.
2. Докажите, что данное произведение является героической повестью.
3. Составьте план повести и сжато перескажите сюжет произведения.
4. Определите тему повести «Тарас Бульба»:
 - а) повествование о семье Тараса Бульбы;
 - б) описание быта и нравов Запорожской Сечи;
 - в) прославление военного товарищества, героической борьбы запорожских казаков за свою землю.

5. Раскройте, какие черты характера главного героя проявляются в следующих эпизодах: скорого отъезда с сыновьями на Сечь; казни Андрия; присутствия на казни Остапа; в сцене собственной гибели.
6. Опишите, каким вы представляете Тараса Бульбу. Подумайте, почему Н. В. Гоголь не даёт нам подробный портрет главного героя.
7. Опираясь на текст, дайте характеристику Тарасу Бульбе. Какие приёмы создания характера героя использует автор? Что движет поведением Тараса на протяжении всей повести?
8. Составьте план сравнительной характеристики Остапа и Андрия.
9. Переводя повесть «Тарас Бульба» на украинский язык, Николай Садовский меняет название «Русская земля» на «Козацька Земля». Как вы считаете, правомерен ли такой перевод? Аргументируйте свою точку зрения.
10. Проследите, как в повести (в описаниях природы, быта, одежды, в поступках героев, изображённых событиях, монологах героев, авторских раздумьях) выражено исконное стремление украинского народа к свободе.
11. Самостоятельно перечитайте ключевые эпизоды повести. Какую роль в повествовании они играют? Определите авторское отношение к изображаемому.
12. Подготовьте выразительное чтение наизусть одного из отрывков повести (описание степи (*глава II*), речь Тараса о товариществе (*глава IX*), описание гибели Тараса Бульбы (*глава XII*)). Обоснуйте свой выбор.
13. Многие годы составители школьных программ по литературе спорят о том, стоит ли включать повесть Гоголя в обязательное изучение. Выскажите своё мнение.
14. В малых группах проведите самостоятельное исследование на одну из тем:
«Изображение исторического прошлого Украины в произведениях Н. В. Гоголя "Тарас Бульба" и И. Франко "Захар Беркут"»;
«Поэтизация народного подвига в произведениях Н. В. Гоголя "Тарас Бульба" и И. С. Нечуй-Левицкого "Запорожці"»;
«Украинские народные песни и думы и повесть Н. В. Гоголя "Тарас Бульба"».
О результатах исследования расскажите в классе.
15. Подготовьте виртуальную экскурсию «Исторические памятники Украины на страницах повести "Тарас Бульба"».
16. Раскройте значение повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» для украинского народа и его культуры.

**Иван Сергеевич
ТУРГЕНЕВ**
(1818–1883)

Острый и тонкий наблюдатель, точный до мелочей, он рисует своих героев как поэт и живописец. Ему одинаково интересны как их страсти, так и черты их лица...

Проспер Мериме, французский писатель

ЖИВОПИСЕЦ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ

Великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева по праву называют живописцем крестьянской жизни. Как отметил Лев Толстой, Тургенев «сумел в эпоху крепостничества осветить крестьянскую жизнь и оттенить её поэтические стороны», увидеть в русском народе «больше доброго, чем дурного».

Родился Иван Сергеевич **28 октября (9 ноября) 1818 г.** в городе Орле в родовитой дворянской семье. Его детство прошло в одном из самых красивых уголков средней полосы России — Спасском-Лутовинове, имени, расположенном недалеко от Орла и принадлежавшем его матери. Варвара Петровна была очень богатой помещицей: она владела не только усадьбой с большим домом и роскошным садом, но и ещё несколькими имениями, а также тысячью крепостных крестьян. Будучи жестокой и своевольной барыней, она превратила жизнь этих невинных людей в настоящий ад. Варвара Петровна была чрезмерно строга и со своими детьми. Ужасы, пережитые в родном доме, остались для Тургенева самыми яркими воспоминаниями детства: «Я родился и вырос в атмосфере, где царили подзатыльники, щипки, колотушки, пощёчины... Ненависть к крепостному праву уже тогда жила во мне». Не случайно он ещё в юности решил посвятить себя борьбе с крепостным правом.

Истории из жизни крестьян, обитавших в родном Орловском крае, стали для Тургенева настоящим потрясением. Судьбы многих из них узнаются в персонажах «*Записок охотника*» — первого сборника рассказов писателя, в которых он с любовью повествует о людях из народа и с болью — об их рабском положении крепостных. Один из современников писателя оценил этот сборник как «стройный ряд шападеи, целый батальонный огонь против помещичьего быта».

Почему же автор назвал свой цикл рассказов именно так — «*Записки охотника*»? Во-первых, сам Тургенев страстно любил охоту и с ружьём исходил всю среднюю полосу России. При этом, как истинный художник, он пристально наблюдал за природой, за жизнью обитателей окрестных деревень. Увиденное и пережитое нашло отражение в 25 рассказах сборника. Во-вторых, в каждом из этих произведений повествование ведётся от имени бывалого охотника, который щедро делится с читателями своими наблюдениями, услышанными историями и собственными мыслями.

Героями «*Записок охотника*» являются обычные крестьяне, многие из которых оказываются яркими и духовно богатыми личностями. Например, это Яков Турок из *рассказа «Певцы»*, который радует окружающих своим прекрасным пением. Или Хорь и Калиныч, поражающие глубиной ума и пониманием прекрасного (*рассказ «Хорь и Калиныч»*). Это и простые крестьянские ребяташки, обладающие незаурядной любознательностью, смелостью и трудолюбием (*рассказ «Бежин луг»*).

Вместе с тем Тургенев показывает и ярких представителей помещиков, которые отличаются, как и мать писателя, жестокостью и деспотизмом. Таким, например, является персонаж с говорящими именем и фамилией Мордарий Аполлонович Стегунов, который с наслаждением ловит звуки порки, доносящиеся из конюшни. Своими рассказами Тургенев подводит читателя к мысли о том, что угнетённые и бесправные крестьяне зачастую оказываются выше их своенравных господ, чья жизнь подчинена прихотям и произволу. Тем самым «*Записки охотника*» служили борьбе с крепостным правом, ведь эти небольшие, но ёмкие истории открывали глаза многим людям России на необходимость такой борьбы.

Сам же автор навсегда запомнил неожиданную встречу на маленькой железнодорожной станции, о которой рассказывал: «Вдруг подходят ко мне двое молодых людей; по костюму и по манерам вроде мещан ли, мастеровых ли. «Позвольте узнать, — спрашивает один из них, — вы будете Иван Сергеевич Тургенев?» — «Я». — «Тот самый, что написал «Записки охотника»?» — «Тот самый...» — Они оба сняли шапки и поклонились мне в пояс. «Кланяемся вам... в знак уважения и благодарности от лица русского народа».

1. Используя материал статьи, расскажите, что вы узнали о детстве Ивана Сергеевича Тургенева.
2. Объясните название сборника рассказов «Записки охотника».
3. Почему этот сборник литературных произведений мог повлиять на борьбу с крепостным правом в России?
4. О чём свидетельствует неожиданная встреча писателя с двумя молодыми людьми?

БЕЖИН ЛУГ

*Из цикла «Записки охотника»
(В сокращении)*

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскалённое, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное¹ — мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится а лиловый её туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, — и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь

¹ *Лучезáрное* — сверкающее, сияющее.

проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, лёгкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределённые, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно вошло на небо, алое сияние стоит недолгое время над потемневшей землёй, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нём вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не ярки; на всём лежит печать какой-то трогательной кротости. В такие дни жар бывает иногда весьма силен, иногда даже «парит» по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и вихри-круговороты — несомненный признак постоянной погоды — высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет польнью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды жelaет земледelec для уборки хлеба...

В такой точно день охотился я однажды за тетеревами в Черномском уезде, Тульской губернии. Я нашёл и настрелял довольно много дичи; наполненный ягдташ¹ немилосердно резал мне плечо; но уже вечерняя заря погасала, и в воздухе, ещё светлом, хотя не озарённом более лучами закатившегося солнца, начинали густеть и разливаться холодные тени, когда я решился наконец вернуться к себе домой. Быстрыми шагами прошёл я длинную «площадь»² кустов, взобрался на холм и, вместо ожидаемой знакомой равнины с дубовым леском направо и низенькой белой церковью в отдалении, увидел совершенно другие, мне неизвестные места. [...]

[...] Я узнал наконец, куда я зашёл. Этот луг славится в наших околотках³ под названием Бежина луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно в ночную пору; ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей, которых принял за гуртовщиков⁴, дожидаться зари. Я благополучно спустился вниз, но не успел выпустить из рук последнюю ухваченную мною ветку, как вдруг две большие, белые, лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Детские звонкие голоса раздались вокруг огня; два-три мальчика быстро

¹ Ягдташ — охотничья сумка для дичи.

² Площадями называются в Орловской губернии большие сплошные массы кустов. (Прим. И. С. Тургенева.)

³ Околоток — окрестность, соседние места.

⁴ Гуртовщики — хозяева и погонщики гуртов; гурт — стадо скота, которое гонят на продажу.

поднялись с земли. Я откликнулся на их вопросительные крики. Они подбежали ко мне, отозвали тотчас собак, которых особенно поразило появление моей Дианки, и я подошёл к ним.

Я ошибся, приняв людей, сидевших вокруг тех огней, за гуртовщиков. Это просто были крестьянские ребяташки из соседних деревень, которые стерегли табун. В жаркую летнюю пору лошадей выгоняют у нас на ночь кормиться в поле: днём мухи и оводы не дали бы им покоя. Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун — большой праздник для крестьянских мальчиков. Сидя без шапок и в старых полушубках на самых бойких клячонках, мчатся они с весёлым гиканьем и криком, болтая руками и ногами, высоко подпрыгивают, звонко хохочут. Лёгкая пыль жёлтым столбом поднимается и несётся по дороге; далеко разносится дружный топот, лошади бегут, наострив уши; впереди всех, задравши хвост и беспрестанно меняя ноги, скачет какой-нибудь рыжий космач, с репейником в спутанной гриве.

Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилёг под обглоданный кустик и стал глядеть кругом. Картина была чудесная: около огней дрожало и как будто замирало, упираясь в темноту, круглое красноватое отражение; пламя, вспыхивая, изредка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкий язык света лизнёт голые сучья лозника и разом исчезнет; острые, длинные тени, врываясь на мгновенье, в свою очередь, добежали до самых огоньков: мрак боролся со светом. Иногда, когда пламя горело слабее и кружок света суживался, из надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнедая, с извилистой проточиной¹, или вся белая, внимательно и тупо смотрела на нас, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчас скрывалась. Только слышно было, как она продолжала жевать и отфыркивалась. Из освещённого места трудно разглядеть, что делается в потёмках, и потому вблизи всё казалось задёрнутым почти чёрной завесой; но далее к небосклону длинными пятнами смутно виднелись холмы и леса. Тёмное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи. Кругом не слышалось почти никакого шума... Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснёт большая рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

¹ *Прото́чина* — здесь: узкая полоса белой шерсти со лба к верхней губе.

Мальчики сидели вокруг них; тут же сидели и те две собаки, которым так было захотелось меня съесть. Они ещё долго не могли примириться с моим присутствием и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изредка рычали с необыкновенным чувством собственного достоинства; сперва рычали, а потом слегка визжали, как бы сожалея о невозможности исполнить своё желание. Всех мальчиков было пять: Федя, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня. (Из их разговоров я узнал их имена и намерен теперь же познакомить с ними читателя.)

Первому, старшему из всех, Феде, вы бы дали лет четырнадцать. Это был стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и постоянной полувесёлой, полурассеянной улыбкой. Он принадлежал, по всем приметам, к богатой семье и выехал-то в поле не по нужде, а так, для забавы. На нём была пёстрая ситцевая рубаха с жёлтой каёмкой: небольшой новый армячок, надетый внакидку, чуть держался на его узеньких плечиках; на голубеньком поясе висел гребешок. Сапоги его с низкими голенищами были точно его сапоги — не отцовские. У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклочённые, чёрные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот большой, но правильный, вся голова огромная, как говорится, с пивной котёл, тело приземистое, неуклюжее. Малый был неказистый, — что и говорить! — а всё-таки он мне понравился: глядел он очень умно и прямо, да и в голосе у него звучала сила. Одеждой своей он щеголять не мог: вся она состояла из простой замашной рубахи¹ да из заплатанных портов. Лицо третьего, Ильюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслеповатое, оно выражало какую-то тупую, болезненную заботливость; сжатые губы его не шевелились, сдвинутые брови не расходились — он словно всё щурился от огня. Его жёлтые, почти белые волосы торчали острыми косицами из-под низенькой войлочной шапочки, которую он обеими руками то и дело надвигал себе на уши. На нём были новые лапти и онучи²; толстая верёвка, три раза перевитая вокруг стана, тщательно стягивала его опрятную чёрную свитку³. И ему и Павлуше на вид было не более двенадцати лет. Четвёртый, Костя, мальчик лет десяти, возбуждал моё любопытство своим задумчивым и печальным взором. Всё лицо его было невелико, худо, в веснушках, книзу заострено, как у белки; губы едва было можно различить; но странное впечатление производили его большие, чёрные,

¹ *Замашная рубаха* — рубаха из замашки (холста).

² *Онучи* — портянки, обмотки для ног под сапог или лапоть.

³ *Свитка* — верхняя крестьянская одежда.

жидким блеском блестящие глаза: они, казалось, хотели что-то высказать, для чего на языке, — на его языке по крайней мере, — не было слов. Он был маленького роста, сложения тщедушного и одет довольно бедно. Последнего, Ваню, я сперва было и не заметил: он лежал на земле, смирённо прикорнувшись под угловатую рогожу, и только изредка выставлял из-под неё свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лет семь. [...]

Сперва они покалякали о том и сём, о завтрашних работах, о лошадях; но вдруг Федя обратился к Ильюше и, как бы возобновляя прерванный разговор, спросил его:

— Ну, и что ж ты, так и видел домового?

— Нет, я его не видал, да его и видеть нельзя, — отвечал Ильюша сиплым и слабым голосом, звук которого как нельзя более соответствовал выражению его лица, — а слышал... Да и не я один.

— А он у вас где водится? — спросил Павлуша.

— В старой рольне¹.

— А разве вы на фабрику ходите?

— Как же, ходим. Мы с братом, с Авдюшкой, в лисовщиках состоим².

— Вишь ты — фабричные!..

— Ну, так как же ты его слышал? — спросил Федя.

— А вот как. Пришлось нам с братом Авдюшкой, да с Фёдором Михеевским, да с Ивашкой Косым, да с другим Ивашкой, что с Красных Холмов, да ещё с Ивашкой Сухоруковым, да ещё были там другие ребята; всех было нас ребятке человек десять — как есть вся смена; но а пришлось нам в рольне заночевать, то есть не то чтобы так пришлось, а Назаров, надсмотрщик, запретил; говорит: «Что, мол, вам, ребяткам, домой таскаться; завтра работы много, так вы, ребятки, домой не ходите». Вот мы остались и лежим все вместе, и зачал Авдюшка говорить, что, мол, ребята, ну, как домовой придёт?.. И не успел он, Авдей-то, проговорить, как вдруг кто-то над головами у нас и заходил; но а лежали-то мы внизу, а заходил он наверху, у колеса. Слышим мы: ходит, доски под ним так и гнутся, так и трещат; вот прошёл он через наши головы; вода вдруг по колесу как зашумит, зашумит; застучит, застучит колесо, завертит-ся; но а заставки у дворца-то³ спущены. Дивимся мы: кто ж это их

¹ «Рольней» или «черпальной» на бумажных фабриках называется то строение, где в чанах вычерпывают бумагу. Оно находится у самой плотины, под колесом. (Прим. И. С. Тургенева.)

² «Лисовщики» гладят, скоблят бумагу. (Прим. И. С. Тургенева.)

³ «Дворцом» называется у нас место, по которому вода бежит на колесо. (Прим. И. С. Тургенева.)

поднял, что вода пошла; однако колесо повертелось, повертелось, да и стало. Пошёл тот опять к двери наверху да по лестнице спускаться стал, и этак слушается, словно не торопится; ступеньки под ним так даже и стонут... Ну, подошёл тот к нашей двери, подождал, подождал — дверь вдруг вся так и распахнулась. Всполохнулись мы, смотрим — ничего... Вдруг, глядь, у одного чана форма¹ зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этак по воздуху, словно кто ею полоскал, да и опять на место. Потом у другого чана крюк снялся с гвоздя да опять на гвоздь; потом будто кто-то к двери пошёл да вдруг как закашляет, как заперхает, словно овца какая, да зычно так... Мы все так ворохом и свалились, друг под дружку полезли... Уж как же мы напужались о ту пору!

— Вишь как! — промолвил Павел. — Чего ж он раскашлялся?

— Не знаю; может, от сырости.

Все помолчали.

— А что, — спросил Федя, — картошки сварились?

Павлуша пощупал их.

— Нет, ещё сыры... Вишь, плеснула, — прибавил он, повернув лицо в направлении реки, — должно быть, щука... А вон звёздочка покатилась.

— Нет, я вам что, братцы, расскажу, — заговорил Костя тонким голоском, — послушайте-ка, намеднись² что тятя при мне рассказывал.

— Ну, слушаем, — с покровительствующим видом сказал Федя.

— Вы ведь знаете Гаврилу, слободского плотника?

— Ну да; знаем.

— А знаете ли, отчего он такой всё невесёлый, всё молчит, знаете? Вот отчего он такой невесёлый. Пошёл он раз, тятенька говорил, — пошёл он, братцы мои, в лес по орехи. Вот пошёл он в лес по орехи, да и заблудился; зашёл — Бог знает куда зашёл. Уж он ходил, ходил, братцы мои, — нет! не может найти дороги; а уж ночь на дворе. Вот и присел он под дерево; давай, мол, дождусь утра, — присел и задремал. Вот задремал и слышит вдруг, кто-то его зовёт. Смотрит — никого. Он опять задремал — опять зовут. Он опять глядит, глядит: а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовёт, а сама помирает со смеху, смеётся... А месяц-то светит сильно, так сильно, явственно светит месяц — всё, братцы мои, видно. Вот зовёт она его, и такая вся сама светленькая, беленькая сидит на ветке, словно плотичка какая или пескарь, — а то вот ещё карась бывает такой белесоватый, серебряный... Гаврила-то плотник так и

¹ Сетка, которой бумагу черпают. (Прим. И. С. Тургенева.)

² Намеднись — совсем недавно.

обмер, братцы мои, а она знай хохочет да его всё к себе этак рукой зовёт. Уж Гаврила было и встал, послушался было русалки, братцы мои, да, зная, Господь его надоумил: положил-таки на себя крест... А уж как ему было трудно крест-то класть, братцы мои; говорит, рука просто как каменная, не ворочается... Ах ты этакой, а!.. Вот как положил он крест, братцы мои, русалочка-то и смеяться перестала, да вдруг как заплачет... Плачет она, братцы мои, глаза волосами утирает, а волоса у неё зелёные, что твоя конопля. Вот поглядел, поглядел на неё Гаврила, да и стал её спрашивать: «Чего ты, лесное зелье, плачешь?» А русалка-то как взговорит ему: «Не креститься бы тебе, говорит, человеке, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней». Тут она, братцы мои, пропала, а Гавриле тотчас и понятственно стало, как ему из лесу, то есть, выйти... А только с тех пор он всё невесёлый ходит. [...]

[...] Уже более трёх часов протекло с тех пор, как я присоседился к мальчикам. Месяц взошёл наконец; я его не тотчас заметил: так он был мал и узок. Эта безлунная ночь, казалось, была всё так же великолепна, как и прежде... Но уже склонились к тёмному краю земли многие звёзды, ещё недавно высоко стоявшие на небе; всё совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает всё только к утру: всё спало крепким, неподвижным, передрагссветным сном. В воздухе уже не так сильно пахло, — в нём снова как будто разливалась сырость... Недолги летние ночи!.. Разговор мальчиков угасал вместе с огнями... Собаки даже дремали; лошади, сколько я мог различить, при чуть брезжущем, слабо льющемся свете звёзд, тоже лежали, понутив головы. Сладкое забытье напало на меня; оно перешло в дремоту.

Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро начиналось. Ещё нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке. Всё стало видно, хотя смутно видно, кругом. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звёзды то мигали слабым светом, то исчезали: отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкий, ранний ветерок уже пошёл бродить и порхать над землёю. Тело моё ответило ему лёгкой, весёлой дрожью. Я проворно встал и подошёл к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг тлеющего костра; один Павел приподнялся до половины и пристально поглядел на меня.

Я кивнул ему головой и пошёл восвояси вдоль задымившейся реки. Не успел я отойти двух вёрст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди, по зазеленевшимся холмам, от лесу до лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим, обгагрённым кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под ре-

деющего тумана, — полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света... Всё зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принесли звуки колокола, и вдруг мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувший табун...

Я, к сожалению, должен прибавить, что в том же году Павла не стало. Он не утонул: он убили, упав с лошади. Жаль, славный был парень.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какое впечатление произвело на вас описание природы в начале рассказа? С помощью каких художественных средств языка автор рисует «прекрасный июльский день»?
2. Расскажите, как охотник оказался в обществе крестьянских ребятишек.
3. Выразительно прочитайте отрывок от слов «Я сказал мальчикам, что заблудился...» до слов «Одни огоньки тихонько потрескивали».
4. Словесно нарисуйте картину, которую вы представили.
5. Подготовьтесь к викторине «Узнай персонажа по его портрету». Для этого составьте пять вопросов о внешности каждого из мальчиков.
6. Проследите по тексту, как автор выражает своё отношение к детям.
7. Вспомните, о чём говорили у костра мальчики. Какая из историй вам показалась наиболее интересной?
8. Откуда мальчики узнали то, о чём рассказывали?
9. Объясните, почему эти истории называют поверьями. Что, на ваш взгляд, способствовало рождению и жизни народных поверий?
10. Расскажите, как во время ночного разговора раскрываются характеры мальчиков.
11. Кто из персонажей вызвал у вас наибольшую симпатию? Почему?
12. Найдите в конце рассказа и выразительно прочитайте описание природы. Благодаря чему читатель представляет картины царственной ночи и румяного утра?
13. Составьте простой план к рассказу.

Читателю XXI столетия на заметку

Иван Сергеевич Тургенев поддерживал дружеские связи с **Тарасом Шевченко**. Он также высоко ценил рассказы **Марко Вовчок**, перевёл их на русский язык и подготовил к печати со своим предисловием. С большим уважением к Тургеневу относился **Иван Франко**, который переводил его произведения на украинский язык. Особенно он восторгался «Записками охотника». Тургеневские произведения переводили также **Леся Украинка** и **Максим Рыльский**.

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ В РАЗДЕЛЕ «ИЗ ЗОЛОТОГО ФОНДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

1. Расскажите, что объединяет произведения, прочитанные в этом разделе.
2. Внимательно перечитайте и прокомментируйте эпитафии к этому разделу.
3. Прочитайте наизусть одно из произведений А. С. Пушкина.
4. Продолжите предложение: «Композиция художественного произведения — это...». Раскройте особенности композиции одной из повестей А. С. Пушкина (*на ваш выбор*).
5. Согласны ли вы с утверждением А. С. Пушкина: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы»? А какое впечатление на вас произвёл Пушкин-прозаик?
6. Какое из произведений А. С. Пушкина связано с библейской легендой о блудном сыне?
7. Русская поэтесса Анна Ахматова утверждала, что Пушкин «словно подсказывает судьбу, как спасти его, поясняя, что нет безвыходных положений, и пусть будет счастье, когда его не может быть...». К какому пушкинскому произведению относятся эти слова? Согласны ли вы с такой точкой зрения? Аргументируйте свой ответ.
8. Напишите отзыв на одну из прочитанных повестей А. С. Пушкина.
9. Исследователь творчества М. Ю. Лермонтова Иракий Андроников отмечал: «... есть книги, которые содержат самый достоверный лермонтовский портрет, самую глубокую и самую верную лермонтовскую характеристику. Это — его

сочинения, в которых он отразился весь, каким был в действительности и каким хотел быть!... Какой портрет Лермонтова вы создали, прочитав его произведения, представленные в этом разделе?

10. Какое слово зашифровано в ребусе? Объясните, что оно означает.

Е=Э ,, Я=А ,

11. Докажите, что «Мцыри» М. Ю. Лермонтова — это поэма.
12. Раскройте понятие лирического монолога. Приведите примеры из поэмы «Мцыри».
13. Проведите самостоятельное исследование и узнайте, что объединяет «кавказские» произведения М. Ю. Лермонтова и поэму Т. Г. Шевченко «Кавказ» (1845). О результатах проведённой исследовательской работы расскажите в классе.
14. Прокомментируйте слова Лины Костенко: *«Звичайно ж, Гоголь — це російський письменник, але це — український геній»*.
15. Прокомментируйте утверждение, что Тарас Бульба — это характер, рождённый временем.
16. Подготовьте сообщение о произведениях различных видов искусства, созданных по мотивам повести «Тарас Бульба».
17. В чём заключается неумирающая сила «Тараса Бульбы»? Чему учит нас сегодня великий соотечественник Николай Гоголь?
18. Докажите, что И. С. Тургенев симпатизирует крестьянским детям (по рассказу «Бежин луг»).
19. Можно ли И. С. Тургенева назвать мастером портрета и пейзажа? Аргументируйте свой ответ примерами из прочитанного произведения.
20. Как вы думаете, почему прочитанные произведения вошли в золотой фонд русской литературы XIX века? Свой ответ обоснуйте.

ПОСТИГАЯ СУТЬ РАССКАЗА И НОВЕЛЛЫ

Центральная мысль **рассказа** представлена во всей своей чистоте, ибо не замутнена ничем посторонним; такой результат недостижим для романа.

Эдгар По, американский писатель

Новелла должна строиться на основе какого-нибудь противоречия, несовпадения, ошибки, контраста и т. д. [...] Как метательный снаряд, брошенный с аэроплана, она должна стремительно лететь книзу, чтобы со всей силой ударить своим остриём в нужную точку.

Борис Эйхенбаум, российский литературовед

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✓ **открыть для себя** произведения Антона Павловича Чехова, О. Генри, Артура Конан Дойла, Джеймса Олдриджа;
- ✓ **развить свои знания** о рассказе, портрете и пейзаже;
- ✓ **узнать**, для чего служат антитеза и художественная деталь;
- ✓ **понять**, что такое новелла и чем она отличается от рассказа;
- ✓ **раскрыть** понятие «цикл произведений»;
- ✓ **высказывать собственное мнение** о прочитанных произведениях.

**Антон Павлович
ЧЕХОВ**
(1860–1904)

Я хотел честно сказать людям: «Посмотрите на себя, посмотрите, как вы все плохо и скучно живёте!». Самое главное, чтобы люди это поняли, а когда они это поймут, они непременно создадут себе другую, лучшую жизнь...

Антон Чехов

«ЕГО ВРАГОМ БЫЛА ПОШЛОСТЬ»

Всего 44 года отвела судьба русскому писателю Антону Павловичу Чехову. Когда ему нужно было сообщить о себе какие-то сведения, он обычно ограничивался сухими фактами и датами, и тогда возникал вопрос, какие жизненные обстоятельства повлияли на становление этого великого мастера слова, искусство которого было направлено против пошлости и лжи, самодовольства и высокомерия.

«Когда я теперь вспоминаю о своём детстве, то оно представляется мне довольно мрачным... Знаете, когда бывало я и два мои брата среди церкви пели... на нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками», — напишет уже в зрелом возрасте Антон Павлович. Выросший в суровых условиях крепостного права, отец Чехова, Павел Егорович, считал строгость единственным средством воспитания в семье. Изнуряя детей непосильным трудом, он искренне верил, что заботится об их благе. Он заставлял своих детей петь в церковном хоре, участвовать во всех службах. Ещё одной обязанностью детей в семье была работа в торговой лавке, владельцем которой был их отец.

Павел Егорович, будучи не только очень строгим, но и необыкновенно талантливым человеком (он играл на скрипке,

пел, руководил церковным хором, рисовал красками), понимал, как важно получить хорошее образование. Поэтому все дети Чеховых учились в гимназии, занимались музыкой, изучали иностранные языки. Друг семьи, известный художник Исаак Левитан, однажды воскликнул: «Какие же вы, Чеховы, все талантливые». Действительно, природа щедро одарила всех детей в семье бывшего крепостного Павла Егоровича Чехова: Александр и Михаил стали литераторами, Николай и Мария — художниками, Иван оставил добрую память, будучи учителем. Но, конечно же, главной гордостью семьи Чеховых стал Антон.

Ещё в детстве он любил разыгрывать вместе с братьями различные сценки, позже принимал участие в любительских спектаклях, часто сам сочинял для них сценарии, а со временем стал публиковать свои произведения в литературных журналах. С начала 80-х годов XIX столетия в печати начали регулярно появляться забавные сценки, подписанные то ласковым псевдонимом Антоша Чехонте, то неожиданным *«Брат моего брата»*. Автором всех этих произведений был студент-медик Антон Чехов. Тогда он ещё не знал, что его произведения будут читать не только в самых отдалённых уголках Родины, но и на других континентах, что говорить с читателями он будет не годы и не десятилетия, а целые столетия.

«Главное — перевернуть жизнь», — скажет Антон Павлович в своём последнем рассказе, опубликованном в декабре 1903 года. Он смолоду воспитывал в себе чувство чести: не предавать, не заискивать перед сильными, не сетовать на невзгоды судьбы и верить в своё призвание. Писатель потому и верил в людей, в возможность их улучшения, что ещё юношей провёл этот опыт на себе. Антон не стал рабом своих прихотей и искушений, а постиг мудрость преодоления собственных слабостей.

Попробовать «перевёрнуть свою жизнь», стать хотя бы немного лучше и добрее, отказаться от некоторых своих слабостей и недостатков сможете и вы, открывая для себя мир чеховских произведений.

1. Какие сведения о жизни и творчестве А. П. Чехова произвели на вас особое впечатление?
2. Расскажите, что вам известно о детстве писателя.
3. Объясните, как вы понимаете высказывание А. П. Чехова: «Главное — перевернуть жизнь».
4. Воспользовавшись информацией, представленной в рубриках «У литературной карты мира» и «Читателю XXI столетия на заметку», а также другими источниками, подготовьте на выбор: мультимедийную презентацию или сообщение на тему «Чехов и Украина».

У литературной карты мира

Крымская земля занимает особое место в жизни и творчестве А. П. Чехова. Даже на короткое время оказавшись в Ялте, трудно не заметить, как много связано здесь с именем писателя. Это и театр имени А. П. Чехова, и памятник писателю в Приморском парке работы скульптора Г. И. Мотовилова, и гимназия имени А. П. Чехова, и, конечно же, дом-музей, или, как его ещё называют, знаменитая «Белая дача». Пять с лишним лет прожил здесь Антон Павлович. Благодаря стараниям основательницы этого музея, Марии Павловны Чеховой, в доме сохранилось всё так, как это было при жизни писателя. Музеи А. П. Чехова в Украине открыты также в Гурзуфе и на Сумщине.

Читателю XXI столетия на заметку

Творчество А. П. Чехова имеет очень тесные связи с украинской культурой. Писатель знал произведения многих писателей украинской литературы. С особым восхищением он читал поэзию **Тараса Шевченко**.

Ещё при жизни Антона Павловича его произведения стали переводить на украинский язык. Для популяризации творчества А. П. Чехова очень много сделал **Иван Франко**, который высоко ценил произведения русского писателя и даже посвятил ему отдельную статью.

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом¹ и флёр-д'оранжем². Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слёз. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щёголь³! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урождённая Ванценбах... лютеранка⁴... А это сын мой, Нафанаил, ученик III класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом⁵ за то, что ты казённую книжку папироской прожёг, а меня Эфиальтом⁶ за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Дети были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урождённая Ванценбах... лютеранка

Памятник персонажам рассказа
Чехова в Таганроге (2010).
Автор — Давид Бегалов

¹ Херес — сорт виноградного вина.

² Флёр-д'оранж — дорогие духи.

³ Щёголь — любящий наряжаться, нарядно одетый человек.

⁴ Лютеранин — человек, исповедующий лютеранство.

⁵ Герострат — грек, который, чтобы прославить своё имя, в 356 г. до н.э. спалил храм Артемиды в Эфесе.

⁶ Эфиальт — государственный деятель в Древней Греции, который, по легенде, предал своих соотечественников.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живёшь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским ассессором¹ уже второй год и Станислава имею². Жалованье плохое... ну, да Бог с ним! Жена уроки музыки даёт, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведён столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного³ дослужился... Две звезды⁴ имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фронт⁵ и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, ещё более съёживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «Хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

¹ *Коллѣжский ассессор* — гражданский чин невысокого класса в таблице о рангах в дореволюционной России.

² *Станислава имею* — здесь: имеет орден Станислава.

³ *Тайный* (тайный советник) — один из высших гражданских чинов.

⁴ *Звезда* — здесь: орден.

⁵ *Во фронт* — здесь: стать по стойке «смирно».

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какие мысли и чувства вызвало у вас прочитанное?
2. Опишите толстого и тонкого. Какие художественные детали помогают определить положение, занимаемое ими в обществе?
3. В лицах выразительно прочитайте диалог двух старых приятелей. Обратите внимание, как будет меняться интонация толстого и тонкого в первой и второй частях разговора.
4. Определите жанр прочитанного произведения.
5. Проследите, с помощью каких художественных средств создаётся комический эффект в рассказе.
6. Подготовьтесь к инсценизации рассказа в классе.
7. Какие человеческие пороки высмеивает автор в рассказе? Свой ответ аргументируйте.
8. Раскройте смысл названия произведения.
9. Рассмотрите иллюстрацию к произведению. Совпали ли ваши представления о главных действующих лицах с увиденным?
10. Согласны ли вы с утверждением Максима Горького, что «Чехов умел писать так, что словам было тесно, а мыслям просторно»? Обоснуйте свой ответ, опираясь на текст прочитанного рассказа.

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ ОБ АНТИТЕЗЕ. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Читая рассказ А. П. Чехова «Толстый и тонкий», очевидно, вы обратили внимание, что в названии произведения писатель использовал антонимы — слова с противоположным значением. В художественной литературе такой приём называется **антитезой**.

Антитеза (от греческого — *противоположение*) — художественный приём, основанный на контрасте (противопоставлении) отдельных элементов произведения.

В литературном произведении антитеза может проявляться по-разному. В художественном тексте могут противопоставляться не только слова, но и отдельные образы, литературные персонажи, элементы композиции и др.

В рассказе «Толстый и тонкий» А. П. Чехов описывает, какие изменения происходят с главным героем, когда он узнаёт, до какого чина дослужился его старый приятель. Обращая наше внимание, как тонкий *«искривился в широчайшей улыбке»*, а сам при этом весь *«сжёжился, сгорбился, сузился»*, автор предоставляет нам возможность создать эту картину в своём воображении, задуматься над её предназначением.

А. П. Чехов использует такой способ изображения, который позволяет из множества вещей и явлений, описанных в произведении, выделить отдельную выразительную деталь и через неё в концентрированном виде передать авторскую идею произведения. С помощью такой **художественной детали** писатель представляет изображаемую картину, предмет или характер в неповторимой индивидуальности.

Художественная деталь — средство художественного изображения, которое помогает через определённую выразительную подробность представить созданную автором картину, предмет или характер.

Художественная деталь в произведении может присутствовать в речевых, портретных, пейзажных, интерьерных описаниях. Так, например, в рассказе мы видим, как меняется не только внешность, но и речь тонкого, который, обращаясь к толстому, с целью показать своё благоговение стал добавлять к словам звук «с»: «Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с». Такая художественная деталь придаёт особую окраску речи персонажа.

1. Раскройте понятие антитезы. Приведите примеры.
2. Что называется художественной деталью?
3. Расскажите о роли художественной детали в литературном тексте на примере одного из прочитанных произведений.

ХАМЕЛЕОН

Через базарную площадь идёт полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пущай её! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трёх ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубахе и расстёгнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперёд, падает на землю и хватает собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пущай!» Из лавок высываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!.. — говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит выше описанный человек в расстёгнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!» да и самый палец имеет вид знаменья победы. В этом человеке Очумелов узнаёт золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и жёлтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?... Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашляя в кулак. — Насчёт дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пущай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевельну... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдырин, —

обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — кричит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождём... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб соврать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, цыгаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врёшь кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врёт, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пуцай мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городовой. — У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?!.. Где же у вас ум? Попадись такая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городовой. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведёшь её к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашёл и прислал... И скажи, чтобы её не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идёт, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть и бродячая... Истребить, вот и всё.

— Это не наша, — продолжает Прохор. — Это генералова брата, что намеднишь приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми её... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцык этакий...

Прохор зовёт собаку и идёт с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я ещё доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Поделитесь своими впечатлениями о прочитанном.
2. Раскройте смысл названия рассказа.
3. Какими вы представляете участников событий на базарной площади? Словесно нарисуйте их портреты.
4. Проследите, с помощью каких художественных деталей писатель создаёт напряжение в рассказе.
5. Кто такой Очумелов? Проследите по тексту за сменами его настроения. Как это характеризует Очумелова? С какой целью автор использует такую деталь, как «шинель», в создании этого образа? Свой ответ обоснуйте.
6. В чём схожи Очумелов и Хрюкин? Раскройте значение фамилий этих персонажей.
7. Подготовьтесь к выразительному чтению рассказа в лицах. Подумайте, как будет меняться интонация прочтения в зависимости от смены настроений действующих персонажей.
8. От имени одного из участников событий перескажите произведение.
9. Согласны ли вы с тем, что в состоянии «хамелеонства» находятся все участники этой сценки на базарной площади? Обоснуйте свой ответ.

О. ГЕНРИ
(1862–1910)

Необходимо стремиться быть человеком, несмотря на всю жестокость окружающего мира, и это возможно.

О. Генри

«НЕСТИ ДОБРО И РАДОСТЬ ЛЮДЯМ...»

Известному всему миру американскому писателю О. Генри (настоящее имя — Уильям Сидней Пóртер) пришлось пережить много испытаний и лишений. Но несмотря на это, он считал, что одна из самых знаменитых и прекрасных книг в мире — это окружающая нас жизнь.

О. Генри рано лишился матери. Она умерла, когда мальчику было всего три года. Его воспитателями были тётя и бабушка. Семья жила очень бедно, но это не препятствовало маленькому Уильяму часто приносить домой разных животных, и в один из дней стать хозяином сразу девяти прибрлудных кошек.

Благодаря стараниям тётки, которая была учительницей, мальчик получил хорошее образование. Он много читал. Кроме романов о ковбоях, пиратах и сыщиках, он увлекался и серьёзной литературой. Особую любовь у него завоевал увесистый энциклопедический словарь, с которым он не расставался несколько лет и практически выучил наизусть.

Судьба не была благосклонной к будущему писателю. Каких только профессий ему не пришлось поменять: аптекарь и кассир, редактор и чертёжник, продавец и репортёр. Случилось так, что Портер стал жертвой лживого обвинения и в результате судебной ошпбки несколько лет жизни вынужден был провести в тюрьме. Но его сердце не ожесточилось, а в душе сохранилось желание нести добро и радость людям. В часы ночных дежурств аптекарем при тюремной больнице

он писал свои произведения, но подписывать их своей настоящей фамилией не решался. Однажды в одном медицинском справочнике он наткнулся на фамилию знаменитого в то время французского аптекаря О. Анри. Именно её, но в английском варианте О. Генри избрал своим псевдонимом.

В душах миллионов читателей ему удалось создать свой мир, в котором взаимная выручка и человеческое сочувствие соседствуют с доброй улыбкой и оригинальностью. Откройте и вы для себя светлый и искренний «мир О. Генри».

1. Кто такой Уильям Сидней Портер? Что вам известно о его жизни?
2. Какие факты биографии писателя произвели на вас особое впечатление? Обоснуйте свой ответ.
3. Расскажите, как возник литературный псевдоним О. Генри.

ДАРЫ ВОЛХВОВ¹

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было всё. Из них шестьдесят центов монетками по одному центу. За каждую из этих монеток пришлось торговаться с бакалейщиком², зеленщиком³, мясником так, что даже уши горели от безмолвного неодобрения, которое вызывала подобная бережливость. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Единственное, что тут можно было сделать, это хлопнуться на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла и поступила. Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из слёз, вздохов и улыбок, причём вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома проходит все эти стадии, оглядим самый дом. Меблированная квартирка за восемь долларов в неделю. В обстановке не то чтобы вопиющая нищета, но скорее красноречиво молчащая бедность. Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которой ни одному смертному не удалось бы выда-

¹ *Волхвы* — в Евангелии звездочёты и мудрецы, которые пришли в Иерусалим поклониться новорождённому Иисусу и принесли ему в подарок золото, ладан (ароматическая древесная смола) и мирру, благовонный бальзам, мазь, которой умащивали тело покойника, готовя его к погребению. Мирра была принесена новорождённому как дар человеку, которому подлежит умереть.

² *Бакалейщик* — продавец некоторых продовольственных товаров.

³ *Зеленщик* — торговец зеленью.

вить ни звука. К нему присовокуплялась карточка с надписью: «М-р Джеймс Диллингем Юнг». «Диллингем» развернулось во всю длину в недавний период благосостояния, когда обладатель указанного имени получал тридцать долларов в неделю. Теперь, после того, как этот доход понизился до двадцати долларов, буквы в слове «Диллингем» потускнели, словно не на шутку задумавшись: а не сократиться ли им в скромное и неприятзательное «Д»? Но когда мистер Джеймс Диллингем Юнг приходил домой и поднимался к себе на верхний этаж, его неизменно встречал возглас: «Джим!» — и нежные объятия миссис Джеймс Диллингем Юнг, уже представленной вам под именем Деллы. А это, право же, очень мило.

Делла кончила плакать и прошлась пуховкой по щекам. Она теперь стояла у окна и уныло глядела на серую кошку, прогуливавшуюся по серому забору вдоль серого двора. Завтра Рождество, а у неё только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Долгие месяцы она выгадывала буквально каждый цент, и вот всё, чего она достигла. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. С расходами всегда так бывает. Только доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Её Джиму! Сколько радостных часов она провела, придумывая, что бы такое ему подарить к Рождеству. Что-нибудь совсем особенное, редкостное, драгоценное, что-нибудь, хоть чуть-чуть достойное высокой чести принадлежать Джиму.

В простенке между окнами стояло трюмо. Вам никогда не приходилось смотреться в трюмо восьмидолларовой мебелированной квартиры? Очень худой и очень подвижный человек может, наблюдая последовательную смену отражений в его узких створках, составить себе довольно точное представление о собственной внешности. Делле, которая была хрупкого сложения, удалось овладеть этим искусством.

Она вдруг отскочила от окна и бросилась к зеркалу. Глаза её сверкали, но с лица за двадцать секунд сбежали краски. Быстрым движением она вытащила шпильки и распустила волосы.

Надо вам сказать, что у четы Джеймс Диллингем Юнг было два сокровища, составлявших предмет их гордости. Одно — золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду, другое — волосы Деллы. Если бы царица Савская¹ проживала в доме напротив, Делла, помыв голову, непременно просушивала бы у окна распущенные волосы — специально для того, чтобы заставить померкнуть все наряды и украшения её величества. Если бы царь Соломон² служил в том же

¹ Царица Савская — по Библии, владелица многих сокровищ, символ богатства и желания постичь мудрость.

² Царь Соломон — по Библии, мудрый правитель и владелец богатств, символ мудрости и богатства.

доме швейцаром и хранил в подвале все свои богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана — специально для того, чтобы увидеть, как он рвёт на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, блестя и переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спускались ниже колен и плащом окутывали почти всю её фигуру. Но она тотчас же, нервничая и торопясь, принялась снова подбирать их. Потом, словно заколебавшись, с минуту стояла неподвижно, и две или три слезинки упали на ветхий красный ковёр.

Старенький коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову — и, взметнув юбками, сверкнув невысохшими блёстками в глазах, она уже мчалась вниз, на улицу.

Вывеска, у которой она остановилась, гласила: «M-me Sophronie. Всевозможные изделия из волос». Делла взбежала на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух.

— Не купите ли вы мои волосы? — спросила она у мадам.

— Я покупаю волосы, — ответила мадам. — Снимите шляпку, надо посмотреть товар.

Снова заструился каштановый водопад.

— Двадцать долларов, — сказала мадам, привычно взвешивая на руке густую массу.

— Давайте скорее, — сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях — прошу прощенья за избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка для Джима.

Наконец она нашла. Без сомнения, это было создано для Джима, и только для него. Ничего подобного не нашлось в других магазинах, а уж она всё в них перевернула вверх дном. Это была платиновая цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка, пленявшая истинными своими качествами, а не показным блеском, — такими и должны быть все хорошие вещи. Её, пожалуй, даже можно было признать достойной часов. Как только Делла увидела её, она поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как сам Джим. Скромность и достоинство — эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восьмьюдесятью семью центами в кармане. При такой цепочке Джиму в любом обществе не зазорно будет поинтересоваться, который час. Как ни великолепны были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дрянном кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место предусмотрительности и расчёту. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась исправлять разрушения, причинённые великодушием

в сочетании с любовью. А это всегда тягчайший труд. друзья мои, исполинский труд.

Не прошло и сорока минут, как её голова покрылась крутыми мелкими локончиками, которые сделали её удивительно похожей на мальчишку, удравшего с уроков. Она посмотрела на себя в зеркало долгим, внимательным и критическим взглядом.

«Ну, — сказала она себе, — если Джим не убьёт меня сразу, как только взглянет, он решит, что я похожа на хористку с Кони-Айленда¹. Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, раз у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!»

В семь часов кофе был сварен, и раскалённая сковорода стояла на газовой плите, дожидаясь бараньих котлеток.

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стола поближе к входной двери. Вскоре она услышала его шаги внизу на лестнице и на мгновение побледнела. У неё была привычка обращаться к Богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских мелочей, и она торопливо зашептала: — Господи, сделай так, чтобы я ему не разонравилась!

Дверь отворилась, Джим вошёл и закрыл её за собой. У него было худое, озабоченное лицо. Нелёгкое дело в двадцать два года быть обременённым семьёй! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мёрзли без перчаток.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер², учувший перепада. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрёк, ни ужас — ни одного из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на неё, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Делла соскочила со стола и бросилась к нему.

— Джим, милый, — закричала она, — не смотри на меня так! Я остригла волосы и продала их, потому что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к Рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердись, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с Рождеством, Джим, и давай радоваться празднику. Если б ты знал, какой я тебе подарок приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

— Ты остригла волосы? — спросил Джим с напряжением, как будто, несмотря на усиленную работу мозга, он всё ещё не мог осознать этот факт.

— Да, остригла и продала, — сказала Делла. — Но ведь ты меня всё равно будешь любить? Я ведь всё та же, хоть и с короткими волосами.

¹ *Кони-Айленд* — центр развлечений для простого народа в Нью-Йорке.

² *Сеттер* — разговорное название для ряда пород собак.

Джим недоумённо оглядел комнату.

— Так, значит, твоих кос уже нет? — спросил он с бессмысленной настойчивостью.

— Не ищи, ты их не найдёшь, — сказала Делла. — Я же тебе говорю: я их продала — остригла и продала. Сегодня сочельник¹, Джим. Будь со мной поласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать, — продолжала она, и её нежный голос вдруг зазвучал серьёзно, — но никто, никто не мог бы измерить мою любовь к тебе! Жарить котлеты, Джим?

И Джим вышел из оцепенения. Он заключил свою Деллу в объятия. Будем скромны и на несколько секунд займёмся рассмотрением какого-нибудь постороннего предмета. Что больше — восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик или мудрец дадут вам неправильный ответ. Волхвы принесли драгоценные дары, но среди них не было одного. Впрочем, эти туманные намёки будут разъяснены далее.

Джим достал из кармана пальто свёрток и бросил его на стол.

— Не пойми меня ложно, Делл, — сказал он. — Никакая причёска и стрижка не могут заставить меня разлюбить мою девочку. Но разверни этот свёрток, и тогда ты поймёшь, почему я в первую минуту немножко оторопел.

Белые проворные пальчики рванули бечёвку и бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же — увь! — чисто по-женски сменившийся потоком слёз и стонов, так что потребовалось немедленно применить все успокоительные средства, имевшиеся в распоряжении хозяина дома.

Ибо на столе лежали гребни, тот самый набор гребней — один задний и два боковых, — которым Делла давно уже благоговейно любовалась в одной витрине Бродвея. Чудесные гребни, настоящие черепаховые, с вделанными в края блестящими камешками, и как раз под цвет её каштановых волос. Они стоили дорого — Делла знала это, — и сердце её долго изнывало и томилось от несбыточного желания обладать ими. И вот теперь они принадлежали ей, но нет уже прекрасных кос, которые украсил бы их вожделенный блеск.

Всё же она прижала гребни к груди и, когда, наконец, нашла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слёзы, сказала:

— У меня очень быстро растут волосы. Джим!

Тут она вдруг подскочила, как ошпаренный котёнок, и воскликнула:

— Ах. Боже мой!

¹ Сочельник — вечер накануне Рождества.

Ведь Джим ещё не видел её замечательного подарка. Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заиграл в лучах её бурной и искренней радости.

— Разве не прелесть, Джим? Я весь город обегала, покуда нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть, который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть всё вместе.

Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лёг на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся.

— Делл, — сказал он, — придётся нам пока спрятать наши подарки, пусть полежат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши. Часы я продал, чтобы купить тебе гребни. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты.

Волхвы, те, что принесли дары младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рождественские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговорённым правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глупых детей из восьмидолларовой квартирки, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы.

Перевод с английского Евгении Калашниковой

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Понравилось ли вам произведение О. Генри? Объясните почему.
2. Сжато перескажите прочитанное.
3. Подготовьте сообщение, кто такие волхвы и какие подарки они принесли младенцу Иисусу.
4. Охарактеризуйте главных героев произведения.
5. Чем руководствовались Делла и Джим, выбирая подарки друг для друга? Как раскрываются характеры героев в их поступках?
6. Выразительно прочитайте в лицах диалог Деллы и Джима.
7. Как автор относится к своим героям? На основании чего вы сделали такой вывод?
8. Объясните смысл названия произведения.

9. Прочитайте отрывок из новеллы «Дары волхвов» в оригинале:

The magi, as you know, were wise men — wonderfully wise men — who brought gifts to the Babe in the manger. They invented the art of giving Christmas presents. Being wise, their gifts were no doubt wise ones, possibly bearing, the privilege of exchange in case of duplication. And here I have lamely related to you the uneventful chronicle of two foolish children in a flat who most unwisely sacrificed for each other the greatest treasures of their house. But in a last world to the wise of these days let it be said that of all who give and receive are wisest.

Попробуйте себя в качестве переводчика. Сопоставьте собственный перевод этого отрывка с текстом, представленным в учебнике.

10. Выразительно прочитайте последний абзац произведения. Согласны ли вы с утверждением автора, что «...из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы»? Аргументируйте свой ответ.
11. Определите главную мысль прочитанного.
12. Подготовьте пересказ одного из эпизодов произведения. Обоснуйте свой выбор.

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О НОВЕЛЛЕ

Прочитанное вами произведение О. Генри «Дары волхвов» — новелла. Давайте выясним, что же называется новеллой.

Слово *новелла* (от итальянского — *новость*) подсказывает нам, что речь идёт о чём-то новом, неизведанном. По замечанию великого немецкого писателя И. Гёте, «новелла... иное, невиданное происшествие».

Новелла — это небольшое по объёму прозаическое произведение, в котором изображается какой-либо необычный случай из жизни одного или нескольких персонажей.

Новеллу часто путают с рассказом. И, действительно, у них много общего: небольшой объём, изображение одного или нескольких эпизодов из жизни персонажа (иногда нескольких персонажей). Но если вы будете очень внимательными читателями, то заметите, что, в отличие от рассказа, в котором присутствуют развёрнутые описания (пейзажные, портретные и другие), сюжет в новелле лаконичен и прост. Как правило, он строится на основе какого-нибудь *противоречия, несовпадения, ошибки, контраста*. Поэтому для новеллы характерен *неожиданный финал*.

1. Объясните, что называется новеллой.
2. Докажите, что произведение О. Генри «Дары волхвов» — новелла.

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

В небольшом квартале к западу от Вашингтон-сквера улицы перепутались и переломались в короткие полоски, именуемые проездами. Эти проезды образуют странные углы и кривые линии. Одна улица там даже пересекает самоё себя раза два. Некому художнику удалось открыть весьма ценное свойство этой улицы. Предположим, сборщик из магазина со счётом за краски, бумагу и холст повстречает там самого себя, идущего восвояси, не получив ни единого цента по счёту!

И вот люди искусства набрали на своеобразный квартал Гринич-Виллидж в поисках окон, выходящих на север, кровель XVIII столетия, голландских мансард и дешёвой квартирной платы. Затем они перевезли туда с Шестой авеню несколько оловянных кружек и одну-две жаровни и основали «Колонию».

Студия Сью и Джонси помещалась наверху трёхэтажного кирпичного дома. Джонси — уменьшительное от Джоанны. Одна приехала из штата Мэйн, другая из Калифорнии. Они познакомились за *табльдотом*¹ одного ресторанчика на Восьмой улице и нашли, что их взгляды на искусство, цикорный салат и модные рукава вполне совпадают. В результате и возникла общая студия.

Это было в мае. В ноябре неприветливый чужак, которого доктора именуют Пневмонией, незримо разгуливал по колонии, касаясь то одного, то другого своими ледяными пальцами. По Восточной стороне этот душегуб шагал смело, поражая десятки жертв, но здесь, в лабиринте узких, поросших мохом переулков, он плёлся нога за ногу.

¹ *Табльдот* — общий стол (по общему меню) в гостиницах, столовых.

Господина Пневмонию никак нельзя было назвать галантным старым джентльменом. Миниатюрная девушка, малокровная от калифорнийских зефиров¹, едва ли могла считаться достойным противником для дюжего старого тупицы с красными кулачищами и одышкой. Однако он свалил её с ног, и Джонси лежала неподвижно на крашеной железной кровати, глядя сквозь мелкий переплёт голландского окна на глухую стену соседнего кирпичного дома.

Однажды утром озабоченный доктор одним движением косматых седых бровей вызвал Сью в коридор.

— У неё один шанс... ну, скажем, против десяти, — сказал он, стряхивая ртуть в термометре. — И то, если она сама захочет жить. Вся наша фармакопёя² теряет смысл, когда люди начинают действовать в интересах гробовщика. Ваша маленькая барышня решила, что ей уже не поправиться. О чём она думает?

— Ей... ей хотелось написать красками Неаполитанский залив.

— Красками? Чепуха! Нет ли у неё на душе чего-нибудь такого, о чём действительно стоило бы думать, например, мужчины?

— Мужчины? — переспросила Сью, и её голос зазвучал резко, как губная гармоника. — Неужели мужчина стоит... Да нет, доктор, ничего подобного нет.

— Ну, тогда она просто ослабла, — решил доктор. — Я сделаю всё, что буду в силах сделать как представитель науки. Но когда мой пациент начинает считать кареты в своей похоронной процессии, я скидываю пятьдесят процентов с целебной силы лекарств. Если вы сумеете добиться, чтобы она хоть раз спросила, какого фасона рукава будут носить этой зимой, я вам ручаюсь, что у неё будет один шанс из пяти, вместо одного из десяти.

После того как доктор ушёл, Сью выбежала в мастерскую и плакала в японскую бумажную салфеточку до тех пор, пока та не размокла окончательно. Потом она храбро вошла в комнату Джонси с чертёжной доской, насвистывая рэгтайм³.

Джонси лежала, повернувшись лицом к окну, едва заметная под одеялами. Сью перестала насвистывать, думая, что Джонси уснула.

Она пристроила доску и начала рисунок тушью к журнальному рассказу. Для молодых художников путь в Искусство бывает вымощен иллюстрациями к журнальным рассказам, которыми молодые авторы мостят себе путь в Литературу.

¹ *Зефир* — в данном значении: ветер.

² *Фармакопёя* — свод обязательных правил, которыми руководствуются при изготовлении, проверке, хранении и прописывании большим лекарств.

³ *Рэгтайм* — жанр американской музыки, особенно популярный с 1900 по 1918 год.

Набрасывая для рассказа фигуру ковбоя из Айдахо в элегантных бриджах и с моноклем в глазу, Сью услышала тихий шёпот, повторившийся несколько раз. Она торопливо подошла к кровати. Глаза Джонси были широко открыты. Она смотрела в окно и считала — считала в обратном порядке.

— Двенадцать, — произнесла она, и немного погодя: — одиннадцать, — а потом: — «десять» и «девять», а потом: — «восемь» и «семь» — почти одновременно.

Сью посмотрела в окно. Что там было считать? Был виден только пустой, унылый двор и глухая стена кирпичного дома в двадцати шагах. Старый-старый плющ с узловатым, подгнившим у корней стволом заплёл до половины кирпичную стену. Холодное дыхание осени сорвало листья с лозы, и оголённые скелеты ветвей цеплялись за осыпающиеся кирпичи.

— Что там такое. милая? — спросила Сью.

— Шесть, — едва слышно ответила Джонси. — Теперь они облетают гораздо быстрее. Три дня назад их было почти сто. Голова кружилась считать. А теперь это легко. Вот и ещё один полетел. Теперь осталось только пять.

— Чего пять. милая? Скажи своей Сьюди.

— Листьев. На плюще. Когда упадёт последний лист, я умру. Я это знаю уже три дня. Разве доктор не сказал тебе?

— Первый раз слышу такую глупость! — с великолепным презрением отпарировала Сью. — Какое отношение могут иметь листья на старом плюще к тому, что ты поправишься? А ты ещё так любила этот плющ, гадкая девочка! Не будь глупышкой. Да ведь ещё сегодня доктор говорил мне, что ты скоро выздоровеешь... позволь, как же это он сказал?.. что у тебя десять шансов против одного. А ведь это не меньше, чем у каждого из нас здесь в Нью-Йорке, когда едешь в трамвае или идёшь мимо нового дома. Попробуй съесть немножко бульона и дай твоей Сьюди закончить рисунок, чтобы она могла сбить его редактору и купить вина для своей больной девочки и свиных котлет для себя.

— Вина тебе покупать больше не надо, — отвечала Джонси, пристально глядя в окно. — Вот и ещё один полетел. Нет, бульона я не хочу. Значит, остаётся всего четыре. Я хочу видеть, как упадёт последний лист. Тогда умру и я.

— Джонси, милая, — сказала Сью, наклоняясь над ней, — обещаешь ты мне не открывать глаз и не глядеть в окно, пока я не кончу работать? Я должна сдать иллюстрацию завтра. Мне нужен свет, а то я спустила бы шторы.

— Разве ты не можешь рисовать в другой комнате? — холодно спросила Джонси.

— Мне бы хотелось посидеть с тобой, — сказала Сью. — А кроме того, я не желаю, чтобы ты глядела на эти дурацкие листья.

— Скажи мне, когда кончишь, — закрывая глаза, произнесла Джонси, бледная и неподвижная, как поверженная статуя, — потому что мне хочется видеть, как упадёт последний лист. Я устала ждать. Я устала думать. Мне хочется освободиться от всего, что меня держит, — лететь, лететь всё ниже и ниже, как один из этих бедных, усталых листьев.

— Постарайся уснуть, — сказала Сью. — Мне надо позвать Бермана, я хочу писать с него золотоискателя-отшельника. Я самое большее на минутку. Смотри же, не шевелись, пока я не приду.

Старик Берман был художник, который жил в нижнем этаже под их студией. Ему было уже за шестьдесят, и борода, вся в завитках, как у Моисея¹ Микеланджело, спускалась у него с головы сатира на тело гнома. В искусстве Берман был неудачником. Он всё собирался написать шедевр, но даже и не начал его. Уже несколько лет он не писал ничего, кроме вывесок, реклам и тому подобной мазни ради куска хлеба. Он зарабатывал кое-что, позируя молодым художникам, которым профессионалы-натурщики оказывались не по карману. Он пил запоем, но всё ещё говорил о своём будущем шедевре. А в остальном это был злющий старикашка, который издевался над всякой сентиментальностью и смотрел на себя, как на сторожевого пса, специально приставленного для охраны двух молодых художниц.

Сью застала Бермана, сильно пахнущего можжевельновыми ягодами, в его полутёмной камерке нижнего этажа. В одном углу двадцать пять лет стояло на мольберте нетронутое полотно, готовое принять первые штрихи шедевра. Сью рассказала старику про фантазию Джонси и про свои опасения насчёт того, как бы она, лёгкая и хрупкая, как лист, не улетела от них, когда ослабнет её непрочная связь с миром. Старик Берман, чьи красные глаза очень заметно слезились, раскричался, насмехаясь над такими идиотскими фантазиями.

— Что! — кричал он. — Возможна ли такая глупость — умирать от того, что листья падают с проклятого плюща! Первый раз слышу. Нет, не желаю позировать для вашего идиота-отшельника. Как вы позволяете ей забивать голову такой чепухой? Ах, бедная маленькая мисс Джонси!

— Она очень больна и слаба, — сказала Сью, — и от лихорадки ей приходят в голову разные болезненные фантазии. Очень хорошо, мистер Берман, — если вы не хотите мне позировать, то и не надо.

¹ «Моисей» — мраморная статуя ветхозаветного пророка Моисея работы Микеланджело.

А я всё-таки думаю, что вы противный старик... противный старый болтунишка.

— Вот настоящая женщина! — закричал Берман. — Кто сказал, что я не хочу позировать? Идём. Я иду с вами. Полчаса я говорю, что хочу позировать. Боже мой! Здесь совсем не место болеть такой хорошей девушке, как мисс Джонси. Когда-нибудь я напишу шедевр, и мы все уедем отсюда. Да, да!

Джонси дремала, когда они поднялись наверх. Сю спустила штору до самого подоконника и сделала Берману знак пройти в другую комнату. Там они подошли к окну и со страхом посмотрели на старый плющ. Потом переглянулись, не говоря ни слова. Шёл холодный, упорный дождь пополам со снегом. Берман в старой синей рубашке уселся в позе золотоискателя-отшельника на перевернутый чайник вместо скалы.

На другое утро Сю, проснувшись после короткого сна, увидела, что Джонси не сводит тусклых, широко раскрытых глаз со спущенной зелёной шторы.

— Подними её, я хочу посмотреть, — шёпотом скомандовала Джонси.

Сю устало повиновалась.

И что же? После проливного дождя и резких порывов ветра, не унимавшихся всю ночь, на кирпичной стене ещё виднелся один лист плюща — последний! Всё ещё тёмно-зелёный у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада, он храбро держался на ветке в двадцати футах над землёй.

— Это последний, — сказала Джонси. — Я думала, что он непременно упадёт ночью. Я слышала ветер. Он упадёт сегодня, тогда умру и я.

— Да Бог с тобой! — сказала Сю, склоняясь усталой головой к подушке. — Подумай хоть обо мне, если не хочешь думать о себе! Что будет со мной?

Но Джонси не отвечала. Душа, готовясь отправиться в таинственный, далёкий путь, становится чуждой всему на свете. Болезненная фантазия завладевала Джонси всё сильнее, по мере того как одна за другой рвались все нити, связывавшие её с жизнью и людьми.

День прошёл, и даже в сумерки они видели, что одинокий лист плюща держится на своём стебельке на фоне кирпичной стены. А потом, с наступлением темноты, опять поднялся северный ветер, и дождь непрерывно стучал в окна, скатываясь с низкой голландской кровли.

Как только рассвело, беспощадная Джонси велела снова поднять штору.

Лист плюща всё ещё оставался на месте.

Джонси долго лежала, глядя на него. Потом позвала Сью, которая разогревала для неё куриный бульон на газовой горелке.

— Я была скверной девчонкой, Сьюди, — сказала Джонси. — Должно быть, этот последний лист остался на ветке для того, чтобы показать мне, какая я была гадкая. Грешно желать себе смерти. Теперь ты можешь дать мне немного бульона, а потом молока с портвейном... Хотя нет: принеси мне сначала зеркальце, а потом обложи меня подушками, и я буду сидеть и смотреть, как ты стряпаешь.

Часом позже она сказала:

— Сьюди, надеюсь когда-нибудь написать красками Неаполитанский залив.

Днём пришёл доктор, и Сью под каким-то предлогом вышла за ним в прихожую.

— Шансы равные, — сказал доктор, пожимая худенькую, дрожащую руку Сью. — При хорошем уходе вы одержите победу. А теперь я должен навестить ещё одного больного, внизу. Его фамилия Берман. Кажется, он художник. Тоже воспаление лёгких. Он уже старик и очень слаб, а форма болезни тяжёлая. Надежды нет никакой, но сегодня его отправят в больницу, там ему будет покойнее.

Марина Марколин. Иллюстрации к рассказу «Последний лист» (2013)

На другой день доктор сказал Сью:

— Она вне опасности. Вы победили. Теперь питание и уход — и больше ничего не нужно.

В тот же вечер Сью подошла к кровати, где лежала Джонси, с удовольствием довязывая ярко-синий, совершенно бесполезный шарф, и обняла её одной рукой — вместе с подушкой.

— Мне надо кое-что сказать тебе, белая мышка, — начала она. — Мистер Берман умер сегодня в больнице от воспаления лёгких. Он болел всего только два дня. Утром первого дня швейцар нашёл бедного старика на полу в его комнате. Он был без сознания. Башмаки и вся его одежда промокли насквозь и были холодны как лёд. Никто не мог понять, куда он выходил в такую ужасную ночь. Потом нашли фонарь, который всё ещё горел, лестницу, сдвинутую с места, несколько брошенных кистей и палитру с жёлтой и зелёной красками. По смотри в окно, дорогая, на последний лист плюща. Тебя не удивляло, что он не дрожит и не шевелится от ветра? Да, милая, это и есть шедевр Бермана — он написал его в ту ночь, когда слетел последний лист.

Перевод с английского Нилы Дарузес

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какое впечатление произвело на вас прочитанное?
2. С какими жизненными обстоятельствами столкнулись герои новеллы?
3. Сравните, каким предстаёт перед нами Берман со слов автора, Сью, врача.
4. Определите основные элементы композиции новеллы.
5. Почему произведение имеет такое название? Обоснуйте свой ответ.
6. Выразительно в лицах прочитайте диалог Сью и Бермана.
7. Докажите, что прочитанное произведение — новелла.
8. А вы могли бы поступить, как Берман? Приходилось ли вам сталкиваться с такими людьми?
9. Подумайте, почему автор сравнивает Бермана со скульптурой Микеланджело «Моисей». Расскажите, что вам известно о пророке Моисее. Можно ли сопоставить образ Бермана с Моисеем? Свой ответ аргументируйте.
10. Как вы считаете, если бы автор оставил Бермана в живых, изменилась ли идея произведения?
11. Представьте себя в роли Бермана. Нарисуйте иллюстрации к произведению.

Артур КОНАН ДОЙЛ
(1859–1930)

Никакие детективы не могут сравниться в популярности с детективами Конан Дойла, и следует признать: писатель полностью заслужил мировое признание уже только тем, что создал бессмертный образ Шерлока Холмса.

Сомерсет Моэм, английский писатель

МАСТЕР ТАЙН И ЗАГАДОК

Когда в семье ирландцев по происхождению Чарльза и Мэри Дойл родился сын, то и сами родители, и их многочисленные родственники были уверены, что в мир пришёл будущий художник. Ведь и дед, и отец, и дяди мальчика были живописцами. Но судьба распорядилась иначе. **Артуру Игнейшусу Конан Дойлу** (полное имя мальчика) суждено было стать известным всему миру писателем.

Значительная роль в становлении Конан Дойла как писателя принадлежит его матери — Мэри Фоули. Именно от неё Артур унаследовал любовь к книге и талант рассказывания. Уже в зрелом возрасте Конан Дойл подтвердит: «Настоящая любовь к литературе, способность к творчеству появились у меня, я считаю, от матери. Если я что-то и помню со времён моего раннего детства, то это её захватывающие рассказы...». Писать он начал ещё в школе, но после её окончания решил посвятить себя профессии врача. В 1881 году Дойл закончил медицинский факультет Эдинбургского университета и занялся врачебной практикой. Но со временем писательство, которое он всё-таки не оставил, занимает у Дойла всё больше и больше времени, да и приносит немалый доход.

Тайные, загадочные истории любят практически все. Однажды решил написать такую историю и английский писатель Артур Конан Дойл. В 1886 году он закончил повесть «*Этюд в багровых тонах*», в которой впервые встретились и подружились два джентльмена — частный сыщик **Шерлок Холмс** и доктор **Уотсон**. Это произведение решило судьбу Конан Дойла. Он полностью посвящает себя литературе.

И хотя перу этого английского писателя принадлежат исторические, приключенческие романы, многочисленные рассказы, в том числе о пиратах, всё же всенародная любовь и признание к нему пришли благодаря приключениям знаменитого сыщика **Шерлока Холмса**.

Почему так популярен Шерлок Холмс? Почему за его приключениями напряжённо следят многие поколения читателей?.. Ответить на эти вопросы вы сможете, прочитав рассказы о знаменитом сыщике.

1. Расскажите, что вам известно об Артуре Конан Дойле.
2. О каких приключениях Шерлока Холмса вы читали? Благодаря каким произведениям искусства вы познакомились со знаменитым сыщиком?

У литературной карты мира

Дом на Бейкер-стрит, 221-б в столице Англии Лондоне известен во всём мире. Вот уже много лет здесь действует литературный музей Шерлока Холмса. На фасаде дома прикреплена табличка с надписью: «Тут с 1881 до 1903 года жил и работал знаменитый частный детектив Шерлок Холмс». Всем, кто придёт по указанному адресу, музейный смотритель любезно сообщит, что мистер Холмс только что вышел, и в доказательство покажет дымящуюся трубку сыщика.

Узенькая деревянная лестница ведёт на второй этаж. В камине уютно горит огонь, а все вещи, «принадлежащие» Холмсу, подобраны с любовью и знанием эпохи. Вот кресло с традиционной высокой спинкой, на полу — шкура белого медведя с хищно разинутой пастью. На столе — внушительных размеров лупа, скрипка и множество писем и телеграмм,

на которых указан один и тот же адрес: *Бейкер-стрит, 221-б*. До сих пор на имя знаменитого сыщика приходит множество писем. Поэтому фирма, которая размещается сейчас в этом доме, вынуждена была выделить специального сотрудника для ответов на них.

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ¹

На третий день Рождества зашёл я к Шерлоку Холмсу, чтобы поздравить его с праздником. Он лежал на кушетке в красном халате; по правую руку от него была подставка для трубок, а по левую — груда помятых утренних газет, которые он, видимо, только что просматривал. Рядом с кушеткой стоял стул, на его спинке висела сильно поношенная, потерявшая вид фетровая шляпа. Холмс, должно быть очень внимательно изучал эту шляпу, так как тут же на сиденье стула лежали пинцет и лупа.

— Вы заняты? — сказал я. — Я вам не помешал?

— Нисколько, — ответил он. — Я рад, что у меня есть друг, с которым я могу обсудить результаты некоторых моих изысканий. Дельце весьма заурядное, но с этой вещью, — он ткнул большим пальцем в сторону шляпы, — связаны кое-какие любопытные и даже поучительные события.

Я уселся в кресло и стал греть руки у камина, где потрескивал огонь. Был сильный мороз; окна покрылись плотными ледяными узорами.

— Хотя эта шляпа кажется очень невзрачной, она, должно быть, связана с какой-нибудь кровавой историей, — заметил я. — Очевидно, она послужит ключом к разгадке страшной тайны, и благодаря ей вам удастся изобличить и наказать преступника.

— Нет, — засмеялся Шерлок Холмс, — тут не преступление, а мелкий, смешной эпизод, который всегда может произойти там, где четыре миллиона человек толкуются на площади в несколько квадратных миль. В таком колоссальном человеческом улье возможны любые комбинации событий и фактов, возникает масса незначительных, но загадочных и странных происшествий, хотя ничего преступного в них нет. Нам уже приходилось сталкиваться с подобными случаями.

— Ещё бы! — воскликнул я. — Из последних шести эпизодов, которыми я пополнил свои записки, три не содержат ничего беззаконного.

— Совершенно верно. Вы имеете в виду мои попытки обнаружить бумаги Ирен Адлер, интересный случай с мисс Мэри

¹ *Карбункул* — полудрагоценный камень — красный гранат.

Сазерлэнд и приключения человека с рассечённой губой. Не сомневаюсь, что и это дело окажется столь же невинным. Вы знаете Питерсона, посыльного?

— Да.

— Этот трофей принадлежит ему.

— Это его шляпа?

— Нет, он нашёл её. Владелец её неизвестен. Я прошу вас рассматривать эту шляпу не как старую рухлядь, а как предмет, таящий в себе серьёзную задачу... Однако прежде всего, как эта шляпа попала сюда. Она появилась в первый день Рождества вместе с отличным жирным гусем, который в данный момент наверняка жарится у Питерсона в кухне. Произошло это так. На Рождество, в четыре часа утра, Питерсон, человек, как вы знаете, благородный и честный, возвращался с пирушки домой по улице Тоттенхем-Корт-роуд. При свете газового фонаря он заметил, что перед ним, слегка пошатываясь, идёт какой-то субъект и несёт на плече белоснежного гуся. На углу Гудж-стрит к незнакомцу пристали хулиганы. Один из них сбил с него шляпу, а незнакомец, отбиваясь, размахнулся палкой и попал в витрину магазина, оказавшуюся у него за спиной. Питерсон кинулся вперёд, чтобы защитить его, но тот, испуганный тем, что разбил стекло, увидев бегущего к нему человека, бросил гуся, помчался со всех ног и исчез в лабиринте небольших переулков, лежащих позади Тоттенхем-Корт-роуд. Питерсон был в форме, и это, должно быть, больше всего и напугало беглеца. Хулиганы тоже разбежались, и посыльный остался один на поле битвы, оказавшись обладателем этой понятой шляпы и превосходного рождественского гуся...

— ...которого Питерсон, конечно, возвратил незнакомцу?

— В том-то и загвоздка, дорогой друг. Правда, на карточке, привязанной к левой лапке гуся, было написано: «Для миссис Генри Бейкер», а на подкладке шляпы можно разобрать инициалы «Г. Б.». Но в Лондоне живёт несколько тысяч Бейкеров и несколько сот Генри Бейкеров, так что нелегко вернуть потерянную собственность одному из них.

— Что же сделал Питерсон?

— Зная, что меня занимает решение даже самых ничтожных загадок, он попросту принёс мне и гуся и шляпу. Гуся мы продержали вплоть до сегодняшнего утра, когда стало ясно, что, несмотря на мороз, его всё же лучше незамедлительно съесть. Питерсон унёс гуся, и с гусем произошло то, к чему он уготован судьбой, а у меня осталась шляпа незнакомца, потерявшего свой рождественский ужин.

— Он не помещал объявления в газете?

— Нет.

— Как же вы узнаете, кто он?

— Только путём размышлений.

— Размышлений над этой шляпой?

— Конечно.

— Вы шутите! Что можно извлечь из этого старого рваного фетра?

— Вот лупа. Попробуйте применить мой метод. Что вы можете сказать о человеке, которому принадлежала эта шляпа?

Я взял рваную шляпу и уныло повертел её в руках. Самая обыкновенная чёрная круглая шляпа, жёсткая, сильно поношенная. Шёлковая подкладка, некогда красная, теперь выцвела. Фабричную марку мне обнаружить не удалось, но, как и сказал Холмс, внутри сбоку виднелись инициалы «Г. Б.». На полях я заметил петельку для придерживавшей шляпу резинки, но самой резинки не оказалось. Вообще шляпа была мягая, грязная, покрытая пятнами. Впрочем, заметны были попытки замазать эти пятна чернилами.

— Я ничего в ней не вижу, — сказал я, возвращая шляпу Шерлоку Холмсу.

— Нет, Уотсон, видите, но не даёте себе труда поразмыслить над тем, что видите. Вы слишком робки в своих логических выводах.

— Тогда, пожалуйста, скажите, какие же выводы делаете вы?

Холмс взял шляпу в руки и стал пристально разглядывать её прощательным взглядом, свойственным ему одному.

— Конечно, не всё достаточно ясно, — заметил он, — но кое-что можно установить наверняка, а кое-что предположить с разумной долей вероятности. Совершенно очевидно, например, что владелец её — человек большого ума и что три года назад у него были изрядные деньги, а теперь настали чёрные дни. Он всегда был предусмотрителен и заботился о завтрашнем дне, но мало-помалу опустился, благосостояние его упало, и мы вправе предположить, что он пристрастился к какому-нибудь пороку, — быть может, к пьянству. По-видимому, из-за этого и жена его разлюбила...

— Дорогой Холмс...

— Но в какой-то степени он ещё сохранил своё достоинство, — продолжал Холмс, не обращая внимания на моё восклицание. — Он ведёт сидячий образ жизни, редко выходит из дому, совершенно не занимается спортом. Этот человек средних лет, у него седые волосы, он мазет их помадой и недавно подстригся. Вдобавок я почти уверен, что в доме у него нет газового освещения.

— Вы, конечно, шутите, Холмс.

— Ничуть. Неужели даже теперь, когда я всё рассказал, вы не понимаете, как я узнал об этом?

— Считайте меня идиотом, но должен признаться, что я не в состоянии уследить за ходом ваших мыслей. Например, откуда вы взяли, что он умён?

Вместо ответа Холмс нахлобучил шляпу себе на голову. Шляпа закрыла его лоб и упёрлась в переносицу.

— Видите, какой размер! — сказал он. — Не может же быть совершенно пустым такой большой череп.

— Ну, а откуда вы взяли, что он обеднел?

— Этой шляпе три года. Тогда были модными плоские поля, загнутые по краям. Шляпа лучшего качества. Взгляните-ка на эту шёлковую ленту, на превосходную подкладку. Если три года назад человек был в состоянии купить столь дорогую шляпу и с тех пор не покупал ни одной, значит, дела у него пошатнулись.

— Ну ладно, в этом, пожалуй, вы правы. Но откуда вы могли узнать, что он человек предусмотрительный, а в настоящее время переживает душевный упадок?

— Предусмотрительность — вот она, — сказал он, показывая на петельку от шляпной резинки. — Резинки не продают вместе со шляпой, их нужно покупать отдельно. Раз этот человек купил резинку и велел прикрепить к шляпе, значит, он заботился о том, чтобы уберечь её от ветра. Но когда резинка оторвалась, а он не стал прилаживать новую, это значит, что он перестал следить за своей наружностью, опустился. Однако, с другой стороны, он пытался замазать чернилами пятна на шляпе, то есть не окончательно потерял чувство собственного достоинства.

— Всё это очень похоже на правду.

— Что он человек средних лет, что у него седина, что он недавно стригся, что он помадит волосы — всё станет ясным, если внимательно посмотреть на нижнюю часть подкладки в шляпе. В лупу видны приставшие к подкладке волосы, аккуратно срезанные ножницами парикмахера и пахнущие помадой. Заметьте, что пыль на шляпе не уличная — серая и жёсткая, а домашняя — бурая, пушистая. Значит, шляпа большей частью висела дома. А следы влажности на внутренней её стороне говорят о том, как быстро потеет её владелец, потому что не привык много двигаться.

— А как вы узнали, что его разлюбила жена?

— Шляпа не чищена несколько недель. Мой дорогой Уотсон, если бы я увидел, что ваша шляпа не чищена хотя бы неделю и вам позволяют выходить в таком виде, у меня появилось бы опасение, что вы имели несчастье утратить расположение вашей супруги.

— А может быть, он холостяк?

— Нет, он нёс гуся именно для того, чтобы задобрить жену. Вспомните карточку, привязанную к лапке птицы.

— У вас на всё готов ответ. Но откуда вы знаете, что у него в доме нет газа?

— Одно-два сальных пятна на шляпе — случайность. Но когда я вижу их не меньше пяти, я не сомневаюсь, что человеку часто приходится пользоваться сальной свечой, может быть, он поднимается ночью по лестнице, держа в одной руке шляпу, а в другой оплившую свечу. Во всяком случае, от газа не бывает сальных пятен... Вы согласны со мною?

— Да, всё это очень остроумно, — смеясь, сказал я. — Но, как вы сами сказали, тут ещё нет преступления. Никто не пострадал — разве что человек, потерявший гуся, — значит, вы ломали себе голову зря.

Шерлок Холмс раскрыл было рот для ответа, но в это мгновение дверь распахнулась, и в комнату влетел Питерсон; щёки у него буквально пылали от волнения.

— Гусь-то, гусь, мистер Холмс! — задыхаясь, прокричал он.

— Ну? Что с ним такое? Ожил он, что ли, и вылетел в кухонное окно? — Холмс повернулся на кушетке, чтобы лучше рассмотреть в возбуждённое лицо Питерсона.

— Посмотрите, сэр! Посмотрите, что жена нашла у него в зобу!

Питерсон протянул руку, и на ладони его мы увидели ярко сверкающий голубой камень чуть поменьше горошины. Камень был такой чистой воды, что светился на тёмной ладони, точно электрическая искра. Холмс присвистнул и опустил на кушетку.

— Честное слово, Питерсон, вы нашли сокровище! Надеюсь, вы понимаете, что это такое?

— Алмаз, сэр! Драгоценный камень! Он режет стекло, словно масло!

— Не просто драгоценный камень — это тот самый камень, который...

— Неужели голубой карбункул графини Моркар? — воскликнул я.

— Конечно! Узнаю камень по описаниям, последнее время я каждый день вижу объявления о его пропаже в «Таймсе». Камень этот единственный в своём роде, и можно только догадываться о его настоящей цене. Награда в тысячу фунтов, которую предлагают нашедшему, едва ли составляет двадцатую долю его стоимости.

— Тысяча фунтов! О, Боже!

Посыльный бухнулся в кресло, изумлённо тараща на нас глаза.

— Награда наградой, но у меня есть основания думать, — сказал Холмс, — что по некоторым соображениям графиня отдаст половину всех своих богатств, только бы вернуть этот камень.

— Если память мне не изменяет, он пропал в гостинице «Космополитен», — заметил я.

— Совершенно верно, двадцать второго декабря, ровно пять дней назад. В краже этого камня обвинён Джон Хорнер, паяльщик. Улики против него так серьёзны, что дело направлено в суд. Кажется, у меня есть об этом деле газетный отчёт.

Шерлок Холмс долго рылся в газетах, наконец выгащил одну, разглядел её, сложил пополам и прочитал следующее:

«КРАЖА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ В ОТЕЛЕ «КОСМОПОЛИТЕН»

Джон Хорнер, 26 лет, обвиняется в том, что 22 сего месяца похитил у графини Моркар из шкатулки драгоценный камень, известный под названием «Голубой карбункул». Джеймс Райдер, служащий отеля, показал, что в день кражи Хорнер припаивал расшатанный прут каминной решётки в комнате графини Моркар. Некоторое время Райдер находился в комнате с Хорнером, но потом его куда-то вызвали. Возвратившись, он увидел, что Хорнер исчез, бюро взломано и маленький сафьяновый футляр, в котором, как выяснилось впоследствии, графиня имела обыкновение держать драгоценный камень, валялся пустой на туалетном столике. Райдер сейчас же сообщил в полицию, и в тот же вечер Хорнер был арестован, но камня не нашли ни при нём, ни у него дома. Кэтрин Кьосек, горничная графини, показала, что, услышав отчаянный крик Райдера, она вбежала в комнату и тоже увидела пустой футляр. Полицейский инспектор Бродстрит из округа «Б» сообщил, что Хорнер отчаянно сопротивлялся при аресте и горячо доказывал свою невиновность. Поскольку стало известно, что арестованный и прежде судился за кражу, судья отказался разбирать дело и передал его суду присяжных. Хорнер, всё время высказывавший признаки сильнейшего волнения, упал в обморок и был вынесен из зала суда».

— Гм! Вот и всё, что даёт нам полицейский суд, — задумчиво сказал Холмс, откладывая газету. — Наша задача теперь — выяснить, каким образом из футляра графини камень попал в гусиный зуб. Видите, Уотсон, наши скромные размышления оказались не такими уж незначительными. Итак, вот камень. Этот камень был в гусе, а гусь у мистера Генри Бейкера, у того самого обладателя старой шляпы, которого я пытался охарактеризовать, чем и нагнал на вас невыносимую скуку. Что ж, теперь мы должны серьёзно заняться розысками этого джентльмена и установить, какую роль он играл в таинственном происшествии. Прежде всего испробуем самый простой способ: напечатаем объявление во всех вечерних газетах. Если таким путём не достигнем цели, прибегнем к иным методам.

— Что вы напишете в объявлении?

— Дайте мне карандаш и клочок бумаги. «На углу Гудж-стрит найдены гусь и чёрная фетровая шляпа. Мистер Генри Бейкер мо-

жет получить их сегодня на Бейкер-стрит, 221-б, в 6.30 вечера». Коротко и ясно.

— Весьма. Но заметит ли он объявление?

— Конечно. Он просматривает теперь все газеты: человек он бедный, и рождественский гусь для него целое состояние. Он до такой степени был напуган, услышав звон разбитого стекла и увидев бегущего Питерсона, что кинулся бежать, не думая ни о чём. Но потом он, конечно, пожалел, что испугался и бросил гуся. В газете мы упоминаем его имя, и любой знакомый обратит его внимание на нашу публикацию... Так вот, Питерсон, бегите в бюро объявлений, чтобы они поместили эти строки в вечерних газетах.

— В каких, сэр?

— В «Глоб», «Стар», «Пэлл-Мэлл», «Сент-Джеймс газетт», «Ивнинг ньюс стандарт», «Эхо» — во всех, какие придут вам на ум.

— Слушаю, сэр! А как быть с камнем?

— Ах да! Камень я пока оставляю у себя. Благодарю вас. А на обратном пути, Питерсон, купите гуся и принесите его мне. Мы ведь должны дать этому джентльмену гуся взамен того, которым в настоящее время угощается ваша семья.

Посыльный ушёл, а Холмс взял камень и стал рассматривать его на свет.

— Славный камешек! — сказал он. — Взгляните, как он сверкает и искрится. Как и всякий драгоценный камень, он притягивает к себе преступников, словно магнит. Вот уж подлинно ловушка сатаны. В больших старых камнях каждая грань может рассказать о каком-нибудь кровавом злодеянии. Этому камню нет ещё и двадцати лет. Его нашли на берегу реки Амоу, в Южном Китае, и замечателен он тем, что имеет все свойства карбункула, кроме одного: он не рубиново-красный, а голубой. Несмотря на его молодость, с ним уже связано много ужасных историй. Из-за сорока граней кристаллического углерода многих ограбили, кого-то облили серной кислотой, было два убийства и одно самоубийство. Кто бы сказал, что такая красивая безделушка ведёт людей в тюрьму и на виселицу! Я запрю камень в свой несгораемый шкаф и напишу графине, что он у нас.

— Как вы считаете, Хорнер не виновен?

— Не знаю.

— А Генри Бейкер замешан в это дело?

— Вернее всего. Генри Бейкер здесь ни при чём. Я думаю, ему и в голову не пришло, что, будь этот гусь из чистого золота, он и то стоил бы дешевле. Всё очень скоро прояснится, если Генри Бейкер откликнется на наше объявление.

— А до тех пор вы ничего не хотите предпринять?

— Ничего.

— В таком случае я навещу своих пациентов, а вечером снова приду сюда. Я хочу знать, чем окончится это запутанное дело.

— Буду рад вас видеть. Я обедаю в семь. Кажется, к обеду будет куропатка. Кстати, в связи с недавними событиями не попросить ли миссис Хадсон тщательно осмотреть её зоб?

Я немного задержался, и было уже больше половины седьмого, когда я снова попал на Бейкер-стрит. Подойдя к дому Холмса, я увидел, что в ярком полукруге света, падавшем из окна над дверью, стоит высокий мужчина в шотландской шапочке и в наглухо застёгнутом до подбородка сюртуке. Как раз в тот момент, когда я подошёл, дверь отперли, и мы одновременно вошли к Шерлоку Холмсу.

— Если не ошибаюсь, мистер Генри Бейкер? — сказал Холмс, поднимаясь с кресла и встречая посетителя с тем непринуждённым радушным видом, который он так умело напускал на себя. — Пожалуйста, присаживайтесь поближе к огню, мистер Бейкер. Вечер сегодня холодный, а мне кажется, лето вы переносите лучше, чем зиму... Уотсон, вы пришли как раз вовремя... Это ваша шляпа, мистер Бейкер?

— Да, сэръ, это, несомненно, моя шляпа. Бейкер был крупный, сутулый человек с большой головой, с широким умным лицом и остроконечной каштановой бородкой. Красноватые пятна на носу и щеках и лёгкое дрожание протянутой руки подтверждали догадку Холмса о его наклонностях. На нём был порыжелый сюртук, застёгнутый на все пуговицы, а на тощих запястьях, торчащих из рукавов, не было видно манжет. Он говорил глухо и отрывисто, старательно подбирая слова, и производил впечатление человека интеллигентного, но сильно помятого жизнью.

— У нас уже несколько дней хранится ваша шляпа и ваш гусь, — сказал Холмс. — Мы ждали, что вы дадите в газете объявление о пропаже. Не понимаю, почему вы этого не сделали.

Наш посетитель смущённо усмехнулся.

— У меня не так много шиллингов, как бывало когда-то, — сказал он. — Я был уверен, что хулиганы, напавшие на меня, унесли с собой и шляпу, и птицу, и не хотел тратить деньги по-пустому.

— Вполне естественно. Между прочим, нам ведь пришлось съесть вашего гуся.

— Съесть? — Наш посетитель в волнении поднялся со стула.

— Да ведь он всё равно испортился бы, — продолжал Холмс. — Но я полагаю, что вон та птица на буфете, совершенно свежая и того же веса, заменит вам вашего гуся.

— О, конечно, конечно! — ответил мистер Бейкер, облегчённо вздохнув.

— Правда, у нас от вашей птицы остались перья, лапки и зоб, так что, если захотите...

Бейкер от души расхохотался.

— Разве только на память о моём приключении, — сказал он. — Право, не знаю, на что мне могут пригодиться *dissecta membra*¹ моего покойного знакомца! Нет, сэр, с вашего разрешения я лучше ограничусь тем превосходным гусем, которого я вижу на буфете.

Шерлок Холмс многозначительно посмотрел на меня и чуть заметно пожал плечами. — Итак, вот ваша шляпа и ваш гусь, — сказал он. — Кстати, не скажете ли мне, где вы достали того гуся? Я кое-что смыслю в птице и, признаться, редко видывал столь откормленный экземпляр.

— Охотно, сэр, — сказал Бейкер, встав и сунув под мышку своего нового гуся. — Наша небольшая компания посещает трактир «Альфа», близ Британского музея, мы, понимаете ли, проводим в музее целый день. А в этом году хозяин трактира Уиндигейт, отличный человек, основал «гусиный клуб». Каждый из нас выплачивает по нескольку пенсов в неделю и к Рождеству получает гуся. Я целиком выплатил свою долю, ну а остальное вам известно. Весьма обязан вам, сэр, — ведь неудобно солидному человеку в моём возрасте носить шотландскую шапочку.

Он поклонился нам с комически торжественным видом и ушёл.

— С Генри Бейкером покончено, — сказал Холмс, закрывая за ним дверь. — Совершенно очевидно, что он понятия не имеет о драгоценном камне. Вы очень голодны, Уотсон?

— Не особенно.

— Тогда я предлагаю превратить обед в ужин и немедленно отправиться по горячим следам.

— Я готов.

Был морозный вечер, и нам пришлось надеть пальто и обмотать себе шею шарфом. Звёзды холодно сияли на безоблачном, ясном небе, и пар от дыхания прохожих был похож на дымки от пистолетных выстрелов. Чётко и гулко раздавались по улицам наши шаги. Мы шли по Уимпол-стрит, Харли-стрит, через Уитмор-стрит, вышли на Оксфорд-стрит и через четверть часа были в Блумсбери, возле трактира «Альфа», скромного заведения на углу одной из улиц, ведущих к Холборну. Холмс вошёл в бар и заказал две кружки пива краснощёкому трактирщику в белом переднике.

— У вас, надо полагать, превосходное пиво, если оно не хуже ваших гусей, — сказал Холмс.

— Моих гусей? — Трактирщик, казалось, был изумлён.

— Да. Полчаса назад я беседовал с мистером Генри Бейкером, членом вашего «гусиного клуба».

¹ *Dissecta membra* (англ.) — отрывки, обрывки.

— А, понимаю. Но видите ли, сэръ, гуси-то ведь не мои.

— В самом деле? А чьи же?

— Я купил две дюжины гусей у одного торговца в Ковент-Гарден.

— Да ну? Я знаю кое-кого из них. У кого же вы купили?

— Его зовут Брекинридж.

— Нет, Брекинриджа я не знаю. Ну, за ваше здоровье, хозяин, и за процветание вашего заведения! Доброй ночи!

— А теперь к мистеру Брекинриджу, — сказал Холмс, выходя на мороз и застёгивая пальто. — Не забудьте, Уотсон, что на одном конце нашей цепи всего только безобидный гусь, зато к другому её концу прикован человек, которому грозит не меньше семи лет каторги, если мы не докажем его невиновность. Возможно, впрочем, что наши розыски обнаружат, что виноват именно он, но, во всяком случае, в наших руках нить, ускользнувшая от полиции и случайно попавшая к нам. Дойдём же до конца этой нити, как бы печален этот конец ни был. Итак, поворот на юг, и шагом марш!

Мы пересекли Холборн, пошли по Энделл-стрит и через какие-то трущобы вышли на Ковентгарденский рынок. На одной из самых больших лавок было написано: «Брекинридж». Хозяин лавки, человек с лошадиным лицом и холёными бакенбардами, помогал мальчику запирать ставни.

— Добрый вечер! Каков морозец, а? — сказал Холмс.

Торговец кивнул головой, бросив вопросительный взгляд на моего друга.

— Гуси, видно, распроданы? — продолжал Холмс, указывая на пустой мраморный прилавок.

— Завтра утром можете купить хоть пятьсот штук.

— Завтра они мне ни к чему.

— Вон в той лавке, где горит свет, кое-что осталось.

— Да? Но меня направили к вам.

— Кто же?

— Хозяин «Альфы».

— А! Я отослал ему две дюжины.

— Отличные были гуси! Откуда вы их достали?

К моему удивлению, вопрос этот привёл торговца в бешенство.

— А ну-ка, мистер, — сказал он, поднимая голову и упирая руки в бока, — к чему вы клоните? Говорите прямо.

— Я говорю достаточно прямо. Мне хотелось бы знать, кто продал вам тех гусей, которых вы поставляете в «Альфу».

— Вот и не скажу.

— Не скажете — и не надо. Велика важность! Чего вы кипятитесь из-за таких пустяков?

— Кипячусь? Небось, на моём месте и вы кипятились бы, если бы к вам так приставали! Я плачу хорошие деньги за хороший то-

вар, и, казалось бы, дело с концом. Так нет: «где гуси?», «у кого вы купили гусей?», «кому вы продали гусей?» Можно подумать, что на этих гусях свет клином сошёлся, когда послушаешь, какой из-за них подняли шум!

— Какое мне дело до других, которые пристают к вам с расспросами! — небрежно сказал Холмс. — Не хотите говорить — не надо. Но я понимаю толк в птице и держал пари на пять фунтов стерлингов, что гусь, которого я ел, выкормлен в деревне.

— Вот и пропали ваши фунты! Гусь-то городской! — выпалил торговец.

— Быть не может.

— А я говорю, городской!

— Ни за что не поверю!

— Уж не думаете ли вы, что смыслите в этом деле больше меня? Я ведь этим делом занимаюсь чуть не с пелёнок. Говорю вам, все гуси, проданные в «Альфу», выкормлены в городе.

— И не пытайтесь меня убедить в этом.

— Хотите пари?

— Это значило бы попросту взять у вас деньги. Я уверен, что прав. Но у меня при себе есть *соверен*¹, и я готов поставить его, чтобы проучить вас за упрямство.

Торговец ухмыльнулся.

— Принеси-ка мне книги, Билл, — сказал он.

Мальчишка принёс две книги: одну тоненькую, а другую большую, засаленную, и положил их на прилавок под лампой.

— Ну-с, мистер Спорщик, — сказал торговец, — я считал, что сегодня распродал всех гусей, но, ей-ей, Бог занёс ко мне в лавку ещё одного. Видите эту книжку?

— Ну и что же?

— Это список тех, у кого я покупаю товар. Видите? Вот здесь, на этой странице, имена деревенских поставщиков, а цифра после каждой фамилии обозначает страницу в *гроссбухе*², где ведутся их счета. А эту страницу, исписанную красными чернилами, видите? Это список моих городских поставщиков. Взгляните-ка на третью фамилию. Прочтите её вслух.

— «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, 117, страница 249», — прочёл Холмс.

— Совершенно правильно. Теперь откройте 249-ю страницу в *гроссбухе*.

Холмс открыл указанную страницу: «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, 117 — поставщица дичи и яиц».

— А что гласит последняя запись?

¹ *Соверен* — английская золотая монета.

² *Гроссбух* — главная (большая) книга.

— «Декабрь, двадцать второго. Двадцать четыре гуся по семь шиллингов шесть пенсов».

— Правильно. Запомните это. А внизу?

— «Проданы мистеру Уиндигейту, «Альфа», по двенадцать шиллингов».

— Ну, что вы теперь скажете?

Шерлок Холмс, казалось, был глубоко огорчён. Вынув соверен из кармана, он бросил его на прилавок, повернулся и вышел молча, с расстроенным видом. Однако, пройдя несколько шагов, он остановился под фонарём и рассмеялся своим особенным — весёлым и беззвучным — смехом.

— Если у человека такие бакенбарды и такой красный платок в кармане, у него можно выудить всё, что угодно, предложив ему пари, — сказал он. — Я утверждаю, что и за сто фунтов мне не удалось бы получить у него такие подробные сведения, какие я получил, побившись с ним об заклад. Итак, Уотсон, мне кажется, что мы почти у цели. Единственное, что нам осталось решить, — пойдём ли мы к этой миссис Окшотт сейчас или отложим наше посещение до утра. Из слов того грубияна ясно, что этим делом интересуется ещё кто-то и я...

Громкий шум, донёсшийся внезапно из лавки, которую мы только что покинули, не дал Холмсу договорить. Обернувшись, мы увидели в жёлтом свете качающейся лампы какого-то невысокого, краснолицего человека. Брекинридж, стоя в дверях лавки, яростно потрясал перед ним кулаками.

— Хватит с меня и вас и ваших гусей! — орал Брекинридж. — Проваливайте вы все к дьяволу! Если вы ещё раз сунетесь ко мне с дурацкими расспросами, я спущу цепную собаку. Приведите сюда миссис Окшотт, ей я отвечу. А вы-то тут при чём? Ваших, что ли, я купил гусей!

— Нет, но всё же один из них мой, — захныкал человек.

— Ну и спрашивайте его тогда у миссис Окшотт!

— Она мне велела узнать у вас.

— Спрашивайте хоть у прусского короля! С меня хватит! Убирайтесь отсюда! — Он яростно бросился вперёд, и человечек быстро исчез во мраке.

— Ага, нам, кажется, не придётся идти на Брикстон-роуд, — прошептал Холмс. — Пойдём посмотрим, не пригодится ли нам этот субъект.

Пробираясь между кучками ротозеев, бродящих вокруг освещённых ларьков, мой друг быстро нагнал человечка и положил ему руку на плечо. Тот порывисто обернулся, и при свете газового фонаря я увидел, как сильно он побледнел.

— Кто вы такой? Что вам надо? — спросил он дрожащим голосом.

— Извините меня, — мягко сказал Холмс, — но я случайно слышал, что вы спрашивали у этого торговца. Я думаю, что могу быть вам полезен.

— Вы? Кто вы такой? Откуда вы знаете, что мне нужно?

— Меня зовут Шерлок Холмс. Моя профессия — знать то, чего не знают другие.

— О том, что мне нужно, вы ничего не можете знать.

— Прошу прощения, но я знаю всё. Вы пытаетесь установить, куда попали гуси, проданные миссис Окшотт с Брикстон-роуд торговцу Брекинриджу, который, в свою очередь, продал их мистеру Уиндигейту, владельцу «Альфы», а тот передал «гусиному клубу», членом которого является Генри Бейкер.

— Сэр, вы-то мне и нужны! — вскричал человек, протягивая дрожащие руки. — Я просто не могу выразить, как всё это важно для меня!

Шерлок Холмс остановил проезжавшего извозчика.

— В таком случае лучше разговаривать в уютной комнате, чем тут, на ветреной рыночной площади, — сказал он. — Но прежде чем отправиться в путь, скажите, пожалуйста, кому я имею удовольствие оказывать посильную помощь?

Человечек заколебался на мгновение.

— Меня зовут Джон Робинсон, — сказал он, отводя глаза.

— Нет, мне нужно настоящее имя, — ласково сказал Холмс. — Гораздо удобнее иметь дело с человеком, который действует под своим настоящим именем.

Бледные щёки незнакомца загорелись румянцем.

— В таком случае, — сказал он, — моё имя — Джеймс Райдер.

— Так я и думал. Вы служите в отеле «Космополитен». Садитесь, пожалуйста, в кэб, и вскоре я расскажу вам всё, что вы пожелаете узнать.

Маленький человечек не двигался с места. Он смотрел то на Холмса, то на меня с надеждой и испугом: он не знал, ждёт ли его беда или удача. Наконец он сел в экипаж, и через полчаса мы были в гостинице на Бейкер-стрит.

Дорогой никто не произнёс ни слова. Но спутник наш так учащённо дышал, так крепко сжимал и разжимал ладони, что было ясно, в каком нервном возбуждении он пребывает.

— Ну, вот мы и дома! — весело сказал Холмс. — Что может быть лучше пылающего камина в такую погоду! Вы, кажется, озябли, мистер Райдер. Садитесь, пожалуйста, в плетёное кресло. Я только надену домашние туфли, и мы сейчас же займёмся вашим делом.

Ну вот, готово! Так вы хотите знать, что стало с теми гусями?

— Да, сэр.

— Пожалуй, вернее, с тем гусем? Мне кажется, вас интересовал лишь один из них — белый, с чёрной полосой на хвосте...

Райдер затрепетал от волнения.

— О, сэр! — вскричал он. — Вы можете сказать, где находится этот гусь?

— Он был здесь.

— Здесь?

— Да, и оказался необыкновенным гусем. Не удивительно, что вы заинтересовались им. После своей кончины он снёс яичко — прелестное, сверкающее голубое яичко. Оно здесь, в моей коллекции.

Наш посетитель, шатаясь, поднялся с места и правой рукой ухватился за каминную полку. Холмс открыл несгораемый шкаф и вытащил оттуда голубой карбункул, сверкавший, словно звезда, холодным, ярким, переливчатым блеском. Райдер стоял с искажённым лицом, не зная, потребовать ли камень себе или отказаться от него.

— Игра проиграна, Райдер, — спокойно сказал Шерлок Холмс. — Держитесь крепче на ногах, не то упадёте в огонь. Помогите ему сесть, Уотсон. Он ещё не умеет хладнокровно мошенничать. Дайте ему глоток бренди. Так! Теперь он хоть немного похож на человека. Ну и жалкая же личность!

Райдер едва держался на ногах, но водка вызвала у него на щеках слабый румянец, и он сел, испуганно глядя на своего обличителя.

— Я знаю почти всё, у меня в руках почти все улики, и вы не многое сможете добавить. И всё-таки рассказывайте, чтобы в деле не оставалось ни малейшей неясности. Откуда вы узнали, Райдер, о голубом карбункуле графини Моркар?

— Мне сказала о нём Кэтрин Кьюсек, — ответил тот дрожащим голосом.

— Знаю, горничная её сиятельства. И искушение легко завладеть богатством оказалось сильнее вас, как это неоднократно бывало и с более достойными людьми. И вы не особенно выбирали средства для достижения своей цели. Мне кажется, Райдер, из вас получится порядочный негодяй! Вы знали, что этот паяльщик Хорнер был уже уличён в воровстве и что подозрения раньше всего падут на него. Что же вы сделали? Вы сломали прут каминной решётки в комнате графини — вы и ваша сообщница Кьюсек — и устроили так, что именно Хорнера послали сделать ремонт. Когда Хорнер ушёл, вы взяли камень из футляра, подняли тревогу, и бедняга был арестован. После этого...

Тут Райдер внезапно сполз на ковёр и обеими руками обхватил колени моего друга.

— Ради Бога, сжальтесь надо мной! — закричал он. — Подумайте о моём отце, о моей матери. Это убьёт их! Я никогда не воровал, никогда! Это не повторится, клянусь вам! Я поклянусь вам на Библии! О, не доводите этого дела до суда! Ради Христа, не доводите дела до суда!

— Ступайте на место, — сурово сказал Холмс. — Сейчас вы готовы ползать на коленях. А что вы думали, когда отправляли беднягу Хорнера на скамью подсудимых за преступление, в котором он не повинен?

— Я могу скрыться, мистер Холмс! Я уеду из Англии, сэр! Тогда обвинение против него отпадёт...

— Гм. мы ещё потолкуем об этом. А пока послушаем, что же действительно случилось после воровства. Каким образом камень попал в гуся, и как этот гусь попал на рынок? Говорите правду, ибо для вас правда — единственный путь к спасению.

Райдер повёл языком по пересохшим губам.

— Я расскажу всю правду, — сказал он. — Когда арестовали Хорнера, я решил, что мне лучше унести камень на случай, если полиции придёт в голову обыскать меня и мою комнату. В гостинице не было подходящего места, чтобы спрятать камень. Я вышел, будто бы по служебному делу, и отправился к своей сестре. Она замужем за неким Окшоттом, живёт на Брикстон-роуд и занимается тем, что откармливает домашнюю птицу для рынка. Каждый встречный казался мне полицейским или сыщиком, и, несмотря на холодный ветер, пот градом струился у меня по лбу. Сестра спросила, почему я так бледен, не случилось ли чего. Я сказал, что меня взволновала кража драгоценности в нашем отеле. Потом я прошёл на задний двор, закурил трубку и стал раздумывать, что бы предпринять.

Есть у меня приятель по имени Модели, который сбился с пути и только что отбыл срок наказания в Пентонвиллской тюрьме. Мы встретились с ним, разговорились, и он рассказал мне, как воры сбывают краденое. Я понимал, что он меня не выдаст, так как я сам знал за ним кое-какие грехи, и потому решил идти прямо к нему в Килберн и посвятить его в свою тайну. Он научил бы меня, как превратить этот камень в деньги. Но как добраться туда? Я вспомнил о тех терзаниях, которые пережил по пути из гостиницы. Каждую минуту меня могли схватить, обыскать и найти камень в моём жилетном кармане. Я стоял, прислонившись к стене, рассеянно глядя на гусей, которые, переваливаясь, бродили у моих ног, и внезапно мне пришла в голову мысль, как обмануть самого ловкого сыщика в мире...

Несколько недель назад сестра обещала, что к Рождеству я получу от неё отборнейшего гуся в подарок, а она слово держит. И я

решил взять гуся сейчас же и в нём пронести камень. Во дворе был какой-то сарай, я загнал за него огромного, очень хорошего гуся, белого, с полосатым хвостом. Потом поймал его, раскрыл ему клюв и как можно глубже засунул камень ему в глотку. Гусь глотнул, и я ощутил рукою, как камень прошёл в зоб. Но гусь бился и хлопал крыльями, и сестра вышла узнать в чём дело. Я повернулся, чтобы ответить, и негодный гусь вырвался у меня из рук и смещался со стадом.

«Что ты делал с птицей, Джеймс?» — спросила сестра.

«Да вот ты обещала подарить мне гуся к Рождеству. Я и попробовал, какой из них пожирнее».

«О, мы уже отобрали для тебя гуся, — сказала она, — мы так и называли его: «Гусь Джеймса». Вон тот, большой, белый. Гусей всего двадцать шесть, из них один тебе, а две дюжины на продажу».

«Спасибо, Мэгги. — сказал я. — Но если тебе всё равно, дай мне того, которого я поймал».

«Твой тяжелее по крайней мере фунта на три, и мы специально откармливали его».

«Ничего, мне хочется именно этого, я бы сейчас и взял его с собой».

«Твоё дело, — сказала сестра обиженно. — Какого же ты хочешь взять?»

«Вон того белого, с чёрной полосой на хвосте... Вон он, в середине стада».

«Пожалуйста, режь его и бери!»

Я так и сделал, мистер Холмс, и понёс птицу в Килберн. Я рассказал своему приятелю обо всём — он из тех, с которыми можно говорить без стеснения. Он хохотал до упаду, потом мы взяли нож и разрезали гуся. У меня остановилось сердце, когда я увидел, что произошла ужасная ошибка, и камня нет. Я бросил гуся, пустился бегом к сестре. Влетел на задний двор — гусей там не было.

«Где гуси, Мэгги?» — крикнул я.

«Отправила торговцу».

«Какому торговцу?»

«Брекинриджу на Ковент-Гарден».

«А был среди них один с полосатым хвостом — такой же, какого я взял?» — спросил я.

«Да, Джеймс, ведь было два гуся с полосатыми хвостами, я вечно путала их».

Тут, конечно, я понял всё и со всех ног помчался к этому самому Брекинриджу. Но он уже распродал гусей и не хотел сказать кому. Вы слышали сами, как он со мной разговаривал. Сестра думает, что я сошёл с ума. Порой мне самому кажется, что я сумасшедший. И вот... теперь я презренный вор, хотя даже не прикоснулся к богат-

ству, ради которого погубил себя. Боже, помоги мне! Боже, помоги! — Он закрыл лицо руками и судорожно зарыдал.

Потом наступило долгое молчание, лишь слышны были тяжелые вздохи Райдера, да мой друг мерно постукивал пальцами по столу. Вдруг Шерлок Холмс встал и распахнул настежь дверь.

— Убирайтесь! — проговорил он.

— Что? Сэр, да благословит вас небо!

— Ни слова! Убирайтесь отсюда!

Повторять не пришлось. На лестнице загрохотали стремительные шаги, внизу хлопнула дверь, и с улицы донесся быстрый топот.

— В конце концов, Уотсон, — сказал Холмс, протягивая руку к глиняной трубке, — я работаю отнюдь не затем, чтобы исправлять промахи нашей полиции. Если бы Хорнеру грозила опасность, тогда другое дело. Но Райдер не станет показывать против него, и обвинение рухнет. Возможно, я укрываю мошенника, но зато спасаю его душу. С этим молодцом ничего подобного не повторится, — он слишком напуган. Упеките его сейчас в тюрьму, и он не развяжется с ней всю жизнь. Кроме того, нынче праздники, надо прощать грехи. Случай столкнул нас со странной и забавной загадкой, и решить ее — само по себе награда. Если вы будете любезны и позволите, мы немедленно займёмся новым «исследованием», в котором опять таки фигурирует птица: ведь к обеду у нас куропатка.

Сидней Пажет.

Джеймс Райдер, умоляющий Шерлока Холмса (1892)

Перевод с английского Марины Чуковской

Диалог искусств

Шерлок Холмс — один из самых любимых литературных героев. Свои истории о приключениях этого знаменитого сыщика создавали многие авторы. Среди них и сын Конан Дойла Адриан, и Марк Твен, и даже президент США Франклин Рузвельт. Не остаются в стороне и современные писатели, например Борис Акунин...

Мировой кинематограф тоже не устаёт проявлять интерес к этому образу. По числу экранизаций история о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне даже попала в Книгу рекордов Гиннеса, поскольку насчитывается уже более 200 кинокартин об этом сыщике. Одной из последних киноверсий стал фильм режиссёра **Гая Ричи** (США — Великобритания — Германия, 2009).

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Заинтересовало ли вас прочитанное? Обоснуйте свой ответ.
2. От имени доктора Ватсона перескажите, какая картина предстала перед ним, когда он зашёл к Шерлоку Холмсу на третий день Рождества.
3. Расскажите, каким образом к Питерсону попали шляпа и гусь.
4. К каким выводам о хозяине шляпы пришёл Холмс, внимательно её рассмотрев? Как это характеризует сыщика?
5. Выразительно прочитайте, какое ошеломляющее известие принёс вскоре Питерсон.
6. Какие обстоятельства и факты дают основание Шерлоку Холмсу быть уверенным, что в зобу гуся находился тот самый камень, который украли у графини Моркар? Аргументируйте свою мысль цитатами из текста.
7. Расскажите, какие дальнейшие действия предпринимает сыщик, чтобы раскрыть это загадочное преступление.
8. Правильно разгадав ребус, вы прочитаете английское слово, которое встречается в тексте. Объясните, как вы понимаете его значение.

М = Н

1, 4, 3, 6

9. Найдите в тексте и выразительно прочитайте портретное описание владельца фетровой шляпы. Совпадает ли оно с предположениями Холмса об этом человеке?
10. На основании чего сыщик приходит к выводу, что Генри Бейкер не причастен к расследуемому делу?
11. Какие художественные детали текста подтверждают, что события рассказа происходят в Англии?
12. От имени одного из героев рассказа (*на ваш выбор*) перескажите, каким же образом голубой карбункул попал в зоб гуся.
13. Подумайте, почему Холмс отпустил Райдера. Найдите в тексте и прочитайте, как сам сыщик объясняет свой поступок. А вы согласны с ним? Аргументируйте свой ответ.
14. Какие черты характера знаменитого детектива раскрываются в этой истории?

Читателю XXI столетия на заметку

Как ни странно, Артур Конан Дойл считал серию произведений о Холмсе не самым лучшим своим литературным трудом. Поэтому однажды решил покончить с надоевшим ему героем в рассказе *«Последнее дело Холмса»* и силой своего творческого воображения сбросил его в пучину водопада. Но настойчивые читатели заставили писателя воскресить Холмса. Так для многих поколений самый популярный в мире сыщик, созданный фантазией писателя, стал вполне реальным лицом.

Интересно, что, по данным опроса, проведённого в Англии в 2011 году, в среднем каждый пятый британец считает, что Шерлок Холмс реально существовал.

Памятник Шерлоку Холмсу на Бейкер-стрит в Лондоне (1999).

Автор — Джон Даблдей

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О ДЕТЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. ЦИКЛ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Наверное, вам хорошо известно, что детектив — это агент секретной службы расследования. Кроме того, словом «детективный» мы называем всё, что связано с раскрытием какой-то тайны. А так как в произведениях литературы описывается очень много разных запутанных историй, существует и **детективная литература**. Для произведений этого вида литературы характерен насыщенный динамичный сюжет, который строится или на раскрытии загадочного преступления, или на детальном выяснении таинственных и загадочных обстоятельств, связанных с судьбами героев.

Таким образом, **детективная литература** (от латинского — раскрытие, от английского — открывать, обнаруживать) — художественные произведения, сюжеты которых созданы на раскрытии тайны, чаще всего связанной с каким-либо преступлением.

Понятие о детективной литературе существует уже более 160 лет. За это время этот вид литературы стал популярным во всём мире, ведь детективные произведения любят практически все. И это подтверждается не только статистикой книгопродаж, но и специальными исследованиями. Основоположителем детективной литературы считается американец Эдгар Аллан По, который в 1841 году написал детективный рассказ «Убийство на улице Морг». Именно этот писатель для раскрытия преступления первым в литературе применил *дедуктивный метод* (своеобразный способ исследования, основанный на логическом рассуждении, при котором новая мысль вытекает из предыдущих).

Глубокий анализ всех деталей вопроса, последовательные логические выводы, то есть дедуктивный метод использует в своих расследованиях и знаменитый Шерлок Холмс.

Образ знаменитого детектива Артур Конан Дойл использует во многих своих рассказах, которые составляют целый цикл произведений.

Цикл произведений — группа самостоятельных произведений, которые специально были объединены автором по какому-либо принципу в одно художественное целое.

Художественные произведения могут объединяться вокруг одного персонажа или вокруг общей тематики. Например, Шерлок Холмс появляется в 56 рассказах и 4 повестях Артура Конан Дойла, а повествование в большинстве случаев ведётся от имени лучшего друга и спутника Холмса — доктора Уотсона.

1. Объясните значение слова «детектив».
2. Раскройте понятие *детективная литература*.
3. Кто является родоначальником детективной литературы?
4. Объясните, что такое дедуктивный метод.
5. Продолжите предложение: «Цикл произведений — это ...».

Читателю XXI столетия на заметку

Идея создать своего знаменитого сыщика у Конан Дойла возникла после знакомства с преподавателем — проницательным доктором медицины Эдинбургского университета Джозефом Беллом. Однако сын писателя отрицал это, ссылаясь на такие слова отца: «Если и был Холмс, то это я сам».

Конан Дойл неоднократно говорил, что чувствует в себе присутствие «умного, бдительного детектива». Однажды писатель доказал, что сам мастерски владеет дедуктивным методом. В 1900-х годах Конан Дойл, в то время уже известный писатель, внезапно отложил рукописи и полностью погрузился в изучение нескольких судебных ошибок, в которых он был уверен. Интересно тот факт, что в сложном споре с юристами он вышел абсолютным победителем, причём в одном случае он добился оправдания незаконно осуждённого человека.

Сейчас большинство исследователей сходится во мнении, что Шерлок Холмс — это собирательный персонаж, который объединяет и черты доктора Белла, и самого Конан Дойла, и ещё некоторых знакомых писателя.

**Джеймс
Олдридж**
(1918–2015)

В моих книгах главная тема всегда одна и та же — выбор, выбор пути, выбор действия, выбор мировоззрения.

Джеймс Олдридж

РЫЦАРЬ ВЫБОРА

Английский писатель и общественный деятель Джеймс Олдридж вошёл в мировую литературу как автор произведений, в центре внимания которых — человек со своей сложной судьбой, человек, находящийся в критической ситуации и поставленный перед жизненно важным выбором, человек в поисках свободы и счастья.

Родился он **10 июля 1918** года в австралийском городке Уайт-Хилл (штат Виктория) в семье литературного работника (его отец был редактором местной газеты). Там же, в Австралии, будущий писатель и провёл свои детские и юношеские годы, о которых впоследствии вспоминал: «Отец-англичанин с детства привил мне любовь к классической литературе, хотя до пятнадцати лет я жил полной приключений том-сойеровской жизнью на медлительной реке Муррей с её пароходами, разливами, отличной рыбной ловлей, охотой и разнообразными речными приключениями, на всю жизнь оставившими во мне смутную и непонятную тоску». Стех пор в душе Олдриджа пробудились три главных увлечения его жизни — журналистика, художественная литература и приключения. Его всегда тянула к себе романтика — романтика «пустынных горизонтов, романтика моря, бескрайних, необжитых человеком пространств»¹. В то же время Джеймсу,

¹ Кудрявцева Т. Несколько слов об авторе // Олдридж Дж. Избранные произведения. В 2-х т. — Т. 2. — М.: Худож. лит., 1986. — С. 490.

который был пятым ребёнком в семье, приходилось с детства помогать отцу и подрабатывать в выходные.

Когда Олдридж вырос, он поступил в Мельбурнский¹ коммерческий колледж. Параллельно с учёбой, начиная с четырнадцати лет, Джеймс работал рассыльным, грузчиком, помощником верстальщика² в редакции одной из мельбурнских газет. Олдридж хотел увидеть землю своих предков и в возрасте двадцати лет переехал в Англию. Здесь будущий писатель продолжил образование в Лондонском университете.

Свою литературную деятельность он начал с журналистики. Судьба распорядилась так, что юность Олдриджа пришлась на время зарождения и разгула фашизма — политического течения, распространённого в 30–40-х годах XX века в ряде европейских стран и направленного на порабощение и истребление народов. Будучи убеждённым противником насилия и угнетения, писатель направил свои силы на борьбу с коричневой чумой. Гораздо позже, подводя жизненные итоги, он отмечал: «Оглядываясь на прошлое, могу с уверенностью констатировать, что главным событием, повлиявшим на мою жизнь, на моё мировоззрение, на моё творчество, стала война. Это своего рода поворотный пункт в жизни людей моего поколения, когда необходимо было сделать выбор, определиться, с кем ты, по какую сторону баррикад ты стоишь...». Именно война, развязанная фашизмом, побудила Олдриджа к написанию его лучших антифашистских произведений. В годы Второй мировой войны как военный корреспондент он побывал в Греции, Испании, Норвегии, Иране, СССР, Египте и других странах. Наблюдения за страшными событиями, за людьми, которым суждено было вынести на своих плечах всю горечь войны, легли в основу его рассказов и романов («*Дело чести*», «*Морской орёл*», «*О многих людях*» и другие). Неслучайно героями Олдриджа стали обычные люди, попавшие в экстремальные ситуации и проявившие в них невиданные мужество и стойкость, немыслимую силу воли

¹ *Мельбурн* — второй по величине город Австралии, столица штата Виктория.

² *Верстальщик* — специалист по вёрстке, то есть по компоновке текстовых, иллюстративных и вспомогательных элементов на странице печатного издания.

и невероятную выносливость. Причём описанных персонажей читатель может встретить и в тех произведениях, события которых происходят в послевоенные годы. Такими, например, являются лётчик Бен и его сын Дэви из *рассказа «Последний дюйм»* (1957 г.).

Память об увиденном на войне, размышления об ужасах, которые принёс фашизм, не оставляли Олдриджа и в мирное время. Став активным борцом за мир, в одной из своих статей под названием *«Это и есть патриотизм»* он писал: «Перед моими глазами лежала во всей своей прелести природа Англии, её прекрасные города и деревни. И мне вдруг подумалось: в случае войны эти густонаселённые и близко расположенные друг от друга города и сёла, наши острова — удобный объект для атомных бомбардировок. Стоило только представить себе, как мало останется после нескольких атомных взрывов от всей этой красоты и человеческого уюта — и любой из этих очаровательных пейзажей вдруг приобретал угрюмую, трагическую окраску, словно напоминая, что только в борьбе за сохранение мира на нашей земле мы можем обрести подлинный патриотизм, что людей, которые сознательно ставят под удар свои народы и свою страну, надо заклеить как предателей... Мир победит потому, что побеждает патриотизм, побеждает чувство человечности. **Любя свою страну, мы учимся любить все другие страны и хотеть мира для всех».**

1. Расскажите, что способствовало формированию Олдриджа как писателя.
2. Как вы думаете, почему главной темой его творчества стала тема выбора пути, выбора действия, выбора мировоззрения?
3. Внимательно перечитайте цитату из статьи «Это и есть патриотизм». Как вы понимаете последние слова?
4. Воспользовавшись материалами рубрики «Читателю XXI столетия на заметку», подготовьте сообщение на тему «Джеймс Олдридж и Украина».
5. Попробуйте по названию рассказа «Последний дюйм» предвидеть его содержание.

Читателю XXI столетия на заметку

Джеймс Олдридж в мае 1944 г. как корреспондент английского и американского агентств посетил города: Симферополь, Ялту, Балаклаву, Севастополь. Затем в 1960-х и 1970-х годах отдыхал в здравницах Крыма. Однажды по дороге домой он заехал в Измаил, где встретился со школьниками, студентами и рабочими пароходства. Особое впечатление произвела на него диорама «Штурм крепости Измаил». А в 1964 году английский писатель побывал в Киеве. Его впечатления от поездок отражены в статье *«И во мне часть Украины»*, напечатанной 11 марта 1964 года в киевской «Рабочей газете». В ней Олдридж отметил: «Украина напоминает мне страну моего детства Австралию. По моему мнению, любой украинский мальчик может узнать себя в героях моих детских рассказов».

ПОСЛЕДНИЙ ДЮЙМ

(В сокращении)

[...] Всё было кончено: ему стукнуло сорок три, жена уехала от него домой на Линнен-стрит в городе Кембридж, штата Массачусетс, и зажила как ей нравилось: ездила на трамвае до Гарвард-сквер, покупала продукты в магазине без продавца, гостила у своего старика в приличном деревянном доме — одним словом, вела приличную жизнь, достойную приличной женщины. Он пообещал приехать к ней ещё весной, но знал, что не сделает этого, так же как знал, что не получит в свои годы летней работы, особенно такой, к какой он привык, не получит её даже в Канаде. [...]

[...] Так он и остался ни с чем, если не считать равнодушной жены, которой он не был нужен, да десятилетнего сына, родившегося слишком поздно и, как понимал в глубине души Бен, чужого им обоим — одинокого, неприкаянного ребёнка, который в десять лет чувствовал, что мать им не интересуется, а отец — посторонний человек, резкий и немногословный, не знающий, о чём с ним говорить в те редкие минуты, когда они бывали вместе.

Вот и сейчас было не лучше, чем всегда. Бен взял с собой мальчика на «Остер», который бешено мотало на высоте в две тысячи футов над побережьем Красного моря, и ждал, что мальчишку вот-вот укачает.

— Если тебя стошнит, — сказал Бен, — пригнись пониже к полу, чтобы не запачкать всю кабину.

— Хорошо. — У мальчика был очень несчастный вид.

— Боишься?

Маленький «Остер» безжалостно швыряло в накалённом воздухе из стороны в сторону, но перепуганный мальчишка всё же не терялся и, с ожесточением посасывая леденец, разглядывал приборы, компас, прыгающий авиагоризонт.

— Немножко, — ответил мальчик тихим и застенчивым голосом, непохожим на грубоватые голоса американских ребят. — А от этих толчков самолёт не сломается?

Бен не умел утешать сына, он сказал правду:

— Если за машиной не следить и не проверять её всё время, она непременно сломается.

— А эта... — начал было мальчик, но его сильно тошнило, и он не мог продолжать.

— Эта в порядке, — с раздражением сказал отец. — Вполне годный самолёт.

Мальчик опустил голову и тихонько заплакал.

Бен пожалел, что взял с собой сына. У них в семье великодушные порывы всегда кончались неудачей: оба они были такие — сухая, плаксивая, провинциальная мать и резкий, вспыльчивый отец. Во время одного из редких приступов великодушия Бен как-то попробовал поучить мальчика управлять самолётом, и хотя сын оказался очень понятливым и довольно быстро усвоил основные правила, каждый окрик отца доводил его до слёз...

— Не плачь! — приказал ему теперь Бен. — Нечего тебе плакать! Подыми голову, слышишь, Дэви! Подыми сейчас же!

Но Дэви сидел опустив голову, а Бен всё больше и больше жалел, что взял его с собой, и уныло поглядывал на расстилавшееся под крылом самолёта бесплодное пустынное побережье Красного моря — непрерывную полосу в тысячу миль, отделявшую нежно размытые краски суши от блёклой зелени воды. Всё было недвижимо и мертво. Солнце выжигало здесь всякую жизнь, а весной на тысячах квадратных миль ветры вздымали на воздух массы песка и относили его на ту сторону Индийского океана, где он и оставался навеки на дне морском.

— Сядь прямо, — сказал он Дэви, — если хочешь научиться, как идти на посадку.

Бен знал, что тон у него резкий, и всегда удивлялся сам, почему он не умеет разговаривать с мальчиком. Дэви поднял голову. Он ухватился за доску управления и нагнулся вперёд. Бен убрал газ и, подождя, пока не сбавится скорость, с силой потянул рукоятку триммера, которая была очень неудобно расположена на этих маленьких английских самолётах — наверху слева, почти над головой.

Внезапный толчок мотнул голову мальчика вниз, но он её сразу же поднял и стал смотреть вверх опустившегося носа машины на узкую полосу белого песка у залива, похожего на лепёшку, кинутую на этот пустынный берег. Отец вёл самолёт прямо туда.

— А почём ты знаешь, откуда дует ветер? — спросил мальчик.

— По волнам, по облачку, чутьём! — крикнул ему Бен.

Но он уже и сам не знал, чем руководствуется, когда управляет самолётом. Не думая, он знал с точностью до одного фута, где посадит машину. Ему приходилось быть точным: голая полоска песка не давала ни одной лишней пяди, и опуститься на неё мог только очень маленький самолёт. Отсюда до ближайшей туземной деревни было сто миль, и вокруг — мёртвая пустыня.

— Всё дело в том, чтобы правильно рассчитать, — сказал Бен. — Когда выравниваешь самолёт, надо, чтобы расстояние до земли было шесть дюймов. Не фут и не три, а ровно шесть дюймов! Если взять выше, то стукнешься при посадке и повредишь самолёт. Слишком низко — попадёшь на кочку и перевернёшься. Всё дело в последнем дюйме.

Дэви кивнул. Он уже это знал. Он видел, как в Эль-Бабе, где они брали на прокат машину, однажды перевернулся такой «Остер». Ученик, который на нём летал, был убит.

— Видишь! — закричал отец. — Шесть дюймов. Когда он начинает снижаться, я беру ручку на себя. На себя. Вот! — сказал он, и самолёт коснулся земли мягко, как снежинка.

Последний дюйм! Бен сразу же выключил мотор и нажал на ножные тормоза — нос самолёта задрался кверху, и машина остановилась у самой воды — до неё оставалось шесть или семь футов.

Два лётчика воздушной линии, которые открыли эту бухту, назвали её Акульей — не из-за формы, а из-за её населения. В ней постоянно водилось множество крупных акул, которые заплывали из Красного моря, гоняясь за косяками сельди и кефали, искавшими здесь убежища. Бен и прилетел-то сюда из-за акул, а теперь, когда попал в бухту, совсем забыл о мальчике и время от времени только давал ему распоряжения: помочь при разгрузке, закопать мешок с продуктами в мокрый песок, смачивать песок, поливая его морской водой, подавать инструменты и всякие мелочи, необходимые для акваланга и камер.

— А сюда кто-нибудь когда-нибудь заходит? — спросил его Дэви.

Бен был слишком занят, чтобы обращать внимание на то, что говорит мальчик, но всё же, услышав вопрос, покачал головой:

— Никто! Никто не может сюда попасть иначе, как на лёгком самолёте. Принеси мне два зелёных мешка, которые стоят в машине,

и прикрывай голову. Не хватало ещё, чтобы ты получил солнечный удар!

Больше вопросов Дэви не задавал. Когда он о чём-нибудь спрашивал отца, голос у него сразу становился угрюмым: он заранее ожидал резкого ответа. Мальчик и не пытался продолжать разговор и молча выполнял, что ему приказывали. Он внимательно наблюдал, как отец готовил акваланги и киноаппарат для подводных съёмок, собираясь снимать в прозрачной воде акул.

— Смотри не подходи к воде! — приказал отец.

Дэви ничего не ответил.

— Акулы непременно постараются отхватить от тебя кусок, особенно если подымутся на поверхность, — не смей даже ступить в воду!

Дэви кивнул головой.

Бену хотелось чем-нибудь порадовать мальчика, но за много лет ему это ни разу не удавалось, а теперь, видно, было поздно. Когда ребёнок родился, начал ходить, а потом становился подростком. Бен почти постоянно бывал в полётах и подолгу не видел сына. Так было в Колорадо, во Флориде, в Канаде, в Иране, в Бахрейне и здесь, в Египте. Это его жене, Джоанне, следовало постараться, чтобы мальчик рос живым и весёлым.

Вначале он пыгался привязать к себе мальчика. Но разве добьёшься чего-нибудь за короткую неделю, проведённую дома, и разве можно назвать домом чужеземный посёлок в Аравии, который Джоанна ненавидела и всякий раз поминала только для того, чтобы потосковать о росистых летних вечерах, ясных морозных зимах и тихих университетских улочках родной Новой Англии? Её ничто не привлекало, ни глинобитные домишки Бахрейна, при ста десяти градусах по Фаренгейту и ста процентах влажности воздуха, ни оцинкованные посёлки нефтепромыслов, ни даже пыльные, беспардонные улицы Каира. Но апатия (которая всё усиливалась и наконец совсем её извела) должна теперь пройти, раз она вернулась домой. Он отвезёт к ней мальчонку, и, раз она живёт, наконец, там, где ей хочется, Джоанне, может быть, удастся хоть немного заинтересоваться ребёнком. Пока что она не проявляла этого интереса, а с тех пор, как она уехала домой, прошло уже три месяца.

— Затяни этот ремень у меня между ногами, — сказал он Дэви.

На спине у него был тяжёлый акваланг. Два баллона со сжатым воздухом весом в двадцать килограммов позволяют ему пробыть больше часа на глубине в тридцать футов. Глубже опускаться и незачем. Акулы этого не делают.

— И не кидай в воду камни, — сказал отец, поднимая цилиндрический, водонепроницаемый футляр киноаппарата и стирая песок с

рукоятки. — Не то всех рыб поблизости распугаешь. Даже акул. Дай мне маску.

Дэви передал ему маску с защитным стеклом.

— Я пробуду под водой минут двадцать. Потом поднимусь, и мы позавтракаем, потому что солнце уже высоко. Ты пока что обложи камнями оба колеса и посиди под крылом, в тени. Понял?

— Да, — сказал Дэви.

Бен вдруг почувствовал, что разговаривает с мальчиком так, как разговаривал с женой, чьё равнодушие всегда вызывало его на резкий, повелительный тон. Ничего удивительного, что бедный парнишка сторонится их обоих.

— И обо мне не беспокойся! — приказал он мальчику, входя в воду. Взяв в рот трубку, он скрылся под водой, опустив киноаппарат, чтобы груз тянул его на дно.

Дэви смотрел на море, которое поглотило его отца, словно мог что-нибудь разглядеть. Но ничего не было видно — только изредка на поверхности появлялись пузырьки воздуха.

Ничего не было видно ни на море, которое далеко вдали сливалось с горизонтом, ни на бескрайних просторах выжженного солнцем побережья. А когда Дэви вскарабкался на раскалённый песчаный холм у самого высокого края бухты, он не увидел позади себя ничего, кроме пустыни, то ровной, то слегка волнистой. Она уходила, сверкая, вдаль, к таявшим в знойном мареве красноватым холмам, таким же голым, как и всё вокруг.

Под ним был только самолёт, маленький серебряный «Остер», — мотор, остывая, всё ещё потрескивал. Дэви чувствовал свободу. Кругом на целых сто миль не было ни души, и он мог посидеть в самолёте и как следует всё разглядеть. Но запах бензина снова вызвал у него дурноту, он вылез и облил водой песок, где лежала еда, а потом уселся у берега и стал глядеть, не покажутся ли акулы, которых снимает отец. Под водой ничего не было видно, и в раскалённой тишине, в одиночестве, о котором он не жалел, хотя вдруг его остро почувствовал, мальчик раздумывал, что же с ним будет, если отец так никогда и не выплывет из морской глубины. [...]

Акул было много, но они держались на расстоянии. Они никогда не приближались настолько, чтобы можно было как следует поймать их в кадр. Придётся приманивать их поближе после обеда. Для этого Бен взял в самолёт половину лошадиной ноги; он обернул её в целлофан и закопал в песок.

— На этот раз, — сказал он себе, шумно выпуская пузырьки воздуха, — я уж наснимаю их не меньше чем на три тысячи долларов. [...]

Они кинулись прямо на кусок конины. Впереди шла знакомая пятнистая «кошка», а за ней две или три акулы той же породы, но

поменьше. Они не плыли и даже не двигали плавниками, они неслись вперёд, как серые струящиеся ракеты. Приблизившись к мясу, акулы слегка свернули в сторону, на ходу отрывая куски.

Он заснял на плёнку всё: приближение акул к цели; какую-то деревянную манеру разевать пасть, словно у них болели зубы; жадный, пакостный укус — самое отвратительное зрелище, какое он видел в жизни.

— Ах вы гады! — сказал он, не разжимая губ.

Как и всякий подводник, он их ненавидел и — очень боялся, но не мог ими не любоваться.

Они пришли снова, хотя плёнка была уже почти вся отснята. Значит, ему придётся подняться на сушу, перезарядить кинокамеру и поскорее вернуться назад. Бен взглянул на камеру и убедился, что плёнка кончилась. Подняв глаза, он увидел, что враждебно настроенная акула-кошка плывёт прямо на него.

— Пошла! Пошла! Пошла! — заорал Бен в трубку.

«Кошка» на ходу слегка повернулась на бок, и Бен понял, что сейчас она бросится в атаку. Только в это мгновение он заметил, что руки и грудь у него измазаны кровью от куска конины. Бен проклял свою глупость. Но ни времени, ни смысла упрекать себя уже не было, и он стал отбиваться от акулы киноаппаратом.

У «кошки» был выигрыш во времени, и камера её едва задела. Боковые резцы с размаху схватили правую руку Бена, чуть было не задели грудь и прошли сквозь другую его руку, как бритва. От страха и боли он стал размахивать руками; кровь его сразу же замутила воду, но он уже ничего не видел и только чувствовал, что акула сейчас нападёт снова. Отбиваясь ногами и пятась назад, Бен почувствовал, как его резануло по ногам: делая судорожные движения, он запутался в ветвистых коралловых зарослях. Бен держал дыхательную трубку правой рукой, боясь её выронить. И в тот миг, когда он увидел, что на него кинулась одна из акул помельче, он ударил её ногами и перекувырнулся назад.

Бен стукнулся спиной о надводный край рифа, кое-как выкатился из воды и, обливаясь кровью, рухнул на песок.

Когда Бен пришёл в себя, он сразу вспомнил, что с ним случилось, хотя и не понимал, долго ли был без сознания и что произошло потом, — всё теперь, казалось, было уже не в его власти.

— Дэви! — закричал он.

Откуда-то сверху послышался приглушённый голос сына, но глаза Бена застигла мгла — он знал, что шок ещё не прошёл. Но вот он увидел ребёнка, его полное ужаса, склонённое над ним лицо и понял, что был без сознания всего несколько мгновений. Он едва мог шевельнуться.

— Что мне делать? — кричал Дэви. — Видишь, что с тобой случилось!

Бен закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями. Он знал, что не сможет больше вести самолёт; руки горели, как в огне, и были тяжёлые, как свинец, ноги не двигались, и всё плыло, как в тумане.

— Дэви. — еле выговорил Бен, не открывая глаз. — Что у меня с ногами?

— У тебя руки... — услышал он невнятный голос Дэви, — руки все изрезаны, просто ужас!

— Знаю, — зло сказал Бен, не разжимая зубов. — А что у меня с ногами?

— Все в крови, изрезаны тоже...

— Сильно?

— Да, но не так, как руки. Что мне делать?

Тогда Бен поглядел на руки и увидел, что правая почти оторвана совсем; он увидел мускулы, сухожилия, крови почти не было. Левая была похожа на кусок жёваного мяса и сильно кровоточила; он согнул её, подтянул кисть к плечу, чтобы остановить кровь, и застонал от боли.

Он знал, что дела его совсем плохи.

Но тут же понял, что надо что-то сделать: если он умрёт, мальчик останется один, а об этом страшно даже подумать. Это ещё хуже, чем его собственное состояние. Мальчика не найдут вовремя в этом выжженном начисто краю, если его вообще найдут.

— Дэви. — сказал он настойчиво, с трудом пытаясь сосредоточиться, — послушай... Возьми мою рубашку, разорви её и перевяжи мне правую руку. Слышишь?

— Да.

— Крепко перевяжи мне левую руку над ранами, чтобы остановить кровь. Потом как-нибудь привяжи кисть к плечу. Так крепко, как сможешь. Понял? Перевяжи мне обе руки.

— Понял.

— Перевяжи крепко-накрепко. Сначала правую руку и закрой рану. Понял? Ты понял...

Бен не слышал ответа, потому что снова потерял сознание; на этот раз беспомощность продолжалось дольше, и он пришёл в себя, когда мальчик возился с его левой рукой; напряжённое, бледное лицо сына было искажено ужасом, но он с мужеством отчаяния старался выполнить свою задачу.

— Это ты, Дэви? — спросил Бен и услышал сам, как неразборчиво произносит слова. — Послушай, мальчик, — продолжал он с усилием. — Я тебе должен сказать, всё сразу, на случай, если опять потеряю сознание. Перебинтуй мне руки, чтобы я не потерял слыш-

ком много крови. Приведи в порядок ноги и стащи с меня акваланг. Он меня душит.

— Я старался его стащить, — сказал Дэви упавшим голосом. — Да не могу, не знаю как.

— Надо стащить, ясно? — прикрикнул Бен как обычно, но тут же понял, что единственная надежда спастись и мальчику и ему — это заставить Дэви самостоятельно думать, уверенно делать то, что он должен сделать. Надо как-то внушить это мальчику.

— Я тебе скажу, сынок, а ты постарайся понять. Слышишь? — Бен едва слышал себя сам и на секунду даже забыл о боли. — Тебе, бедняга, придётся всё делать самому, так уж получилось. Не расстраивайся, если я на тебя закричу. Тут уж не до обид. Не надо обращать на это внимание, понял?

— Да. — Дэви перевязывал левую руку и не слушал его.

— Молодчина! — Бену хотелось подбодрить ребёнка, но ему это не слишком-то удалось. Он ещё не знал, как найти подход к мальчику, но понимал, что это необходимо. Десятилетнему ребёнку предстояло выполнить дело нечеловеческой трудности. Если он хочет выжить. Но всё должно идти по порядку...

— Достань у меня из-за пояса нож, — сказал Бен, — и перережь все ремешки акваланга. — Сам он не успел пустить в ход нож. — Пользуйся тонкой пилкой, так будет быстрее. Не порежься.

— Хорошо, — сказал Дэви, вставая. Он поглядел на свои вымазанные в крови руки и позеленел. — Если ты сможешь хоть немножко поднять голову, я стащу один из ремней, я его расстегнул.

— Ладно. Постараюсь.

Бен приподнял голову и удивился, как трудно ему даже шевельнуться. Попытка двинуть шеей снова довела его до обморока; на этот раз он провалился в чёрную бездну мучительной боли, которая, казалось, никогда не кончится. Он медленно пришёл в себя и почувствовал какое-то облегчение.

— Это ты, Дэви?.. — спросил он откуда-то издалика.

— Я снял с тебя акваланг, — услышал он дрожащий голос мальчика. — Но у тебя по ногам всё ещё течёт кровь.

— Не обращай внимания на ноги, — сказал Бен, открывая глаза. Он приподнялся, чтобы взглянуть, в каком он виде, но побоялся снова потерять сознание. Он знал, что не сможет сесть, а тем более встать на ноги, и теперь, когда мальчик перевязал ему руки, верхняя часть туловища тоже была скована. Худшее было впереди, и ему надо было всё обдумать.

Единственной надеждой спасти мальчика был самолёт, и Дэви придётся его вести. Не было ни другой надежды, ни другого выхода. Но прежде надо обо всём как следует поразмыслить. Мальчи-

ка нельзя пугать. Если Дэви сказать, что ему придётся вести самолёт, он придёт в ужас. Надо хорошенько подумать, как сказать об этом мальчику, как внушить ему эту мысль и убедить всё выполнить, пусть даже безотчётно. Надо было ошущью найти дорогу к объёмному страхом, незрелому сознанию ребёнка. Он пристально посмотрел на сына и вспомнил, что уже давно как следует на него не глядел.

«Он, кажется, парень развитой», — подумал Бен, удивляясь странному ходу своих мыслей. Этот мальчик с серьёзным лицом был чем-то похож на него самого: за детскими чертами скрывался, быть может, жёсткий и даже необузданный характер. Но бледное, немного скуластое лицо выглядело сейчас несчастным, а когда Дэви заметил пристальный взгляд отца, он отвернулся и заплакал.

— Ничего, малыш, — произнёс Бен с трудом. — Теперь уже ничего!

— Ты умрёшь? — спросил Дэви.

— Разве я уж так плох? — спросил Бен, не подумав.

— Да, — ответил Дэви сквозь слёзы.

Бен понял, что сделал ошибку, нужно говорить с мальчиком, обдумывая каждое слово.

— Я шучу, — сказал он. — Это ничего, что из меня хлещет кровь. Твой старик не раз бывал в таких переделках. Ты разве не помнишь, как я попал тогда в больницу в Саскатуне?

Дэви кивнул.

— Помню, но тогда ты был в больнице...

— Конечно, конечно. Верно. — Он упорно думал о своём, силясь не потерять снова сознание. — Знаешь, что мы с тобой сделаем? Возьми большое полотенце и расстели его возле меня. Я переваюсь на него, и мы кое-как доберёмся до самолёта. Идёт?

— Я не смогу втащить тебя в машину, — сказал мальчик. В голосе его звучало уныние.

— Эх! — сказал Бен, стараясь говорить как можно мягче, хотя это было для него пыткой. — Никогда не знаешь, на что ты способен, пока не попробуешь. Тебе, наверно, пить хочется, а, воды-то и нет, а?

— Нет, я не хочу пить...

Дэви пошёл за полотенцем, а Бен сказал ему всё тем же тоном:

— В следующий раз мы захватим дюжину кока-колы. И лёд.

Дэви расстелил возле него полотенце; Бен дёрнулся на бок, ему показалось, что у него разорвались на части руки, и грудь, и ноги, но ему удалось лечь на полотенце спиной, упёршись пятками в песок, и сознания он не потерял.

— Теперь тащи меня к самолёту, — едва слышно проговорил Бен. — Ты тяни, а я буду отталкиваться пятками. На толчки не обращай внимания, главное — поскорее добраться!

— Как же ты поведёшь самолёт? — спросил его сверху Дэви.

Бен закрыл глаза: он хотел представить себе, что переживает сейчас сын. «Мальчик не должен знать, что машину придётся вести ему, — он перепугается насмерть».

— Этот маленький «Остер» летает сам, — сказал он. — Стоит только положить его на курс, а это нетрудно.

— Но ты же не можешь двинуть рукой. Да и глаз совсем не открываешь.

— А ты об этом не думай. Я могу лететь вслепую, а управлять колёнами. Давай двигаться. Ну, тащи.

Он поглядел на небо и заметил, что становится поздно и поднимается ветер; это поможет самолёту взлететь, если, конечно, они сумеют вырваться против ветра. Но ветер будет встречный до самого Каира, а горючего в обрез. Он надеялся, надеялся всей душой, что не задует хамсин, слепящий песчаный ветер пустыни. Ему следовало быть предусмотрительнее — запастись долговременным прогнозом погоды. Вот что выходит, когда становишься воздушным извозчиком. Либо ты слишком осторожен, либо действуешь без оглядки. На этот раз — что случилось с ним не часто — он был неосторожен с самого начала и до конца.

Долго взбирались они по склону; Дэви тащил, а Бен отталкивался пятками, поминутно теряя сознание и медленно приходя в себя. Два раза он срывался вниз, но наконец они добрались до самолёта; ему даже удалось сесть, прислонившись к хвостовой части машины, и оглядеться. Но сидеть было сущим адом, а обмороки всё учащались. Всё его тело, казалось теперь, раздирали на дыбе.

— Как дела? — спросил он мальчика. Тот задыхался, изнемогая от напряжения. — Ты, видно, совсем измучился.

— Нет! — крикнул Дэви с яростью. — Я не устал.

Тон его удивил Бена: он никогда не слышал в голосе мальчика ни протеста, ни тем более ярости. Оказывается, лицо сына могло скрывать эти чувства. Неужели можно годами жить с сыном и не разглядеть его лица? Но сейчас он не мог позволить себе раздумывать об этом. Сейчас он был в полном сознании, но от приступов боли захватывало дух. Шок проходил. Правда, он совсем ослабел. Он чувствовал, как из левой руки сочится кровь, но не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни даже пальцем (если у него ещё остались пальцы). Дэви самому придётся поднять самолёт в воздух, вести его и посадить на землю.

— Теперь, — сказал он, с трудом ворочая пересохшим языком, — надо навалить камней у дверцы самолёта. — Передохнув, он продолжал:

— Если навалить их повыше, ты как-нибудь сумеешь втащить меня в кабину. Возьми камни из-под колёс.

Дэви сразу принялся за дело, он стал складывать обломки кораллов у левой дверцы — со стороны сиденья пилота.

— Не у этой дверцы, — осторожно сказал Бен. — У другой. Если я полез с этой стороны, мне мешает рулевое управление.

Мальчик кинул на него подозрительный взгляд и с ожесточением снова принялся за работу. Когда он пытался поднять слишком тяжёлую глыбу, Бен говорил ему, чтобы он не перенапрягался.

— В жизни можно сделать всё что угодно, Дэви, — произнёс он слабым голосом, — если только не надорвёшься. Не надрывайся...

Он не помнил, чтобы давал раньше сыну такие советы.

— Но ведь скоро стемнеет, — сказал Дэви, кончив складывать камни.

— Стемнеет? — открыл глаза Бен. Было непонятно, то ли он задремал, то ли опять потерял сознание. — Это не сумерки. Это дует хамсин.

— Мы не можем лететь, — сказал мальчик. — Ты не сможешь вести самолёт. Лучше и не пытаться.

— Ах! — сказал Бен с той нарочитой мягкостью, от которой ему становилось ещё грустнее. — Ветер сам отнесёт нас домой.

Ветер мог отнести их куда угодно, только не домой, а если он задует слишком сильно, они не увидят под собой ни посадочных знаков, ни аэродромов — ничего.

— Давай, — снова сказал он мальчику, и тот опять принялся тащить его, а Бен стал отталкиваться, пока не очутился на самодельной ступеньке из коралловой глыбы у дверцы. Теперь оставалось самое трудное, но отдохнуть времени не было.

— Обвяжи мне грудь полотенцем, лезь в самолёт и тащи, а я буду отталкиваться ногами.

Эх, если бы он мог двигать ногами! Верно, что-нибудь случилось с позвоночником; он уже почти не сомневался, что в конце концов всё-таки умрёт. Важно было протянуть до Каира и показать мальчику, как посадить самолёт. Этого будет достаточно. На это он ставил единственную свою ставку, это был самый дальний его прицел.

И эта надежда помогла ему забраться в самолёт; он вполз в машину, согнувшись пополам, теряя сознание. Потом он попытался сказать мальчику, что надо делать, но не смог произнести ни слова. Мальчика охватил страх. Повернув к нему голову, Бен это почувствовал и сделал ещё одно усилие.

— Ты не видел, я вытащил из воды киноаппарат? Или оставил его в море?

— Он внизу, у самой воды.

— Ступай принеси его. И маленькую сумку с плёнкой. — Тут он вспомнил, что спрятал заснятую плёнку в самолёт, чтобы уберечь её от солнца. — Плёнки не надо. Возьми только аппарат.

Просьба звучала буднично и должна была успокоить перепуганного мальчика: Бен почувствовал, как накренился самолёт, когда Дэви, прыгнув на землю, побежал за аппаратом. Он снова подождал, на этот раз уже дольше, чтобы к нему полностью вернулось сознание. Надо было вникнуть в психологию этого бледного, молчаливого, настороженного и слишком послушного мальчика. Ах, если бы он знал его получше!..

— Застегни покрепче ремни, — сказал он. — Будешь мне помогать. Запоминай. Запоминай всё, что я скажу. Запри свою дверцу...

«Снова обморок», — подумалось Бену. Он погрузился на несколько минут в приятный, лёгкий сон, но старался удержать последнюю нить сознания. Он цеплялся за неё: ведь в ней одной было спасение сына.

Бен не помнил, когда он плакал, но теперь вдруг почувствовал на глазах беспричинные слёзы. Нет, он не намерен сдаваться. Ни за что!..

— Расклеился твой старик, а? — сказал Бен и даже почувствовал лёгкое удовольствие от такой откровенности. Дело шло на лад. Он нащупывал путь к сердцу мальчика. — Теперь слушай...

Он снова ушёл далеко, далеко, а потом вернулся.

— Придётся тебе взяться за дело самому, Дэви. Ничего не поделаешь. Слушай. Колёса свободны?

— Да, я убрал все камни.

Дэви сидел, стиснув зубы.

— Что это нас потряхивает?

— Ветер.

О ветре он совсем забыл.

— Вот что надо сделать, Дэви, — сказал он медленно. — Передвинь рычаг газа на дюйм, не больше. Сразу. Сейчас. Поставь всю ступню на педаль. Хорошо. Молодец! Теперь поверни чёрный выключатель около меня. Отлично. Теперь нажми вон ту кнопку, а когда мотор заработает, подвинь рычаг газа ещё немного. Стой! Поставь ногу на левую педаль. Когда мотор заработает, дай полный газ и развернись против ветра. Слышишь?

— Это я могу, — сказал мальчик, и Бену показалось, что он услышал в голосе сына резкую нотку нетерпения, чем-то напоминавшую его собственный голос.

— Здорово дует ветер, — добавил мальчик. — Слишком сильно, мне это не нравится.

— Когда будешь выруливать против ветра, отдай вперёд ручку. Начинай! Запускай мотор.

Он почувствовал, что Дэви перегнулся через него и включил стартёр, и услышал, как чихнул мотор. Только бы он не слишком резко передвинул ручку, пока мотор не заработает! «Сделал! Ей-Богу, сделал!» — подумал Бен, когда мотор заработал. Он кивнул, и от напряжения ему сразу же стало плохо. Бен понял, что мальчик даёт газ и пытается развернуть самолёт. А потом его всего словно поглотил какой-то мучительный шум; он почувствовал толчки, попробовал поднять руки, но не смог и пришёл в себя от слишком сильного рёва мотора.

— Сбавь газ! — закричал он как можно громче.

— Ладно! Но ветер не даёт мне развернуться.

— Мы встали против ветра? Ты повернул против ветра?

— Да, но ветер нас опрокинет.

Он чувствовал, как самолёт раскачивается во все стороны, попытался выглянуть, но поле его зрения было так мало, что ему приходилось целиком полагаться на мальчика.

— Отпусти тормоз, — сказал Бен. Об этом он забыл.

— Готово! — откликнулся Дэви. — Я его отпустил.

— Ну да, отпустил! Разве я не вижу? Старый дурак... — выругал себя Бен.

Тут он вспомнил, что из-за шума мотора его не слышно и надо кричать.

— Слушай дальше! Это совсем просто. Тяни ручку на себя и держи её посередине. Если машина будет подсакивать, ничего. Понял? Замедли ход. И держи прямо. Держи её против ветра, не бери ручку на себя, пока я не скажу. Действуй. Не бойся ветра...

Он слышал, как усиливался рёв мотора по мере того, как Дэви давал газ, чувствовал толчки и покачивание машины, прокладывавшей себе дорогу в песке. Потом она стала скользить, подхваченная ветром, но Бен подождал, пока толчки не стали слабее, и снова потерял сознание.

— Не смей! — услышал он издалека.

Он пришёл в себя — они только что оторвались от земли. Мальчик послушно держал ручку и не дёргал её к себе; они с трудом перевалили через дюны, и Бен понял, что от мальчика потребовалось немало мужества, чтобы от страха не рвануть ручку. Резкий порыв ветра уверенно подхватил самолёт, но затем он провалился в яму, и Бену стало мучительно плохо.

— Поднимись на три тысячи футов. там будет спокойнее! — крикнул он.

Ему следовало растолковать сыну всё до старта: ведь теперь Дэви будет трудно его услышать. Ещё одна глупость! Нельзя терять рассудок и непрерывно делать глупости!

— Три тысячи футов! — крикнул он. — Три.

— Куда лететь? — спросил Дэви.

— Сперва поднимись повыше. Выше! — кричал Бен, боясь, что болтанка снова напугает мальчика. По звуку мотора можно было догадаться, что он работает с перегрузкой и что нос самолёта слегка задран; но ветер их поддержит, и этого хватит на несколько минут; глядя на спидометр и пытаясь на нём сосредоточиться, он снова погрузился в темноту, полную боли.

Его привели в себя перебои мотора. Было тихо, ветра больше не было, он остался где-то внизу, но Бен слышал, как тяжело дышит и вот-вот сдаст мотор.

— Что-то случилось! — кричал Дэви. — Слушай, очнись! Что случилось?

— Подними рычаг смеси.

Дэви не понял, что нужно сделать, а Бен не сумел ему этого вовремя показать. Он неуклюже повернул голову, поддел щекой и подбородком рукоятку и приподнял её на дюйм. Он услышал, как мотор чихнул, дал выхлоп и снова заработал.

— Куда лететь? — снова спросил Дэви. — Почему ты мне не говоришь, куда лететь?!

При таком неверном ветре не могло быть прямого курса, несмотря на то, что тут, наверху, было относительно спокойно. Оставалось держаться берега до самого Суэца.

— Иди вдоль берега. Держись от него справа. Ты его видишь?

— Вижу. А это верный путь?

— По компасу курс должен быть около трёхсот двадцати! — крикнул он; казалось, голос его был слишком слаб, чтобы Дэви мог услышать, но он услышал.

«Хороший парень! — подумал Бен. — Он всё слышит».

— По компасу триста сорок! — закричал Дэви.

Компас находился наверху, и шкалу его было видно только с сиденья пилота.

— Вот и хорошо! Хорошо! Правильно! Теперь иди вдоль берега и держись его всё время. Только, Бога ради, ничего больше не делай. — сказал Бен; он слышал, что уже не говорит, а только неясно бормочет. — Пусть машина сама делает своё дело. Всё будет в порядке, Дэви...

Итак, Дэви всё-таки запомнил, что нужно выровнять самолёт, держать нужные обороты мотора и скорость! Он это запомнил. Славный парень! Он долетит. Он справится! Бен видел резко очерченный профиль Дэви, его бледное лицо с тёмными глазами, в которых ему так трудно было что-либо прочитать. Отец снова взгляделся в это лицо. «Никто даже не позаботился сводить его к зубному

врачу», — сказал себе Бен, заметив слегка торчащие вперёд зубы Дэви, — тот болезненно оскалился, надрываясь от напряжения. «Но он справится», — устало и примирительно подумал Бен.

Казалось, это был конец, итог всей его жизни. Бен провалился в пропасть, за край которой он ради мальчика так долго цеплялся. И пока он валился всё глубже и глубже, он успел подумать, что на этот раз ему повезёт, если он выберется оттуда вообще. Он падал слишком глубоко. Да и мальчику повезёт, если он вернётся назад. Но, теряя почву под ногами, теряя самого себя, Бен ещё успел подумать, что хамсин крепчает и надвигается мгла, а посадить самолёт уже придётся не ему... Теряя сознание, он повернул голову к дверце.

Оставшись один на высоте в три тысячи футов, Дэви решил, что уже никогда больше не сможет плакать. У него на всю жизнь высохли слёзы.

Только однажды за свои десять лет он похвастался, что отец его лётчик. Но он помнил всё, что отец рассказывал ему об этом самолёте, и догадывался о многом, чего отец не говорил. [...]

В картах Дэви разбирался. Это было несложно. Он знал, где лежит их карта, выпатчил её из сумки на дверце и задумался о том, что он будет делать, когда подлетит к Суэцу. Но, в общем, он знал даже и это. От Суэца вела дорога в Каир, она шла на запад через пустыню. Лететь на запад будет легче. Дорогу нетрудно разглядеть, а Суэц он узнает потому, что там кончается море и начинается канал. Там надо повернуть влево.

Он боялся отца. Правда, не сейчас. Сейчас он просто не мог на него смотреть: тот спал с открытым ртом, полуголый, весь залитый кровью. Он не хотел, чтобы отец умер; он не хотел, чтобы умерла мать, но ничего не поделаешь: это бывает. Люди всегда умирают.

Ему не нравилось, что самолёт летит так высоко. От этого замирало сердце, да и самолёт шёл слишком медленно. Но Дэви боялся снизиться и снова попасть в ветер, когда дойдёт до посадки. Он не знал, как ему быть. Нет, ему не хотелось снижаться в такой ветер, не хотелось, чтобы самолёт опять болтало во все стороны! Самолёт не будет тогда его слушаться. Он не сможет вести его по прямой и выровнять у земли.

Может быть, отец уже умер? Он оглянулся и увидел, что тот дышит порывисто и редко. Слёзы, которые, как думал Дэви, все уже высохли, снова наполнили его тёмные глаза, и он почувствовал, как они текут по щекам. Слизнув их языком, он стал следить за морем.

Бену казалось, что от толчков его тело пронзают и разрывают на части ледяные стрелы: во рту пересохло, он медленно приходил в себя. Взглянув вверх, он увидел пыль, а над ней тусклое небо.

— Дэви! Что случилось? Что ты делаешь? — закричал он сердито.

— Мы почти прилетели, — сказал Дэви. — Но ветер поднялся выше и уже темнеет.

Бен закрыл глаза, чтобы осознать, что же произошло, но так ничего и не понял: ему казалось, что он уже приходил в себя, указывал курс мальчику, а потом снова терял сознание. Пытка качкой продолжалась и усиливалась боль.

— Что ты видишь? — закричал он.

— Аэродромы и здания Каира. Вон большой аэродром, куда приходят пассажирские самолёты.

Качка и толчки оборвали слова мальчика; казалось, потоком воздуха их поднимает вверх на сотню футов, чтобы затем швырнуть вниз в мучительном падении на добрые две сотни; самолёт судорожно раскачивался из стороны в сторону.

— Не теряй из виду аэродром! — крикнул Бен сквозь приступ боли. — Следи за ним! Не спускай с него глаз. — Ему пришлось крикнуть это дважды, прежде чем мальчик расслышал; Бен тихонько твердил про себя: «Бога ради, Дэви, теперь ты должен слышать всё, что я говорю».

— Самолёт не хочет идти вниз, — сказал Дэви; глаза его расширились и, казалось, занимали теперь всё лицо.

— Выключи мотор.

— Выключал, но ничего не получается. Не могу опустить ручку.

— Потяни рукоятку триммера, — сказал Бен, подняв голову вверх, где была рукоятка. Он вспомнил и о щитках, но мальчику ни за что не удастся их выпустить, придётся обойтись без них.

Дэви пришлось привстать, чтобы дотянуться до рукоятки на колесе и сдвинуть её вперёд. Нос самолёта опустил, и машина перешла в пике.

— Выключи мотор! — крикнул Бен.

Дэви убрал газ, и ветер стал с силой подбрасывать планирующий самолёт вверх и вниз.

— Следи за аэродромом, делай над ним круг, — сказал Бен и стал собирать все силы для того последнего усилия, которое ему предстояло.

Теперь ему надо сесть, выпрямиться и наблюдать через ветровое стекло за приближением земли. Наступала решающая минута. Поднять самолёт в воздух и вести его не так трудно, посадить же на землю — вот задача!

— Там большие самолёты, — кричал Дэви. — Один, кажется, стартует...

— Берегись, сверни в сторону! — крикнул Бен.

Это был довольно никчемный совет, но зато дюйм за дюймом Бен приподнимался; ему помогало то, что нос самолёта был опу-

щен. Привалившись к дрожащей дверце и упираясь в неё плечом и головой, он упорно, из последних сил, карабкался вверх. Наконец голова его очутилась так высоко, что он смог упереться ею в доску с приборами. Он приподнял насколько смог голову и увидел, как приближается земля.

— Молодец! — закричал он сыну.

Бен дрожал и обливался потом, он чувствовал, что из всего его тела осталась в живых только голова. Рук и ног больше не было.

— Левей! — кричал он. — Дай вперёд ручку! Нагни её влево! Гни больше влево! Гни ещё! Хорошо! Всё в порядке, Дэви. Ты справишься. Влево! Жми ручку вниз...

— Я врежусь в самолёт.

Бену был виден большой самолёт. До самолёта было не больше пятисот футов, и они шли прямо на него. Уже почти стемнело. Пыль висела над землёй, словно жёлтое море, но большой четырёхмоторный самолёт оставлял за собой полосу чистого воздуха, — значит, моторы запущены на полную мощность. Если он стартовал, а не проверял моторы, всё будет в порядке. Нельзя садиться за лётной дорожкой: там грунт слишком неровный.

Бен закрыл глаза.

— Стартует...

Бен с усилием открыл глаза и кинул взгляд вверх носа машины, качавшейся вверх и вниз; до большого «ДК-4» оставалось всего двести футов, он преграждал им путь, но шёл с такой скоростью, что они должны были разминуться. Да, они разминутся. Бен чувствовал, что Дэви в ужасе потянул ручку на себя.

— Нельзя! — крикнул он. — Гни её вниз...

Нос самолёта задрался, и они потеряли скорость. Если потерять скорость на такой высоте, да ещё при этом ветре, их разнесёт в щепы.

— Ветер! — кричал мальчик; его личико застыло и превратилось в трагическую маску; Бен знал, что приближается последний дюйм и всё в руках у мальчика...

Оставалась минута до посадки.

— Шесть дюймов! — кричал он Дэви; язык его словно распух от напряжения и боли, а из глаз текли горячие слёзы.

— Шесть дюймов, Дэви!.. Стой! Ещё рано. Ещё рано... — плакал он.

На последнем дюйме, отделявшем их от земли, он всё-таки потерял самообладание; им завладел страх, им завладела смерть, и он не мог больше ни говорить, ни кричать, ни плакать; он привалился к доске; в глазах его был страх за себя, страх перед этим последним головокружительным падением на землю, когда чёрная взлётная

дорожка надвигается на тебя в облаке пыли. Он силился крикнуть: «Пора! Пора! Пора!» — но страх был слишком велик; в последний, смертный миг, который снова вернул его в забытье, он ощутил, как слегка приподнялся нос самолёта, услышал громкий рёв ещё не заглушённого мотора, почувствовал, как, ударившись о землю колёсами, самолёт мягко подскочил в воздух, и настало томительное ожидание. Но вот хвост и колёса коснулись земли — это был последний дюйм. Ветер закружил самолёт, он забуксовал и описал на земле круг, а потом замер, и наступила тишина.

Ах, какая тишина и какой покой! Он слышал их, чувствовал всем своим существом; он вдруг понял, что выживет, — он так боялся умереть и совсем не хотел сдаваться.

В жизни не раз наступают решающие минуты и остаются решающие дюймы, а в истерзанном теле лётчика нашлись решающие всё дело кости и кровеносные сосуды, о которых люди и не подозревали. Когда кажется, что всё уже кончено, они берут своё. Египетские врачи с удивлением обнаружили, что у Бена их неисчерпаемый запас, а способность восстанавливать разорванные ткани, казалось, была дана лётчику самой природой. [...]

Казалось, всё было хорошо, но Бен всё-таки потерял левую руку. («Странно, — думал он, — я бы мог поклясться, что больше досталось правой руке».) Пришлось справиться и с параличом, который курчавый исцелитель упорно называл «небольшим нервным шоком». Потрясение превратило Бена в неподвижный и очень хрупкий обломок — поправка не могла идти быстро. Но всё-таки дело шло на лад. Всё, кроме левой руки Бена, которая отправилась в мусоросжигалку, но и это было бы ничего, если бы вслед за ней не отправилась туда же и его профессия лётчика.

Однако, помимо всего, был ещё мальчик.

— Он жив и здоров, — сказал врач. — Не получил даже шока. — Кудрявый египтянин отпускал весёлые шутки на прекрасном английском языке.

— Он куда подвижней вас.

Значит, и с парнишкой всё в порядке. Даже самолёт уцелел. Всё обстояло как нельзя лучше, но решала дело встреча с мальчиком: тут либо всё начнётся, либо снова кончится. И, может быть, навсегда.

Когда привели Дэви, Бен увидел, что это был тот же самый ребёнок, с тем же самым лицом, которое он так недавно впервые разглядел. Но дело было совсем не в том, что разглядел Бен: важно было узнать, сумел ли мальчик что-нибудь увидеть в своём отце.

— Ну, как, Дэви? — робко сказал он сыну. — Здорово было, а?

Дэви кивнул. Бен знал: мальчуган вовсе не думает, что было здорово, но придёт время, и он поймёт. Когда-нибудь мальчик поймёт, как было здорово. К этому стоило приложить руки.

— Расклеился твой старик, правда? — спросил он.

Дэви кивнул. Лицо его было по-прежнему серьёзно.

Бен улыбнулся. Да что уж греха таить, старик и в самом деле расклеился. Им обоим нужно время. Ему, Бену, теперь понадобится вся жизнь, вся жизнь, которую подарил ему мальчик. Но, глядя в эти тёмные глаза, на слегка выдающиеся вперёд зубы, на это лицо, столь необычное для американца, Бен решил, что игра стоит свеч. Этому стоит отдать время. Он уж доберётся до самого сердца мальчишки! Рано или поздно, но он до него доберётся. Последний дюйм, который разделяет всех и вся, нелегко преодолеть, если не быть мастером своего дела. Но быть мастером своего дела — обязанность лётчика, а ведь Бен был когда-то совсем неплохим лётчиком.

Перевод Елены Голышевой, Бориса Изакова

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Поделитесь впечатлениями, которые произвёл на вас рассказ.
2. Опишите, какими предстают перед читателем Бен и Дэви в начале произведения. Симпатичны ли они вам?
3. Расскажите, что вы узнали о взаимоотношениях отца и сына.
4. Согласны ли вы с тем, что Бен недостаточно заботился о своём ребёнке? Подтвердите ответ цитатами.
5. Вспомните, с какой целью главный герой отправился в Акулю бухту.
6. Найдите в тексте и выразительно прочитайте описания природного мира бухты. Почему Дэви чувствовал в этом месте одновременно и свободу, и тревогу?
7. Расскажите, как Бен получил тяжёлые увечья.
8. Прочитайте в лицах отрывок от слов «Когда Бен пришёл в себя...» до слов «...если его вообще найдут».
9. Опишите поведение раненого Бена. Что больше всего его беспокоило? Как это характеризует главного героя?
10. Найдите в тексте и прочитайте описания внешности Дэви. Помогают ли они понять внутренние переживания мальчика? Аргументируйте свою мысль.
11. Подумайте, какую роль играет портрет в осознании читателем всего ужаса сложившейся ситуации и в понимании характеров героев.
12. Вспомните, какие советы давал Бен сыну. Можно ли их назвать жизненно важными для любого человека?

13. Как раскрылись характеры отца и сына в экстремальной ситуации? Дайте оценку их поведению и поступкам.
14. Предложите своё объяснение таких слов: «В жизни не раз наступают решающие минуты и остаются решающие дюймы...», «Им обоим нужно время...».

Диалог искусств

В 1958 г. по рассказу Дж. Олдриджа был снят фильм «Последний дюйм» (режиссёры Теодор Вульфович и Никита Курихин), полюбившийся зрителям разных поколений. Многие из них отмечали, что авторам этой экранизации удалось открыть окно в мир суровой мужской романтики, блестяще передать характеры Бена и Дэви, а также главную мысль произведения. Интересно, что этот фильм и спустя 50 лет пользуется популярностью.

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ В РАЗДЕЛЕ «ПОСТИГАЯ СУТЬ РАССКАЗА И НОВЕЛЛЫ»

1. Внимательно рассмотрите шмуцтитул этого раздела. Прочитайте и прокомментируйте эпиграфы к этому разделу учебника.
2. Обоснуйте, почему А. П. Чехова считают мастером художественной детали.
3. На примере одного из рассказов А. П. Чехова раскройте понятие антитезы.
4. Объясните смысл понятия «художественная деталь». На конкретных примерах из прочитанных произведений А. П. Чехова проиллюстрируйте значение художественной детали в раскрытии характеров персонажей.
5. Раскройте роль диалогов в рассказах А. П. Чехова.
6. Нарисуйте комикс по сюжету одного из рассказов А. П. Чехова.
7. Напишите сочинение на тему: «Над чем смеёмся и над чем мы грустим, читая рассказы А. П. Чехова».
8. Литературовед А. Степанов назвал О. Генри «американским Чеховым». Согласны ли вы с таким утверждением? Обоснуйте свой ответ.
9. Подготовьте выборочное изложение на одну из тем:
 - «Подарок к Рождеству для любимого человека» (по новелле О. Генри «Дары волхвов»);
 - «Спасительная сила искусства» (по новелле О. Генри «Последний лист»).

10. Докажите, что прочитанное произведение А. Конан Дойла — это детективный рассказ.
11. Внимательно рассмотрите обложки к рассказу Дж. Олдриджа «Последний дюйм». Какая из них вам кажется наиболее удачной? Объясните свой выбор.

12. Вспомните эпиграф к статье о Дж. Олдридже. Можно ли утверждать, что рассказ «Последний дюйм» представляет главную тему творчества английского писателя? Обоснуйте свой ответ.
13. Сравните рассказ Дж. Олдриджа «Последний дюйм» и новеллу О. Генри «Последний лист». Что в них общего?
14. К размышлению над какими жизненно важными проблемами и побуждает читателей рассказ Дж. Олдриджа?
15. Как вы понимаете название рассказа? Можно ли сказать, что слова «последний дюйм» касаются только расстояния, необходимого для посадки самолёта?
16. В малых группах выполните одно из следующих заданий:
- подготовьте мультимедийную презентацию о музее А. П. Чехова в Ялте или Сумах;
 - создайте буктрейлер к одному из рассказов А. П. Чехова;
 - нарисуйте иллюстрации к прочитанным произведениям О. Генри;
 - напишите коллективное письмо на Бейкер-стрит, 221-б;
 - составьте кроссворд по произведениям А. Конан Дойла;
 - напишите сценарий художественного фильма или мультфильма по рассказу Дж. Олдриджа «Последний дюйм».
17. Напишите отзыв на одно из произведений, прочитанных в этом разделе.

«ЧТОБЫ ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ...»

Ах, война, что ж ты сделала, подлая...
Булат Окуджава, российский писатель

Тут обелісків ціла рота.
Стрижі над кручею стрижуть.
Високі цвинтарні ворота
високу тишу стережуть.

Лина Костенко, украинская писательница

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✓ **почувствовать силу** поэтических произведений о Второй мировой войне;
- ✓ **понять** ведущие темы и мотивы лирики военных лет;
- ✓ **поделиться с собственными впечатлениями** о произведениях, посвящённых войне;
- ✓ **закрепить умения** выразительного чтения лирических произведений;
- ✓ **задуматься** над тем, почему современному человеку важно знать правду о войне и зачем необходимо помнить о её героях.

Расскажите, что вам уже известно из уроков истории о Второй мировой войне.

Какие произведения и каких авторов на тему войны вы читали? Какие из них и почему произвели на вас наибольшее впечатление?

«СТРОКИ, ОПАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ...»¹

Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают эту взятую с боем суровую правду солдат.

Семен Гудзенко, российский поэт

В грозные времена военных испытаний особое место в душе человека занимает поэзия, которая, поддерживая дух народа, вселяет веру в обязательное торжество Добра и Правды.

Предельно чёткую характеристику своему поколению, прошедшему фронты Второй мировой войны, дал поэт **Сергей Сергеевич ОРЛОВ (1921–1977)**:

*Мы не пытались в жизни окопаться,
Нас мало уцелело под огнём.*

В самом начале войны по собственному заявлению С. Орлов был зачислен в истребительный батальон народного ополчения. Спустя два месяца он стал танкистом. В феврале 1944 года во время выполнения боевого задания поэт чуть заживо не сгорел в танке. Следы от страшных ожогов остались на его лице на всю жизнь. Он не любил рассказывать о своих ранениях и контузиях. И только в своих произведениях С. Орлов был предельно искренним. В стихотворении «Его

¹ Статья проиллюстрирована гравюрами Стасиса Красаускаса из серии «Вечно живые» (1973–1975) (см. страницы 248, 249, 250).

зарыли в шар земной...», посвящённом простому парню, отдавшему свою жизнь за Родину, поэт сумел передать память обо всех погибших на полях сражений воинах.

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой.
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжёлые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...*

Как только началась война, стал добиваться отправления на фронт и сын известного поэта Эдуарда Багрицкого, Всеволод Эдуардович БАГРИЦКИЙ (1922–1942). В январе 1942 г. он получает назначение в редакцию газеты «Отвага» Второй ударной армии. В. Багрицкий живёт жизнью рядового военного журналиста. 12 февраля 1942 г. в его дневнике появляется такая запись: «Мне 19 лет. Сейчас вечер. Очень грустно и одиноко. Увижу ли я когда-нибудь свою маму?..». 26 февраля 1942 года Всеволод Багрицкий был убит осколком бомбы. Но в истории его родного города Одессы навсегда останется стихотворение, написанное в самом начале войны, отразившее силу духа, мужество и чаяния простых одесситов:

*Одесса, город мой!
Мы не сдадим тебя!
Пусть рушатся дома, хрипя в огне пожариц,
Пусть смерть бредёт по улицам твоим,
Пусть жжёт глаза горячий чёрный дым,
Пусть пахнет хлеб теплом пороховым,
Одесса, город мой!*

*Мой спутник и товарищ!
Одесса, город мой!
Тебя мы не сдадим!*

В 17 лет прямо со школьной скамьи ушла добровольцем на фронт и Юлия Владимировна ДРУНИНА (1924–1991). О себе и своих ровесницах она писала:

*Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слышал
Ко всему привыкший сорок первый год.*

Почти всю войну она прошла санинструктором, дважды была ранена. Тема войны навсегда вошла в её творчество. В 1943 году в госпитале она написала своё первое стихотворение:

*Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И тысячу — во сне...
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

«Окончание моего детства совпадает с началом войны», — так коротко о себе написал Евгений Михайлович ВИНУКUROV (1925–1993). Как только началась война, он прервал учёбу в десятом классе школы и поступил в офицерское артиллерийское училище. Будущему поэту не было ещё и 18-ти лет, когда осенью 1943 года он принял командование артиллерийским взводом. На фронте Е. Винокуров начал писать стихи. На слова поэта написана популярная песня «*Москвичи*» («*В полях за Вислой сонной...*»), ставшая своеобразным памятником всем тем, кто не вернулся с войны.

*В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Серёжка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.
А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.
Свет лампы воспалённой
Пылает над Москвой*

*В окне на Малой Бронной,
В окне над Моховой.*

*Друзьям не встать. В округе
Без них идёт кино.
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.*

*Пылает свод бездонный.
И ночь шумит листвою
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.*

Однажды текст этого стихотворения Евгений Винокуров показал композитору Андрею Эшпаю. Так и родилась песня. Интересен тот факт, что строчки стихотворения созвучны биографии самого А. Эшпая. «Этот “свет лампы воспалённой” в стихах Винокурова — очень точные слова, — рассказывал композитор. В них я увидел свою маму, ожидающую и перечитывающую мои и брата письма с фронта».

«Все мои стихи и песни не столько о войне, сколько против неё. Я рассказываю о том, что случилось со мной, с моими друзьями», — говорил поэт, один из основателей жанра авторской песни Булат Шалвович ОКУДЖАВА (1924–1997). В 1942 году из девятого класса он добровольцем ушёл на фронт, служил миномётчиком, был ранен. После госпиталя был связистом. В 1945 году демобилизовался, работал и закончил уже вечернюю школу. Б. Окуджава вспоминал: «Когда я ещё был в учебном миномётном дивизионе, уже четверо ребят с нашего арбатского двора были убиты. Но я об этом долгое время не мог писать...». Со временем появилось произведение «До свидания, мальчики», посвящённое Борису Балтеру (1919–1974), писателю, одному из авторов повести «До свидания, мальчики».

*Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли,
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили,
и ушли, за солдатом солдат...*

*До свидания, мальчики! Мальчики,
попытайтесь вернуться назад.*

*Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат,
И себя не щадите вы... И всё-таки
попытайтесь вернуться назад.*

*Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб — разлуки и дым!
Наши девочки платица белые
раздали сестрёнкам своим.
Сапоги — ну куда от них денешься?
Да зелёные крылья погон...*

*Вы наплюйте на сплетников, девочки!
Мы сведём с ними счёты потом.*

*Пусть болтают, что верить вам не во что,
что идёте войной наугад...*

*До свидания, девочки! Девочки,
попытайтесь вернуться назад!*

Так на долгие годы суровая правда войны, нежная любовь к солдату, к своей малой и большой родине, которую он защищает ценой собственной жизни, становится ведущей темой в поэзии.

1. Какие исторические факты и литературные произведения, представленные в этой статье, произвели на вас наибольшее впечатление и почему?
2. Прослушайте песни «До свидания, мальчики!» и «Москвичи» («В полях за Вислой сонной...») в исполнении Булата Окуджавы. Поделитесь своими чувствами и мыслями от услышанного с родителями и близкими вам людьми.
3. Самостоятельно подготовьте сообщение о жизненной и творческой судьбе одного из поэтов, писавших о войне.
4. Проведите небольшое исследование: «Тема войны в лирике украинской поэтессы Лины Костенко ("Пастораль XX сторіччя", "Тут обелісків ціла рота...", "Мій перший вірш, написаний в околі...")». С какими из известных вам произведений русской лирики о войне можно сопоставить стихотворения украинской поэтессы? Аргументируйте свой ответ конкретными примерами.

**Анна Андреевна
АХМАТОВА**
(1899–1966)

Пусть когда-нибудь имя моё
Прочитают в учебнике дети...
Анна Ахматова

ПОБЕДИВШАЯ СУДЬБУ...

Восторженное признание и полное забвение в долгие годы запрета... Внутренняя свобода, сила духа и страдания... Вынужденная изоляция, репрессии и травля со стороны властей... Всё это в полной мере испытала на себе **Анна Андреевна Ахматова** (настоящая фамилия — Горенко).

Она родилась 11 июня 1899 года в пригороде Одессы с названием Большой Фонтан. Отец её был морским офицером, и вскоре семья переехала на север, под Санкт-Петербург. Детство Анны прошло по соседству с Царскосельским лицеем, в котором учился А. С. Пушкин. Она гуляла по паркам и представляла себе великого поэта:

*Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озёрных грустил берегов,
И столетия мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.*

На лето семья уезжала под Севастополь. Анна много плавала, загорала и, по её собственным словам, «получила прозвище “дикая девочка”, потому что ходила босиком, бродила без шляпы и т.д., бросалась с лодки в открытое море, купалась во время шторма...». А самым сильным впечатлением тех лет был Херсонес, около которого и жила их семья. «Херсонес — главное место в мире», «Я — последняя херсонидка», — вспоминала Анна свои детские и юношеские годы у моря.

Своё первое стихотворение она опубликовала в 11 лет. Детские стихи Анны не сохранились. Она сама их уничтожила, чтобы появились другие, в которых «трепещет и бьётся живая, близкая, знакомая нам женская душа». В них Анна Горенко теперь стала Анной Ахматовой. Изменить свою фамилию она была вынуждена по просьбе отца, который не одобрял увлечения дочери поэзией и попросил не позорить фамилию потомственного моряка. В качестве псевдонима Анна взяла фамилию бабушки, происходившей из татарского княжеского рода. О своём выборе она писала:

*Татарское, дремучее
Пришло из никуда,
К любой беде липучее,
Само оно — беда.*

...Ещё много разных счастливых и трагических событий произойдёт в жизни Анны Ахматовой, и все они будут обязательно сопровождаться высокой поэзией... «Я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных», — скажет Ахматова.

Война застала её в Ленинграде. Вот какой увидела Ахматову в те военные дни другая поэтесса — Ольга Берггольц: «С лицом, замкнутым в суровой гневности, с противогазом через плечо, она несла дежурство как рядовой боец противовоздушной обороны. Она шила мешки для песка, которыми обкладывали траншеи-убежища... В то же время она писала стихи, пламенные, лаконичные...».

Созданное в первый месяц войны стихотворение «*Клятва*» Анны Андреевны молниеносно облетело всю страну и стало для многих жизненным лозунгом.

В конце сентября 1941 года Ахматова вылетела из осаждённого Ленинграда. Она вспоминала: «До мая 1944 года я жила в Ташкенте, жадно ловила вести о Ленинграде, о фронте. Как и другие поэты, часто выступала в госпиталях, читала стихи раненым бойцам».

В 1942 году из-под её пера появилось стихотворение «Мужество». Его, как завещание хранителям истории, писали на стенах своих домов жители блокадного Ленинграда.

В Ташкенте в 1948 году у Ахматовой вышел сборник «Избранные стихотворения». Её поэзия тех лет — яркий пример силы духа и веры в торжество победы.

*Белым камнем тот день отмечу,
Когда я о победе пела,
Когда я победе навстречу,
Обгоняя солнце, летела.*

(Из стихотворения «С самолёта», 1944 г.).

Анна Ахматова прожила долгую жизнь, в которой было много трагедий. Но она сумела выстоять и пережить и горечь утрат всех близких, и фактическое отсутствие дома, и запрет на своё имя в современной ей литературе...

*Холодное, чистое, лёгкое пламя
Победы моей над судьбой.*

Эти строчки были написаны самой Анной Ахматовой. Она смогла победить судьбу...

1. Объясните заголовок статьи об Анне Ахматовой. Предложите свой вариант.
2. Расскажите о годах жизни поэта во время войны.

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль твою в силу она переплавит:
Мы детям клянёмся, клянёмся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Как в произведении передано настроение народа в годы войны?
2. Определите главную мысль стихотворения.
3. Как вы думаете, почему стихотворение такое лаконичное? Как объём произведения соотносится с его названием?

4. Проследите по тексту, как ритм стихотворения помогает передать его главную мысль.
5. Выучите стихотворение наизусть.
6. Выразительно прочитайте стихотворение, соблюдая свою исполнительскую задачу (*мысли и чувства, которые вы хотите передать при чтении*).

А вы, мои друзья последнего призыва!
 Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
 Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
 А крикнуть на весь мир все ваши имена!
 Да что там имена!
 Ведь всё равно — вы с нами!..
 Все на колени, все!
 Багряный хлынул свет!
 И ленинградцы вновь идут сквозь дым
 рядами —
 Живые с мёртвыми: для славы мёртвых нет.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Объясните, как вы поняли стихотворение.
2. Определите главный мотив стихотворения.
3. Проследите, с помощью каких художественных средств передана тема памяти в стихотворении.
4. Подготовьте выразительное чтение наизусть стихотворения.
5. Рассмотрите помещённую в учебнике иллюстрацию. Какие мысли и чувства вызывает у вас образ поверженного дракона? Словесно нарисуйте своё видение образа Победы.

Николай Рерих.
 Победа
 (1942)

**Константин
Михайлович
СИМОНОВ**
(1915–1979)

Хорошо это или плохо, но, очевидно, я до сих пор был и продолжаю оставаться военным писателем.

Константин Симонов

«ВСЮ ЖИЗНЬ ЛЮБИЛ ОН РИСОВАТЬ ВОЙНУ...»

«**В**сю жизнь любил он рисовать войну...» — так называется одно из стихотворений **Константина** (настоящее имя — **Кирилл**) **Михайловича СИМОНОВА**. Этими же строчками можно охарактеризовать его творческую и жизненную судьбу.

Условия жизни, в которых прошло детство писателя, воспитали в нём не только уважение к армии, но и такие важные качества, как ответственность, собранность и трудолюбие.

За несколько дней до начала войны Константин Симонов окончил годичные курсы военных корреспондентов, и все эти страшные годы работал во фронтовых газетах, побывал в самых опасных боевых точках, стал свидетелем последних боёв за Берлин. За это время им было написано множество очерков, рассказов и, конечно же, стихотворений. Российский поэт Александр Твардовский говорил о К. Симонове в те годы: «Несколько его стихотворений, быть может, лучшее, что есть в нашей поэзии военного времени... в них он выступает как поэтическая душа нынешней войны».

Среди многочисленных произведений писателя особо выделяется его фронтовое *стихотворение* «*Жди меня*», которое стало поистине народным. Его учили наизусть, переписыва-

ли, посылали близким и родным. Его находили в нагрудных карманах раненых и убитых бойцов. Это произведение вселяло веру в силу любви, которая обязательно уберезёт от гибели, дарило стойкую уверенность в победе над жестоким и сильным врагом. А строки стихотворения «всем смертям назло» стали крылатыми и вдохновляли на новые подвиги.

Память войны не оставляла писателя до конца жизни. Прах К. Симонова по его желанию был развеян над местами особенно памятных ему боёв. Своё решение он объяснил так: «Я не был солдатом, был всего-навсего корреспондентом, но у меня есть кусок земли, который мне век не забыть, — вот это поле за Могилёвом, где я впервые видел в июле сорок первого, как наши сожгли тридцать девять немецких танков и бронетранспортёров».

1. Расскажите, что вам известно о Константине Симонове.
2. Прокомментируйте заголовок статьи о писателе и эпиграф к ней.

ЖДИ МЕНЯ

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,

Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какие впечатления вызвало у вас прочитанное?
2. Проследите по тексту, какой рефрен (повтор) всё время звучит в тексте. Какую функцию он выполняет в произведении? Обоснуйте свой ответ.
3. Проведите небольшой опрос среди близких и знакомых на тему: что им известно о стихотворении К. Симонова «Жди меня». О результатах расскажите в классе.
4. Расскажите о новом звучании этого стихотворения в наши дни.
5. Какие переводы на украинский язык стихотворения К. Симонова «Жди меня...» вам известны? Сравните их с оригиналом. Попробуйте себя в роли переводчика и предложите свой вариант.

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ В РАЗДЕЛЕ «ЧТОБЫ ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ...»

1. Расскажите о своих чувствах и мыслях, возникших после прочтения произведений, представленных в этом разделе.
2. Какое из прочитанных стихотворений на вас произвело наибольшее впечатление и почему?
3. Обоснуйте название этого раздела.
4. Объясните, как вы понимаете слова, вынесенные в эпиграфы к разделу. Аргументируйте свою точку зрения.
5. Выучите наизусть два стихотворения о войне. Обоснуйте свой выбор.
6. Подготовьте мультимедийную презентацию на тему: «Вторая мировая война в произведениях различных видов искусства».
7. Как вы считаете, чем может помочь человеку искусство, в частности литература, в военные времена?

Владимир Трифонов.
Юность (1978)

СТОИТ ЛИ ВЕРИТЬ В ЧУДЕСА? или РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА И ФАНТАСТИЧЕСКАЯ РОМАНТИКА

Фантастика-романтика,
Наверно, в этом виновата.
Антарктика, Атлантика
Зовут, зовут ребят куда-то.

Юлий Ким, российский поэт, композитор

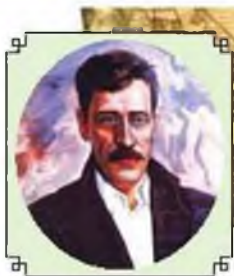
Наиболее невероятное в чудесах
заключается в том, что они случаются.

Гилберт Кит Честертон, английский писатель

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✓ **познакомиться** с произведениями Александра Грина, Айзека Азимова и Дэвида Амонда;
- ✓ **задуматься**, есть ли в современном мире место романтике и фантастике;
- ✓ **раскрыть** сущность понятия «символ»;
- ✓ **понять**, что такое научно-фантастическая литература;
- ✓ **постараться ответить** на вопрос:
«Стоит ли верить в чудеса?».

**Александр Степанович
ГРИН**
(1880–1932)

В мире много стран, но самая мирная, самая прекрасная страна — это Гринландия.

Расул Гамзатов, дагестанский поэт

СОЗДАТЕЛЬ УДИВИТЕЛЬНОЙ СТРАНЫ

«Знаю, что моё настоящее будет всегда звучать в сердцах людей», — говорил Александр Степанович Грин (настоящая фамилия — **Гриневский**). Предвидение его сбылось.

Будущий писатель родился в 1880 году в городе Слободском Вятской губернии России. Он рос мечтательным, нетерпеливым и рассеянным мальчиком. «Я не знал нормального детства, — писал Грин в *«Автобиографической повести»*. — Меня в минуты раздражения, за своеволие и неудачное учение, звали “свинопасом”, “золоторотцем”, прочили мне жизнь, полную пресмыкания у людей удачливых, преуспевающих».

Александр увлекался множеством вещей, но ничего не доводил до конца. Учился он плохо, но запоем читал. Книжки о путешествиях, дальних странах и мужественных благородных героях занимали всё свободное время будущего писателя. Наверное, не случайно первым словом, которое самостоятельно прочитал маленький Саша в 5 лет, было слово «море». Первой книжкой стало «Путешествие Гулливера в страну лилипутов» Дж. Свифта. В «Автобиографической повести» он расскажет об этом так: «...довольно большая библиотека Вятского земского реального училища, куда отдали меня девяти лет, была причиной моих плохих успехов... Математика, немецкий и французский языки пали жертвами моего увлечения чтени-

ем походов капитана Гаттераса и благородного Сердца». Любил читать Александр и русскую классику.

Окончив городское ремесленное училище, практически без денег, с маленьким узелком отправился он к своей мечте — далёкому морю. Грин поменял множество профессий: был матросом, грузчиком, золотоискателем и даже глотателем шпак в бродячем цирке. Но истинным призванием его стало сочинительство романтических историй. «Когда я осознал, понял, что я писатель, хочу и могу быть им, когда волшебная сила искусства коснулась меня, то всю последующую жизнь я никогда не изменял искусству, творчеству...» — признался Александр Грин позже.

Печатать свои произведения он начал в 1906 году. Уже в 1909 году у Грина появляются рассказы о краях, которых никогда не было на карте. Это вымышленные острова, долины, леса, плоскогорья. И конечно, города-порты: Зурбаган, Лисс, Гель-Гью, Покет. Там живут люди с необычными, как бы иностранными именами. Но большинство из этих имён не встретить ни в одном языке мира. Критик К. Зелинский назвал придуманную писателем страну Гринландией. И, начиная с 1912 года, действие практически всех произведений А. Грина разворачивается в основном именно в Гринландии. И хотя мы не найдём эту страну ни на одной географической карте мира, но она живёт в сердцах многих поколений читателей его замечательных произведений. Давайте и мы откроем для себя эту страну...

Панно «Бригантина»
на доме-музее
Александра Грина
в Феодосии (1970).
Автор — Савва Бродский

1. Расскажите, что вам известно о жизни и творчестве Александра Грина.
2. Подготовьте сообщение на тему: «Александр Грин и Украина». При подготовке этого задания используйте информацию, представленную в рубрике «У литературной карты мира», а также дополнительные источники.

У литературной карты мира

В любимой Александром Грином Феодосии, в которой писатель прожил более 6 лет, располагается один из самых необычных литературных музеев. Этот небольшой одноэтажный домик неизменно привлекает внимание всех гостей города своим внешним видом: тяжёлый якорь перед входом, дубовая дверь, похожая на те, которые служили ещё в старинных голландских портовых тавернах, часть корабельной мачты и свисающий прямо над входом вахтенный фонарь.

АЛЫЕ ПАРУСА

(В сокращении)

I. Предсказание

Лонгрэн, матрос «Ориона», крепкого трёхсоттонного брига, на котором он прослужил десять лет и к которому был привязан сильнее, чем иной сын к родной матери, должен был, наконец, покинуть службу.

Это произошло так. В одно из его редких возвращений домой, он не увидел, как всегда ещё издали, на пороге дома свою жену Мери, всплескивающую руками, а затем бегущую навстречу до потери дыхания. Вместо неё, у детской кровати — нового предмета в маленьком доме Лонгрена — стояла взволнованная соседка.

— Три месяца я ходила за нею, старик, — сказала она, — посмотри на свою дочь.

Мертвея, Лонгрэн наклонился и увидел восьмимесячное существо, сосредоточенно взиравшее на его длинную бороду, затем сел, потупился и стал крутить ус. Ус был мокрый, как от дождя.

[...] Лонгрэн поехал в город, взяв расчёт, простился с товарищами и стал растить маленькую Ассоль. Пока девочка не научилась твёрдо ходить, вдова жила у матроса, заменяя сиротке мать, но лишь только Ассоль перестала падать, заноса ножку через порог, Лонгрэн решительно объявил, что теперь он будет сам всё делать для девочки, и, поблагодарив вдову за деятельное сочувствие, зажил одинокой жизнью вдовца, сосредоточив все помыслы, надежды, любовь и воспоминания на маленьком существе.

Десять лет скитальческой жизни оставили в его руках очень много денег. Он стал работать. Скоро в городских магазинах появились его игрушки — искусно сделанные маленькие модели лодок,

катеров, однопалубных и двухпалубных парусников, крейсеров, пароходов — словом, того, что он близко знал, что, в силу характера работы, отчасти заменяло ему грохот портовой жизни и живописный труд плаваний. Этим способом Лонгрен добывал столько, чтобы жить в рамках умеренной экономии. Малообщительный по натуре, он, после смерти жены, стал ещё замкнутее и нелюдимее. [...]

Девочка росла без подруг. Два-три десятка детей её возраста, живших в Каперне, пропитанной, как губка водой, грубым семейным началом, основой которого служил непоколебимый авторитет матери и отца, переимчивые, как все дети в мире, вычеркнули раз и навсегда маленькую Ассоль из сферы своего покровительства и внимания. Совершилось это, разумеется, постепенно, путём внушения и окриков взрослых приобрело характер страшного запрета, а затем, усиленное пересудами и кривотолками, разрослось в детских умах страхом к дому матроса.

К тому же замкнутый образ жизни Лонгрена освободил теперь истерический язык сплетни; про матроса говаривали, что он где-то кого-то убил, оттого, мол, его больше не берут служить на суда, а сам он мрачен и нелюдим, потому что «терзается угрызениями преступной совести». Играя, дети гнали Ассоль, если она приближалась к ним, швыряли грязью и дразнили тем, что будто отец её ел человеческое мясо, а теперь делает фальшивые деньги. Одна за другой, наивные её попытки к сближению оканчивались горьким плачем, синяками, царапинами и другими проявлениями общественного мнения; она перестала, наконец, оскорбляться, но всё ещё иногда спрашивала отца: — «Скажи, почему нас не любят?» — «Э, Ассоль, — говорил Лонгрен, — разве они умеют любить? Надо уметь любить, а этого-то они не могут». — «Как это — уметь?» — «А вот так!» Он брал девочку на руки и крепко целовал грустные глаза, жмурившиеся от нежного удовольствия.

Любимым развлечением Ассоль было по вечерам или в праздник, когда отец, оставив банки с клейстером, инструменты и неоконченную работу, садился, сняв передник, отдохнуть, с трубкой в зубах. — забраться к нему на колени и, вертась в бережном кольце отцовской руки, трогать различные части игрушек, расспрашивая об их назначении. Так начиналась своеобразная фантастическая лекция о жизни и людях — лекция, в которой, благодаря прежнему образу жизни Лонгрена, случайностям, случаю вообще, — диковинным, поразительным и необыкновенным событиям отводилось главное место. [...]

Когда Ассоль исполнилось восемь лет, отец выучил её читать и писать. Он стал изредка брать её с собой в город, а затем посылать даже одну, если была надобность перехватить денег в магазине или

снести товар. Это случалось не часто, хотя Лисс лежал всего в четырёх верстах от Каперны, но дорога к нему шла лесом, а в лесу многое может напугать детей, помимо физической опасности, которую, правда, трудно встретить на таком близком расстоянии от города, но всё-таки не мешает иметь в виду. Поэтому только в хорошие дни, утром, когда окружающая дорогу чаща полна солнечным ливнем, цветами и тишиной, так что впечатлительности Ассоль не грозили фантомы воображения, Лонгрэн отпускал её в город.

Однажды, в середине такого путешествия к городу, девочка присела у дороги съесть кусок пирога, положенного в корзинку на завтрак. Закусывая, она перебирала игрушки; из них две-три оказались новинкой для неё. Лонгрэн сделал их ночью. Одна такая новинка была миниатюрной гоночной яхтой, белое судёнышко подняло алые паруса, сделанные из обрезков шёлка, употреблявшегося Лонгрэном для оклейки паровозных кают — игрушек богатого покупателя. Здесь, видимо, сделав яхту, он не нашёл подходящего материала для паруса, употребив что было — лоскутки алого шёлка. Ассоль пришла в восхищение. Пламенный весёлый цвет так ярко горел в её руке, как будто она держала огонь. Дорогу пересекал ручей, с переброшенным через него жердяным мостиком; ручей справа и слева уходил в лес. «Если я спущу её на воду поплавать немного, размышляла Ассоль, — она ведь не промокнет, я её потом вытру». Отойдя в лес за мостик, по течению ручья, девочка осторожно спустила на воду у самого берега пленившее её судно; паруса тотчас сверкнули алым отражением в прозрачной воде: свет, пронизывая материю, лёг дрожащим розовым излучением на белых камнях дна. — «Ты откуда приехал, капитан? — важно спросила Ассоль воображённое лицо и, отвечая сама себе, сказала: — Я приехал, приехал... приехал я из Китая. — А что ты привёз? — Что привёз, о том не скажу. — Ах, ты так, капитан! Ну, тогда я тебя посажу обратно в корзинку». Только что капитан приготовился смиренно ответить, что он пошутил и что готов показать слона, как вдруг тихий отбег береговой струи повернул яхту носом к середине ручья, и, как настоящая, полным ходом покинув берег,

Нонна Алёшина.

Из иллюстраций к повести
«Алые паруса» (2008)

она ровно поплыла вниз. Мгновенно изменился масштаб видимого: ручей казался девочке огромной рекой, а яхта — далёким, большим судном, к которому, едва не падая в воду, испуганная и оторопевшая, протягивала она руки. «Капитан испугался», — подумала она и побежала за уплывающей игрушкой, надеясь, что её где-нибудь прибьёт к берегу. Поспешно таща не тяжёлую, но мешающую корзину, Ассоль твердила: — «Ах, Господи! Ведь случись же...» — Она старалась не терять из вида красивый, плавно убегающий треугольник парусов, спотыкалась, падала и снова бежала.

Ассоль никогда не бывала так глубоко в лесу, как теперь. Ей, поглощённой нетерпеливым желанием поймать игрушку, не смотрелось по сторонам; возле берега, где она суетилась, было довольно препятствий, занимавших внимание. Мшистые стволы упавших деревьев, ямы, высокий папоротник, шиповник, жасмин и орешник мешали ей на каждом шагу; одолевая их, она постепенно теряла силы, останавливаясь всё чаще и чаще, чтобы передохнуть или смахнуть с лица липкую паутину. Когда потянулись, в более широких местах, осоковые и тростниковые заросли, Ассоль совсем было потеряла из вида алое сверкание парусов, но, обежав излучину течения, снова увидела их, степенно и неуклонно бегущих прочь. Раз она оглянулась, и лесная громада с её пестротой, переходящей от дымных столбов света в листве к тёмным расселинам дремучего сумрака, глубоко поразила девочку. На мгновение оробев, она вспомнила вновь об игрушке и, несколько раз выпустив глубокое «ф-ф-у-у», побежала изо всех сил.

В такой безуспешной и тревожной погоне прошло около часу, когда с удивлением, но и с облегчением Ассоль увидела, что деревья впереди свободно раздвинулись, пропустив синий разлив моря, облака и край жёлтого песчаного обрыва, на который она выбежала, почти падая от усталости. Здесь было устье ручья; разлившись нешироко и мелко, так что виднелась струящаяся голубизна камней, он пропадал в встречной морской волне. С невысокого, изрытого корнями обрыва Ассоль увидела, что у ручья, на плоском большом камне, спиной к ней, сидит человек, держа в руках сбежавшую яхту, и всесторонне рассматривает её с любопытством слона, поймавшего бабочку. Отчасти успокоенная тем, что игрушка цела, Ассоль сползла по обрыву и, близко подойдя к незнакомцу, воззрилась на него изучающим взглядом, ожидая, когда он подымет голову. Но неизвестный так погрузился в созерцание лесного сюрприза, что девочка успела рассмотреть его с головы до ног, установив, что людей, подобных этому незнакомцу, ей видеть ещё ни разу не приходилось.

Но перед ней был не кто иной, как путешествующий пешком Эгль, известный собиратель песен, легенд, преданий и сказок. Седые кудри складками выпадали из-под его соломенной шляпы; серая блуза, заправленная в синие брюки, и высокие сапоги придавали ему вид охотника; белый воротничок, галстук, пояс, унизанный серебром блях, трость и сумка с новеньким никелевым замочком — выказывали горожанина. Его лицо, если можно назвать лицом нос, губы и глаза, выглядывавшие из бурно разросшейся лучистой бороды и пышных, свирепо взрогаченных вверх усов, казалось бы вяло-прозрачным, если бы не глаза, серые, как песок, и блестящие, как чистая сталь, с взглядом смелым и сильным.

— Теперь отдай мне, — несмело сказала девочка. — Ты уже поиграл. Ты как поймал её?

Эгль поднял голову, уронив яхту. — так неожиданно прозвучал взволнованный голосок Ассоль. Старик с минуту разглядывал её, улыбаясь и медленно пропуская бороду в большой, жилистой горсти. Стиранное много раз ситцевое платье едва прикрывало до колен худенькие, загорелые ноги девочки. Её тёмные густые волосы, забранные в кружевную косынку, сбились, касаясь плеч. Каждая черта Ассоль была выразительно легка и чиста, как полёт ласточки. Тёмные, с оттенком грустного вопроса глаза казались несколько старше лица; его неправильный мягкий овал был оваян того рода прелестным загаром, какой присущ здоровой белизне кожи. Полуоткрытый маленький рот блестел кроткой улыбкой.

— Клянусь Гриммами. Эзопом и Андерсеном, — сказал Эгль, посматривая то на девочку, то на яхту. — Это что-то особенное. Слушай-ка ты, растение! Это твоя штука?

— Да, я за ней бежала по всему ручью; я думала, что умру. Она была тут?

— У самых моих ног. Кораблекрушение причиной того, что я, в качестве берегового пирата, могу вручить тебе этот приз. Яхта, покинутая экипажем, была выброшена на песок трёхвершковым валом — между моей левой пяткой и оконечностью палки. — Он стукнул тростью. — Как зовут тебя, крошка?

— Ассоль. — сказала девочка, пряча в корзину поданную Эглем игрушку.

— Хорошо, — продолжал непонятную речь старик, не сводя глаз, в глубине которых поблёскивала усмешка дружелюбного расположения духа. — Мне, собственно, не надо было спрашивать твоё имя. Хорошо, что оно так странно, так однотонно, музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины: что бы я стал делать, называясь ты одним из тех благозвучных, но нестерпимо привычных имён, которые чужды Прекрасной Неизвестности? Тем более я не желаю

знать, кто ты, кто твои родители и как ты живёшь. К чему нарушать очарование? Я занимался, сидя на этом камне, сравнительным изучением финских и японских сюжетов... как вдруг ручей выплеснул эту яхту, а затем появилась ты... Такая, как есть. Я, милая, поэт в душе — хоть никогда не сочинял сам. Что у тебя в корзинке?

— Лодочки, — сказала Ассоль, встряхивая корзинкой, — потом пароход да ещё три таких домика с флагами. Там солдаты живут.

— Отлично. Тебя послали продать. По дороге ты занялась игрой. Ты пустила яхту поплавать, а она сбежала — ведь так?

— Ты разве видел? — с сомнением спросила Ассоль, стараясь вспомнить, не рассказала ли она это сама. — Тебе кто-то сказал? Или ты угадал?

— Я это знал.

— А как же?

— Потому что я — самый главный волшебник.

Ассоль смутилась: её напряжение при этих словах Эгля переступило границу испуга. Пустынный морской берег, тишина, томительное приключение с яхтой, непонятная речь старика с сверкающими глазами, величественность его бороды и волос стали казаться девочке смешением сверхъестественного с действительностью. Сострой теперь Эгль гримасу или закричи что-нибудь — девочка помчалась бы прочь, заплавав и изнемогая от страха. Но Эгль, заметив, как широко раскрылись её глаза, сделал крутой вольт¹.

— Тебе нечего бояться меня, — серьёзно сказал он. — Напротив, мне хочется поговорить с тобой по душе. — Тут только он уяснил себе, что в лице девочки было так пристально отмечено его впечатлением. «Невольное ожидание прекрасного, блаженной судьбы, — решил он. — Ах, почему я не родился писателем? Какой славный сюжет».

— Ну-ка, — продолжал Эгль, стараясь закруглить оригинальное положение (склонность к мифотворчеству — следствие всегдашней работы — было сильнее, чем опасение бросить на неизвестную почву семена крупной мечты), — ну-ка, Ассоль, слушай меня внимательно. Я был в той деревне — откуда ты, должно быть, идёшь, словом, в Каперне. Я люблю сказки и песни, и просидел я в деревне той целый день, стараясь услышать что-нибудь никем не слышанное. Но у вас не рассказывают сказок. У вас не поют песен. А если рассказывают и поют, то, знаешь, эти истории о хитрых мужиках и солдатах, с вечным восхвалением жульничества, эти грязные, как немые ноги, грубые, как урчание в животе, коротенькие четверостишия с ужасным мотивом... Стой, я сбился. Я заговорю снова.

¹ Вольт — плавный крутой поворот.

Подумав, он продолжал так: — Не знаю, сколько пройдёт лет, — только в Каперне расцветёт одна сказка, памятная надолго. Ты будешь большой, Ассоль. Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнёт алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. Тихо будет плыть этот чудесный корабль, без криков и выстрелов; на берегу много соберётся народу, удивляясь и ахая: и ты будешь стоять там. Корабль подойдёт величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки; нарядная, в коврах, в золоте и цветах, поплывёт от него быстрая лодка. — «Зачем вы приехали? Кого вы ищете?» — спросят люди на берегу. Тогда ты увидишь храброго красивого принца; он будет стоять и протягивать к тебе руки. — «Здравствуй, Ассоль! — скажет он. — Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне и приехал, чтобы увезти тебя навсегда в своё царство. Ты будешь там жить со мной в розовой глубокой долине. У тебя будет всё, чего только ты пожелаешь; жить с тобой мы станем так дружно и весело, что никогда твоя душа не узнает слёз и печали». Он посадит тебя в лодку, привезёт на корабль, и ты уедешь навсегда в блистательную страну, где всходит солнце и где звёзды спустятся с неба, чтобы поздравить тебя с приездом.

— Это всё мне? — тихо спросила девочка. Её серьёзные глаза, повеселев, просияли доверием. Опасный волшебник, разумеется, не стал бы говорить так; она подошла ближе. — Может быть, он уже пришёл... тот корабль?

— Не так скоро, — возразил Эгль, — сначала, как я сказал, ты вырастешь. Потом... Что говорить? — это будет, и кончено. Что бы ты тогда сделала?

— Я? — Она посмотрела в корзину, но, видимо, не нашла там ничего достойного служить веским вознаграждением. — Я бы его любила, — поспешно сказала она, и не совсем твёрдо прибавила: — если он не дерётся.

— Нет, не будет драться, — сказал волшебник, таинственно подмигнув, — не будет. я ручаюсь за это. Иди, девочка, и не забудь того, что сказал тебе я меж двумя глотками ароматической водки и размышлением о песнях каторжников. Иди. Да будет мир пушистой твоей голове!

Лонгрен работал в своём маленьком огороде, окапывая картофельные кусты. Подняв голову, он увидел Ассоль, стремглав бежавшую к нему с радостным и нетерпеливым лицом.

— Ну, вот... — сказала она, сиюсь овладеть дыханием, и ухватила обеими руками за передник отца. — Слушай, что я тебе расскажу... На берегу, там, далеко, сидит волшебник... Она начала с волшебника и его интересного предсказания. Горячка мыслей мешала

ей плавно передать происшествие. Далее шло описание наружности волшебника и — в обратном порядке — погоня за упущенной яхтой.

Лонгрен выслушал девочку, не перебивая, без улыбки, и, когда она кончила, воображение быстро нарисовало ему неизвестного старика с ароматической водкой в одной руке и игрушкой в другой. Он отвернулся, но, вспомнив, что в великих случаях детской жизни подобает быть человеку серьёзным и удивлённым, торжественно закивал головой, приговаривая: — Так, так; по всем приметам, некому иначе и быть, как волшебнику. Хотел бы я на него посмотреть... Но ты, когда пойдёшь снова, не сворачивай в сторону; заблудиться в лесу нетрудно. [...]

Ассоль спала. Лонгрен, достав свободной рукой трубку, закурил, и ветер пронёс дым сквозь плетень, в куст, росший с внешней стороны огорода. У куста, спиной к забору, прожёвывая пирог, сидел молодой нищий. Разговор отца с дочерью привёл его в весёлое настроение, а запах хорошего табаку настроил добычливо. — Дай, хозяин, покурить бедному человеку, — сказал он сквозь прутья. — Мой табак против твоего не табак, а, можно сказать, отрав.

— Я бы дал, — вполголоса ответил Лонгрен, — но табак у меня в том кармане. Мне, видишь, не хочется будить дочку.

— Вот беда! Проснётся, опять уснёт, а прохожий человек взял да и покурил.

— Ну, — возразил Лонгрен, — ты не без табаку всё-таки, а ребёнок устал. Зайди, если хочешь, попозже.

Нищий презрительно сплюнул, вздел на палку мешок и разъяснил: — Принцесса, ясное дело. Вбил ты ей в голову эти заморские корабли! Эх ты, чудак-чудаковский, а ещё хозяин!

— Слушай-ка, — шепнул Лонгрен, — я, пожалуй, разбужу её, но только затем, чтобы намылить твою здоровенную шею. Пошёл вон!

Через полчаса нищий сидел в трактире за столом с дюжиной рыбаков. С задних, то дёргая мужей за рукав, то снимая через их плечо стакан с водкой, — для себя, разумеется, — сидели рослые женщины с гнутыми бровями и руками круглыми, как булыжник. Нищий, вскипая обидой, повествовал: — И не дал мне табаку. — «Тебе, — говорит, — исполнится совершеннолетний год, а тогда, — говорит, — специальный красный корабль... За тобой. Так как твоя участь выйти за принца. И тому, — говорит, — волшебнику — верь». Но я говорю: — «Буди, буди, мол, табаку-то достать». Так ведь он за мной полдороги бежал.

— Кто? Что? О чём толкует? — слышались любопытные голоса женщин. Рыбаки, еле поворачивая головы, растолковывали с усмешкой:

— Лонгрэн с дочерью одичали, а может, повредились в рассудке; вот человек рассказывает. Колдун был у них, так понимать надо. Они ждут — тётки, вам бы не прозевать! — заморского принца, да ещё под красными парусами!

Через три дня, возвращаясь из городской лавки, Ассоль услышала в первый раз:

— Эй, висельница! Ассоль! Посмотри-ка сюда! Красные паруса плывут!

Девочка, вздрогнув, невольно взглянула из-под руки на разлив моря. Затем обернулась в сторону восклицаний; там, в двадцати шагах от неё, стояла кучка ребят; они гримасничали, высовывая языки. Вздохнув, девочка побежала домой.

II. Грэй

Если Цезарь находил, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме, то Артур Грэй мог не завидовать Цезарю в отношении его мудрого желанья. Он родился капитаном, хотел быть им и стал им.

Огромный дом, в котором родился Грэй, был мрачен внутри и величественен снаружи. К переднему фасаду примыкали цветник и часть парка. Лучшие сорта тюльпанов — серебристо-голубых, фиолетовых и чёрных с розовой тенью извивались в газоне линиями прихотливо брошенных ожерелий. Старые деревья парка дремали в рассеянном полусвете над осокой извилистого ручья. Ограда замка, так как это был настоящий замок, состояла из витых чугунных столбов, соединённых железным узором. Каждый столб оканчивался наверху пышной чугунной лилией; эти чаши по торжественным дням наполнялись маслом, пылая в ночном мраке обширным огненным строем.

Отец и мать Грэя были надменные невольники своего положения, богатства и законов того общества, по отношению к которому могли говорить «мы». Часть их души, занятая галереей предков, мало достойна изображения, другая часть — воображаемое продолжение галереи — начиналась маленьким Грэем, обречённым по известному, заранее составленному плану прожить жизнь и умереть так, чтобы его портрет мог быть повешен на стене без ущерба фамильной чести. В этом плане была допущена небольшая ошибка: Артур Грэй родился с живой душой, совершенно не склонной продолжать линию фамильного начертания.

Эта живость, эта совершенная извращённость мальчика начала сказываться на восьмом году его жизни; тип рыцаря причудливых впечатлений, искателя и чудотворца, т.е. человека, взявшего из

бесчисленного разнообразия ролей жизни самую опасную и трогательную — роль провидения, намечался в Грэе ещё тогда, когда, приставив к стене стул, чтобы достать картину, изображавшую распятие, он вынул гвозди из окровавленных рук Христа, т. е. попросту замазал их голубой краской, похищенной у маляра. В таком виде он находил картину более сносной. Увлечённый своеобразным занятием, он начал уже замазывать и ноги распятого, но был застигнут отцом. Старик снял мальчика со стула за уши и спросил: — Зачем ты испортил картину?

— Я не испортил.

— Это работа знаменитого художника.

— Мне всё равно, — сказал Грэй. — Я не могу допустить, чтобы при мне торчали из рук гвозди и текла кровь. Я этого не хочу.

В ответе сына Лионель Грэй, скрыв под усами улыбку, узнал себя и не наложил наказания.

Грэй неутомимо изучал замок, делая поразительные открытия. Так, на чердаке он нашёл стальной рыцарский хлам, книги, переплетённые в железо и кожу, истлевшие одежды и полчища голубей. [...]

Таким образом, Грэй жил в своём мире. Он играл один — обыкновенно на задних дворах замка, имевших в старину боевое значение. Эти обширные пустыри, с остатками высоких рвов, с заросшими мхом каменными погребями, были полны бурьяна, крапивы, репейника, тёрна и скромно-пёстрых диких цветов. Грэй часами оставался здесь, исследуя норы кротов, сражаясь с бурьяном, подстерегая бабочек и строя из кирпичного лома крепости, которые бомбардировал палками и бульжником.

Ему шёл уже двенадцатый год, когда все намёки его души, все разрозненные черты духа и оттенки тайных порывов соединились в одном сильном моменте и тем получив стройное выражение стали неукротимым желанием. До этого он как бы находил лишь отдельные части своего сада — просвет, тень, цветок, дремучий и пышный ствол — во множестве садов иных, и вдруг увидел их ясно, все — в прекрасном, поражающем соответствии.

Это случилось в библиотеке. Её высокая дверь с мутным стеклом вверху была обыкновенно заперта, но защёлка замка слабо

Михаил Бычков.

Из иллюстраций к повести
«Алые паруса» (1988–2000)

держалась в гнезде створок: надавленная рукой, дверь отходила, натуживалась и раскрывалась. Когда дух исследования заставил Грэя проникнуть в библиотеку, его поразили пыльный свет, вся сила и особенность которого заключалась в цветном узоре верхней части оконных стёкол. Тишина покинутости стояла здесь, как прудовая вода. Тёмные ряды книжных шкапов местами примыкали к окнам, заслонив их наполовину, между шкапов были проходы, заваленные грудями книг. Там — раскрытый альбом с выскользнувшими внутренними листами, там — свитки, перевязанные золотым шнуром; стопы книг угрюмого вида; толстые пласты рукописей, насыпь миниатюрных томиков, трещавших, как кора, если их раскрывали; здесь — чертежи и таблицы, ряды новых изданий, карты; разнообразие переплётов, грубых, нежных, чёрных, пёстрых, синих, серых, толстых, тонких, шершавых и гладких. Шкапы были плотно набиты книгами. Они казались стенами, заключившими жизнь в самой толще своей. В отражениях шкапных стёкол виднелись другие шкапы, покрытые бесцветно блестящими пятнами. Огромный глобус, заключённый в медный сферический крест экватора и меридиана, стоял на круглом столе.

Обернувшись к выходу, Грэй увидел над дверью огромную картину, сразу содержанием своим наполнившую душное оцепенение библиотеки. Картина изображала корабль, вздымающийся на гребень морского вала. Струи пены стекали по его склону. Он был изображён в последнем моменте взлёта. Корабль шёл прямо на зрителя. Высоко поднявшийся бугшприт¹ заслонял основание мачт. Гребень вала, распластанный корабельным килем, напоминал крылья гигантской птицы. Пена неслась в воздух. Паруса, туманно видимые из-за бакборта и выше бугшприта, полные неистовой силы шторма, валились всей громадой назад, чтобы, перейдя вал, выпрямиться, а затем, склоняясь над бездной, мчать судно к новым лавинам. Разорванные облака низко трепетали над океаном. Тусклый свет обречённо боролся с надвигающейся тьмой ночи. Но всего замечательнее была в этой картине фигура человека, стоящего на баке спиной к зрителю. Она выражала всё положение, даже характер момента. Поза человека (он расставил ноги, взмахнув руками) ничего собственно не говорила о том, чем он занят, но заставляла предполагать крайнюю напряжённость внимания, обращённого к чему-то на палубе, невидимой зрителю. Завёрнутые полы его кафтана трепались ветром; белая коса и чёрная шпага вытянуто рвались в воздух; богатство костюма выказывало в нём капитана,

¹ *Бугшприт* (*бушприт*) — часть, выступающая вперёд от носа парусного судна.

танцующее положение тела — взмах вала; без шляпы, он был, видимо, поглощён опасным моментом и кричал — но что? Видел ли он, как валится за борт человек, приказывал ли повернуть на другой галс или, заглушая ветер, звал боцмана? Не мысли, но тени этих мыслей выросли в душе Грэя, пока он смотрел картину. Вдруг показалось ему, что слева подошёл, став рядом, неизвестный невидимый; стоило повернуть голову, как причудливое ощущение исчезло бы без следа. Грэй знал это. Но он не погасил воображения, а прислушался. Беззвучный голос выкрикнул несколько отрывистых фраз, непонятных, как малайский язык; раздался шум как бы долгих обвалов; эхо и мрачный ветер наполнили библиотеку. Всё это Грэй слышал внутри себя. Он осмотрелся: мгновенно вставшая тишина рассеяла звучную паутину фантазии; связь с бурей исчезла.

Грэй несколько раз приходил смотреть эту картину. Она стала для него тем нужным словом в беседе души с жизнью, без которого трудно понять себя. В маленьком мальчике постепенно укладывалось огромное море. Он сжился с ним, роясь в библиотеке, выискивая и жадно читая те книги, за золотой дверью которых открывалось синее сияние океана. Там, сея за кормой пену, двигались корабли. Часть их теряла паруса, мачты и, захлёбываясь волной, опускалась в тьму пучин, где мелькают фосфорические глаза рыб. Другие, схваченные бурунами, бились о рифы; утихающее волнение грозно шатало корпус; обезлюдивший корабль с порванными снастями переживал долгую агонию, пока новый шторм не разносил его в щепки. Третьи благополучно грузились в одном порту и выгружались в другом; экипаж, сидя за трактирным столом, воспевал плавание и любовно пил водку. Были там ещё корабли-пираты, с чёрным флагом и страшной, размахивающей ножами командой; корабли-призраки, сияющие мертвенным светом синего озарения; военные корабли с солдатами, пушками и музыкой; корабли научных экспедиций, высматривающие вулканы, растения и животных; корабли с мрачной тайной и бунтами; корабли открытий и корабли приключений.

В этом мире, естественно, возвышалась над всем фигура капитана. Он был судьбой, душой и разумом корабля. Его характер определял досуг и работу команды. Сама команда подбиралась им лично и во многом отвечала его наклонностям. Он знал привычки и семейные дела каждого человека. Он обладал в глазах подчинённых магическим знанием, благодаря которому уверенно шёл, скажем, из Лиссабона в Шанхай, по необозримым пространствам. Он отражал бурю противодействием системы сложных усилий, убивая панику короткими приказами; плывал и останавливался, где хотел; распоряжался отплытием и нагрузкой, ремонтом и отдыхом;

большую и разумнейшую власть в живом деле, полном непрерывного движения. трудно было представить. Эта власть замкнутостью и полнотой равнялась власти Орфея.

Такое представление о капитане, такой образ и такая истинная действительность его положения заняли, по праву душевных событий, главное место в блистающем сознании Грэя. Никакая профессия, кроме этой, не могла бы так удачно сплавить в одно целое все сокровища жизни, сохранив неприкосновенным тончайший узор каждого отдельного счастья. Опасность, риск, власть природы, свет далёкой страны, чудесная неизвестность, мелькающая любовь, цветущая свиданием и разлукой; увлекательное кипение встреч, лиц, событий; безмерное разнообразие жизни, между тем как высоко в небе то Южный Крест, то Медведица, и все материки — в зорких глазах, хотя твоя каюта полна не покидающей родины с её книгами, картинами, письмами и сухими цветами, обвитыми шелковистым локоном в замшевой ладанке на твёрдой груди.

Осенью, на пятнадцатом году жизни, Артур Грэй тайно покинул дом и проник за золотые ворота моря. Вскорости из порта Дубельт вышла в Марсель шхуна «Ансельм», увозя юнгу с маленькими руками и внешностью переодетой девочки. Этот юнга был Грэй, обладатель изящного саквояжа, тонких, как перчатка, лакированных сапожков и батистового белья с вытканными коронами.

В течение года, пока «Ансельм» посещал Францию, Америку и Испанию, Грэй промотал часть своего имущества на пирожном, отдавая этим дань прошлому, а остальную часть — для настоящего и будущего — проиграл в карты. Он хотел быть «дьявольским» моряком. Он, задыхаясь, пил водку, а на купанье, с замирающим сердцем, прыгал в воду головой вниз с двухсаженной высоты. Понемногу он потерял всё, кроме главного — своей странной летящей души; он потерял слабость, став широк костью и крепок мускулами, бледность заменил тёмным загаром, изысканную беспечность движений отдал за уверенную меткость работающей руки, а в его думающих глазах отразился блеск, как у человека, смотрящего на огонь. И его речь, утратив неравномерную, надменно застенчивую текучесть, стала краткой и точной, как удар чайки в струю за трепетным серебром рыб.

[...] В Ванкувере Грэя поймало письмо матери, полное слёз и страха. Он ответил: «Я знаю. Но если бы ты видела, как я; посмотри моими глазами. Если бы ты слышала, как я: приложи к уху раковину: в ней шум вечной волны; если бы ты любила, как я — всё, в твоём письме я нашёл бы, кроме любви и чека. — улыбку...» И он продолжал плавать, пока «Ансельм» не прибыл с грузом в Дубельт, откуда,

пользуясь остановкой, двадцатилетний Грэй отправился навестить замок. Всё было то же кругом; так же нерушимо в подробностях и в общем впечатлении, как пять лет назад, лишь гуще стала листва молодых вязов; её узор на фасаде здания сдвинулся и разросся.

Слуги, сбежавшиеся к нему, обрадовались, встрепенулись и замерли в той же почтительности, с какой, как бы не далее как вчера, встречали этого Грэя. Ему сказали, где мать; он прошёл в высокое помещение и, тихо прикрыв дверь, неслышно остановился, смотря на поседевшую женщину в чёрном платье. Она стояла перед распятием: её страстный шёпот был звучен, как полное биение сердца. — «О плавающих, путешествующих, болеющих, страдающих и пленённых», — слышал, коротко дыша, Грэй. Затем было сказано: — «и мальчику моему...». Тогда он сказал: — «Я...». Но больше не мог ничего выговорить. Мать обернулась. Она похудела: в надменности её тонкого лица светилось новое выражение, подобное возвращённой юности. Она стремительно подошла к сыну; короткий грудной смех, сдержанное восклицание и слёзы в глазах — вот всё. Но в эту минуту она жила сильнее и лучше, чем за всю жизнь. — «Я сразу узнала тебя, о, мой милый, мой маленький!» И Грэй действительно перестал быть большим. Он выслушал о смерти отца, затем рассказал о себе. Она внимала без упрёков и возражений, но про себя — во всём, что он утверждал, как истину своей жизни. — видела лишь игрушки, которыми забавляется её мальчик. Такими игрушками были материки, океаны и корабли.

Грэй пробыл в замке семь дней; на восьмой день, взяв крупную сумму денег, он вернулся в Дубельт и сказал капитану Гопу: «Благодарю. Вы были добрым товарищем. Прощай же, старший товарищ, — здесь он закрепил истинное значение этого слова жутким, как тиски, рукопожатием, — теперь я буду плавать отдельно, на собственном корабле». Гоп вспыхнул, плюнул, вырвал руку и пошёл прочь, но Грэй, догнав, обнял его. И они уселись в гостинице, все вместе, двадцать четыре человека с командой, и пили, и кричали, и пели, и выпили и съели всё, что было на буфете и в кухне.

Прошло ещё мало времени, и в порте Дубельт вечерняя звезда сверкнула над чёрной линией новой мачты. То был «Секрет», купленный Грэем; трёхмачтовый галиот в двести шестьдесят тонн. Так, капитаном и собственником корабля Артур Грэй плавал ещё четыре года, пока судьба не привела его в Лисс. Но он уже навсегда запомнил тот короткий грудной смех, полный сердечной музыки, каким встретили его дома, и раза два в год посещал замок, оставляя женщине с серебряными волосами нетвёрдую уверенность в том, что такой большой мальчик, пожалуй, справится с своими игрушками.

III. Рассвет

Струя пены, отбрасываемая кормой корабля Грэй «Секрет», прошла через океан белой чертой и погасла в блеске вечерних огней Лисса. Корабль встал на рейде недалеко от маяка.

Десять дней «Секрет» выгружал чесучу, кофе и чай. одиннадцатый день команда провела на берегу, в отдыхе и винных парах; на двенадцатый день Грэй глухо затосковал, без всякой причины, не понимая тоски. [...]

[...] Проснувшись. Грэй на мгновение забыл, как попал в эти места. С изумлением видел он счастливый блеск утра, обрыв берега среди этих ветвей и пылающую синюю даль; над горизонтом, но в то же время и над его ногами висели листья орешника. Внизу обрыва — с впечатлением, что под самой спиной Грэя — шипел тихий прибой. Мелькнув с листа, капля росы растекалась по сонному лицу холодным шлепком. Он встал. Везде торжествовал свет. Остывшие головни костра цеплялись за жизнь тонкой струёй дыма. Его запах придавал удовольствию дышать воздухом лесной зелени дикую прелесть. [...]

Капитан выбрался на открытое место, заросшее пёстрой травой, и увидел здесь спящую молодую девушку.

Он тихо отвёл рукой ветку и остановился с чувством опасной находки. Не далее как в пяти шагах, свернувшись, подобрал одну ножку и вытянув другую, лежала головой на уютно подвёрнутых руках утомившаяся Ассоль. Её волосы сдвинулись в беспорядке; у шеи расстегнулась пуговица, открыв белую ямку; раскинувшаяся юбка обнажала колени: ресницы спали на щеке, в тени нежного, выпуклого виска, полузакрытого тёмной прядью; мизинец правой руки, бывшей под головой, пригнулся к затылку. Грэй присел на корточки, заглядывая девушке в лицо снизу и не подозревая, что напоминает собой фавна с картины Арнольда Бёклина¹.

Быть может, при других обстоятельствах эта девушка была бы замечена им только глазами, но тут он иначе увидел её. Все строилось, всё усмехнулось в нём. Разумеется, он не знал ни её, ни её имени, ни, тем более, почему она уснула на берегу, но был этим очень доволен. Он любил картины без объяснений и подписей. Впечатление такой картины несравненно сильнее; её содержание, не связанное словами, становится безграничным, утверждая все догадки и мысли.

¹ *Арнольд Бёклин (1827–1901)* — швейцарский живописец, график, скульптор; один из выдающихся представителей европейского изобразительного искусства XIX века.

Тень листвы подобралась ближе к стволам, а Грэй всё ещё сидел в той же малоудобной позе. Всё спало на девушке: спали тёмные волосы, спало платье и складки платья; даже трава поблизости её тела, казалось, задремала в силу сочувствия. Когда впечатление стало полным, Грэй вошёл в его тёплую подмывающую волну и уплыл с ней. Давно уже Летика кричал: — «Капитан. Где вы?» — но капитан не слышал его.

Когда он наконец встал, склонность к необычному застала его врасплох с решимостью и вдохновением раздражённой женщины. Задумчиво уступая ей, он снял с пальца старинное дорогое кольцо, не без основания размышляя, что, может быть, этим подсказывает жизни нечто существенное, подобное орфографии. Он бережно опустил кольцо на малый мизинец, белевший из-под затылка. Мизинец нетерпеливо двинулся и поник. Взглянув ещё раз на это отдыхающее лицо, Грэй повернулся и увидел в кустах высоко поднятые брови матроса. Летика, разинув рот, смотрел на занятия Грэя с таким удивлением, с каким, верно, смотрел Иона¹ на пасть своего меблированного кита.

— А, это ты, Летика! — сказал Грэй. — Посмотри-ка на неё. Что, хороша?

— Дивное художественное полотно! — шёпотом закричал матрос, любивший книжные выражения. — В соображении обстоятельств есть нечто располагающее. Я поймал четыре мурены и ещё какую-то толстую, как пузырь.

— Тише, Летика. Уберёмся отсюда.

Они отошли в кусты. Им следовало бы теперь повернуть к лодке, но Грэй медлил, рассматривая даль низкого берега, где над зеленью и песком лился утренний дым труб Каперны. В этом дыме он снова увидел девушку.

Тогда он решительно повернул, спускаясь вдоль склона; матрос, не спрашивая, что случилось, шёл сзади; он чувствовал, что вновь наступило обязательное молчание. Уже около первых строений Грэй вдруг сказал:

— Не определишь ли ты, Летика, твоим опытным глазом, где здесь трактир?

— Должно быть, вон та чёрная крыша, — сообразил Летика, — а, впрочем, может, и не она.

— Что же в этой крыше приметного?

— Сам не знаю, капитан. Ничего больше, как голос сердца.

Они подошли к дому; то был действительно трактир Меннерса. В раскрытом окне, на столе, виднелась бутылка; возле неё чья-то грязная рука доила полуседой ус.

¹ *Ион* — библейский пророк, автор Книги пророка Ионы.

Хотя час был ранний, в общей зале трактирчика расположилось три человека. У окна сидел угольщик, обладатель пьяных усов, уже замеченных нами; между буфетом и внутренней дверью зала, за яичницей и пивом помещались два рыбака. Меннерс, длинный молодой парень, с веснушчатым скучным лицом и тем особенным выражением хитрой бойкости в подслеповатых глазах, какое присуще торгашам вообще, перетирал за стойкой посуду. На грязном полу лежал солнечный переплёт окна.

Едва Грэй вступил в полосу дымного света, как Меннерс, почтительно кланяясь, вышел из-за своего прикрытия. Он сразу угадал в Грее настоящего капитана — разряд гостей, редко им виденных. Грэй спросил рома. Накрыв стол пожелтевшей в суете людской скатертью, Меннерс принёс бутылку, лизнув предварительно языком кончик отклеившейся этикетки. Затем он вернулся за стойку, поглядывая внимательно то на Грея, то на тарелку, с которой отдира л ногтем что-то присохшее.

В то время, как Летика, взяв стакан обеими руками, скромно шептался с ним, поглядывая в окно, Грэй подозвал Меннерса. Хин самодовольно уселся на кончик стула, польщённый этим обращением и польщённый именно потому, что оно выразилось простым киванием Греева пальца.

— Вы, разумеется, знаете здесь всех жителей, — спокойно заговорил Грэй. — Меня интересует имя молодой девушки в косынке, в платье с розовыми цветочками, тёмно-русой и невысокой, в возрасте от семнадцати до двадцати лет. Я встретил её неподалёку отсюда. Как её имя?

Он сказал это с твёрдой простотой силы, не позволяющей увильнуть отданного тона. Хин Меннерс внутренне завертелся и даже ухмыльнулся слегка, но внешне подчинился характеру обращения. Впрочем, прежде чем ответить, он помолчал — единственно из бесплодного желания догадаться, в чём дело.

— Гм! — сказал он, поднимая глаза в потолок. — Это, должно быть, «Корабельная Ассоль», больше быть некому. Она полоумная.

— В самом деле? — равнодушно сказал Грэй, отпивая крупный глоток. — Как же это случилось?

— Когда так, извольте послушать. — И Хин рассказал Грею о том, как лет семь назад девочка говорила на берегу моря с собирателем песен. Разумеется, эта история с тех пор, как нищий утвердил её бытие в том же трактире, приняла очертания грубой и плоской сплетни, но сущность оставалась нетронутой.

— С тех пор так её и зовут, — сказал Меннерс, — зовут её «Ассоль Корабельная».

Грэй машинально взглянул на Летику, продолжавшего быть тихим и скромным, затем его глаза обратились к пыльной дороге, пролегающей у трактира, и он ощутил как бы удар — одновременный удар в сердце и голову. По дороге, лицом к нему, шла та самая Корабельная Ассоль, к которой Меннер только что отнёсся клинически. Удивительные черты её лица, напоминающие тайну неизгладимо волнующих, хотя простых слов, предстали перед ним теперь в свете её взгляда. Матрос и Меннерс сидели к окну спиной, но, чтобы они случайно не повернулись — Грэй имел мужество отвести взгляд на рыжие глаза Хина. После того, как он увидел глаза Ассоль, рассеялась вся косность Меннерсова рассказа. [...]

Грэй вышел. С этого времени его не покидало уже чувство поразительных открытий, подобно искре в пороховой ступке Бертольда, — одного из тех душевных обвалов, из-под которых вырывается, сверкая, огонь. Дух немедленного действия овладел им. Он опомнился и собрался с мыслями, только когда сел в лодку. Смеясь, он подставил руку ладонью вверх — знойному солнцу, — как сделал это однажды мальчиком в винном погребе; затем отплыл и стал быстро грести по направлению к гавани.

IV. Накануне

Накануне того дня и через семь лет после того, как Эгль, собиратель песен, рассказал девочке на берегу моря сказку о корабле с Алыми Парусами, Ассоль в одно из своих еженедельных посещений игрушечной лавки вернулась домой расстроенная, с печальным лицом. Свои товары она принесла обратно. Она была так огорчена, что сразу не могла говорить и только лишь после того, как по встревоженному лицу Лонгрена увидела, что он ожидает чего-то значительно худшего действительности, начала рассказывать, водя пальцем по стеклу окна, у которого стала, рассеянно наблюдая море.

Хозяин игрушечной лавки начал в этот раз с того, что открыл счётную книгу и показал ей, сколько за ними долга. Она содрогнулась, увидев внушительное трёхзначное число. — «Вот сколько вы

Юрий Николаев.
Из иллюстраций
к повести
«Алые паруса» (2007)

забрали с декабря, — сказал торговец, — а вот посмотри, на сколько продано». И он уперся пальцем в другую цифру, уже из двух знаков.

[...] Ассоль некоторое время стояла в раздумье посреди комнаты, колеблясь между желанием отдаться тихой печали и необходимостью домашних забот; затем, вымыв посуду, пересмотрела в шкапу остатки провизии. Она не взвешивала и не мерила, но видела, что с мукой не дотянуть до конца недели, что в жестянке с сахаром виднеется дно, обёртки с чаем и кофе почти пусты, нет масла, и единственное, на чём, с некоторой досадой на исключение, отдыхал глаз, — был мешок картофеля. Затем она вымыла пол и села строчить оборку к переделанной из старья юбке, но тут же вспомнив, что обрезки материи лежат за зеркалом, подошла к нему и взяла свёрток; потом взглянула на своё отражение.

За ореховой рамой в светлой пустоте отражённой комнаты стояла тоненькая невысокая девушка, одетая в дешёвый белый муслин с розовыми цветочками. На её плечах лежала серая шёлковая косынка. Полудетское, в светлом загаре, лицо было подвижно и выразительно; прекрасные, несколько серьёзные для её возраста глаза посматривали с робкой сосредоточенностью глубоких душ. Её неправильное личико могло растрогать тонкой чистотой очертаний; каждый изгиб, каждая выпуклость этого лица, конечно, нашли бы место в множестве женских обликов, но их совокупность, стиль — был совершенно оригинален, — оригинально мил; на этом мы остановимся. Остальное неподвластно словам, кроме слова «очарование».

Отражённая девушка улыбнулась так же безотчётно, как и Ассоль. Улыбка вышла грустной; заметив это, она встревожилась, как если бы смотрела на постороннюю. Она прижалась щекой к стеклу, закрыла глаза и тихо погладила зеркало рукой там, где приходилось её отражение. Рой смутных, ласковых мыслей мелькнул в ней; она выпрямилась, засмеялась и села, начав шить.

Пока она шьёт, посмотрим на неё ближе — вовнутрь. В ней две девушки, две Ассоль, перемешанных в замечательной прекрасной неправильности. Одна была дочь матроса, ремесленника, мастерица игрушки, другая — живое стихотворение, со всеми чудесами его созвучий и образов, с тайной соседства слов, во всей взаимности их теней и света, падающих от одного на другое. Она знала жизнь в пределах, поставленных её опыту, но сверх общих явлений видела отражённый смысл иного порядка. Так, всматриваясь в предметы, мы замечаем в них нечто не линейно, но впечатлением — определённо человеческое, и — так же, как человеческое — различное. Нечто подобное тому, что (если удалось) сказали мы этим примером, видела она ещё сверх видимого. Без этих тихих завоеваний

всё просто понятное было чуждо её душе. Она умела и любила читать, но и в книге читала преимущественно между строк, как жила. Бессознательно, путём своеобразного вдохновения она делала на каждом шагу множество эфирно-тонких открытий, невыразимых, но важных, как чистота и тепло. Иногда — и это продолжалось ряд дней — она даже перерождалась; физическое противостояние жизни проваливалось, как тишина в ударе смычка, и всё, что она видела, чем жила, что было вокруг, становилось кружевом тайн в образе повседневности. Не раз, волнуясь и робея, она уходила ночью на морской берег, где, выждав рассвет, совершенно серьёзно высматривала корабль с Алыми Парусами. Эти минуты были для неё счастьем; нам трудно так уйти в сказку, ей было бы не менее трудно выйти из её власти и обаяния.

В другое время, размышляя обо всём этом, она искренне дивилась себе, не веря, что верила, улыбкой прощая море и грустно переходя к действительности; теперь, сдвигая оборку, девушка припомнила свою жизнь. Там было много шуки и простоты. Одиночество вдвоём, случалось, безмерно тяготило её, но в ней образовалась уже та складка внутренней робости, та страдальческая морщинка, с которой не внести и не получить оживления. Над ней посмеивались, говоря: «Она тронутая, не в себе»; она привыкла и к этой боли; девушке случалось даже переносить оскорбления, после чего её грудь ныла, как от удара. Как женщина, она была непопулярна в Каперне, однако многие подозревали, хотя дико и смутно, что ей дано больше прочих — лишь на другом языке. Капернцы обожали плотных, тяжёлых женщин с масляной кожей толстых икр и могучих рук; здесь ухаживали, ляпая по спине ладонью и толкаясь, как на базаре. Тип этого чувства напоминал бесхитростную простоту рёва. Ассоль так же подходила к этой решительной среде, как подошло бы людям изысканной нервной жизни общество привидения, обладай оно всем обаянием Ассунты или Аспазии: то, что от любви, — здесь невыносимо. Так, в ровном гудении солдатской трубы прелестная печаль скрипки бессильна вывести суровый полк из действий его прямых линий. К тому, что сказано в этих строках, девушка стояла спиной.

Меж тем, как её голова мурлыкала песенку жизни, маленькие руки работали прилежно и ловко; откусывая нитку, она смотрела далеко перед собой, но это не мешало ей ровно подвёртывать рубец и класть петельный шов с отчётливостью швейной машины. Хотя Лонгрэн не возвращался, она не беспокоилась об отце. Последнее время он довольно часто уплывал ночью ловить рыбу или просто проветриться.

Её не тербил страх; она знала, что ничего худого с ним не случится. В этом отношении Ассоль была всё ещё той маленькой

девочкой, которая молилась по-своему, дружелюбно лепечет утром: «Здравствуй, Бог!», а вечером: «Прощай, Бог!».

По её мнению, такого короткого знакомства с Богом было совершенно достаточно для того, чтобы он отстранил несчастье. Она входила и в его положение: Бог был вечно занят делами миллионов людей, поэтому к обыденным теням жизни следовало, по её мнению, относиться с деликатным терпением гостя, который, застав дом полным народа, ждёт захлопотавшегося хозяина, ютятся и питаются по обстоятельствам.

Кончив шить, Ассоль сложила работу на угловой столик, разделась и улеглась. Огонь был потушен. Она скоро заметила, что нет сонливости; сознание было ясно, как в разгаре дня, даже тьма казалась искусственной, тело, как и сознание, чувствовалось лёгким, дневным. Сердце отстукивало с быстротой карманных часов; оно билось как бы между подушкой и ухом. Ассоль сердилась, ворочаясь, то сбрасывая одеяло, то завёртываясь в него с головой. Наконец, ей удалось вызвать привычное представление, помогающее уснуть: она мысленно бросала камни в светлую воду, смотря на расхождение легчайших кругов. Сон, действительно, как бы лишь ждал этой подачки: он пришёл, пошептался с Мери, стоящей у изголовья, и, повинувшись её улыбке, сказал вокруг: «Ш-ш-ш-ш». Ассоль тотчас уснула. Ей снился любимый сон: цветущие деревья, тоска, очарование, песни и таинственные явления, из которых, проснувшись, она припоминала лишь сверканье синей воды, подступающей от ног к сердцу с холодом и восторгом. Увидев всё это, она побыла ещё несколько времени в невозможной стране, затем проснулась и села.

Сна не было, как если бы она не засыпала совсем. Чувство новизны, радости и желания что-то сделать согревало её. Она осмотрелась тем взглядом, каким оглядывают новое помещение. Проник рассвет — не всей ясностью озарения, но тем смутным усилием, в котором можно понимать окружающее. Низ окна был чёрен; верх просветлел. Извне дома, почти на краю рамы, блестела утренняя звезда. Зная, что теперь не уснёт, Ассоль оделась, подошла к окну и, сняв крюк, отвела раму. За окном стояла внимательная чуткая тишина; она как бы наступила только сейчас. В синих сумерках мерцали кусты, подальше спали деревья; веяло духотой и землёй.

Держась за верх рамы, девушка смотрела и улыбалась. Вдруг нечто, подобное отдалённому зову, всколыхнуло её изнутри и вовне, и она как бы проснулась ещё раз от явной действительности к тому, что явнее и несомненнее. С этой минуты ликующее богатство сознания не оставляло её. Так, понимая, слушаем мы речи

людей, но, если повторить сказанное, поймём ещё раз, с иным, новым значением. То же было и с ней.

Взяв старенькую, но на её голове всегда юную шёлковую косынку, она прихватила её рукою под подбородком, заперла дверь и выпорхнула босиком на дорогу. Хотя было пусто и глухо, но ей казалось, что она звучит как оркестр, что её могут услышать. Всё было мило ей, всё радовало её. Тёплая пыль щекотала босые ноги; дышалось ясно и весело. На сумеречном просвете неба темнели крыши и облака; дремали изгороди, шиповник, огороды, сады и нежно видимая дорога. Во всём замечался иной порядок, чем днём, — тот же, но в ускользнувшем ранее соответствии. Всё спало с открытыми глазами, тайно рассматривая проходящую девушку.

Она шла, чем дальше, тем быстрее, торопясь покинуть селение. За Каперной простирались луга; за лугами по склонам береговых холмов росли орешник, тополя и каштаны. Там, где дорога кончилась, переходя в глухую тропу, у ног Ассоль мягко завертелась пушистая чёрная собака с белой грудью и говорящим напряжением глаз. Собака, узнав Ассоль, повизгивая и жеманно виляя туловищем, пошла рядом, молча соглашаясь с девушкой в чём-то понятном, как «я» и «ты». Ассоль, поглядывая в её общительные глаза, была твёрдо уверена, что собака могла бы заговорить, не будь у неё тайных причин молчать. Заметив улыбку спутницы, собака весело сморщилась, вильнула хвостом и ровно побежала вперёд, но вдруг безучастно села, деловито выскребла лапой ухо, укушенное своим вечным врагом, и побежала обратно.

Ассоль проникла в высокую, брызгающую росой луговую траву; держа руку ладонью вниз над её метёлками, она шла, улыбаясь струящемуся прикосновению.

Засматривая в особенные лица цветов, в путаницу стеблей, она различала там почти человеческие намёки — позы, усилия, движения. черты и взгляды; её не удивила бы теперь процессия полевых мышей, бал сусликов или грубое веселье ежа, пугающего спящего гнома своим фуканьем. И точно, ёж, серея, выкатился перед ней на тропинку. — «Фук-фук», — отрывисто сказал он с сердцем, как извозчик на пешехода. Ассоль говорила с теми, кого понимала и видела. — «Здравствуй, больной, — сказала она лиловому ирису, пробитому до дыр червём. — Необходимо посидеть дома», — это относилось к кусту, застрявшему среди тропы и потому обдёрганному платьем прохожих. Большой жук цеплялся за колокольчик, сгибая растение и сваливаясь, но упрямо толкаясь лапками. — «Стряхни толстого пассажира», — посоветовала Ассоль. Жук, точно, не удержался и с треском полетел в сторону. Так, волнуясь, трепеща и блестя, она подошла к склону холма, скрывшись в его зарослях

от лугового пространства, но окружённая теперь истинными своими друзьями. которые — она знала это — говорят басом.

То были крупные старые деревья среди жимолости и орешника. Их свисшие ветви касались верхних листьев кустов. В спокойно тяготеющей крупной листве каштанов стояли белые шишки цветов, их аромат мешался с запахом росы и смолы. Тропинка, усеянная выступами скользких корней, то падала, то взбиралась на склон. Ассоль чувствовала себя, как дома; здоровалась с деревьями, как с людьми, то есть пожимая их широкие листья. Она шла, шепча то мысленно, то словами: «Вот ты, вот другой ты; много же вас, братцы мои! Я иду, братцы, спешу, пустите меня. Я вас узнаю всех, всех помню и почитаю». «Братцы» величественно гладили её чем могли — листьями — и родственно скрипели в ответ. Она выбралась, перепачкав ноги землёй, к обрыву над морем и встала на краю обрыва, задыхаясь от поспешной ходьбы. Глубокая непобедимая вера, ликуя, пенилась и шумела в ней. Она разбрасывала её взглядом за горизонт, откуда лёгким шумом береговой волны возвращалась она обратно, гордая чистотой полёта. Тем временем море, обведённое по горизонту золотой нитью, ещё спало; лишь под обрывом, в лужах береговых ям, вздымалась и опадала вода. Стальной у берега цвет спящего океана переходил в синий и чёрный. За золотой нитью небо, вспыхивая, сияло огромным веером света; белые облака тронулись слабым румянцем. Тонкие, божественные цвета светились в них. На чёрной дали легла уже трепетная снежная белизна; пена блестела, и багровый разрыв, вспыхнув среди золотой нити, бросил по океану, к ногам Ассоль, алую рябь.

Она села, подобрав ноги, с руками вокруг колен. Внимательно наклоняясь к морю, смотрела она на горизонт большими глазами, в которых не осталось уже ничего взрослого, — глазами ребёнка. Всё, чего она ждала так долго и горячо, делалось там — на краю света. Она видела в стране далёких пучин подводный холм; от поверхности его струились вверх вьющиеся растения; среди их круглых листьев, пронизанных у края стеблем, сияли причудливые цветы. Верхние листья блестели на поверхности океана; тот, кто ничего не знал, как знала Ассоль, видел лишь трепет и блеск.

Из заросли поднялся корабль; он всплыл и остановился по самой середине зари. Из этой дали он был виден ясно, как облака. Разбрасывая веселье, он пылал, как вино, роза, кровь, уста, алый бархат и пунцовый огонь. Корабль шёл прямо к Ассоль. Крылья пены трепетали под мощным напором его киля; уже встав, девушка прижала руки к груди, как чудная игра света перешла в зыбь; взшло солнце, и яркая полнота утра сдёрнула покровы с всего, что ещё нежилось, потягиваясь на сонной земле.

Девушка вздохнула и осмотрелась. Музыка смолкла, но Ассоль была ещё во власти её звонкого хора. Это впечатление постепенно ослабевало, затем стало воспоминанием и, наконец, просто усталостью. Она легла на траву, зевнула и, блаженно закрыв глаза, уснула — по-настоящему, крепким, как молодой орех, сном, без заботы и сновидений.

Её разбудила муха, бродившая по голой ступне. Беспокойно повертев ножкой, Ассоль проснулась; сидя, закалывала она растрёпанные волосы, потому кольцо Грэя напомнило о себе, но считая его не более, как стебельком, застрявшим меж пальцев, она распрямила их; так как помеха не исчезла, она нетерпеливо поднесла руку к глазам и выпрямилась, мгновенно вскочив с силой брызнувшего фонтана.

На её пальце блестело лучистое кольцо Грэя, как на чужом, — своим не могла признать она в этот момент, не чувствовала палец свой. — «Чья это шутка? Чья шутка? — стремительно вскричала она. — Разве я сплю? Может быть, нашла и забыла?». Схватив левой рукой правую, на которой было кольцо, с изумлением осматривалась она, пытая взглядом море и зелёные заросли; но никто не шевелился, никто не притаился в кустах, и в синем, далеко озарённом море не было никакого знака, и румянец покрыл Ассоль, а голоса сердца сказали вещь «да». Не было объяснений случившемуся, но без слов и мыслей находила она их в странном чувстве своём, и уже близким ей стало кольцо. Вся дрожа, сдёрнула она его с пальца; держа в пригоршне, как воду, рассмотрела его она — всю душою, всем сердцем, всем ликованием и ясным суеверием юности, затем, спрятав за лиф, Ассоль уткнула лицо в ладони, из-под которых неудержимо рвалась улыбка, и, опустив голову, медленно пошла обратной дорогой.

Так, — случайно, как говорят люди, умеющие читать и писать, — Грэй и Ассоль нашли друг друга утром летнего дня, полного неизбежности. [...]

VII. Алый «секрет»

Был белый утренний час; в огромном лесу стоял тонкий пар, полный странных видений. Незвестный охотник, только что покинувший свой костёр, двигался вдоль реки; сквозь деревья сиял просвет её воздушных пустот, но прилежный охотник не подходил к ним, рассматривая свежий след медведя, направляющийся к горам.

Внезапный звук пронёсся среди деревьев с неожиданностью тревожной погони; это запел кларнет. Музыкант, выйдя на палубу, сыграл отрывок мелодии, полной печального, протяжного повтора. Звук дрожал, как голос, скрывающий горе; усилился,

улыбнулся грустным переливом и оборвался. Далёкое эхо смутно напевало ту же мелодию.

Охотник, отметив след сломанной веткой, пробрался к воде. Туман ещё не рассеялся; в нём гасли очертания огромного корабля, медленно повёртывающегося к устью реки. Его свёрнутые паруса ожили, свисая фестонами, расправляясь и покрывая мачты бессильными щитами огромных складок; слышались голоса и шаги. Береговой ветер, пробуя дуть, лениво теребил паруса; наконец, тепло солнца произвело нужный эффект; воздушный напор усилился, рассеял туман и вылился по реям в лёгкие алые формы, полные роз. Розовые тени скользили по белизне мачт и снастей, всё было белым, кроме раскинутых, плавно двинутых парусов цвета глубокой радости.

Охотник, смотревший с берега, долго протирал глаза, пока не убедился, что видит именно так, а не иначе. Корабль скрылся за поворотом, а он всё ещё стоял и смотрел; затем, молча пожав плечами, отправился к своему медведю.

Пока «Секрет» шёл руслом реки, Грэй стоял у штурвала, не доверяя руля матросу — он боялся мели. Пантен сидел рядом, в новой суконной паре, в новой блестящей фуражке, бритый и смиренно надутый. Он по-прежнему не чувствовал никакой связи между алым убранством и прямой целью Грэя.

— Теперь, — сказал Грэй, — когда мои паруса рдеют, ветер хо-рош, а в сердце моём больше счастья, чем у слона при виде небольшой булочки, я попытаюсь настроить вас своими мыслями, как обещал в Лиссе. Заметьте — я не считаю вас глупым или упрямым, нет; вы образцовый моряк, а это много стоит. Но вы, как и большинство, слушаете голоса всех нехитрых истин сквозь толстое стекло жизни; они кричат, но вы не услышите. Я делаю то, что существует, как старинное представление о прекрасном-несбыточном, и что, по существу, так же сбыточно и возможно, как загородная прогулка. Скоро вы увидите девушку, которая не может, не должна иначе выйти замуж, как только таким способом, какой развиваю я на ваших глазах.

Он сжато передал моряку то, о чём мы хорошо знаем, закончив объяснение так:

— Вы видите, как тесно сплетены здесь судьба, воля и свойство характеров; я прихожу к той, которая ждёт и может ждать только меня, я же не хочу никого другого, кроме неё. может быть именно потому, что благодаря ей я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками. Когда для человека главное — получать дражайший пятак, легко дать этот пятак, но, когда душа таит зерно пламенного растения — чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии. Новая душа будет у него и новая у тебя. Когда начальник тюрьмы сам выпустит заключённого, когда

миллиардер подарит писцу виллу, опереточную певицу и сейф, а жокей хоть раз попрिдержит лошадь ради другого коня, которому не везёт. — тогда все поймут, как это приятно, как невыразимо чудесно. Но есть не меньшие чудеса: улыбка, веселье, прощение. и — вовремя сказанное, нужное слово. Владеть этим — значит владеть всем. Что до меня, то наше начало — моё и Ассоль — останется нам навсегда в алом отблеске парусов, созданных глубиной сердца, знающего, что такое любовь. Поняли вы меня?

— Да, капитан. — Пантен крикнул, вытерев усы аккуратно сложенным чистым платочком. — Я всё понял. Вы меня тронули. Пойду я вниз и попрошу прощения у Никса, которого вчера ругал за потопленное ведро. И дам ему табаку — свой он проиграл в карты.

Прежде чем Грэй, несколько удивлённый таким быстрым практическим результатом своих слов, успел что-либо сказать, Пантен уже загремел вниз по трапу и где-то отдалённо вздохнул. Грэй оглянулся, посмотрев вверх; над ним молча рвались алые паруса; солнце в их швах сияло пурпурным дымом. «Секрет» шёл в море, удаляясь от берега. Не было никаких сомнений в звонкой душе Грэя — ни глухих ударов тревоги, ни шума мелких забот; спокойно, как парус, рвался он к восхитительной цели; полный тех мыслей, которые опережают слова.

К полудню на горизонте показался дымок военного крейсера, крейсер изменил курс и с расстояния полумили поднял сигнал — «лечь в дрейф!».

— Братцы. — сказал Грэй матросам, — нас не обстреляют, не бойтесь; они просто не верят своим глазам.

Он приказал дрейфовать. Пантен, крича как на пожаре, вывел «Секрет» из ветра; судно остановилось, между тем как от крейсера помчался паровой катер с командой и лейтенантом в белых перчатках; лейтенант, ступив на палубу корабля, изумлённо оглянулся и прошёл с Грэем в каюту, откуда через час отправился, странно махнув рукой и улыбаясь, словно получил чин, обратно к синему крейсеру. По-видимому, в этот раз Грэй имел больше успеха, чем с простодушным Пантеном, так как крейсер, помедлив, ударил по горизонту могучим залпом салюта, стремительный дым которого, пробив воздух огромными сверкающими мячами, развеялся клоунами над тихой водой. Весь день на крейсере царило некое полупраздничное остоленение; настроение было неслужебное, сбитое — под знаком любви, о которой говорили везде — от салона до машинного трюма, а часовой минного отделения спросил проходящего матроса: — «Том, как ты женился?» — «Я поймал её за юбку, когда она хотела выскочить от меня в окно», — сказал Том и гордо закурил ус.

Некоторое время «Секрет» шёл пустым морем, без берегов; к полудню открылся далёкий берег. Взяв подзорную трубу, Грэй уставился на Каперну. Если бы не ряд крыш, он различил бы в окне одного дома Ассоль, сидящую за какой-то книгой. Она читала; по странице полз зеленоватый жучок, останавливаясь и приподнимаясь на передних лапах с видом независимым и домашним. Уже два раза был он без досады сдунут на подоконник, откуда появлялся вновь доверчиво и свободно, словно хотел что-то сказать. На этот раз ему удалось добраться почти к руке девушки, державшей угол страницы; здесь он застрял на слове «смотри», с сомнением остановился, ожидая нового шквала, и, действительно, едва избег неприятности, так как Ассоль уже воскликнула: — «Опять жучишка... дурак!..» — и хотела решительно сдуть гостя в траву, но вдруг случайный переход взгляда от одной крыши к другой открыл ей на синей морской щели уличного пространства белый корабль с алыми парусами.

Она вздрогнула, откинулась, замерла; потом резко вскочила с головокружительно падающим сердцем, вспыхнув неудержимыми слезами вдохновенного потрясения. «Секрет» в это время огибал небольшой мыс, держась к берегу углом левого борта; негромкая музыка лилась в голубом дне с белой палубы под огнём алого шёлка; музыка ритмических переливов, переданных не совсем удачно известными всем словами: «Налейте, налейте бокалы — и выпьем, друзья, за любовь»... — В её простоте, ликуя, развёртывалось и рокотало волнение.

Не помня, как оставила дом, Ассоль бежала уже к морю, подхваченная неодолимым ветром события; на первом углу она остановилась почти без сил; её ноги подкашивались, дыхание срывалось и гасло, сознание держалось на волоске. Вне себя от страха потерять волю, она топнула ногой и оправилась. Временами то крыша, то забор скрывали от неё алые паруса; тогда, боясь, не исчезли ли они, как простой призрак, она торопилась миновать мучительное препятствие и, снова увидев корабль, останавливалась облегчённо вздохнуть.

Тем временем в Каперне произошло такое замешательство, такое волнение, такая поголовная смута, какие не уступят эффекту знаменитых землетрясений. Никогда ещё большой корабль не подходил к этому берегу; у корабля были те самые паруса, имя которых звучало как издевательство; теперь они ясно и неопровержимо пылали с невинностью факта, опровергающего все законы бытия и здравого смысла. Мужчины, женщины, дети впопыхах мчались к берегу, кто в чём был; жители перекликались со двора в двор, насккивали друг на друга, вопили и падали; скоро у воды образовалась

толпа, и в эту толпу стремительно вбежала Ассоль. Пока её не было, её имя перелетало среди людей с нервной и угрюмой тревогой, с злобным испугом. Больше говорили мужчины; сдавленно, змеиным шипением всхлипывали остолбеневшие женщины, но если уж которая начинала трещать — яд забирался в голову. Как только появилась Ассоль, все смолкли, все со страхом отошли от неё, и она осталась одна среди пустоты знойного песка, растерянная, пристыженная, счастливая, с лицом не менее алым, чем её чудо, беспомощно протянув руки к высокому кораблю.

От него отделилась лодка, полная загорелых гребцов; среди них стоял тот, кого, как ей показалось теперь, она знала, смутно помнила с детства. Он смотрел на неё с улыбкой, которая грела и топила. Но тысячи последних смешных страхов одолели Ассоль; смертельно боясь всего — ошибки, недоразумений, таинственной и вредной помехи — она вбежала по пояс в теплое колышание волн, крича:

— Я здесь, я здесь! Это я!

Тогда Циммер взмахнул смычком — и та же мелодия грянула по нервам толпы, но на этот раз полным, торжествующим хором. От волнения, движения облаков и волн, блеска воды и дали девушка почти не могла уже различать, что движется: она, корабль или лодка — всё двигалось, кружилось и опадало.

Но весло резко плеснуло вблизи неё; она подняла голову. Грэй нагнулся, её руки ухватились за его пояс. Ассоль зажмурилась; затем, быстро открыв глаза, смело улыбнулась его сияющему лицу и, запыхавшись, сказала:

— Совершенно такой.

— И ты тоже, дитя мое! — вынимая из воды мокрую драгоценность, сказал Грэй. — Вот, я пришёл. Узнала ли ты меня?

Она кивнула, держась за его пояс, с новой душой и трепетно зажмуренными глазами. Счастье сидело в ней пушистым котенком. Когда Ассоль решила открыть глаза, покачиванье шлюпки, блеск волн, приближающийся, мощно ворочаясь, борт «Секрета», — всё было сном, где свет и вода качались, кружась, подобно игре солнечных зайчиков на струящейся лучами стене. Не помня — как, она поднялась по трапу в сильных

Екатерина Штанко.
Из иллюстраций
к повести
«Алые паруса» (1981)

руках Грэя. Палуба, крытая и увешанная коврами, в алых выплесках парусов, была как небесный сад. И скоро Ассоль увидела, что стоит в каюте — в комнате, которой лучше уже не может быть.

Тогда сверху, сотрясая и зарывая сердце в свой торжествующий крик, вновь кинулась огромная музыка. Опять Ассоль закрыла глаза, боясь, что всё это исчезнет, если она будет смотреть. Грэй взял её руки и, зная уже теперь, куда можно безопасно идти, она спрятала мокрое от слёз лицо на груди друга, пришедшего так волшебю. Бережно, но со смехом, сам потрясённый и удивлённый тем, что наступила невыразимая, недоступная никому драгоценная минута, Грэй поднял за подбородок вверх это давным-давно пригрезившееся лицо, и глаза девушки, наконец, ясно раскрылись. В них было всё лучшее человека.

— Ты возьмёшь к нам моего Лонгрена? — сказала она.

— Да. — И так крепко поцеловал он её вслед за своим железным «да», что она засмеялась.

Теперь мы отойдём от них, зная, что им нужно быть вместе одним. Много на свете слов на разных языках и разных наречиях, но всеми ими, даже и отдалённо, не передашь того, что сказали они в день этот друг другу. [...]

Когда на другой день стало светать, корабль был далеко от Каперны. Часть экипажа как уснула, так и осталась лежать на палубе, поборотая вином Грэя; держались на ногах лишь рулевой да вахтенный, да сидевший на корме с грифом виолончели у подбородка задумчивый и хмельной Циммер. Он сидел, тихо водил смычком, заставляя струны говорить волшебным, неземным голосом, и думал о счастье...

Ассоль в изображении
Саввы Бродского (1964) и Нади Рушевой (1967)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Поделитесь своими впечатлениями от прочитанного.
2. Что мы узнаем о судьбе семьи Лонгрена с первых страниц повести?
3. Найдите в тексте и зачитайте портретное описание главной героини. С помощью каких художественных средств писатель создаёт образ девочки? Определите отношение автора к Ассоль. Свой ответ подтвердите примерами из текста.
4. Объясните, как вы понимаете высказывание: *«Артур Грэй родился с живой душой, совершенно не склонной продолжать линию фамильного начертания»*. Аргументируй свой ответ.
5. От имени Грэя перескажите эпизод «Картина Христа».
6. Расскажите, какое событие повлияло на решение 15-летнего Артура Грэя покинуть отчий дом.
7. Найдите в тексте и прочитайте, что привлекало Грэя в профессии моряка. Как это характеризует главного героя?
8. Выразительно прочитайте портретное описание Грэя — юного моряка. С помощью каких художественных средств языка передано отношение автора к своему герою? Поделитесь своим отношением к Грэю.
9. Подумайте, что объединяет Грэя и Ассоль. Свой ответ аргументируйте.
10. Найдите в тексте и прочитайте описание Ассоль в тот момент, когда её увидел Грэй. Какое впечатление произвела девушка на молодого капитана? Как вы думаете, почему Ассоль так заинтересовала Грэя?
11. Прокомментируйте следующее высказывание автора: *«Не раз, волнуясь и робея, она уходила ночью на морской берег, где, выждав рассвет, совершенно серьёзно высматривала корабль с алыми парусами. Эти минуты были для неё счастьем; нам трудно так уйти в сказку, ей было бы не менее трудно выйти из её власти и обаяния»*.
12. Выразительно прочитайте сон героини. Как он характеризует Ассоль? Проследите по тексту, какие детали пейзажного описания помогают раскрыть душевный мир героини.
13. Как вы понимаете слова Грэя: *«...я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками?»*

14. Найдите в тексте и прочитайте, как автор описывает состояние Ассоль, когда она увидела корабль с алыми парусами. С помощью каких художественно-выразительных средств языка писатель помогает нам представить душевное состояние девушки? Свой ответ подтвердите примерами из текста.
15. Расскажите, как жители Каперны отреагировали на появление алого «Секрета». Как вы думаете, стало ли для них появление корабля своеобразным уроком? Обоснуйте свой ответ.
16. Выразительно прочитайте эпизод встречи Грэй и Ассоль. Какие мысли и чувства вызывает у вас этот фрагмент текста?
17. Объясните, как вы понимаете выражение автора: «Счастье сидело в ней пушистым котёнком». А вам знакомо такое чувство?
18. На основе пейзажных зарисовок из повести А. Грина «Алые паруса» подготовьте соответствующий изобразительный ряд (фотографии, репродукции картин) и оформите его в мультимедийную презентацию.

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О СИМВОЛЕ

Символ — это определённый условный знак (предметный или словесный), выражающий суть какого-либо явления.

В древности символами называли половинки разрезанной надвое дощечки, которые помогали их обладателям узнать друг друга в далёком месте. При встрече половинки соединяли: излом должен был совпасть. Таким образом, *символ* — от греческого *знак*, опознавательная примета.

В художественном произведении **символ** — вид иносказания, определённое обобщение.

Каждый читатель понимает смысл символа по-своему. Не случайно русский писатель Фёдор Сологуб говорил: «Символ — окно в бесконечность».

Наряду с общепринятыми символами (*солнце* — символ счастья, радости; *хлеб-соль* — символ гостеприимства у славянских народов; *меч* — символ войны) художественные произведения богаты индивидуальными символами, созданными художниками слова. Смысл их раскрывается, если вникнуть в поэтический мир литературного текста. Известный российский литературовед Сергей Аверинцев подчёркивал: «Смысл символа нельзя дешифровать простым усилием рассудка, в него надо “вжиться”... Символ тем содержательнее, чем более он многозначен...».

1. Раскройте понятие символа.
2. Приведите примеры символических образов в прочитанном произведении А. Грина.
3. Объясните, как вы понимаете эпиграф к этой статье.

Диалог искусств

Повесть-сказка «Алые паруса» нашла своё воплощение и в других видах искусств. По мотивам «Алых парусов» созданы многочисленные театральные постановки и экранизации, балет и рок-опера, песни и целые мюзиклы, скульптурные композиции. Уже долгие годы неизменной популярностью у зрителей пользуется художественный фильм «Алые паруса» режиссёра **Александра Птушко**, созданный ещё в 1961 году.

Современные арт-проекты также не остаются в стороне от этого произведения. Так, например, на зданиях улиц Харькова и Санкт-Петербурга можно увидеть оригинальные граффити на тему произведения А. Грина.

Ассоль. Граффити на здании в Харькове
(по мотивам иллюстраций Михаила Бочкова)

**Айзек
АЗИМОВ**
(1920–1992)

Даже время не ограничивает писателя: он может блуждать во мраке, предшествовавшем сотворению мира, и описывать будущее, которое видит как сегодняшний день.

Ян Парандовский, польский писатель

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ БУДУЩЕГО

Айзек Азимов — известный американский писатель, автор научно-фантастических произведений, учёный. Он написал около пятисот книг, среди которых — романы, повести, рассказы, труды по биохимии, математике, астрофизике, мифологии.

Родился Айзек Азимов в 1920 году в белорусском городке Петровичи (ныне Смоленская область России). Когда мальчику было три года, семья переехала в США. В Нью-Йорке его отец открыл небольшой магазинчик, за прилавком которого приходилось частенько стоять и Айзеку. Но работа продавца не привлекала мальчика, с раннего детства его манил таинственный и завораживающий мир научных поисков и открытий. Особый интерес он проявлял к точным наукам. В 15 лет Айзек закончил колледж, в 19 — университет, а уже в 28 лет стал доктором наук, профессором в области биохимии. Азимов работал в таких известных на весь мир университетах, как Колумбийский и Гарвардский.

Столь же стремительным, как восхождение к Олимпу науки, было и покорение им литературных вершин. А началось оно также ещё в детстве, из увлечения, которое со временем переросло в дело его жизни. Как-то в руки девятилетнего Айзека попал один из выпусков первого в мире журнала научной фантастики, основанного американским писателем Хьюго Гернсбеком. Произведения, рассказывающие о жизни

на других планетах, об удивительных неземных существах, так сильно повлияли на воображение мальчика, что спустя 2–3 года он и сам начал писать научно-фантастические рассказы. Восемнадцатилетним Айзек впервые отважился отослать свою рукопись в журнал. И хотя юный писатель сразу же получил отказ, он не опустил руки, а наоборот — проявил завидное упорство и настойчивость. Благодаря этим чертам характера начинающий фантаст добился, чтобы его рассказ был напечатан именно в том журнале, который открыл девятилетнему Айзеку чарующий мир научной фантастики. А в 1941 г. к нему пришла настоящая слава в связи с публикацией *рассказа «Приход ночи»*, который американские читатели признали лучшим рассказом современной научной фантастики.

С того времени из-под пера Азимова вышли многочисленные художественные произведения, завоевавшие пристальное внимание не только американских читателей, но и читателей всего мира. Символично, что среди разнообразных литературных премий Айзека Азимова есть и премия имени того самого Хьюго, журнал которого когда-то стал для подростка первой ступенькой в мир научной фантастики.

Творчество писателя пронизывают две большие темы. Первая — создание и использование роботов (*цикл «Я, робот»*, в который входят повести, романы, рассказы). Вторая тема, интересующая Азимова, — научное познание и освоение космоса (*романы «Основание», «Основание и империя»* и другие произведения). К этой же теме можно отнести и *рассказ «Профессия»*.

Многие читатели задумывались над причиной стремительного успеха Айзека Азимова. Его объясняют и писательским талантом, и неугасимой жадой познания мира, постоянным стремлением раскрыть его тайны, поделиться с людьми своими размышлениями и предсказаниями. Азимов не только стал известным специалистом в области химии и биохимии, но и увлекался другими, самыми разнообразными науками: астрономией, литературоведением, зоологией, историей, математикой... По словам самого писателя, он достиг высоких вершин благодаря трудолюбию, настойчивости и любви к своей профессии. Артур Кларк, известный английский фан-

таст, современник Азимова, шутил по поводу его чрезвычайной трудоспособности: «У него четыре электронных машинки, и он может печатать сразу четыре книги двумя руками и двумя ногами...».

Писатель неоднократно подчёркивал важность научной фантастики: «История достигла момента, когда человечеству уже нельзя враждовать. На земле должна победить дружба. Я всегда стремлюсь подчеркнуть это в своём творчестве... я уверен, что научная фантастика — это одно из звеньев, которое помогает объединить человечество».

1. Какой факт из жизни Айзека Азимова заинтересовал вас больше всего? Почему?
2. Чем можно объяснить секрет успеха Айзека Азимова как писателя и учёного?
3. На основе статьи придумайте и расскажите фантастическую историю об Айзеке Азимове — мальчике, который из помощника продавца превратился в предсказателя будущего.
4. Как вы понимаете такие слова писателя: «...научная фантастика — это одно из звеньев, которое помогает объединить человечество»?
5. Прочитайте материал рубрики «Читателю XXI столетия на заметку» и оцените, насколько точно фантасту удалось предвидеть, каким будет наш мир в 2014 году.
6. Рассмотрите репродукции портретов писателя кисти художников Ровены Моррилл и Майкла Уэлана. Какой из них вам понравился больше? Почему?

Читателю XXI столетия на заметку

В далёком 1964 г. американская газета «The New York Times» попросила Айзека Азимова предсказать будущее на 50 лет вперёд. Вот некоторые из его мыслей о времени, в котором мы живём:

- утомительная бытовая работа будет сведена к минимуму. Тостеры, автоматические кофеварки, скороварки и т.п. — приготовление еды будет происходить по таймеру. Но небольшая кухня останется — кулинария останется для многих как хобби;
- роботы не вытеснят людей. Будет много компьютеров с «мозгами» робота, но управлять ими всё равно будет человек;
- кинофильмы будут трёхмерными, в 3-D формате;
- техника не будет иметь электрического шнура — она будет работать на долгоживущих батареях и аккумуляторах;
- половина энергии на Земле будет вырабатываться на АЭС;
- телефоны будут портативными, а их экраны станут использоваться для изучения документов и фотографий, чтения отрывков книг. Связь будет осуществляться через спутники;
- компьютерные дисциплины станут основой учебного процесса в школах.

ПРОФЕССИЯ

(В сокращении)

[...] Восемнадцать лет Джордж Плейтен твёрдо знал, что станет дипломированным программистом, — он стремился к этому с тех пор, как себя помнил. Среди его приятелей одни отстаивали космонавтику, другие — холодильную технику, третьи — организацию перевозок и даже административную деятельность. Но Джордж не колебался.

Он с таким же жаром, как и все остальные, обсуждал преимущества облюбованной профессии. Это было вполне естественно. Впереди их всех ждал День образования — поворотный день их жизни. Он приближался, неизбежный и неотвратимый, — первое ноября того года, когда им исполнится восемнадцать лет.

Когда День образования оставался позади, появлялись новые темы для разговоров: можно было обсуждать различные профессио-

нальные вопросы, хвалить свою жену и детей, рассуждать о шансах любимой космобольной команды или вспоминать Олимпиаду. Но до наступления Дня образования лишь одна тема неизменно вызывала всеобщий интерес — и это был День образования.

«Кем ты хочешь быть? Думаешь, тебе это удастся? Ничегошеньки у тебя не выйдет. Справься в ведомостях — квоту же урезали. А вот логистика...» Или «а вот гипермеханика...», или «а вот связь...», или «а вот гравитика...» [...]

Эта тема была постоянным предметом споров между Джорджем и Коротышкой Тревельяном. Как все закадычные друзья, они спорили до бесконечности, не скупясь на язвительные насмешки, и в результате оба оставались при своём мнении.

Дело в том, что отец Тревельяна, дипломированный металлург, в своё время работал на одной из дальних планет, а его дед тоже был дипломированным металлургом. Естественно, что сам Коротышка не колеблясь остановил свой выбор на этой профессии, которую считал чуть ли не неотъемлемым правом своей семьи, и был твёрдо убеждён, что все другие специальности не слишком-то уважаемы. [...]

Но Джордж уже в шестнадцать лет отличался практичностью. Ну, конечно, День чтения во многом отличался от Дня образования. Во-первых, следует учитывать особенности детской психологии. Ведь восьмилетний ребёнок легко воспринимает многие самые необычные явления. И то, что вчера он не умел читать, а сегодня уже умеет, кажется ему само собой разумеющимся. Как солнечный свет, например.

А во-вторых, от этого дня зависело не так уж много. После него толпы вербовщиков не теснились перед списками, с нетерпением ожидая, когда будут объявлены результаты ближайшей Олимпиады. День чтения практически ничего не менял в жизни детей, и они ещё десять лет оставались под родительской кровлей, как и все их сверстники. Просто после этого дня они уже умели читать.

И Джордж, готовясь к Дню образования, почти не помнил подробностей того, что произошло с ним в День чтения, десять лет назад.

Он, правда, не забыл, что день выдался пасмурный и моросил сентябрьский дождь. (День чтения — в сентябре. День образования — в ноябре, Олимпиада — в мае. На эту тему сочиняли даже детские стишки.) Было ещё темно, и Джордж одевался при стенном свете. Родители его волновались гораздо больше, чем он сам. Отец Джорджа был дипломированным трубопрокладчиком и работал на Земле, чего втайне стыдился, хотя все понимали, что большая часть каждого поколения неизбежно должна остаться на Земле.

Сама Земля нуждалась в фермерах, шахтёрах и даже в инженерах. Для работы на других планетах требовались только самые последние модели высококвалифицированных специалистов, и из восьми миллиардов земного населения туда ежегодно отправлялось всего лишь несколько миллионов человек. Естественно, не каждый житель Земли мог попасть в их число. [...]

Детей собрали в просторном зале городского Дома образования. В этот месяц во всех уголках Земли в миллионах местных Домов образования собирались такие же группы детей. Серые стены и напряжённость, с которой держались дети, стеснявшиеся непривычной нарядной одежды, нагнали на Джорджа тоску. [...]

— Дети, — произнёс голос, — сейчас мы будем называть ваши фамилии. Тот, кто услышит свою фамилию, должен тут же подойти к одному из служителей, которые стоят у стен. Вы видите их? Они одеты в красную форму, и вы легко их заметите. Девочки пойдут направо, мальчики — налево. А теперь посмотрите, какой человек в красном стоит к вам ближе всего...

Джордж сразу же увидел своего служителя и стал ждать, когда его вызовут. Он ещё не был посвящён в тайну алфавита, и к тому времени, когда дошла очередь до его фамилии, уже начал волноваться.

Толпа детей редела, ручейками растекаясь к красным фигурам. Когда наконец было произнесено имя «Джордж Плейтен», он испытал невыразимое облегчение и упоительную радость: его уже вызвали, а Коротышку — нет!

Уходя, Джордж бросил ему через плечо:

— Ага, Коротышка! А может, ты им вовсе и не нужен?

Но его приподнятое настроение быстро улетучилось. Его поставили рядом с незнакомыми детьми и всех повели по коридорам. Они испуганно переглядывались, но заговорить никто не осмеливался, и слышалось только сопение да иногда сдавленный шёпот: «Не толкайся!» и «Эй, ты, поосторожней!»

Им раздали картонные карточки и велели их не терять. Джордж стал с любопытством рассматривать свою карточку. Он увидел маленькие чёрные значки разной формы. Он знал, что это называется печатными буквами, но был не в состоянии представить себе, как из них получаются слова.

Его и ещё четверых мальчиков отвели в отдельную комнату и велели им раздеться. Они быстро сбросили свою новую одежду и стояли теперь голые и маленькие, дрожа скорее от волнения, чем от холода. Лаборанты быстро, по очереди, ощупывали и исследовали их с помощью каких-то странных инструментов, кололи им пальцы, чтобы взять кровь для анализа, а потом каждый брал карточки и чёрной палочкой торопливо выводил на них аккуратные ряды каких-то

значков. Джордж пристально вглядывался в эти новые значки, но они оставались такими же непонятными, как и старые. Затем детям велели одеться.

Они сели на маленькие стулья и снова стали ждать. Их опять начали вызывать по фамилиям, и Джорджа Плейтена вызвали третьим.

Он вошёл в большую комнату, заполненную страшными аппаратами с множеством кнопок и прозрачных панелей. В самом Центре комнаты стоял письменный стол, за которым, устремив взгляд на кипу лежавших перед ним бумаг, сидел какой-то мужчина.

— Джордж Плейтен? — спросил он.

— Да, сэр, — дрожащим шёпотом ответил Джордж, который в результате длительного ожидания и бесконечных переходов из комнаты в комнату начал волноваться. Он уже мечтал о том, чтобы всё это поскорее кончилось.

Человек за письменным столом сказал:

— Меня зовут доктор Ллойд. Как ты себя чувствуешь, Джордж?

Произнося эту фразу, доктор не поднял головы. Казалось, он повторял эти слова так часто, что ему уже не нужно было смотреть на того, к кому он обращался.

— Хорошо.

— Ты боишься, Джордж?

— Н-нет, сэр, — ответил Джордж, и даже от него самого не укрылось, как испуганно прозвучал его голос.

— Вот и прекрасно, — произнёс доктор. — Ты же знаешь, что бояться чего. Ну-ка, Джордж, посмотрим! На твоей карточке написано, что твоего отца зовут Питер и что по профессии он дипломированный трубопрокладчик. Имя твоей матери Эми, и она дипломированный специалист по домоведению. Правильно?

— Д-да, сэр.

— А ты родился 13 февраля и год назад перенёс инфекционное заболевание уха. Так?

— Да, сэр.

— А ты знаешь, откуда мне это известно?

— Я думаю, всё это есть на карточке.

— Совершенно верно, — доктор в первый раз взглянул на Джорджа и улыбнулся, показав ровные зубы. На вид он был гораздо моложе отца Джорджа — и Джордж несколько успокоился.

Доктор протянул ему карточку.

— Ты знаешь, что означают эти значки?

И хотя Джорджу было отлично известно, что этого он не знает, от неожиданности он взглянул на карточку с таким вниманием, словно по велению судьбы внезапно научился читать. Но значки по-прежнему оставались непонятными, и он вернул карточку доктору.

— Нет, сэр.

— А почему?

У Джорджа вдруг мелькнуло подозрение: а не сошёл ли с ума этот доктор? Разве он этого не знает сам?

— Потому что я не умею читать, сэр.

— А тебе хотелось бы научиться читать?

— Да, сэр.

— А зачем, Джордж?!

Джордж в недоумении вытаращил глаза. Никто никогда не задавал ему такого вопроса, и он растерялся.

— Я не знаю, сэр, — запинаясь, произнёс он.

— Печатная информация будет руководить тобой всю твою жизнь. Даже после Дня образования тебе предстоит узнать ещё очень многое. И эти знания ты будешь получать из таких вот карточек, из книг, с телевизионных экранов. Печатные тексты расскажут тебе столько полезного и интересного, что не уметь читать было бы так же ужасно, как быть слепым. Тебе это понятно?

— Да, сэр.

— Ты боишься, Джордж?

— Нет, сэр.

— Отлично. Теперь я объясню тебе, с чего мы начнём. Я приложу вот эти провода к твоему лбу над уголками глаз. Они приклеятся к коже, но не причинят тебе никакой боли. Потом я включу аппарат и раздастся жужжание. Оно покажется тебе непривычным, и, возможно, тебе будет немного щекотно, но это тоже совершенно безболезненно. Впрочем, если тебе всё-таки станет больно, ты мне скажешь, и я тут же выключу аппарат. Но больно не будет. Ну, как, договорились?

Судорожно глотнув, Джордж кивнул.

— Ты готов?

Джордж снова кивнул. С закрытыми глазами он ждал, пока доктор готовил аппаратуру. Родители не раз рассказывали ему про всё это. Они тоже говорили, что ему не будет больно. Но зато ребята постарше, которым исполнилось десять, а то и двенадцать лет, всегда дразнили ожидавших своего Дня чтения восьмилеток и кричали: «Берегитесь иглы!» А другие, отозвав малыша в какой-нибудь укромный уголок, по секрету сообщали: «Они разрежут тебе голову вот таким большущим ножом с крючком на конце», — и добавляли множество жутких подробностей.

Джордж никогда не принимал это за чистую монету, но тем не менее по ночам его мучили кошмары. И теперь, испытывая непередаваемый ужас, он закрыл глаза.

Он не почувствовал прикосновения проводов к вискам. Жужжание доносилось откуда-то издали, и его заглушал звук стучавшей

в ушах крови, такой гулкий, словно всё происходило в большой пустой пещере. Джордж рискнул медленно открыть глаза.

Доктор стоял к нему спиной. Из одного аппарата ползла узкая лента бумаги, на которой виднелась волнистая фиолетовая линия. Доктор отрывал кусочки этой ленты и вкладывал их в прорезь другой машины. Он снова и снова повторял это, и каждый раз машина выбрасывала небольшой кусочек плёнки, который доктор внимательно рассматривал. Наконец, он повернулся к Джорджу, как-то странно нахмутив брови.

Жужжание прекратилось.

— Уже всё? — прошептал Джордж.

— Да, — не переставая хмуриться, произнёс доктор.

— И я уже умею читать? — Джордж не чувствовал в себе никаких изменений.

— Что? — переспросил доктор, и на его губах мелькнула неожиданная улыбка. — Всё идёт, как надо, Джордж. Читать ты будешь через пятнадцать минут. А теперь мы воспользуемся другой машиной, и это уже будет немного дольше. Я закрою тебе всю голову, и, когда я включу аппарат, ты на некоторое время перестанешь видеть и слышать, но тебе не будет больно. На всякий случай я дам тебе в руку выключатель. Если ты всё-таки почувствуешь боль, нажми вот эту маленькую кнопку, и всё прекратится. Хорошо?

Позже Джорджу довелось услышать, что это был не настоящий выключатель и его давали ребёнку только для того, чтобы он чувствовал себя спокойнее.

Однако он не знал твёрдо, так ли это, поскольку сам кнопки не нажимал.

Ему надели на голову большой шлем обтекаемой формы, выложенный изнутри резиной. Три-четыре небольшие выпуклости присосались к его черепу, но он ощутил лишь лёгкое давление, которое тут же исчезло. Боли не было.

Откуда-то глухо донёсся голос доктора:

— Ну, как, Джордж, всё в порядке?

И тогда, без всякого предупреждения, его как будто окутал толстый слой войлока. Он перестал ощущать собственное тело, исчезли чувства, весь мир, вся Вселенная. Остался лишь он сам и доносившийся из бездонных глубин небытия голос, который что-то шептал ему... шептал... шептал...

Он напряжённо старался услышать и понять хоть что-нибудь, но между ним и шёпотом лежал толстый войлок.

Потом с него сняли шлем. Яркий свет ударил ему в глаза, а голос доктора отдавался в ушах барабанной дробью.

— Вот твоя карточка, Джордж. Скажи, что на ней написано?

Джордж снова взглянул на карточку — и вскрикнул. Значки обрели смысл! Они слагались в слова, которые он понимал так отчётливо, будто кто-то подсказывал их ему на ухо. Он был уверен, что именно слышал их.

— Так что же на ней написано, Джордж?

— На ней написано... написано... «Плейтен Джордж. Родился 13 февраля 6492 года, родители Питер и Эми Плейтен, место...» — от волнения он не мог продолжать.

— Ты умеешь читать, Джордж. — сказал доктор. — Всё уже позади.

— И я никогда не разучусь? Никогда?

— Ну конечно же, нет. — Доктор наклонился и серьёзно пожал ему руку.

— А сейчас тебя отправят домой.

Прошёл не один день, прежде чем Джордж освоился со своей новой, замечательной способностью. Он так бегло читал отцу вслух, что Плейтен старший не смог сдержать слёз умиления и поспешил поделиться этой радостной новостью с родственниками.

Джордж бродил по городу, читая все попадавшиеся ему по пути надписи, и не переставал удивляться тому, что было время, когда он их не понимал.

Он пытался вспомнить, что это такое — не уметь читать, и не мог. Ему казалось, будто он всегда умел читать. Всегда.

К восемнадцати годам Джордж превратился в смуглого юношу среднего роста, но благодаря худобе он выглядел выше, чем был на самом деле...

Они находились в том же огромном зале, где их однажды уже собирали десять лет назад (и куда они с тех пор ни разу не заходили). Казалось, внезапно воплотилось в действительность туманное сновидение из далёкого прошлого. В первые минуты Джордж был очень удивлён, обнаружив, что всё здесь как будто стало меньше и теснее, но потом он сообразил, что это вырос он сам.

Собралось их здесь меньше, чем в тот, первый раз, и одни юноши. Для девушек был назначен другой день...

Наконец вызвали Джорджа, но не по радио, как в тот раз, — его фамилия вспыхнула на световом табло.

Джордж помахал Тревельяну рукой.

— Держись, Трев! Не волнуйся.

Когда он входил в проверочную комнату, он был счастлив. Да, счастлив!

— Джордж Плейтен? — спросил человек, сидевший за столом.

На миг в сознании Джорджа с необыкновенной чёткостью возник образ другого человека, который десять лет назад задал такой

же вопрос, и ему вдруг показалось, что перед ним тот же доктор, а он, Джордж, переступив порог, снова превратился в восьмилетнего мальчугана.

Сидевший за столом поднял голову — его лицо конечно, не имело ничего общего с образом, всплывшим из глубин памяти Джорджа. У этого нос был картошкой, волосы жидкие и спутанные, а под подбородком висела складка, словно прежде он был очень толстым, а потом вдруг сразу похудел.

— Ну? — раздражённо произнёс он.

Джордж очнулся.

— Да, я Джордж Плейтен, сэр.

— Так и говорите. Я — доктор Зэкери Антонелли. Сейчас мы с вами познакомимся поближе.

Он пристально, по-совиному, разглядывал на свет маленькие кусочки плёнки.

Джордж внутренне содрогнулся. Он смутно вспомнил, что тот, другой доктор (он забыл, как его звали) тоже рассматривал такую же плёнку.

Неужели это та самая? Тот хмурился, а этот взглянул на него сейчас так, как будто его что-то рассердило.

Джордж уже не чувствовал себя счастливым.

Доктор Антонелли раскрыл довольно пухлую папку и осторожно отошел в сторону плёнки.

— Тут сказано, что вы хотите стать программистом вычислительных машин.

— Да, доктор.

— Вы не передумали?

— Нет, сэр.

— Это очень ответственная и сложная профессия. Вы уверены, что она вам по силам?

— Да, сэр.

— Большинство людей, ещё не получивших образования, не называют никакой конкретной профессии. Видимо, они боятся повредить себе.

— Наверное так, сэр.

— А вас это не пугает?

— Я полагаю, что лучше быть откровенным, сэр.

Доктор Антонелли кивнул, но выражение его лица осталось прежним.

— Почему вы хотите стать программистом?

— Как вы только что сказали, сэр, это ответственная и сложная профессия. Программисты выполняют важную и интересную работу. Мне она нравится, и я думаю, что справлюсь с ней.

Доктор Антонелли отодвинул папку и кисло взглянул на Джорджа.

— Откуда вы знаете, что она вам понравится? Вы, наверное, думаете, что вас тут же подхватит какая-нибудь планета класса А?

«Он пробует запугать меня, — с тревогой подумал Джордж. — Спокойно, Джордж, говори правду».

— Мне кажется, что у программиста на это большие шансы, — произнёс он, — но, даже если бы меня оставили на Земле, работа эта мне всё равно нравилась бы, я знаю. («Во всяком случае, это так, и я не лгу», — подумал Джордж.)

— Пусть так, но откуда вы это знаете?

Вопрос был задан таким тоном, словно на него нельзя было ответить разумно, и Джордж еле сдержал улыбку. У него-то имелся ответ!

— Я читал о программировании, сэр, — сказал он.

— Что?

На лице доктора отразилось неподдельное изумление, и это доставило Джорджу удовольствие.

— Я читал о программировании, сэр, — повторил он. — Я купил книгу на эту тему и изучал её.

— Книгу, предназначенную для дипломированных программистов?

— Да, сэр.

— Но ведь вы могли не понять то, что там написано.

— Да, вначале. Но я достал другие книги по математике и электронике и разобрался в них, насколько мог. Я, конечно, знаю не так уж много, но всё-таки достаточно, чтобы понять, что мне нравится эта профессия и что я могу быть программистом. (Даже его родители ничего не знали о тайнике, где он хранил эти книги, и не догадывались, почему он проводит так много времени в своей комнате и почему не высыпается.)

Доктор оттянул пальцами дряблую складку под подбородком.

— А зачем вы это делали, друг мой?

— Мне хотелось проверить, действительно ли эта профессия интересна.

— Но ведь вам известно, что это не имеет ни малейшего значения. Как бы вас ни привлекала та или иная профессия, вы не получите её, если физическое устройство вашего мозга делает вас более пригодным для занятий иного рода. Вам ведь это известно?

— Мне говорили об этом, — осторожно ответил Джордж.

— Так поверьте, что это правда.

Джордж промолчал.

— Или вы думаете, что изучение какого-нибудь предмета перестроит мозговые клетки в нужном направлении? А ещё одна

теорийка рекомендует беременной женщине чаще слушать прекрасную музыку, если она хочет, чтобы ребёнок стал композитором. Вы, значит, верите в это?

Джордж покраснел. Конечно, он думал и об этом. Он полагал, что, постоянно упражняя свой интеллект в избранной области, он получит таким образом дополнительное преимущество. Его уверенность в значительной мере объяснялась именно этим.

— Я никогда... — начал было он, но не нашёл, что сказать.

— Ну, так это неверно, молодой человек! К моменту рождения ваш мозг уже окончательно сформирован. Он может быть изменён ударом, достаточно сильным, чтобы повредить его клетки, или разрывом кровеносного сосуда, или опухолью, или тяжёлым инфекционным заболеванием — в любом случае обязательно к худшему. Но повлиять на строение мозга, упорно о чём-то думая, попросту невозможно. — Он задумчиво посмотрел на Джорджа и добавил:

— Кто вам посоветовал делать это?

Окончательно расстроившись, Джордж судорожно глотнул и ответил:

— Никто, доктор. Это моя собственная идея.

— А кто знал об этих ваших занятиях?

— Никто. Доктор, я не хотел ничего плохого.

— Кто сказал, что это плохо? Бесполезно, только и всего. А почему вы скрывали свои занятия?

— Я... я думал, что надо мной будут смеяться. (Он вдруг вспомнил о недавнем споре с Тревелияном. Очень осторожно, как будто эта мысль только зародилась в самом отдалённом уголке его сознания, Джордж высказал предположение, что, пожалуй, можно кое-чему научиться, черпая знания, так сказать, вручную, постепенно и понемногу. Тревелиян оглушительно расхохотался: «Джордж, не хватает ещё, чтобы ты начал дубить кожу для своих башмаков и сам ткать материю для своих рубашек». И тогда он обрадовался, что сумел хорошо сохранить свою тайну.)

Погрузившись в мрачное раздумье, доктор Антонелли переключался с места на место кусочки плёнки, которые рассматривал в начале их разговора. Наконец он произнёс:

— Займёмся-ка вашим анализом. Так мы ничего не добьёмся.

К вискам Джорджа приложили провода. Раздалось жужжание, и снова в его мозгу возникло ясное воспоминание о том, что происходило с ним в этом здании десять лет назад.

Руки Джорджа были липкими от пота, его сердце отчаянно колотилось. Зачем, зачем он сказал доктору, что тайком читает книги?

Всеми виной было его проклятое тщеславие. Ему захотелось щегольнуть своей предприимчивостью и самостоятельностью, а

вместо этого он продемонстрировал своё суеверие и невежество и восстановил доктора против себя. (Он чувствовал, что Антонелли возненавидел его за самодовольную развязность.)

А теперь он довёл себя до такого возбуждения, что анализатор, конечно, покажет полную бессмыслицу.

Он не заметил, когда именно с его висков сняли провода. Он только вдруг осознал, что доктор стоит перед ним и задумчиво смотрит на него. А проводов уже не было. Отчаянным усилием воли Джордж взял себя в руки. Он полностью распростился с мечтой стать программистом. За каких-нибудь десять минут она окончательно рассеялась.

— Наверно, нет? — уныло спросил он.

— Что нет?

— Из меня не выйдет программиста?

Доктор потёр нос и сказал:

— Одевайтесь, заберите свои вещи и идите в комнату 15-С. Там вас будут ждать ваши бумаги и моё заключение...

Наконец он добрался до двери с номером 15-С. Его ввели в пустую комнату и оставили одного. На какой-то миг он воспрянул духом. Ведь, если бы эта комната предназначалась для чернорабочих, тут уже сидело бы много его сверстников.

Дверь в невысокой, в половину человеческого роста, перегородке скользнула в паз, и в комнату вошёл пожилой седовласый мужчина. Он улыбнулся, показав ровные, явно фальшивые зубы, однако на его румяном лице не было морщин, а голос сохранил звучность.

— Добрый вечер, Джордж, — сказал он. — Я вижу, что на этот раз к нам в сектор попал только один из вас.

— Только один? — с недоумением повторил Джордж.

— Ну, по всей Земле таких, как вы, наберётся несколько тысяч. Да, тысяч. Вы не одиноки.

Джордж почувствовал раздражение.

— Я ничего не понимаю, сэр, — сказал он. — Какова моя классификация? Что происходит?

— Полегче, друг мой. Ничего страшного. Это могло бы случиться с кем угодно. — Он протянул руку, и Джордж, машинально взяв её, почувствовал крепкое пожатие. — Садитесь. Меня зовут Сэм Элленфорд.

Джордж нетерпеливо кивнул.

— Я хочу знать, в чём дело, сэр.

— Естественно. Во-первых, Джордж, вы не можете быть программистом. Я думаю, что вы и сами об этом догадались.

— Да, — с горечью согласился Джордж. — Но кем же я тогда буду?

— Это очень трудно объяснить, Джордж. — Он помолчал и затем отчётливо произнёс:

— Никем.

— Что?!

— Никем!

— Что это значит? Почему вы не можете дать мне профессию?

— Мы тут бессильны, Джордж, у нас нет выбора. За нас решает устройство вашего мозга.

Лицо Джорджа стало землистым, глаза выпучились.

— Мой мозг никуда не годится?

— Да как сказать. Но в отношении профессиональной классификации — можете считать, что он действительно не годится.

— Но почему?

Элленфорд пожал плечами.

— Вам, конечно, известно, как осуществляется на Земле программа образования. Практически любой человек может усвоить любые знания, но каждый индивидуальный мозг лучше подходит для одних видов знаний, чем для других. Мы стараемся по возможности сочетать устройство мозга с соответствующими знаниями в пределах квоты на специалистов каждой профессии.

Джордж кивнул.

— Да, я знаю.

— Но иногда, Джордж, нам попадается молодой человек, чей интеллект не подходит для наложения на него каких бы то ни было знаний.

— Другими словами, я не способен получить образование?

— Вот именно.

— Но это безумие. Ведь я умён. Я могу понять... — Он беспомощно оглянулся, как бы отыскивая какую-нибудь возможность доказать, что его мозг работает нормально.

— Вы неправильно меня поняли, — очень серьёзно произнёс Элленфорд. — Вы умны. Об этом вопроса не встаёт. Более того, ваш интеллект даже выше среднего. К сожалению, это не имеет никакого отношения к тому, подходит ли он для наложения знаний. Вообще сюда почти всегда попадают умные люди.

— Вы хотите сказать, что я не могу стать даже дипломированным чернорабочим? — пролепетал Джордж. Внезапно ему показалось, что даже это лучше, чем открывшаяся перед ним пустота. — Что особенного нужно знать, чтобы быть чернорабочим?

— Вы недооцениваете чернорабочих, молодой человек. Существует множество разновидностей этой профессии, и каждая из этих разновидностей имеет свой комплекс довольно сложных знаний. Вы думаете, не требуется никакого искусства, чтобы правиль-

но поднимать тяжести? Кроме того, для профессии чернорабочего мы должны отбирать не только подходящий тип мозга, но и подходящий тип тела. Вы не годитесь для этого, Джордж. Если бы вы стали чернорабочим, вас хватило бы ненадолго.

Джордж знал, что не обладает крепким телосложением.

— Но я никогда не слышал ни об одном человеке без профессии, — возразил он.

— Таких людей немного, — ответил Элленфорд. — И мы оберегаем их.

— Оберегаете? — Джордж почувствовал, как в его душе растут смятение и страх.

— Вы находитесь под опекой планеты, Джордж. С того момента, как вы вошли в эту дверь, мы приступили к своим обязанностям. — И он улыбнулся.

Это была добрая улыбка. Джорджу она показалась улыбкой собственника, улыбкой взрослого, обращённой к беспомощному ребёнку.

— Значит, я попаду в тюрьму? — спросил он.

— Ни в коем случае. Вы просто будете жить с себе подобными.

«С себе подобными!» Эти слова громом отдались в ушах Джорджа.

— Вам нужны особые условия. Мы позаботимся о вас, — сказал Элленфорд. [...]

Как и было обещано, о Джордже позаботились. Его окружили вниманием и были к нему неизменно добры — Джорджу казалось, что он сам точно так же обращался бы с больным котёнком.

Ему сказали, что он должен взять себя в руки и найти для себя какой-нибудь интерес в жизни. Потом ему объяснили, что большинство тех, кто попадает сюда, вначале всегда предаётся отчаянию и что со временем у него это пройдёт. Но он даже не слышал их.

Джорджа посетил сам доктор Элленфорд и рассказал, что его родителям сообщили, будто он получил особое назначение.

— А они знают?.. — пробормотал Джордж.

Элленфорд поспешил успокоить его:

— Мы не вдавались в подробности.

Первое время Джордж отказывался есть и ему вводили питание внутривенно. От него спрятали острые предметы и приставили к нему охрану.

В его комнате поселился Хали Омани, и флегматичность нигерийца подействовала на Джорджа успокаивающе.

Однажды, снедаемый отчаянной скукой, Джордж попросил какую-нибудь книгу. Омани, который сам постоянно что-то читал, поднял голову и широко улыбнулся. Не желая доставлять им

удовольствия, Джордж чуть было не взял назад свою просьбу, но потом подумал: «А не всё ли равно?»

Он не уточнил, о чём именно хочет читать, и Омани принёс ему книгу по химии. Текст был напечатан крупными буквами, составлен из коротких слов и пояснялся множеством картинок. Это была книга для подростков, и Джордж с яростью швырнул её об стену.

Таким он будет всегда. На всю жизнь он останется подростком, человеком, не получившим образования, и для него будут писать специальные книги. Изнывая от ненависти, он лежал в кровати и глядел в потолок, однако через час, угрюмо насупившись, встал, поднял книгу и принялся за чтение.

Через неделю он кончил её и попросил другую.

— А первую отнести обратно? — спросил Омани.

Джордж нахмурился. Кое-чего он не понял, но он ещё не настолько потерял чувство собственного достоинства, чтобы сознаться в этом.

— Впрочем, пусть остаётся, — сказал Омани. — Книги предназначены для того, чтобы их читали и перечитывали.

Это произошло в тот самый день, когда он наконец принял приглашение Омани посмотреть заведение, в котором они находились. Он плёлся за нигерийцем, бросая вокруг быстрые злобные взгляды.

О да, это место не было тюрьмой! Ни запертых дверей, ни стен, ни охраны. Оно напоминало тюрьму только тем, что его обитатели не могли его покинуть.

И всё-таки было приятно увидеть десятки подобных себе людей. Ведь слишком легко могло показаться, что во всём мире только ты один так... искалечен.

— А сколько здесь живёт человек? — пробормотал он.

— Двести пять. Джордж, и это не единственное в мире заведение такого рода. Их тысячи.

Где бы он ни проходил, люди поворачивались в его сторону и провожали его глазами — и в гимнастическом зале, и на теннисных кортах, и в библиотеке. (Никогда в жизни он не представлял себе, что может существовать такое количество книг; ими были битком — именно битком набиты длинные полки.) Все с любопытством рассматривали его, а он бросал в ответ яростные взгляды. Уж они-то ничем не лучше его, как же они смеют глазеть на него, словно на какую-нибудь диковинку!

Всем им, по-видимому, было лет двадцать — двадцать пять.

— А что происходит с теми, кто постарше? — неожиданно спросил Джордж.

— Здесь живут только более молодые. — ответил Омани, а затем, словно вдруг поняв скрытый смысл вопроса Джорджа, укоризненно покачал головой и добавил:

— Их не уничтожают, если ты это имеешь в виду. Для старшего возраста существуют другие приюты.

— А впрочем, мне наплевать... — пробормотал Джордж, почувствовав, что проявил к этому слишком большой интерес и ему угрожает опасность сдаться.

— Но почему? Когда ты станешь старше, тебя переведут в приют, предназначенный для лиц обоего пола.

Это почему-то удивило Джорджа.

— И женщин тоже?

— Конечно. Неужели ты считаешь, что женщины не подвержены этому?

И Джордж поймал себя на том, что испытывает такой интерес и волнение, каких не замечал в себе с того дня, когда... Он заставил себя не думать об этом.

Омани остановился на пороге комнаты, где стояли небольшая телевизионная установка и настольная счётная машина. Перед экраном сидели пять-шесть человек.

— Классная комната, — пояснил Омани.

— А что это такое? — спросил Джордж.

— Эти юноши получают образование, — ответил Омани. — Но не обычным способом, — быстро добавил он.

— То есть они получают знания по капле?

— Да. Именно так учились в старину. [...]

Как-то раз в снежный февральский день Омани сказал ему:

— Просто удивительно, как ты приспособился.

Но это было в феврале, точнее, тринадцатого февраля, в день его рождения. Пришёл март, за ним апрель, а когда уже не за горами был май, Джордж понял, что ничуть не приспособился.

Год назад он не заметил мая. Тогда, впад в апатию и, потеряв цель в жизни, он целыми днями валялся в постели. Но этот май был иным.

Джордж знал, что повсюду на Земле вскоре начнётся Олимпиада и молодые люди будут состязаться друг с другом в профессиональном искусстве, борясь за места на новых планетах. На всей Земле будет праздничная атмосфера, волнение, нетерпеливое ожидание последних новостей о результатах состязаний. Прибудут важные агенты-вербовщики с далёких планет. Победители будут увенчаны славой, но и потерпевшие поражение найдут чем утешиться.

Сколько было об этом написано книг! Как он сам мальчишкой из года в год увлечённо следил за олимпийскими состязаниями! И сколько с этим было связано его личных планов...

Джордж Плейтен сказал с плохо скрытой тоской в голосе:

— Завтра первое мая. Начало Олимпиады!

И это вызвало его первую ссору с Омани, так что тот, сурово отчеканивая каждое слово, произнёс полное название заведения, где находился Джордж.

Пристально глядя на Джорджа, Омани сказал раздельно:

— Приют для слабоумных.

Джордж Плейтен покраснел. Для слабоумных!

Он в отчаянии отогнал эту мысль и глухо сказал:

— Я ухожу. [...]

В Сан-Франциско он прилетел ещё до полудня, и городской шум обрушился на него, подобно удару. Он никогда ещё не видел такого большого города, а за последние полтора года привык к тишине и спокойствию.

Да и к тому же это был месяц Олимпиады. Когда Джордж вдруг сообразил, что именно этим объясняются особый шум, возбуждение и суматоха, он почти забыл о собственном отчаянном положении.

Для удобства приезжающих пассажиров в аэропорту были установлены Олимпийские стенды, перед которыми собирались большие толпы. Для каждой основной профессии был отведён особый стенд, на котором значился адрес того Олимпийского зала, где в данный день проводилось состязание по этой профессии, затем перечислялись его участники с указанием места их рождения и называлась планета-заказчик (если таковая была).

[...] У входа в зал стояла очередь. Очевидно, Олимпиада металлургов обещала захватывающую и напряжённую борьбу. По крайней мере так утверждала горевшая высоко на небе надпись, и так же, казалось, думали теснившиеся у входа люди...

Джордж так глубоко задумался, что вздрогнул, когда его плеча мягко коснулась чья-то рука и вежливый голос произнёс:

— Вы стоите в очереди. молодой человек?

Очередь продвинулась, и теперь Джордж наконец обнаружил, что перед ним образовалось пустое пространство. Он поспешно шагнул вперёд и пробормотал:

— Извините, сэр.

Два пальца осторожно взяли его за локоть. Он испуганно оглянулся.

Стоявший за ним человек весело кивнул. В его волосах пробивалась обильная седина, а под пиджаком он носил старомодный свитер, застёгивавшийся спереди на пуговицы.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал он.

— Ничего.

— Вот и хорошо! — Он, казалось, был расположен благодушно поболтать. — Я подумал, что вы, может быть, случайно остановились тут, задержавшись из-за очереди, и что вы, может быть...

— Кто? — резко спросил Джордж.

— Участник состязания, конечно. Вы же очень молоды.

Джордж отвернулся. Он был не в настроении для благодушной болтовни и испытывал злость ко всем любителям совать нос в чужие дела.

Его внезапно осенила новая мысль. Не разыскивают ли его? Вдруг сюда уже сообщили его приметы или прислали фотографию? Вдруг этот Седой позади него ищет предлога получше рассмотреть его лицо?

(Джордж становится свидетелем поражения Тревельяна в борьбе за право попасть на Новию — планету с высокоразвитой цивилизацией, которую многие считают одной из лучших в Галактике. Причиной неудачи Тревельяна стало то, что, в отличие от победителей, он получил образование со старых лент, в которых не было необходимой информации. Джордж высказывает мнение, что дополнительные знания следовало добывать из книг. Тревельян к этой мысли относится с недоверием.)

Седой мужчина назвал себя дипломированным историком Ладисласом Индженеску. Джордж, приехавший в Сан-Франциско с целью найти влиятельного человека, который мог бы добиться переоценки его способностей, попросил Индженеску об одной услуге.)

— Тогда устройте мне свидание с каким-нибудь должностным лицом другой планеты, например с... с новианином.

Индженеску был, по-видимому, крайне удивлён.

— Право же...

— Вы можете сделать это, — убеждённо произнёс Джордж. — Вы ведь важное должностное лицо. Я видел, какой вид был у полицейского, когда вы показали ему своё удостоверение. Если вы откажетесь сделать это, я... я не позволю вам изучать меня.

Самому Джорджу эта угроза показалась глупой и бессильной. Однако на Индженеску она, очевидно, произвела большое впечатление.

— Ваше условие невыполнимо, — сказал он. — Новианин в месяц Олимпиады...

— Ну, хорошо, тогда свяжите меня с каким-нибудь новианином по видеофону, и я сам договорюсь с ним о встрече.

— Вы думаете, вам это удастся?

— Я в этом уверен. Вот увидите.

Индженеску задумчиво посмотрел на Джорджа и протянул руку к видеофону...

И вот на экране появился он. Новианин. Настоящий новианин. (Джордж ни на секунду не усомнился. В нём было что-то совершен-

но взнезненное, нечто такое, что невозможно было точно определить или хоть на миг спутать с чем-либо иным.)

Он был смугл, и его тёмные волнистые волосы были зачёсаны со лба. Он носил тонкие чёрные усики и остроконечную бородку, которая только-только закрывала узкий подбородок. Но его щёки были такими гладкими, словно с них навсегда была удалена растительность.

Он улыбался...

— Дistinguished, я хочу показать вам выход из заколдованного круга, — начал Джордж, используя метафору новианина.

Новианин смерил его взглядом.

— Из какого это заколдованного круга?

— Вы сами упомянули о нём, distinguished. Из того заколдованного круга, в который попадает Новия, когда вы прилетаете на Землю за... за специалистами. (Он не в силах был справиться со своими зубами, которые стучали, но не от страха, а от волнения.)

— Вы хотите сказать, что знаете способ, как нам обойтись без земного интеллектуального рынка? Я правильно вас понял?

— Да, сэр. Вы можете создать свою собственную систему образования.

— Гм. Без лент?

— Д-да, distinguished.

— Индженеску, подойдите, чтобы я видел и вас, — не спуская глаз с Джорджа, позвал новианин.

Историк встал за плечом Джорджа.

— В чём дело? — спросил новианин. — Не понимаю.

— Даю вам слово, distinguished, что бы это ни было, молодой человек поступает так по собственной инициативе. Я ему ничего не поручал. Я не имею к этому никакого отношения.

— Тогда кем он вам приходится? Почему вы звоните мне по его просьбе?

— Я его изучаю, distinguished. Он представляет для меня определённую ценность, и я исполняю некоторые его прихоти.

— В чём же его ценность?

— Это трудно объяснить. Чисто профессиональный момент.

Новианин усмехнулся.

— Что ж, у каждого своя профессия.

Он кивнул невидимому зрителю или зрителям за экраном...

На экране теперь появилось множество лиц. Мужчины и женщины отталкивали друг друга, чтобы поглядеть на Джорджа. На их лицах отражались самые разнообразные оттенки веселья и любопытства.

Джордж попытался принять независимый вид. Все они, и новиане, и земляне, каждый по-своему изучали его, словно жука, наса-

женного на булавку. Индженеску теперь сидел в углу и не спускал с него пристального взгляда.

«Какие же вы все идиоты», — напряжённо подумал он. Но они должны понять. Он заставит их понять.

— Я был сегодня на Олимпиаде металлургов, — сказал он.

— Как, и вы тоже? — вежливо спросил новианин. — По-видимому, там присутствовала вся Земля.

— Нет, достопочтенный, но я там был. В состязании участвовал мой друг, и ему очень не повезло, потому что вы дали участникам состязания прибор Бимена, а он получил специализацию по Хенслеру, — очевидно, уже устаревшая модель. Вы же сами сказали, что различие очень незначительно. — Джордж показал кончик пальца, повторяя недавний жест своего собеседника. — И мой друг знал заранее, что потребуется знакомство с прибором Бимена.

— И что же из этого следует?

— Мой друг всю жизнь мечтал попасть на Новию. Он уже знал прибор Хенслера. Он знал, что ему нужно ознакомиться с прибором Бимена, чтобы попасть к вам. А для этого ему следовало усвоить всего лишь несколько дополнительных сведений и, быть может, чуточку попрактиковаться. Если учесть, что на чашу весов была поставлена цель всей его жизни, он мог бы с этим справиться...

— А где бы он достал ленту с дополнительной информацией? Или образование здесь, на Земле, превратилось в частное домашнее обучение?

Лица на заднем плане расплылись в улыбках, которых, по-видимому, от них и ожидали.

— Поэтому-то он и не стал доучиваться, достопочтенный. Он считал, что ему для этого нужна лента. А без неё он и не пытался учиться, как ни заманчива была награда. Он и слышать не хотел, что без ленты можно чему-то научиться.

— Да неужели? Так он, пожалуй, даже не захочет летать без скиммера? — Раздался новый взрыв хохота, и новианин слегка улыбнулся. — А он забавен, — сказал он. — Продолжайте. Даю вам ещё несколько минут.

— Не думайте, что это шутка, — сказал Джордж горячо. — Ленты попросту вредны. Они учат слишком многому и слишком легко. Человек, который получает знания с их помощью, не представляет, как можно учиться по-другому. Он способен заниматься только той профессией, которой его зарядили. А если бы, вместо того чтобы пичкать человека лентами, его заставили с самого начала учиться, так сказать вручную, он привык бы учиться самостоятельно и продолжал бы учиться дальше. Разве это не разумно? А когда эта привычка достаточно укрепитя, человеку можно будет прививать

небольшое количество знаний с помощью лент, чтобы заполнить пробелы или закрепить кое-какие детали. После этого он сможет учиться дальше самостоятельно. Таким способом вы могли бы научить металлургов, знающих спектрограф Хенслера, пользоваться спектрографом Бимена, и вам не пришлось бы прилетать на Землю за новыми моделями.

Новианин кивнул и отхлебнул из рюмки.

— А откуда можно получить знания помимо лент? Из межзвёздного пространства?

— Из книг. Непосредственно изучая приборы. Думая.

— Из книг? Как же можно понять книги, не получив образования?

— Книги состоят из слов, а большую часть слов можно понять.

Специальные же термины могут объяснить специалисты, которых вы уже имеете.

— А как быть с чтением? Для этого вы допускаете использование лент?

— По-видимому, ими можно пользоваться, хотя не вижу причины, почему нельзя научиться читать и старым способом. По крайней мере частично.

— Чтобы с самого начала выработать хорошие привычки? — спросил новианин.

— Да, да, — подтвердил Джордж, радуясь, что собеседник уже начал понимать его.

— А как быть с математикой?

— Это легче всего, сэр... достопочтенный. Математика отличается от других технических дисциплин. Она начинается с некоторых простых принципов и лишь постепенно усложняется. Можно приступить к изучению математики, ничего о ней не зная. Она практически и предназначена для этого. А познакомившись с соответствующими разделами математики, уже нетрудно разобраться в книгах по технике. Особенно если начать с лёгких.

— А разве есть лёгкие книги?

— Безусловно. Но если бы их и не было, специалисты, которых вы уже имеете, могут написать их. Наверное, некоторые из них сумеют выразить свои знания с помощью слов и символов.

— Боже мой! — сказал новианин, обращаясь к сгрудившимся вокруг него людям. — У этого чертёнка на всё есть ответ.

— Да, да! — вскричал Джордж. — Спрашивайте!

— А сами-то вы пробовали учиться по книгам? Или это только ваша теория?

Джордж быстро оглянулся на Индженеску, но историк сохранял полную невозмутимость. Его лицо выражало только лёгкий интерес.

— Да, — сказал Джордж.

— И вы считаете, что из этого что-нибудь получается?

— Да, почтенный, — заверил Джордж. — Возьмите меня с собой на Новию. Я могу составить программу и руководить...

— Погодите, у меня есть ещё несколько вопросов. Как вы думаете, сколько вам понадобится времени, чтобы стать металлургом, умеющим обращаться со спектрографом Бимена, если предположить, что вы начнёте учиться, не имея никаких знаний, и не будете пользоваться образовательными лентами?

Джордж заколебался.

— Ну... может быть, несколько лет.

— Два года? Пять? Десять?

— Ещё не знаю, почтенный.

— Итак, на самый главный вопрос у вас не нашлось ответа. Ну, скажем, пять лет. Вас устраивает этот срок?

— Думаю, что да.

— Отлично. Итак, в течение пяти лет человек изучает металлургию по вашему методу. Вы не можете не согласиться, что всё это время он для нас абсолютно бесполезен, но его нужно кормить, обеспечить жильём и платить ему.

— Но...

— Дайте мне кончить. К тому времени, когда он будет готов и сможет пользоваться спектрографом Бимена, пройдёт пять лет. Вам не кажется, что тогда у нас уже появятся усовершенствованные модели этого прибора, с которыми он не сумеет обращаться?

— Но ведь к тому времени он станет опытным учеником и усвоение новых деталей будет для него вопросом дней.

— По-вашему, это так. Ладно, предположим, что этот ваш друг, например, сумел самостоятельно изучить прибор Бимена; сможет ли сравниться его умение с умением участника состязания, который получил его посредством лент?

— Может быть, и нет... — начал Джордж.

— То-то же, — сказал новианин.

— Погодите, дайте кончить мне. Даже если он знает кое-что хуже, чем тот, другой, в данном случае важно то, что он может учиться дальше. Он сможет придумывать новое, на что не способен ни один человек, получивший образование с лент. У вас будет запас людей, способных к самостоятельному мышлению...

— А вы в процессе своей учёбы придумали что-нибудь новое? — спросил новианин.

— Нет, но ведь я один, и я не так уж долго учился...

— Да... Ну-с, дамы и господа, мы достаточно позабавились?

— Постойте! — внезапно испугавшись, крикнул Джордж. — Я хочу договориться с вами о личной встрече. Есть вещи, которые я не могу объяснить по видеофону. Ряд деталей...

Новианин уже не смотрел на Джорджа. [...]

Он стремительно повернулся и бросился к двери.

За ней стояли два полицейских, которые его немедленно схватили.

Как Джордж ни вырывался, шприц коснулся его шеи под подбородком. И всё кончилось. Последнее, что осталось в его памяти, было лицо Индженеску, который с лёгкой тревогой наблюдал за происходящим.

Когда Джордж открыл глаза, он увидел белый потолок. Он помнил, что произошло. Но помнил, как сквозь туман, словно это произошло с кем-то другим. Он смотрел на потолок до тех пор, пока не наполнился его белизной, казалось, освобождавшей его мозг для новых идей, для иных путей мышления.

Он не знал, как долго лежал так, прислушиваясь к течению своих мыслей.

— Ты проснулся? — раздался чей-то голос.

И Джордж впервые услышал свой собственный стон. Неужели он стонал? Он попытался повернуть голову.

— Тебе больно, Джордж? — спросил голос.

— Смешно, — прошептал Джордж. — Я так хотел покинуть Землю. Я же ничего не понимал.

— Ты знаешь, где ты?

— Снова в... в приюте. — Джорджу удалось повернуться. Голос принадлежал Омани.

— Смешно, как я ничего не понимал, — сказал Джордж.

Омани ласково улыбнулся.

— Поспи ещё...

Джордж заснул.

И снова проснулся. Сознание его прояснилось.

У кровати сидел Омани и читал, но, как только Джордж открыл глаза, он отложил книгу.

Джордж с трудом сел.

— Привет, — сказал он.

— Хочешь есть?

— Ещё бы! — Джордж с любопытством посмотрел на Омани. — За мной следили, когда я ушёл отсюда, так?

Омани кивнул.

— Ты всё время был под наблюдением. Мы считали, что тебе следует побывать у Антонелли, чтобы ты мог дать выход своим агрессивным потребностям. Нам казалось, что другого способа нет. Эмоции тормозили твоё развитие.

— Я был к нему очень несправедлив, — с лёгким смущением произнёс Джордж.

— Теперь это не имеет значения. Когда в аэропорту ты остановился у стенда металлургов, один из наших агентов сообщил нам список участников. Мы с тобой говорили о твоём прошлом достаточно, для того чтобы я мог понять, как подействует на тебя фамилия Тревельяна. Ты спросил, как попасть на эту Олимпиаду. Это могло привести к кризису, на который мы надеялись, и мы послали в зал Ладисласа Индженеску, чтобы он занялся тобой сам.

— Он ведь занимает важный пост в правительстве?

— Да.

— И вы послали его ко мне. Выходит, что я сам много значу.

— Ты действительно много значишь, Джордж.

Принесли дымящееся ароматное жаркое. Джордж улыбнулся и откинул простыню, чтобы освободить руки. Омани помог ему поставить поднос на тумбочку. Некоторое время Джордж молча ел.

— Я уже один раз ненадолго просыпался, — заметил он.

— Знаю, — сказал Омани. — Я был здесь.

— Да, я помню. Ты знаешь, всё изменилось. Как будто я так устал, что уже не мог больше чувствовать. Я больше не злился. Я мог только думать. Как будто мне дали наркотик, чтобы уничтожить эмоции.

— Нет, — сказал Омани. — Это было просто успокоительное. И ты хорошо отдохнул.

— Ну, во всяком случае, мне всё стало ясно, словно я всегда знал это, но не хотел прислушаться к внутреннему голосу. «Чего я ждал от Павий?» — подумал я. Я хотел отправиться на Новию, чтобы собрать группу юношей, не получивших образования, и учить их по книгам. Я хотел открыть там приют для слабоумных... вроде этого... а на Земле уже есть такие приюты... и много.

Омани улыбнулся, сверкнув зубами.

— Институт высшего образования — вот как точно называются эти заведения.

— Теперь-то я это понимаю, — сказал Джордж, — до того ясно, что только удивляюсь, каким я был слепым. В конце концов, кто изобретает новые модели механизмов, для которых нужны новые модели специалистов? Кто, например, изобрёл спектрограф Бимена? По-видимому, человек по имени Бимен.

Но он не мог получить образование через зарядку, иначе ему не удалось бы продвинуться вперёд.

— Совершенно верно.

— А кто создаёт образовательные ленты? Специалисты по производству лент? А кто же тогда создаёт ленты для их обучения? Специалисты более высокой квалификации? А кто создаёт ленты... Ты понимаешь, что я хочу сказать. Где-то должен быть конец. Где-то

должны быть мужчины и женщины, способные к самостоятельному мышлению.

— Ты прав, Джордж.

Джордж откинулся на подушки и устремил взгляд в пространство. На какой-то миг в его глазах мелькнула тень бывшего беспокойства.

— Почему мне не сказали об этом с самого начала?

— К сожалению, это невозможно, — ответил Омани. — А так мы были бы избавлены от множества хлопот. Мы умеем анализировать интеллект, Джордж, и определять, что вот этот человек может стать приличным архитектором, а тот — хорошим плотником. Но мы не умеем определять, способен ли человек к творческому мышлению. Это слишком тонкая вещь. У нас есть несколько простейших способов, позволяющих распознавать тех, кто, быть может, обладает такого рода талантом. Об этих индивидах сообщают сразу после Дня чтения, как, например, сообщили о тебе. Их приходится примерно один на десять тысяч. В День образования этих людей проверяют снова, и в девяти случаях из десяти оказывается, что произошла ошибка. Тех, кто остаётся, посылают в такие заведения, как это.

— Но почему нельзя сказать людям, что один из... из ста тысяч попадает в такое заведение? — спросил Джордж. — Тогда тем, с кем это случается, было бы легче.

— А как же остальные? Те девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять человек, которые никогда не попадут сюда? Нельзя, чтобы все эти люди чувствовали себя неудачниками. Они стремятся получить профессии и получают их. Каждый может прибавить к своему имени слова «дипломированный специалист по тому-то или тому-то». Так или иначе каждый индивид находит своё место в обществе. Это необходимо.

— А мы? — спросил Джордж. — Мы, исключения? Один на десять тысяч?

— Вам ничего нельзя объяснить. В том-то и дело. Ведь в этом заключается последнее испытание. Даже после отсева в День образования девять человек из десяти, попавших сюда, оказываются не совсем подходящими для творчества, и нет такого прибора, который помог бы нам выделить из этой десятки того единственного, кто нам нужен. Десятый должен доказать это сам.

— Каким образом?

— Мы помещаем вас сюда, в приют для слабоумных, и тот, кто не желает смириться с этим, и есть человек, которого мы ищем. Быть может, это жестокий метод, но он себя оправдывает. Нельзя же сказать человеку: «Ты можешь творить. Так давай, твори». Гораздо вернее подождать, пока он сам не скажет: «Я могу творить, и я буду творить, хотите вы этого или нет».

Есть около десяти тысяч людей, подобных тебе, Джордж, и от них зависит технический прогресс полутора тысяч миров. Мы не можем позволить себе потерять хотя бы одного из них или тратить усилия на того, кто не вполне отвечает необходимым требованиям.

Джордж отодвинул пустую тарелку и поднёс к губам чашку с кофе.

— А как же с теми, которые... не вполне отвечают требованиям?

— В конце концов они проходят зарядку и становятся социологами.

Индженеску — один из них. Сам я — дипломированный психолог. Мы, так сказать, составляем второй эшелон.

Джордж допил кофе.

— Мне всё ещё непонятно одно, — сказал он.

— Что же?

Джордж сбросил простыню и встал.

— Почему состязания называются Олимпиадой?

Перевод с английского Светланы Васильевой

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Когда впервые читатель замечает, что события рассказа происходят в будущем?
2. Какие факты в дальнейшем подтверждают эту догадку?
3. Подготовьте чтение в лицах о трывков «День чтения» и «День образования».
4. Подумайте, с какой целью автор так подробно рассказывает об этих днях.
5. Вспомните, как учились читать вы. Сравните оба вида обучения и сделайте вывод об эффективности и привлекательности каждого из них.
6. Расскажите, какая система образования царит в описанном автором будущем.
7. Как вы оцениваете представленную систему образования, в частности идею предварительного профессионального отбора людей?
8. Как вы понимаете слово *практичность*? Какие эпизоды рассказа ярко подтверждают то, что Джордж выделялся практичностью?
9. Подготовьте пересказ от имени Джорджа эпизода «День образования».
10. Раскройте душевное состояние Джорджа во время пребывания в приюте. Смирился ли он со своим положением?

11. Определите, какую роль в раскрытии характера Джорджа сыграл эпизод его общения с новианином.
12. Какими словами из рассказа вы бы сформулировали жизненный девиз Джорджа? Обоснуйте ответ.
13. В чём проявилась необычность главного героя?
14. Согласны ли вы с тем, что таким избранным, как Джордж, не стоит раньше положенного времени говорить правду об их особенностях? Аргументируйте свой ответ.
15. Установите правильную последовательность событий в жизни Джорджа. Запишите их в тетрадь, проставив соответствующие номера. Обменявшись тетрадями с соседом (соседкой), проверьте правильность выполнения задания.

- День образования
 Разговор с новианином
 День чтения
 Встреча с Индженеску
 Олимпиада

16. Понаблюдайте за текстом, как ведётся повествование в рассказе: в хронологической последовательности или с нарушением её.
17. Рассмотрите обложку первого издания рассказа. Какой момент в жизни Джорджа изображён на ней? Как вы думаете, почему художник выбрал именно этот эпизод для обложки?
18. Поделитесь своими мыслями о выборе профессии. Какая из них вызывает у вас интерес? Чем именно?
19. Напишите сочинение-миниатюру на одну из тем:

«Один из десяти тысяч»;

«Какой я вижу систему образования в будущем»;

«Книги предназначены для того, чтобы их читали и перечитывали»;

«Профессия, к которой я готов (готова) стремиться так же, как и Джордж Плейтен».

20. Прочитайте рассказ Майка Гелприна «Свеча горела». Чем он перекликается с произведением Айзека Азимова? Выскажите своё отношение к проблеме, поднятой в названном рассказе.

Читателю XXI столетия на заметку

Рассказ «Профессия» впервые был опубликован в июле 1957 года. Именно этот год считают началом космической эры — 4 октября 1957 года в СССР был запущен первый космический спутник Земли. 12 апреля 1961 года впервые в истории человечества советский космонавт Юрий Гагарин совершил полёт в космос на космическом корабле «Восток», сконструированном под руководством выдающегося учёного эпохи — Сергея Павловича Королёва.

В музее космонавтики
на родине
Сергея Королёва —
Житомире

Диалог искусств

Несмотря на значительный прогресс современной науки по сравнению со временем, когда были написаны многие произведения Айзека Азимова, большинство его произведений не потеряли актуальности. Так, современный зритель, смотря один из наиболее успешных фильмов начала XXI столетия «Я, робот» (США, режиссёр **Апекс Пройас**, 2004), часто даже и не подозревает, что его литературной основой стали произведения Айзека Азимова. Три закона робототехники, о которых идёт речь в фильме, сформулированы великим фантастом. Интересно, что в наши дни эти законы уже вышли за пределы фантастики, поскольку они положены в основу теории программирования и массового использования роботов на производстве.

Дэвид АМОНД
(АЛЬМОНД)
(род. 1951)

Своими произведениями Дэвид Амонд захватывает воображение юных читателей. Он призывает их читать, думать и иметь собственное мнение.

Из записей жюри Международной премии имени Ханса Кристиана Андерсена

«Я ВСЕГДА ЗНАЛ, ЧТО ХОТЕЛ БЫТЬ ПИСАТЕЛЕМ...»

У каждого из нас есть любимые книги. Кто-то предпочитает опасные приключения или невыдуманные истории из школьной жизни, а кому-то по душе волшебные сказки о феях, троллях и великанах. Читательский опыт нам подсказывает, что события в реальном и фантастическом мире развиваются по разным законам. А чего же можно ожидать от произведения, в котором фантастическое врывается в повседневную жизнь и меняет её привычное течение? Конечно, чуда... Такое чудо нам подарил современный английский писатель Дэвид Амонд в своей *повести «Скеллиг»*.

Дэвид Амонд родился 15 мая 1951 года в Ньюкасле, в бывшем шахтёрском городе на северо-восточном побережье Великобритании. Мальчик рос в многодетной католической семье, у него было ещё четыре сестры и брат. Как и любой мальчишка, Дэвид любил играть с друзьями в футбол и ночевать под открытым небом. Но детство будущего писателя было омрачено трагедией. Когда ему было восемь лет, умерла младшая сестра, Барбара, а когда Дэвиду исполнилось пятнадцать — умер отец. Мать Амонда болела, она страдала от заболевания

суставов — артрита. Несмотря на это, в семье царила сердечная доброта. Став уже известным писателем, в одном из своих интервью Дэвид Амонд рассказал о таком случае: «Когда я был маленьким, мать положила мне руки на лопатки и сказала: “Когда человек был ангелом, там были крылья”. Я до сих пор помню её нежное материнское прикосновение, казалось, что ко мне прикоснулся ангел». Исследователи утверждают, что глубокая любовь Дэвида Амонда к своей семье, окутанная детской печалью, послужила источником и эмоциональным импульсом его литературного творчества.

«Я всегда знал, что хотел быть писателем», — напишет Дэвид Амонд в автобиографии. Дэвид любил читать и часто посещал местную библиотеку. Он мечтал, что в один прекрасный день на книжных полках, рядом с любимыми историями о рыцарях короля Артура и рассказами Эрнеста Хемингуэя, появятся и его сочинения. Дэвид Амонд шутливо замечал, что тайна рождения книг захватила его ещё в младенчестве. Мать писателя рассказывала, что, отправляясь навестить брата — владельца небольшой типографии, она часто брала мальчика с собой. И каждый раз маленький Дэвид смеялся, увлечённо наблюдая, как напечатанная страница сходит с роликов станка.

После гимназии Дэвид Амонд поступил в Университет восточной Англии, где изучал английскую и американскую литературу. По окончании университета Дэвид был занят поисками работы, которая позволила бы ему заниматься сочинительством. Он работал портье в отеле, почтальоном, разнорабочим. «Я хотел отправиться в лесную глушь, жить в палатке и писать, но я понял, что не смогу этого сделать», — вспоминает Амонд. Вскоре он прошёл годичный курс обучения и получил сертификат, дающий право преподавать. Пять лет Дэвид Амонд работал учителем начальной школы. В этот период Амондом были созданы первые рассказы. Они были адресованы взрослым. Новая профессия очень нравилась начинающему писателю, но времени на сочинение книг почти не оставалось. И Дэвид принял важное решение: он подал в отставку, продал свой дом и ушёл в коммуны, где жил и работал вместе с другими писателями. Там были написаны произведения, получившие впоследствии признание критики и чи-

тателей. Интересно, что Амонд вернулся к профессии учителя и, будучи уже известным писателем, продолжал работать в школе для детей, испытывающих проблемы в обучении. С 2012 года Дэвид Амонд профессор Университета Ват Спа (г. Бат, Великобритания). В настоящее время писатель со своей женой и дочерью живёт неподалёку от родного Ньюкасла и продолжает создавать книги.

Первая же книга, написанная Амондом для детей, повесть «Скеллиг» (1998), принесла ему мировую известность. Она была удостоена нескольких престижных литературных наград. Среди них медаль Карнеги — британская литературная премия, которая присуждается выдающимся книгам для юных читателей.

Произведения Дэвида Амонда переведены более чем на двадцать языков мира. Писатель получил огромное количество литературных премий, а в 2010 году за вклад в детскую литературу стал лауреатом Международной премии имени Ханса Кристиана Андерсена.

Обложка первого издания повести на русском языке

1. Расскажите о детстве писателя.
2. Какими литературными премиями награждён Дэвид Амонд?
3. Представьте, что вам выпала возможность взять интервью у Дэвида Амонда. Что бы вы у него спросили?

СКЕЛЛИГ

(Отрывки)

Глава 1

Я обнаружил его в гараже в воскресенье днём. Сюда, на Соколиную улицу, мы переехали буквально накануне. Зима была на исходе. Мама так и говорила: «Переедем как раз к весне». Кроме меня, в гараже никого не было. Только я. Остальные, вместе с доктором Смертью, суетились в доме вокруг малышки.

Он лежал в темноте, за нагромождением шкафов и буфетов, в мусоре и пыли. Похоже, провалялся там целую вечность. Грязный, бледный, иссохший — наверняка мёртвый. Однако я здорово ошибся. Очень скоро мне предстояло узнать правду. А правда состояла в том, что он был особенный, один-единственный на всём свете...

Глава 3

Са́ду тоже предстояло стать заманчивым и чудесным местом. Там поставят скамейки, стол и качели. На одной из глухих стен нарисуют футбольные ворота. Будет даже пруд с лягушками и рыбой. Но пока здесь ничем таким и не пахло. Одна крапива, колючки, сорняки, колотый кирпич, булыжники... Одним движением ноги я срубал головы сотням одуванчиков.

Потом мама кликнула меня обедать, а я прокричал, что поем здесь, в саду. Она принесла мне бутерброд и банку колы.

— Ты уж прости, в доме такая неразбериха, и у нас всех такое жуткое настроение.

Она тронула меня за локоть.

— Ты ведь не обижаешься? Майкл? Ты нас понимаешь?

Я пожал плечами.

— Понимаю.

Она погладила мою руку и вздохнула.

— Скоро всё утрясётся. Всё будет хорошо.

Я уселся на кирпичи, уложенные штабелем¹ возле дома. Съел бутерброд, отхлебнул колы. Мне вдруг вспомнился наш старый дом и мои кореша. Лики и Кут. Небось гоняют сейчас мяч на верхнем поле. И будут гонять целый день.

Потом я услышал, как позвонили в дверь. Пришёл доктор Смертью. Это я про себя его так прозвал: лицо больно серое, совсем не улыбочное, и чёрные пятнышки на руках. Я его уже видел на днях, когда он сажился в машину возле нашего дома и включал зажигание. По-правильному его зовут доктор Сартью. И в лицо я его Смертью не называю. Но всё равно, такая фамилия ему куда больше подходит.

Я допил колу, немного посидел и отправился обратно в гараж. Времени прислушиваться к шорохам или собираться с духом не было. Я включил фонарик, поглубже вдохнул и на цыпочках двинулся внутрь.

Какие-то мелкие чёрные существа порскнули из-под ног во все стороны. Дверь за моей спиной всё скрипела и стонала, пока не

¹ *Штабель* — правильно сложенный ряд чего-нибудь (кирпичей, дров, брёвен и др.).

замерла на своей единственной петле. Под лучом фонарика роилась пыль. В углу что-то царапало, мерно, без устали. Я прокрался дальше, и на лбу осела густая паутина. Среди этого нагромождения доисторической мебели, кухонных шкафчиков, свёрнутых ковров, труб, ящиков и досок ступать было особенно некуда. Я то и дело пригибался, чтобы не ткнуться в свисавшие с балок резиновые шланги, верёвки и солдатские скатки. Я был уже весь облеплен паутиной. Бетонный пол крошился под ногами. Чуть приоткрыв дверцу огромного буфета, я осветил внутрь и увидел, как бросились наутёк миллионы древесных жучков. А на дне глубокой каменной вазы я разглядел кости какого-то мелкого животного: видно, свалился туда да умер. Повсюду лежали дохлые навозные мухи. Ещё я нашёл пачку старых газет и журналов, чуть не пятидесятилетней давности.

Двигался я ну очень осторожно. И больше всего боялся, что всё это сейчас рухнет мне на голову. От пыли першило в горле и чесалось в носу. Я знал, что меня скоро хватятся, и выходить надо поскорее. Я лёг пузом на приземистый старый сервант и осветил всё пространство до дальней стены. И увидел его.

Мертвец!

Он сидел, прислонившись к стене, вытянув ноги, покрытый пылью и паутиной, как всё вокруг. Лицо мертвенно-бледное, почти прозрачное. Волосы и плечи усеяны мёртвыми мухами. Луч фонарика шарил по его лицу, по чёрному костюму.

— Что тебе нужно? — спросил он.

Открытые глаза смотрели на меня в упор.

Голос такой скрипучий, словно хозяин не пользовался им много лет.

— Что тебе нужно?

Сердце моё бешено колотилось, бухало.

— Так что тебе нужно?

И тут меня позвали.

— Майкл! Майкл!

Пятясь, то и дело на что-то натыкаясь, я выбрался наружу.

Кричал папа. Он уже шёл ко мне по заросшей тропинке.

— Мы же тебя предупреждали... — начал он.

— Да, да. Конечно.

Я судорожно счищал с себя паутину и пыль. Прямо с подбородка стряхнул паука на длинной нити.

Отец приобнял меня.

— О тебе же печёмся.

Он снял с моих волос труп навозной мухи. А потом стукнул со всего размаха кулаком о стену гаража. Здание содрогнулось.

— Видишь? Ты хоть представляешь, что может случиться?

Я успел схватить его за руку, чтоб он не ударил снова.

— Не надо, пожалуйста, я всё понял.

Он сжал моё плечо и пообещал, что всё снова будет хорошо, очень скоро.

— Пыль не забудь стереть, — засмеялся он. — Маме в таком виде на глаза не показывайся.

Глава 4

В ту ночь я почти не спал. Стоило задремать, я тут же видел его: вот он выходит из гаража, вот идёт по дорожке к дому. Он мерещился мне даже в комнате. Возле самой кровати. Стоит весь пыльный, бледный, усыпанный дохлыми мухами.

— Что тебе нужно? — шептал он. — Говори, что тебе нужно?

Я сердился на себя, обзывал круглым идиотом. Ведь никого я на самом деле не видел. Наверняка померещилось. Я лежал, пялился в темноту, слушал папин храп. Ещё можно различить дыхание малышки. Она дышит с хрипом и свистом. Совсем глубокой ночью, в непроглядной темноте, я было заснул, но тут же проснулся от плача ребёнка. Мама встала её кормить. Я услышал мамин голос: она утешала, баюкала. Потом наступила глухая тишина, раздался папин храп. Теперь я девочку не слышал вовсе.

Уже светало. Я встал и на цыпочках проскользнул в их комнату.

Кровать стояла около родительского дивана, вплотную. Мама с папой спали, крепко обнявшись.

Я взглянул на девочку. Просунул руку под одеяло. Под моими пальцами билось сердце — быстро-быстро. Грудь судорожно приподнималась, опадала, девочка подхрипывала и кряхтела. От неё полыхало таким жаром, а косточки такие тонкие, и вся она такая крошечная...

Она сильно срыгнула. С подбородка в складочку шейки текла густая молочная слюна. Неужели сестра умрёт? Вначале, когда она только родилась, врачи боялись, что умрёт. Долго не отдавали её домой, она лежала в стеклянном ящике, опутанная трубочками и проводками, а мы стояли вокруг и пялились, как в аквариум.

Я подоткнул ей одеяло.

Личико белое-белое, а волосы чёрные-чёрные. Говорят, за неё надо молиться, но я не знаю как.

— Давай уж, вылечись побыстрее, если выживешь, — прошептал я. Мама пошевелилась и открыла глаза.

— Что ты, мой родной? — она протянула руку.

— Ничего, — пробормотал я и так же крадучись ушёл в свою комнату.

Посмотрел за окно, на заросший сад. На крыше гаража распевал дрозд.

А он лежит там, за сервантом, с паутиной в волосах.

Что же он там делает?

Глава 12

[...] Мама пихала в сумку всё подряд: ползунки, подгузники, распашонки. Она скрежетала зубами, словно злилась на весь мир. Заметив меня, она попыталась улыбнуться, но тут же отвернулась.

Закончив, она сказала:

— Не волнуйся, мы ненадолго.

Перегнувшись через перила, она потрепала меня по голове.

— Зачем человеку лопатки? — спросил я.

— Ох, Майкл!

Она сердито простучала каблуками мимо меня.

Потом всё-таки остановилась, вернулась и сунула пальцы мне под лопатки.

— Говорят, на этом месте были крылья — когда человек был ангелом на небе. Отсюда они когда-нибудь вырастут снова.

— Ну, это легенда, — сказал я. — Сказка для малышей, верно?

— Кто знает? Но то, что у людей были когда-то крылья и снова будут, это ведь возможно.

— И у нашей девочки тоже?

— Конечно. Ты только посмотри на неё! Иногда мне кажется, что она не до конца покинула рай, потому-то и не может прижиться здесь, на земле.

Мама улыбнулась, но в глазах у неё стояли слёзы.

— Потому ей и выпало столько бед, — добавила она.

Может, сказать ей про человека в гараже? Но я посмотрел на неё и — смолчал.

Прежде чем ехать, я подержал девочку на руках. Потрогал её кожу, крошечные, хрупкие косточки. Потрогал лопатки — там, где когда-то были крылья. Потом мы все поехали на машине в больницу. Устроили маму с девочкой в палате. И мы с папой вернулись на Соколиную улицу. Сели друг против друга в огромном пустом доме. Посмотрели друг другу в глаза. И папа пошёл красить стены в столовой.

Я же нарисовал скелет с крыльями, которые росли сзади, из лопаток...

Глава 16

[...] Я осторожно посветил фонариком на его бледное лицо.

— Снова ты, — проскрипел он.

— Принёс двадцать семь и пятьдесят три.

— Пицца богов.

Я протиснулся к нему, поднёс коробку ко рту, и он принялся выуживать еду пальцем. Сопел, сосал, причмокивал.

— Нектар, — прошептал он.

— Откуда вы знаете, что это двадцать семь и пятьдесят три?

— Любимая пицца Эрни. Он заказывал по телефону. Так и говорил: «Двадцать семь и пятьдесят три. Принесите побыстрее».

— Вы были в доме?

— В саду. Я любил наблюдать за ним через окно. Подслушивал. Он вечно болел. Никогда всё не съедал. И на следующее утро я подбирал остатки в мусорном баке. Двадцать семь и пятьдесят три. Сладчайший из нектаров. А какое разнообразие после пауков и мышей.

— А он вас видел? Он знал, что вы здесь?

— Кто его поймёт? Смотрел иногда — вроде на меня, а вроде и сквозь меня. Несчастный старикан. Небось думал, что я мираж.

Он опустил на высунутый бледный язык длинный липкий кусок мяса, весь в бобовых ростках.

И взглянул на меня красными, как у кролика, глазами.

— Думаешь, я мираж?

— Я не знаю, кто вы.

— Ну и ладно.

— Вы покойник?

— Ха!

— Нет, правда! Вы мёртвый?

— Конечно. Мертвецы едят исключительно двадцать семь и пятьдесят три и страдают артритом¹.

— Вам нужен ещё аспирин?

— Пока нет.

— А ещё что-нибудь?

— Двадцать семь и пятьдесят три.

Он провёл пальцем по дну и стенкам коробки, собирая остатки соуса. Облизал бледным языком бледные губы.

— Малышка в больнице, — сказал я.

— Ещё тёмного, — произнёс он.

— Чего тёмного?

¹ Артрит — заболевание суставов.

— Тёмного пива. Эрни тоже увлекался. И тоже недопивал. Глазато завидушие. Я извлекал эти бутылки из бака — главное, чтоб не опрокинулись и пиво не вытекло.

— Ладно, достану.

— Тёмное пиво. Сладчайшее из нектаров.

Он икнул, рыгнул, наклонился вперёд. Я перевёл луч фонарика ему на спину, на два бугра под тонкой тканью пиджака.

Когда приступ прошёл и он снова прислонился к стене, я сказал:

— Можно, я приведу к вам одного человека?

— Чтобы подтвердить, что я не мираж?

— Она хорошая.

— Нет.

— Она умная.

— Мне никто не нужен.

— Она сообразит, как вам помочь.

— Ха.

Он смеялся не улыбаясь.

Уже не знаю почему, но меня снова пробрала дрожь.

Он чмокнул и глубоко, со свистом, вздохнул.

— Но я же не знаю, что делать. — Я снова принялся за уговоры. — Эту развалюху; того и гляди, снесут. Вы больны этим поганым артритом. Ничего толком не едите. Я просыпаюсь ночью и думаю о вас, а у меня есть дела поважнее. Сестрёнка-то больна. Мы, конечно, надеемся, что она не умрёт. Но она может и умереть. Правда.

Он забарабанил пальцами об пол. Пощупал разбросанные везде шарики из костей и меха.

— Мина хорошая. Она никому не расскажет. Она умная. И сможет помочь.

Он замотал головой.

— Чёртовы дети.

— Её зовут Мина, — повторил я.

— Веди. Хоть всю улицу. Хоть весь город.

— Только Мину. Мы придём вместе.

— Дети...

— Как вас представить?

— Что?

— Как вас зовут? У вас есть имя?

— Никто. Мистер Никто. Мистер Кости и мистер Устал. И мистер Артрит. А теперь выметайся и оставь меня в покое.

— Как скажете.

Я стал пробираться к двери. Но вдруг остановился.

— Подумайте, пожалуйста, о нашей малышке.

— Что?

— Пожалуйста! Ведь она в больнице. Думайте о ней. Вдруг от этого станет лучше?

Он причмокнул.

— Пожалуйста, — заклинал я.

— Хорошо, — проговорил он. — Подумаю.

Снаружи уже занимался день. Дрозд всюю распевал на крыше гаража. Всё небо было в серо-розово-голубых разводах. Я стряхнул с себя паутину и дохлых мух. Уже на тропинке к дому я услышал уханье совы... [...]

Глава 22

Мы вместе с малышкой. В тесном дроздином гнезде. Её тельце покрыто пёрышками, всё такое мягкое, тёплое. Дрозд сидит на гребне крыши, кричит и хлопает крыльями. Прямо под нашим деревом, в саду, стоят доктор МакНабола и доктор Смертью. На столе перед ними — ножи, ножницы и пилы. В кулаке доктора Смертью огромный шприц.

— Тащите её вниз! — кричит он. — Будет как новенькая.

Девочка взвизгивает и истошно вопит от страха. И вдруг встаёт на край гнезда и хлопает крыльями — впервые в жизни она пытается взлететь. Я с ужасом замечаю, что она ещё не полностью оперилась: там и сям зияют проплешины. Ей рано летать! Она не сможет!

Я тянусь удержать её, но руки словно окаменели — не поднять.

— Давай же! — кричат доктора. — Давай, крошка! Лети!

Доктор МакНабола поднимает пилу, и её зубья сверкают на солнце.

Пошатнувшись, девочка теряет равновесие. И тут я услышал уханье совы. И открыл глаза. В окно лился бледный свет. Взглянул вниз. В дебрях сада стояла Мина и ухала, приложив ладони к губам.

— Уху-ух-ух-ух.

— Я всю ночь не спал, — поспешно сказал я, на цыпочках подвоя к Мине. — И вдруг заснул, буквально в последнюю минуту.

— Сейчас-то проснулся?

— Да.

— Нам это не снится?

— Нет.

— А вдруг у нас общий сон?

— Ну, если так, то нам этого не узнать.

Дрозд слетел на крышу гаража и засвистел утреннюю песню.

— Пошли, нельзя терять времени.

Мы вошли в гараж и быстро пробрались сквозь завалы.

Я навёл луч фонарика на его лицо.

— Вы должны пойти с нами, — сказала Мина.

Он вздохнул и застонал.

— Я болен, — сказал он, не поднимая глаз. — Я смертельно болен.

Мы протиснулись за буфет, присели на корточки.

— Вам обязательно надо пойти с нами, — повторила Мина.

— У меня нет сил. Хилый, как младенец.

— Младенцы не самые хилые, — возразила Мина. — Вспомните, как они кричат от голода, как настойчиво учатся ползать. А вы видели, как отважно пускается в первый полёт птенец дрозда?

Мина подсунула руки ему под мышки. Потянула, пытаюсь приподнять.

— Ну, пожалуйста, — шептала она.

Я тоже дёргал его. Тоже тянул. И в какой-то момент он чуть-чуть обмяк, поддавшись нашим усилиям.

— Страшно, — проскрипел он.

Мина склонилась, поцеловала его в бледную щёку.

— Не бойтесь. Мы ведём вас в безопасное место.

Он попытался встать. Раздался скрип суставов. Он охал и ойкал от боли. Опираясь на нас всем телом и, наконец, поднялся, шатаясь, как былинка. Ростом он оказался куда выше нас, примерно с папу. Худющий, точно щепка, и лёгкий, почти невесомый. Мы подхватили его с двух сторон, так что пальцы наши соединились у него за спиной. В области лопаток прощупывались бугры, словно сложенные руки, покрытые чем-то мягким. Взгляды наши встретились, но мы по-прежнему не осмеливались произнести наши догадки вслух.

— Фантастическое существо, — пробормотала Мина.

— Вы можете идти? — спросил я.

Он охнул и ойкнул.

— Двигайтесь медленно-медленно, — предложил я. — И держитесь за нас.

Я попятился, поддерживая его спереди. Мина сзади. Он шёл, шаркая, не отрывая ступней от замусоренного пола. Вокруг что-то шуршало, скребло, бегало по ногам. Гараж скрипел и сотрясался под порывами ветра. Со стропил¹ валилась труха. Он дышал хрипло и неровно. Дрожал всем телом. Охал и ойкал от боли. Добравшись до двери, он закрыл глаза и отвернулся от нахлынувшего света. Но потом всё-таки осмелился, подставил лицо утреннему солнцу. Прищуренными, с красными прожилками, глазами глядел он за дверь. Мы с Миной неотрывно глядели на его бледное, точно пергаментное, изрытое морщинами лицо, на спутанные встрёпанные волосы. Весь пропылившийся, затянутый паутиной, усыпанный дохлыми мухами, жуками и пауками.

¹ *Стропило* — опора для кровли — два бруса, соединённые верхними концами под углом, а нижними упирающиеся в стену здания.

И мы вдруг поняли, что он совсем не стар. Нет! Скорее молод!

— Какой вы красивый! — восхищённо выдохнула Мина.

Я украдкой взглянул на наши окна. Папы не было.

— Пошли!

Открыв калитку, я потянул его за руку. Опираясь на Мину, он шаркал следом за мной по тропинке.

Я вернулся прикрыть калитку.

Уже слышался гул машин — из города и с близлежащих улиц. На деревьях и крышах всюду распевали птицы. Возле нас неслышно возник Шепоток.

— Придётся нести, — сказал я.

— Давай.

Я встал за его спиной, подставил руки, и он с облегчением на них опустился. Мина ухватила его за ноги, приподняла...

До чего же он лёгкий! Мы подняли его, как пушинку, не веря самим себе. Я на миг прикрыл глаза. Может, это всё-таки сон? И я сказал себе: во сне случаются любые чудеса. Бугры на его спине топорщились под моими ладонями. Мы двинулись вперёд.

Прошли вдоль задних заборов, по одной аллейке, по другой и оказались возле зелёной калитки заколоченного дома. Мина вставила ключ в скважину, повернула. Вот мы уже в саду. Вот дверь с надписью «Опасно для жизни». Наконец мы вошли внутрь, во тьму. Добравшись до первой комнаты, мы опустили его на пол.

Мы дрожали от возбуждения и всё не могли отдышаться. Он охал от боли. Мы принялись его гладить, успокаивать.

— Вы в безопасности, — сказала Мина.

Она сняла с себя шерстяную кофту и, свернув, положила ему под голову.

— Мы потом ещё принесём кое-что и устроим вас поудобнее, — пообещала она.

— Вам будет хорошо, — сказал я. — Может, что-нибудь хотите? Я улыбнулся. — Может, двадцать семь и пятьдесят три?

— Двадцать семь и пятьдесят три, — простонал он.

— Сейчас мне пора. А то папа проснётся.

— Мне тоже пора, — сказала Мина.

Мы с ней улыбнулись друг другу. И опять взглянули на него, распростёртого возле нас на полу.

— Мы скоро вернёмся.

Мина поцеловала его в бледную морщинистую щёку. И снова провела ладонью по спине. Глаза её сияли от восторга.

— Кто же вы? — шёпотом спросила она.

Он поморщился от боли.

— Меня зовут Скеллиг.

Глава 24

[...] Мы внесли его в комнату — похоже, спальню, — с высоким белёным потолком и светлыми обоями и осторожно опустили у стены на пол. Сквозь неплотно пригнанные доски, которыми были забиты окна, сочился скудный свет и падал на его бледное, иссохшееся, изрытое морщинами лицо.

Я побежал за свёртками. Мы расстелили одеяла на полу, прислонили к стене подушку. Рядом поставили пластмассовое блюдо для аспирина и пузырька с рыбьим жиром. Я открыл бутылку пива и тоже поставил рядом. На другое блюдо мы положили бутерброд с сыром и полплитки шоколада.

— Это всё вам, — прошептала Мина.

— Давайте мы вам поможем, — предложил я.

Он замотал головой. Сам перевернулся на живот, подтянул колени и переполз на карачках на расстеленное одеяло. Мы видели, как по его щекам стекают крупные слёзы и, дробясь, падают на пол. На одеяле он замер, пытаясь отдышаться. Мина приблизилась, присела рядом.

— Сейчас я устрою вас поудобнее.

Она расстегнула пуговицы его пиджака. И принялась стаскивать пиджак с плеч.

— Не надо, — проскрипел он.

— Доверьтесь мне, — сказала она мягко.

Он больше не сопротивлялся. Она выпростала из пиджака одну руку, потом другую, сняла с него пиджак. И мы увидели то, чего ждали и во что боялись верить. У него на спине, пробиваясь сквозь рубашку, росли настоящие крылья. Освободившись от пиджачных пут, они начали распрямляться — неровные, помятые, с кривыми, треснувшими перьями. Распрямляясь, они сухо похрустывали и подрагивали.

Крылья оказались шире его плеч и вздымались над головой. Скеллиг опустил голову ещё ниже, почти до пола. Из глаз его снова катились слёзы. Он охал и ойкал от боли. Мина потянулась к нему, погладила лоб, щёку... Потом робко провела рукой по оперению.

— Вы так прекрасны, — прошептала она.

— Дайте мне выспаться, — проскрипел Скеллиг. — И я хочу домой.

Он уткнулся лицом в подушку, а крылья продолжали шириться, распрямляться у него за спиной. Мы ещё раз потрогали перья и вскоре услышали мерное дыхание: Скеллиг уснул. Шепоток, мурлыча, пристроился у него под боком.

Мы взглянули друг на друга. Моя рука, только что трогавшая чудесные перья, всё ещё дрожала. Я снова дотронулся до перьев кончиками пальцев. Провёл по ним всей ладонью. Настоящие перья, а под ними кости, суставы, сухожилия — всё, что держит крыло в полёте. Скеллиг дышал мерно, но с хрипом и свистом. Я на цыпочках прошёл к окну, выглянул сквозь щель на улицу.

— Что ты делаешь? — спросила она шёпотом.

— Проверяю, на месте ли привычный мир.

Глава 31

[...] Сквозь узкое, скруглённое сверху окно лился лунный свет. В оконном проёме, наклонившись наружу, сидел Скеллиг. Мы видели чёткий профиль его лица, сутулые плечи, сложенные за спиной крылья, а вокруг — рваные края мятой рубашки. Он, наверное, слышал, как мы вошли, но головы не повернул. Мы, не дыша, присели на корточки у двери. Подойти ближе было страшно.

Вдруг из потока лунного света появилась сова и бесшумно опустилась на подоконник. Наклонившись вперёд, она выплюнула что-то из клюва и снова унеслась прочь. Скеллиг тоже наклонился, пошарил губами и взял в рот то, что оставила птица. Тут же прилетела другая сова — или вернулась первая, — раскрыла клюв, и всё повторилось вновь. Скеллиг непрерывно жевал.

— Они его кормят, — ошеломлённо выдохнула Мина.

И это была чистая правда. Совы оставляли что-то на подоконнике, а Скеллиг тут же подбирал это, жевал и глотал.

Наконец он повернулся к нам. Мы не видели ни глаз, ни бледного лица, только чёрный силуэт на сияющем серебристом фоне. Мы с Миной сцепили руки до боли. И не решались ступить и шагу.

— Подойдите, — приказал он шёпотом.

Мы стояли, как приклеенные.

— Подойдите ко мне.

Мы сошлись посередине комнаты. Он стоял очень прямо. И с виду был куда крепче, сильнее, чем прежде. Он взял Мину и меня за руки, и мы, все трое, замерли на голом дощатом полу, залитом лунным светом. Он сжимал наши руки, словно пытался успокоить. Он повернул ко мне голову, улыбнулся, и на меня повеяло птичьим кормом, всем, что натащили совы и что скопилось теперь у него в желудке. Воню. Так пахнет изо рта у хищников: лис, волков, сов — которые питаются мясом других животных. Он стиснул мою руку ещё крепче и снова улыбнулся. Он отступил вбок, и все мы повернулись, потом ещё и ещё, как будто начали танцевать какой-то при-

чудливый, удивительный танец. Луна поочерёдно выхватывала нас из тьмы — мы окунались то в свет, то во мрак, — и с каждым новым поворотом лица Мины и Скеллига всё больше походили на серебряные маски. Глаза западали, глазницы зияли чернее, пронзительней. Мне вдруг захотелось вырвать руки, разорвать круг, но Скеллиг держал меня цепко.

— Не останавливайся, Майкл, — шепнул он.

Их взгляды пронзали меня насквозь.

— Не надо, — подхватила Мина. — Не останавливайся.

И я не останавливался. И вдруг почувствовал, что улыбаюсь. Мина со Скеллигом тоже улыбались. Только что моё сердце металось в груди, теперь оно застучало мерно и ровно. И я почувствовал, что сердца Скеллига и Мины бьются в унисон с моим. И дышали мы в унисон. Мы словно слились, превратились в единое существо.

Я уже не различал голов — только огромные силуэты, то чёрные, то серебряные, то чёрные, то серебряные. Половиц под ногами я тоже не чувал. Только ладони, их ладони в моих. За спиной у Мины мне почудились крылья, и в тот же миг я отчётливо ощутил перья и тонкие хрупкие косточки крыльев за спиной у самого себя. Вдруг всех нас разом подняло, оторвало от пола. Мы кружили под высокими сводами чердака в старом заброшенном доме на Вороньей улице.

А потом всё вдруг кончилось. Как куль¹ я свалился на пол подле Мины. Скеллиг присел рядом на корточки, погладил нам головы.

— Теперь идите домой, — проскрипел он.

— Но как вы стали таким? — не выдержал я.

Он прижал палец к губам.

— Совы и ангелы, — прошептал он и предупреждающе поднял руку, не давая нам заговорить снова.

— Помните эту ночь! — сказал он тихо и торжественно.

И мы тихонько ушли с чердака. Спустились по лестнице. Распахнули дверь с надписью «Опасно для жизни» и шагнули в ночь. На крыльце мы на мгновение замерли.

— С тобой это тоже... случилось? — спросил я шёпотом.

— Да. С нами со всеми.

Мы засмеялись. Я закрыл глаза. Опять попытался ощутить за спиной крылья. А потом, раскрыв глаза, попробовал увидеть крылья за спиной у Мины.

— И это будет снова, — сказала Мина. — Снова и снова. Правда?

— Да...

¹ Куль — мешок.

Глава 35

Сумерки сгущались, а мы всё сидели за столом. Папы не было. Я то и дело выходил в прихожую, выглядывал на улицу. Никого. Минина мама пыталась меня утешить:

— Не волнуйся, Майкл, он скоро появится. Не тревожься. Всё будет хорошо, я уверена.

Я непрерывно рисовал. Нарисовал нашу семью — вокруг девочки. Нарисовал Мину — с бледным лицом, тёмными глазами, резкой чёрной чёлкой на лбу. Нарисовал Скеллига, распростёртого на полу в гараже, — иссохшего, пропылённого, безжизненного. Нарисовал его же, гордо развернувшего плечи в полукруглом проёме окна, а вокруг летали совы. Теперь он совсем другой. Как, каким образом он так переменялся? Неужели только от китайской еды, рыбьего жира, аспирина, тёмного пива и корма, который таскают ему совы?.. Ещё я нарисовал Эрни Майерса в полосатой пижаме: стоит у окна и смотрит в заросший сад. И чем больше я рисовал, тем свободнее и увереннее двигалась моя рука. И то, что появлялось на бумаге, всё больше походило на то, что представлялось моему воображению, на изначальный замысел. С каждым рисунком я всё больше сосредотачивался, хотя часть меня всё равно была там, в больнице, с девочкой. Я рисовал её снова и снова. Иногда главным были глаза, её большущие, смелые глаза, иногда — крошечные ручки, иногда — изгиб маленького тельца у меня на коленях. А ещё я пытался нарисовать мир таким, каким он виделся девочке: длинную больничную палату, где шушукуются взрослые, а на переднем плане — сплетение проводочков, трубочек, блестящих инструментов и улыбающиеся лица медсестёр. Иногда этот мир искривлялся — из-за изогнутой прозрачной крышки, которой её прикрывали сверху, и я рисовал его изогнутым, точно в кривых зеркалах. А потом на пороге палаты мне привиделся Скеллиг. Как же здорово, что она его увидит! Её сердце забьётся быстрее, жизнь разгорится ярче. Один за другим Мина посмотрела все мои рисунки. Сложила их перед собой в стопку. И возбуждённо обхватила меня за руку.

— Раньше тебе это было не по силам! Ты становишься смелее, отважнее!

Я пожал плечами.

— Так всегда. Чем больше играешь в футбол — тем лучше получается. Чем больше рисуешь, тем лучше выходит.

Мы ждали и ждали. Стало совсем темно. По деревьям и заборам пели дрозды. Минина мама включила свет. Зазвонил телефон, но звонил не папа. Минина мама дала нам по кусочку шоколада, и он таял у меня на языке долго и сладко. Минина мама много пела.

Иногда — на стихи Блейка, иногда — старые народные песни. Мина подпевала высоким чистым голоском.

*Скрылось солнце в сонной дали.
Горит вечерняя звезда.
Птицы в гнёздах замолчали,
Я своего ищу гнезда¹.*

Я молча слушал. Мина улыбнулась.

— Скоро будешь петь вместе с нами, — сказала она.

Темнота всё сгущалась.

[...] Наконец телефон зазвонил снова. На этот раз папа. Минина мама протянула мне трубку. А я боялся её взять.

— Не дрейфь, — сказала Минина мама. — Мы с тобой.

Папа сказал, что у них всё хорошо. Девочка спит. Он побеседовал с врачами. И хочет ещё немного побыть с мамой.

— Всё-таки как девочка? — спросил я. — Что они собираются делать?

— Оперировать. Завтра.

— Что?

Он молчал.

— Папа. Что они будут делать?

Он вздохнул. Его голос дрогнул.

— Операцию на сердце.

Потом он ещё что-то говорил. Но я уже не слышал. Кажется, что он скоро приедет, что всё обойдётся, что мама меня целует... Я уронил трубку. И прошептал:

— Операция на сердце.

Глава 41

Я ошибся. Она не умерла. Просто до сих пор не проснулась после наркоза. Лежала и тихонько посапывала под белым одеяльцем. Мама сказала, что её грудь рассечена и рану закрывает толстая повязка. Девочка опять была в проводочках и трубочках, а рядом попискивали датчики — в такт ударам её крошечного сердца.

— Майкл, врачи обещают, что теперь всё будет хорошо. Они уверены в успехе.

Мы сидели втроём, держась за руки, и смотрели на это хрупкое существо.

— Врачи сказали, что в какой-то момент во время операции они её чуть не упустили. — Мама обняла меня за плечи. — Но она выдержала. Выжила.

¹ Отрывок из стихотворения У. Блейка «Ночь» (перевод К. Бальмонта).

Вошла медсестра. Проверила провода, трубочки и датчики. Пригладила мне вихры.

— У твоей сестры пламенное сердце. Она настоящий боец. Никогда не сдаётся.

— Ты молишься за неё? — спросила мама.

— Да.

— Мы тут опять пытались придумать ей имя, — сказал папа.

— Персефона, — быстро отозвался я.

Они засмеялись.

— Это, пожалуй, чересчур, — решил папа.

— Имя должно быть маленькое и сильное, — сказала мама. — Как она сама.

— Гас, — предложил папа.

Мы захихикали.

— Бутч, — предложил я.

— Гарт, — предложила мама.

— Бастер, — предложил папа.

— Глядите, — сказала вдруг мама. — Ей что-то снится.

И правда: глаза двигались под веками.

— Интересно, что она видит во сне. — Папа задумался.

— Надеюсь, только хорошее, — проговорила мама.

— Наверняка. Только взгляни на её лицо. Спокойное, безмятежное. Она почти улыбается. Ангелочек. Вот, точно! Назовём её Анжела, ангел. Нет, пожалуй, длинновато.

— Знаете, так странно... — неуверенно начала мама. Потом осеклась и покачала головой.

— Что странно? — спросил папа.

Она слегка поморщилась, словно смутилась и не знает, как сказать.

— Ну... в общем... я лежала тут вчера ночью, крутилась, ворочалась. То и дело вставала — на неё посмотреть. Иногда вдруг засыпала... И мне приснился сон, такой странный...

— Какой? — спросил папа.

— Там был человек. Просто человек. Конечно же он мне снился, хотя я была уверена, что не сплю. Он стал возле ребёнка. От него воняло. Сам весь в чёрном. Доисторической древности чёрный костюм, весь аж пропитанный пылью. А на спине — горб. Волосы свалились, спутались. Я была в ужасе. Хотела его оттолкнуть, хотела закричать: «Прочь от моего ребёнка!!!» Хотела позвать врачей, сестёр. Но не могла ни пошевелиться, ни заговорить. А он вот-вот схватит девочку и утащит! Но потом он повернулся и посмотрел на меня в упор. Лицо — белое как мел. А во взгляде столько нежности...

И я каким-то образом поняла, что он ни за что не причинит ей вреда. Я поняла, что всё будет хорошо...

Она снова замолчала, задумчиво покачала головой.

— Ну?.. — не выдержал папа.

— Потом он наклонился и взял её на руки. Она не спала. Они долго смотрели друг на друга, глаза в глаза. И он стал медленно кружиться...

— Как в танце, — подсказал я.

— Да, как в танце. А потом случилось самое удивительное...

Она коротко засмеялась и недоуменно пожала плечами.

— Самое удивительное, что у девочки на спине оказались крылышки. Прозрачные, призрачные, едва заметные. Но я их точно видела. Даже пёрышки разглядела. Так странно. Высокий незнакомец и наша девочка с крыльями... Вот и всё. Он положил её в кровать, снова взглянул на меня, и всё кончилось. Остаток ночи я спала как сурок. Когда проснулась, её уже готовили к операции. Но я почему-то больше не волновалась. Просто поцеловала её, шепнула, как мы все её любим. — и её увезли. А я уже знала, что всё будет хорошо.

— Так и есть, — сказал папа.

— Так и есть.

Мама ласково пихнула меня в бок.

— Должно быть, я всё думала над твоим вопросом. Для чего человеку лопатки?

Я улыбнулся и кивнул.

— Ага, наверно.

Девочкины глаза всё двигались под закрытыми веками: она видела сон.

— Цыплёнок, — вздохнул папа. — Что же ей всё-таки снится?

— Скеллиг, — прошептал я неслышно. — Ей снится Скеллиг.

— Опасность ещё не миновала, — сказала мама. — Ты ведь сам понимаешь, верно? Нам придётся её очень беречь, особенно поначалу.

— Знаю, — кивнул я. — Мы её будем любить-любить-любить.

Вскоре мы с папой собрались домой. В коридоре нам встретился доктор МакНабола в окружении студентов в белых халатах. Я попросил папу подождать. И подбежал к врачу. Он уставился на меня сверху вниз.

— Доктор! Помните, я рассказывал вам про своего друга? У которого артрит?

Доктор МакНабола приосанился и гордо вскинул голову.

— А! Так он жаждет познакомиться с моими иглоками и пилой?

— Нет. Ему намного лучше.

— Замечательно. Рыбий жир и добрые мысли! С таким рецептом ему, может, и удастся избежать встречи со мной.

Студенты захихикали.

— А любовь поможет выздороветь? — спросил я.

Он вздёрнул брови, сомкнул губы и задумчиво поскрёб подбородок. Одна студентка тут же вынула блокнот и приготовилась записывать.

— Любовь... — произнёс доктор. — Гм... В сущности, что мы, врачи, знаем о любви? — Он подмигнул прилежной студентке, и она покраснела. — «Любовь — дитя, что с нами вместе дышит, любовь — дитя, что изгоняет смерть».

— Уильям Блейк? — предположил я.

— О, да мы имеем дело с образованным человеком! — воскликнул доктор и впервые за всё время улыбнулся по-человечески. Передай своему другу, что я надеюсь никогда с ним не встретиться.

Он подмигнул мне и увёл студентов прочь...

Глава 42

[...] Мы открыли дверь с надписью «Опасно для жизни», не теша себя никакими ожиданиями. Внутри было тихо и пусто. На чердаке — никого. Даже сов не было, не то что Скеллига. На подоконнике валялась дохлая мышь, кусочек оболочки от ветчины и кучка мёртвых чёрных жуков.

Мы уселись на пол у стенки и уставились в окно, на мириады¹ звёзд.

— Теперь с ней точно всё будет хорошо, — сказал я.

Мина улыбнулась, Шепоток мурлыкнул в ответ.

— Потрогай, как бьётся, — предложил я.

Она приложила руку к моей груди.

— Чувствуешь? Её сердце бьётся прямо рядом с моим.

Мина сосредоточилась.

— Майкл... Я как-то не различаю...

— Попробуй ещё раз. Сконцентрируй внимание. Надо одновременно слушать, чувствовать и представлять. Эти удары далёкие, едва ощутимые, как писк птенцов в гнезде.

Она закрыла глаза и снова вслушалась.

Вдруг на её губах появилась улыбка.

— Да, — прошептала Мина. — Слышу. Бьётся. Бьётся!

— Это сердце девочки, — сказал я. — И теперь оно не остановится.

¹ *Мириады* — неисчислимо множество.

— Не остановится, — эхом откликнулась Мина. И запела свою любимую песенку на слова Блейка:

*Скрылось солнце в сонной дали,
Горит вечерняя звезда.*

Я принялся подпевать:

*Птицы в гнёздах замолчали,
Я своего ищу гнезда.*

— Вот видишь! — сказала Мина торжествующе. — Я же обещала, что ты у нас обязательно запоёшь!

Темнота всё сгущалась. Мы знали, что скоро придётся идти домой.

— Я могла бы спать здесь, — заявила вдруг Мина. — И спать, и жить. Что ещё нужно для счастья?

Я вздохнул.

— Но нам пора по домам, — добавила она. Только с места мы не двинулись.

Тут снаружи послышался шум, что-то затмило звёзды, скрипнула оконная рама, и он, возникнув из мрака, опустился на подоконник. Не заметив нас, он, тяжело дыша, сполз на пол. Крылья медленно складывались у него на спине.

— Скеллиг, — позвал я громким шёпотом.

Он повернул к нам бледно-лунное лицо.

— Майкл. Мина. — Голос был глуховатый, чуть надтреснутый, но на губах его играла улыбка.

Я протянул ему пакет.

— Это вам, Скеллиг. Двадцать семь и пятьдесят три.

— Ха!

Я раскрыл пакет, и мы присели на корточки возле Скеллига. Он сунул свой крючковатый палец в самую гущу, выудил оттуда кусок свинины с бобовыми ростками, в густом соусе. Длинным бледным языком он слизнул всё это с ладони одним махом.

— Сладчайший из нектаров, — прошептал он. — Пища богов, чёрт бы их побрал!

— Есть ещё это. — Я открыл бутылку, а Скеллиг — рот, чтобы я влил пиво прямо ему в глотку.

— Я-то рассчитывал пожевать холодных мышей на ужин, а тут настоящий банкет.

Постанывая от удовольствия, он снова принялся за китайскую еду.

— Два ангелочка, вот вы кто!

Он ел, пил, и на наших глазах к нему возвращались силы.

— Вы навестили мою сестру, — произнёс я.

Он засмеялся.

— Такая милашка.

— Вы подарили ей силы.

— Да она и сама полна жизни! Аж искры летят. Сердце точно пламя. Это я у неё сил набрался.

Он снова хлебнул пива.

— Сейчас-то я совсем ослаб, — сказал он. — Растерзан и разобран...

Он протянул руку, дотронулся до Мينيного лица. Потом до моего лица.

— Но я крепче с каждым днём, спасибо ангелам и совам.

Он отставил еду и пиво и прислонился к стене.

Так мы втроём и сидели, тесным кружком. Сидели и молчали, улыбаясь друг другу.

— Вы нас покидаете? — произнёс я наконец.

Он закрыл глаза и кивнул.

— Куда же вы?

Он пожал плечами и указал на небо.

— Куда глаза глядят.

Я потрогал его сухую холодную руку.

— Кто вы? — спросил я шёпотом.

Он снова пожал плечами.

— Нёкто. Похож на всех сразу: вас, людей, на зверя, на птицу, на ангела. Такое вот существо. — Он засмеялся. — Давайте-ка попробуем встать.

Мы встали в кружок и крепко обнялись за плечи. Неотрывно глядя друг другу в глаза, мы начали кружиться. Мы дышали в такт, и даже сердца наши бились в унисон. Мы кружились, кружились, куда за спиной у нас с Миной не появились призрачные крылья. Нас подняло в воздух, и кружение продолжалось без опоры, в пустоте...

А потом всё вдруг кончилось, и мы опустились на пол.

— Мы вас никогда не забудем, — сказала Мина.

Скеллиг наклонился, обнял нас обоих.

И, слизнув с губ последнюю каплю соуса, произнёс:

— Спасибо за двадцать семь и пятьдесят три. Спасибо, что вернули меня к жизни. А теперь вам пора домой.

Мы, пятаясь, дошли до двери, открыли её — и всё не сводили с него глаз. А потом мы медленно закрывали дверь и всё смотрели в щель, которая всё сужалась, сужалась. И он смотрел на нас — нежно-нежно. Потом мы молча спустились по лестнице и вышли в ослепительно звёздную ночь. И Шепоток за нами.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Что вас заинтересовало в прочитанном?
2. Расскажите о Майкле и его семье.
3. Кого Майкл обнаружил в старом гараже? Что мы узнали о незнакомце?
4. Пофантазируйте и придумайте историю о том, как «мистер Никто» оказался в гараже.
5. Почему Майкл решил помочь загадочному незнакомцу? А как бы вы поступили в такой ситуации?
6. Расскажите о дружбе Майкла и Мины. Что их сближает?
7. Близко к тексту перескажите, как друзья спасали незнакомца.
8. Какое наблюдение подростков убедило их в том, что перед ними фантастическое существо?
9. Прочитайте описание внешности Скеллига. Почему Мина восхищается его красотой? Что вас привлекает (отталкивает) в этом существе?
10. Как вы думаете, почему Скеллиг доверился детям?
11. Найдите в тексте и выразительно прочитайте эпизод «Лунный танец». Какие чувства испытывал Майкл?
12. Примерами из текста покажите, как Майкл переживает о своей сестрёнке.
13. Вспомните миф о Деметре и Персефоне, который вы читали в 6 классе. Как вы думаете, почему герой рассказа «Скеллиг» предложил назвать свою сестру Персефона?
14. Перескажите сон, который приснился маме Майкла в больнице. Как вы думаете, это действительно был сон?
15. Что, по вашему мнению, стало источником возрождения Скеллига?
16. Выразительно прочитайте в ролях сцену прощания друзей со Скеллигом. Какими чувствами она проникнута?
17. Как вы думаете, Скеллиг — человек, птица или ангел? Свой ответ аргументируйте.
18. Расшифруйте головоломку (*ключом вам послужит клавиатура компьютера, а знаки препинания учитывать не нужно*):

**К><JDM — LBNZ, XNJD VTCNT CYFVB LSIBN,
К><JDM — LBNZ, XNJ BPUJYZTN CVTHNM.**

19. Как вы понимаете эти слова? Кто из персонажей повести и по какому случаю их произносит? Можно ли это выражение считать главной мыслью произведения? Свой ответ обоснуйте.

Читателю XXI столетия на заметку

Дэвид Амوند часто посещает школы Великобритании и встречается со своими читателями. Чаще всего они интересуются: «Кто такой Скеллиг?». Писатель утверждает, что он сам до сих пор не может ответить на этот вопрос. «Имя *Скеллиг* пришло от названия небольших скалистых островов, которые находятся близ Ирландии и имеют древнюю историю. Я не могу сказать, кто такой Скеллиг, откуда он пришёл, мне неизвестно, как он оказался в гараже и куда он отправился. Он для меня остаётся загадкой, как и многое в жизни.

Я не думал писать об ангелах. Я писал о мальчишке в гараже. Но когда Майкл нашёл Скеллига и обнаружил у него за спиной наросты, я подумал: «О Боже! Этот парень получил крылья!». Я и сам ничего не понял, пока не написал эту фразу. Это произошло так, будто ангельская часть Скеллига просто ждала своего часа. И он пришёл».

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ В РАЗДЕЛЕ «СТОИТ ЛИ ВЕРИТЬ В ЧУДЕСА? или РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА И ФАНТАСТИЧЕСКАЯ РОМАНТИКА»

1. Понравились ли вам произведения, прочитанные в этом разделе? Свой ответ обоснуйте.
2. Расскажите, что вам известно о связях А. Грина с Украиной.
3. Раскройте символический смысл названия произведения «Алые паруса».

4. Какую роль в жизни главных героев повести А. Грина сыграли «алые паруса»? Что символизирует этот образ?
5. Вспомните основные характеристики повести как литературного жанра. Докажите, что произведение А. Грина «Алые паруса» — это повесть-сказка.
6. Прокомментируйте высказывание К. Паустовского: «*Алые паруса*» — поэма, утверждающая силу человеческого духа, просвеченная насквозь, как утренним солнцем, любовью к жизни, к душевной юности и верой в то, что человек в порыве к счастью способен своими же руками совершать чудеса». Как вы считаете, правомерно ли К. Паустовский назвал произведение Грина поэмой? Аргументируйте свой ответ.
7. Подготовьте презентацию, посвящённую воплощению повести «Алые паруса» в различных видах искусства.
8. Установите соответствие между действиями и персонажами (по рассказу А. Азимова «Профессия»):

познакомил главного героя с новианином	Джордж
придумал новую систему образования	Тревельян
проиграл на Олимпиаде	Омани
	Индженеску

9. Что из описанного А. Азимовым в рассказе «Профессия» стало реальностью в наши дни?
10. Докажите, что «Профессия» — научно-фантастическое произведение.
11. Подготовьте устное сочинение-рассуждение «Научная фантастика — окно в будущее».
12. Чем судьба Джорджа Плейтена напоминает биографию Айзека Азимова?
13. Объясните, почему Айзека Азимова называют предсказателем будущего.
14. Какие факты биографии Д. Амонда нашли отражение в повести «Скеллиг»?
15. Обоснуйте, почему повесть Дэвида Амонда «Скеллиг» называют современной сказкой.
16. Напишите отзыв на повесть Д. Амонда «Скеллиг».
17. Приведите примеры произведений, в которых любовь и вера помогали героям в жизни.
18. Прокомментируйте название этого раздела и эпиграфы к нему. А вы верите в чудеса? Свой ответ обоснуйте.
19. Напишите сочинение-рассуждение на одну из тем: «Надо ли верить в чудеса?»; «Ангел, который живёт внутри нас»; «Если бы я встретил ангела...»; «Когда приходят ангелы?».

ПОЗНАЁМ СЕБЯ ЧЕРЕЗ КНИГУ

Культура — это не количество прочитанных книг, а количество понятий.

Фазиль Искандер, российский писатель

- ❖ Поделитесь своими впечатлениями о прочитанных в этом учебном году произведениях. Какие из них запомнились вам больше всего? Аргументируйте свой выбор.
- ❖ Немецкий мыслитель Иммануил Кант утверждал, что «искусство — путь человека к познанию самого себя». Согласны ли вы с такой точкой зрения? На конкретных примерах прочитанных произведений обоснуйте свой ответ.
- ❖ На примере одного из художественных произведений напишите сочинение на тему: «Перечитывая страницы...».
- ❖ Составьте вопросы к литературной викторине по текстам прочитанных произведений.
- ❖ С помощью символических рисунков, помещённых на шмуцтитулах перед каждым разделом, вспомните главные идеи произведений, которые вы читали. А как бы оформили эти страницы вы сами?
- ❖ Внимательно рассмотрите заставки-иллюстрации, которые помещены перед каждой темой в учебнике. Узнайте, что на них изображено. Объясните, чем руководствовались при их подборе авторы учебника. Помогли ли вам эти иллюстрации для понимания художественных произведений, которые вы читали? А с помощью каких иллюстраций представили бы творчество каждого писателя вы? Обоснуйте свой ответ.
- ❖ В группах подготовьте рекламный проскт по одному из литературных произведений, прочитанных в этом учебном году.
- ❖ Расскажите, что из прочитанного в этом году произвело на вас особое впечатление, заставило задуматься, а, возможно, и изменить своё мнение о себе как читателе.
- ❖ Составьте список книг (с короткой аннотацией к ним), которые вы советуете прочитать будущему семикласснику.

СЛОВАРИК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Аллегория (от греческих слов «иной» и «говорю») — изображение, при котором с помощью сравнения одного явления с другим создаётся конкретный образ, раскрывающий какое-то общее понятие.

Антитеза (от греческого слова — «противоположение») — художественный приём, основанный на контрасте (противопоставлении) отдельных элементов произведения.

Баллада — небольшое сюжетное стихотворение, в основе которого чаще всего лежит какой-то необычный случай.

Басня — небольшое по объёму литературное произведение с поучительным смыслом, в котором в образах животных, предметов, разных природных явлений показываются человеческие отношения и характеры.

Былина — произведение устного народного творчества, созданное в форме песни-сказания, которое повествует о героическом событии или каком-либо примечательном историческом факте.

Былинный стих — разновидность нерифмованного стиха, с помощью которого создана былина. Каждый такой стих содержит примерно одинаковое число ударений (обычно четыре), что придаёт былине торжественное звучание.

Гипербола (от греческого слова — «преувеличение») — средство художественного изображения, основанное на преувеличении.

Детективная литература (от латинского — «раскрытие», от английского — «открывать, обнаруживать») — художественные произведения, сюжеты которых созданы на раскрытии тайны, чаще всего связанной с каким-либо преступлением.

Звукопись — в поэзии употребление одинаковых или похожих звуков, которые по своему звучанию напоминают изображаемое явление и тем самым помогают создать нужный образ.

Идея произведения — основная мысль произведения, выраженная посредством художественных образов.

Изобразительно-выразительные средства языка — средства художественного изображения в литературном произведении (эпитеты, сравнения, метафоры, олицетворения и другие).

Комическое — смешное в жизни и искусстве.

Композиция — построение художественного произведения, соотнесённость и взаимодействие всех его компонентов, расположение его частей в определённой последовательности.

Лирический монолог — развёрнутая речь героя художественного произведения, обращённая к себе или собеседникам, в ко-

тором он высказывает свои чувства и мысли по поводу каких-либо событий.

Метафора (от греческого слова — «перенесение») — средство художественной речи, которое обозначает перенесение свойств одних предметов на другие по принципу их родства или контраста.

Миф — сказание, которое возникло в глубокой древности и отображает представления древних людей о мире, месте в нём человека, о происхождении всего живого на Земле, о богах и героях.

Новелла — это небольшое по объёму прозаическое произведение, в котором изображается какой-либо необычный случай из жизни одного или нескольких персонажей. Для новеллы характерен неожиданный финал.

Олицетворение — приём изображения, при котором неодушевлённым предметам приписывают свойства живых существ.

Пейзаж — описание картин природы в художественном произведении.

Персонаж — общее название любого действующего лица произведения, литературный герой.

Повесть — среднее по объёму прозаическое художественное произведение, в котором раскрывается несколько эпизодов из жизни литературного героя на фоне изображения судеб других персонажей.

Портрет (от французского слова — «изображение») — описание внешности персонажа в художественном произведении.

Поэма — достаточно большое по объёму стихотворное произведение с развёрнутым сюжетом, в котором изображаются значительные события и яркие характеры.

Рассказ — небольшое по объёму прозаическое произведение, в котором изображается какой-либо эпизод из жизни персонажа (иногда нескольких персонажей).

Ритм — одинаковое чередование ударных и безударных слогов в строке.

Рифма — звуковые совпадения, созвучия в конце строк.

Символ — это определённый условный знак (предметный или словесный), выражающий суть какого-либо явления. В художественном произведении — вид иносказания, определённое обобщение.

Сравнение — образное выражение, построенное на сопоставлении предметов или явлений, имеющих общие признаки.

Стихотворный размер — порядок чередования слогов в поэтической строке.

Строфа — группа строк (стихов) с определённым повторяющимся расположением рифм.

Сюжет — развитие событий в художественном произведении. Выделяют такие основные элементы сюжета: завязка, развитие действия, кульминация, развязка.

Тема — то, о чём рассказывается в произведении, круг событий или явлений, описанных в нём.

Хорей — двухсложный размер стиха, в котором ударение падает на первый слог и другие последующие нечётные слоги.

Художественная деталь — средство художественного изображения, которое помогает через определённую выразительную подробность представить созданную автором картину, предмет или характер.

Цикл произведений — группа самостоятельных произведений, которые специально были объединены автором по какому-либо принципу в одно художественное целое.

Эпитет — образное определение, которое выделяет в изображаемом лице, предмете или явлении какую-либо характерную черту. **Постоянный эпитет** — закреплённое за каким-либо предметом образное определение.

Юмор — добродушный смех над несовершенством мира, человека, отдельных явлений жизни.

Ямб — двухсложный размер стиха, в котором ударение падает на второй слог и другие последующие чётные слоги.

Загадочная копилочка (ответы на литературные игры): с. 95: метель; с. 172: поэма; с. 218: джентльмен; с. 346: «Любовь — дитя, что с нами вместе дышит, любовь — дитя, что изгоняет смерть».

В учебнике использованы портреты писателей кисти художников: К. Брюллова (с. 39), А. Каминского (с. 48), Дж. Сарджента (с. 59), М. Лермонтова (с. 96), Ф. Моллера (с. 118), И. Репина (с. 161), В. Серова (с. 174), К. Петрова-Водкина (с. 252), (с. 294), П. Кончаловского (с. 256), В. Кашина (с. 260), Р. Моррелл (с. 294), а также репродукции картин: Дж. Уолстенхолма (титул), В. Васнецова «Баян» (с. 8), Н. Рериха «Голубиная книга» (с. 22), В. Садовникова «Вид набережной Невы в Санкт-Петербурге» (с. 39), Н. Орди «Новогрудский замок» (с. 48), И. Айвазовского «Пушкин на берегу Чёрного моря» (с. 66), М. Лермонтова «Кавказский вид с саклей» (с. 96), А. Иванова-Голубого «Переправа Н. В. Гоголя через Днепр» (с. 118), Н. Муравской «Голубая (чеховская) бухта» (с. 174), П. Дж. Линча «Дары волхвов» (с. 184), А. Горского «Без вести пропавший» (с. 247), Е. Мациевского «Анна Ахматова» (с. 252), Н. Редьки «Звёздный мост» (с. 294) и фотографии цветущего вереска (с. 59), Бежиного луга (с. 161), музея Шерлока Холмса в Лондоне (с. 199), кадра из фильма «Последний дюйм» (с. 222), карты Гринландии (с. 260), постера фильма «Скеллиг» (с. 323).